ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Время предательства

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Annotation

Роман «Время предательства» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Психологическая острота и динамизм повествования, присущие всем детективам Пенни, обещают читателю захватывающее путешествие по перипетиям сюжета вплоть до самой развязки.

Для Армана Гамаша настали трудные времена. Его самый верный и преданный помощник отвернулся от своего наставника. Отдел по расследованию убийств, который Гамаш кропотливо создавал многие годы, расформирован, все сотрудники переведены в другие отделы, а на их место приняты бездельники и наглецы. Самого Гамаша всячески вынуждают уйти в отставку. Но прежде чем сделать это, он должен провести последнее расследование. Из деревни Три Сосны ему приходит сообщение о том, что пропала подруга Мирны Ландерс, обещавшая приехать к ней на Рождество. Начиная поиски пропавшей женщины, Гамаш еще не знает, что под именем Констанс Пино скрывалась одна из самых знаменитых личностей не только Канады или Северной Америки, но и всего мира…

Впервые на русском языке!

- Луиза Пенни
    -
    -
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая

    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
    - Глава восемнадцатая
    - Глава девятнадцатая
    - Глава двадцатая
    - Глава двадцать первая
    - Глава двадцать вторая
    - Глава двадцать третья
    - Глава двадцать четвертая
    - Глава двадцать пятая
    - Глава двадцать шестая
    - Глава двадцать седьмая
    - Глава двадцать восьмая
    - Глава двадцать девятая
    - Глава тридцатая
    - Глава тридцать первая
    - Глава тридцать вторая
    - Глава тридцать третья
    - Глава тридцать четвертая
    - Глава тридцать пятая
    - Глава тридцать шестая
    - Глава тридцать седьмая
    - Глава тридцать восьмая
    - Глава тридцать девятая
    - Глава сороковая
    - Глава сорок первая
    - Глава сорок вторая
    - От автора
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45

- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71

Луиза Пенни
Время предательства

Louise Penny
HOW THE LIGHT GETS IN

Издательство АЗБУКА®

****

Луиза Пенни – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гамаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека (в настоящее время вышло 11 романов). Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger». Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни – первый автор, пять раз получивший премию «Agatha Award».

****

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Гамаш – удивительно сложный и привлекательный герой, которому суждено стать одним из классических литературных детективов.

Kirkus Reviews

Вы не найдете деревню Три Сосны на карте… хотя Луиза Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.

The Chicago Tribune
Читать романы Луизы Пенни – редкостное удовольствие.
People

Глава первая

Одри Вильнёв знала: то, что возникает перед ее мысленным взором, никак не может происходить на самом деле. Взрослая женщина, она прекрасно понимала разницу между видением и реальностью. Но каждое утро, отправляясь на работу из дома на восточной окраине Монреаля и проезжая по туннелю Виль-Мари, она видела это. Слышала. Чувствовала, как оно происходит.

Первым знаком станет красная вспышка стоп-сигналов, когда водители ударят по тормозам. Грузовичок впереди завихляет, его занесет, бросит в сторону. Дьявольский визг шин отразится эхом от безжалостных стен и обрушится на Одри, поглотив ее целиком. Гудки, вой сигнализации, скрежет тормозов, крики людей.

А затем она увидит, как огромные бетонные блоки начнут отваливаться от потолка, таща за собой клубок металлических вен и связок. Туннель вывернет наружу свои внутренности, удерживавшие всю структуру. Удерживавшие сам город Монреаль.

До нынешнего дня.

А потом, потом… овал света в конце туннеля закроется. Словно глаз.

И наступит темнота.

И долгое, долгое ожидание твоего превращения в лепешку.

Каждое утро и каждый вечер, когда Одри Вильнёв проезжала по этому инженерному чуду, соединяющему один конец города с другим, оно рушилось.

– Все будет в порядке, – с улыбкой сказала она себе. – Ничего не случится.

Она включила музыку погромче и принялась подпевать вслух.

И все же ее пальцы на рулевом колесе стало пощипывать, потом они похолодели и занемели, сердце забилось учащенно. Струя жидкой грязи брызнула на лобовое стекло. Дворники смели ее, оставив полумесяц в мутную полоску.

Движение машин замедлилось и наконец совсем прекратилось.

Одри широко раскрыла глаза. Такого прежде не случалось. Езда по туннелю и та вызывала ужас, что уж говорить про остановку. Мозги у нее отключились.

– Все будет хорошо.

Но из-за невыносимого шума в голове Одри не услышала

собственного голоса, такого тонкого и слабого.

Она нажала локтем на блокиратор дверей. Не для того, чтобы никто к ней не ворвался, а чтобы самой не выскочить наружу. Слабая попытка не позволить себе распахнуть дверь и бежать, с криком бежать прочь из туннеля. Она ухватилась за руль. Крепко ухватилась. Крепко. Еще крепче.

Взгляд ее заметался по заляпанному грязью отбойнику, по потолку, по дальней стене.

Трещины.

Господи, трещины.

И небрежные попытки их залатать.

Не отремонтировать – спрятать.

«Это не значит, что туннель сейчас обрушится», – успокаивала она себя.

Но трещины расширялись, заглушая голос разума. Ожили все монстры ее воображения и стали рваться наружу, пытаясь протиснуться сквозь эти щели.

Одри выключила музыку, чтобы сосредоточиться, все ее чувства обострились. Машина впереди чуть продвинулась. И тут же остановилась.

– Давай, давай, давай, – взмолилась Одри.

Она оказалась в ловушке и была напугана. Бежать некуда. Туннель ужасен, но то, что ждало ее под серым декабрьским небом, было еще хуже.

Одри знала это много дней, недель, месяцев, даже лет, если уж быть откровенным. Монстры существовали. Они жили в трещинах туннеля, в темных переулках, в рядах аккуратных стандартных домиков. Их звали Франкенштейн, Дракула, Марта, Дэвид, Пьер. И они всегда оказывались там, где ты их совсем не ожидаешь увидеть.

Она посмотрелась в зеркало заднего вида и встретила взгляд испуганных карих глаз. Но в отражении она увидела и свое спасение. Свою серебряную пулю. Свой осиновый кол.

Это было красивое вечернее платье.

Она создавала его долгими часами. А ведь могла бы, должна была бы потратить это время на то, чтобы красиво упаковать рождественские подарки мужу и дочерям. Испечь для них сладкие звездочки, ангелочков, веселых снеговиков с пуговичками из конфеток и глазками из кусочков мармелада.

Но каждый вечер, вернувшись домой, Одри Вильнёв шла прямиком в цокольный этаж и садилась за швейную машинку. Склонялась над тканью изумрудного цвета и вкладывала все свои надежды в вечернее платье.

Она наденет его в праздничный день, придет на рождественскую

вечеринку, оглядится вокруг и почувствует, как устремляются к ней удивленные взоры. Вечно одетая старомодно, Одри Вильнёв в облегающем зеленом платье окажется в центре внимания. Но такой успех ей не нужен. Ей требуется привлечь внимание всего лишь одного человека. А потом она сможет расслабиться.

Она скинет с себя тяжкий груз и будет продолжать жить дальше. Проломы будут ликвидированы, трещины заделаны. Монстры вернутся туда, где им и положено быть.

Впереди виднелся съезд на мост Шамплейна. Обычно она выбирала другой маршрут, но день сегодня выдался необычный.

Одри включила поворотник и заметила, как скривился мужчина в соседней машине. Что это она надумала? Их тут всех заклинило. Однако Одри Вильнёв заклинило больше, чем любого из них. Мужчина показал ей средний палец, но она не обиделась. В Квебеке такой жест считался дружеским приветствием. Если бы уроженец Квебека когда-нибудь создал автомобиль, то на его капоте он нарисовал бы средний палец. В обычной ситуации она бы ответила таким же дружеским приветствием, однако сегодня ей было не до этого.

Она встроилась в правый ряд, намереваясь съехать на мост. От стены ее отделяли всего несколько футов. В одну из дыр вполне вошел бы ее кулак.

«Все будет хорошо».

Одри Вильнёв знала: многое ждет ее впереди, а вот что-то хорошее – вряд ли.

Глава вторая

– Заведи свою собственную сраную утку, – проворчала Рут и прижала Розу к себе, как живое пуховое одеяло.

Констанс Пино улыбнулась, глядя перед собой. Четыре дня назад ей бы и в голову не пришло обзавестись уткой, но сегодня она по-настоящему завидовала Рут с ее Розой. И не только потому, что утка согревала в холодный декабрьский день.

Четыре дня назад она бы ни за что не решилась покинуть удобное кресло у камина в бистро и усесться на ледяную скамейку рядом с этой женщиной, то ли пьяной, то ли выжившей из ума.

Четыре дня назад Констанс Пино не подозревала, что тепло приходит в разных формах. Как и здравомыслие. Теперь она знала это.

– Защи-и-и-ита! – прокричала Рут юным хоккеистам на замерзшем пруду. – Да бога ради, Эйми Паттерсон, даже Роза сыграла бы лучше!

Эйми проехала мимо, и Констанс услышала из ее уст слово, похожее на «шлак». Или на «злак». Или на…

– Они меня обожают, – сообщила Рут то ли Констанс, то ли Розе. То ли морозному воздуху.

– Они вас боятся, – возразила Констанс.

Рут посмотрела на нее острым оценивающим взглядом:

– Ты все еще здесь? Я думала, ты умерла.

Констанс рассмеялась, ее смех легким дуновением пролетел над деревенским лугом и смешался с дымком из труб.

Четыре дня назад ей казалось, что она никогда больше не засмеется. Но теперь, утопая по щиколотки в снегу и морозя задницу на скамейке рядом с Рут, она узнала кое-что новое для себя. Спрятанное здесь, в Трех Соснах, где сохранился смех.

Некоторое время обе женщины наблюдали за происходящим на деревенском лугу в полном молчании, если не считать странного покрякивания. Констанс надеялась, что этот звук производит утка.

Констанс и Рут были почти одногодками, но полными противоположностями. У первой был мягкий характер, у второй – жесткий. Констанс свои шелковистые длинные волосы собирала в аккуратный пучок, а Рут свои, непослушные, коротко стригла. Констанс была любезной, а Рут – резкой. Сплошные края и грани.

Роза зашевелилась и похлопала крыльями. Потом спрыгнула с коленей

Рут на заснеженную скамейку, сделала несколько шажков к Констанс, забралась к ней на колени и устроилась поудобнее.

Рут прищурилась, но не шелохнулась.

С тех пор как Констанс приехала в Три Сосны, снег шел беспрестанно, днем и ночью. Всю свою взрослую жизнь она прожила в Монреале и уже забыла, каким прекрасным может быть снег. Она привыкла к тому, что снег – это нечто такое, что подлежит уборке. Своего рода мусор с небес.

Но сейчас она видела снег своего детства. Веселый, игривый, яркий и чистый. Чем больше, тем веселее. Не снег – игрушка.

Он покрывал дома из плитняка, из дерева, из розового кирпича, окружавшие деревенский луг. Он покрывал бистро и книжную лавку, пекарню и универсам. Констанс казалось, что тут поработал алхимик и плодами его трудов стали Три Сосны. Он создал деревню из воздуха и опустил в долину. А возможно, крохотная деревня, как и снег, свалилась с небес, чтобы обеспечить мягкую посадку для тех, кто упадет следом.

Приехав в деревню, Констанс поставила машину у книжного магазинчика Мирны. Когда снегопад перешел в метель, она забеспокоилась.

– Переставить машину? – спросила она у Мирны, перед тем как лечь спать.

Мирна остановилась у окна своего магазина старой и новой книги, обдумывая вопрос.

– По-моему, ей там самое место.

Ей там самое место.

И Мирна оказалась права. Констанс провела беспокойную ночь, прислушиваясь, не зазвучит ли сирена снегоуборщика, предупреждающая о том, что нужно откопать и переставить машину. Окна в ее комнате дребезжали под порывами ветра, швыряющего в них снегом. Она слышала, как вьюга завывает в ветках деревьев, между домами. Будто какой-то зверь вышел на охоту. Наконец Констанс уснула, согревшись под одеялом. Когда она проснулась, метель уже закончилась. Констанс подошла к окну, предполагая, что вот сейчас увидит свою машину, превратившуюся в белый холмик под толстым слоем нового снега. Но дорога оказалась расчищена, а все машины откопаны.

Машине Констанс было там самое место.

И Констанс наконец-то тоже.

Снег продолжал идти без перерыва четыре дня и четыре ночи, прежде чем Билли Уильямс вернулся со своим снегоуборщиком. И до его возвращения деревня Три Сосны утопала в снегу, отрезанная от внешнего

мира. Но это не имело значения, ведь здесь было все необходимое.

Постепенно семидесятисемилетняя Констанс Пино осознавала, что она чувствует себя на своем месте не потому, что у нее есть бистро, а потому, что у нее есть бистро Оливье и Габри. Не просто книжный магазин, а магазин Мирны, пекарня Сары, универсам месье Беливо.

Она приехала сюда самодостаточной городской женщиной, а теперь, засыпанная снегом, сидела на скамье рядом с сумасшедшей старухой, и колени ей согревала утка.

Так кто из них спятил?

Но Констанс Пино знала: нет, она ничуть не сумасшедшая, напротив, она только сейчас взялась за ум.

– Я пришла спросить, не хотите ли вы выпить, – сказала Констанс.

– Бога ради, старушка, почему же ты с этого не начала? – Рут встала и отряхнула снежинки с пальто.

Констанс тоже поднялась и протянула ей утку со словами:

– Сперва хотела согреться.

Хмыкнув, Рут приняла и Розу, и шутку.

По дороге они встретили Оливье и Габри, шедших из своей маленькой гостиницы.

– Метелью геев намело, – заметила Рут.

– Я когда-то был чист, как свежевыпавший снег, – доверительно сообщил Габри Констанс. – А потом меня понесло.

Оливье и Констанс рассмеялись.

– В сторону Мэй Уэст? – спросила Рут. – А Этель Мерман[1] не заревнует?

– Тут места хватит для всех, – сказал Оливье, глядя на своего крупного партнера.

Констанс прежде никогда не имела дела с гомосексуалами, а если и имела, то не ведала об этом. Знала о них лишь то, что они – это «они». Не «мы». И «они» были извращенцами. Если же она пребывала в благодушном настроении, то считала гомосексуалов дефективными. Больными.

Но в основном она думала о них неодобрительно. Даже с отвращением. Если вообще думала.

Однако четыре дня назад ее взгляды начали меняться. С тех пор как пошел снег и деревенька оказалась отрезанной от большого мира. С тех пор как она узнала, что именно Оливье, к которому она поначалу отнеслась с прохладцей, откопал ее машину. По доброй воле и без лишних слов.

С тех пор как она увидела из окна своей спальни над книжным магазином Мирны, что Габри, согнувшись под напором ветра и снега, несет

кофе и теплые круассаны жителям деревни, не сумевшим добраться до бистро к завтраку.

На ее глазах он доставил еду, потом очистил от снега их крылечки, лестницы и дорожки.

И ушел. Направился к следующему дому.

Констанс почувствовала, как Оливье надежно поддерживает ее под локоть своей твердой рукой. Если бы сейчас в деревне оказался кто-то со стороны, что бы он подумал? Что Габри и Оливье – ее сыновья?

Она бы не возражала.

Констанс вошла в бистро и ощутила ставший знакомым запах. Темные деревянные балки и широкие сосновые доски пола успели за прошедший век пропитаться запахом горящих кленовых поленьев и крепкого кофе.

– Сюда!

Констанс пошла на голос. Сквозь окна, разделенные средниками, проникал тусклый декабрьский свет, почти не освещавший бистро. Ее глаза скользнули по большим каминам в обоих концах зала: там плясали веселые язычки пламени, а вокруг каминов стояли удобные диваны и кресла. В центре бистро располагались старинные сосновые столы, на которых поблескивали серебряные приборы и стояли разномастные тарелки тонкого фарфора. Большая пушистая елка в углу мигала красными и зелеными огоньками, на ее ветвях были хаотично развешены всевозможные безделушки, шарики, сосульки.

Несколько посетителей, сидевших в креслах, попивали кофе с молоком или горячий шоколад и читали вчерашние газеты на французском и английском.

Оклик раздался из дальнего конца зала, и хотя Констанс еще не видела женщину отчетливо, она точно знала, кто ее зовет.

– Я взяла для вас чай.

Мирна стояла в ожидании у одного из каминов.

– Ты бы поговорила с ней, – сказала Рут, садясь на лучшее место у огня и кладя ноги на скамеечку.

Констанс обняла Мирну, почувствовала ее мягкое тело под толстым свитером. Хотя Мирна была крупной чернокожей женщиной лет на двадцать моложе ее, она казалась Констанс матерью и даже пахла как ее мать. Поначалу это выбивало Констанс из колеи, словно кто-то слегка подталкивал ее. Но потом она приобрела вкус к объятиям Мирны.

Прихлебывая чай, Констанс поглядывала на пляшущие язычки пламени и вполуха слушала разговор Мирны и Рут о последней партии книг, доставку которых задержал снег.

Она поймала себя на том, что согрелась и начинает клевать носом.

Четыре дня. И вот уже у нее появились два сына-гея, большая черная мама и спятившая подружка-поэтесса, а сама она стала подумывать, не обзавестись ли уткой.

Нет, совсем не этого ожидала она от своей поездки.

Она задумалась, загипнотизированная огнем. Вряд ли Мирна понимала, зачем Констанс приехала. Зачем нашла ее по прошествии стольких лет. Было очень важно, чтобы Мирна поняла, но теперь время истекало.

– Снег прекращается, – сказала Клара Морроу.

Она провела рукой по волосам, пытаясь привести их в порядок, однако получилось только хуже.

Констанс встряхнулась, осознав, что пропустила момент появления Клары.

Она познакомилась с ней в первый же день приезда в Три Сосны. Их с Мирной пригласили на обед, и Констанс, которая рисовала себе тихий обед наедине с Мирной, не сумела вежливо отказаться от приглашения. Поэтому они облачились в пальто и сапожки и двинулись к Кларе.

Предполагалось, что их будет трое, и она ожидала этого с опаской, но тут явилась Рут Зардо со своей уткой, и вечер из плохого превратился в провальный. Утка Роза весь вечер покрякивала что-то похожее на «фак, фак, фак», а Рут бесконечно пила, бранилась, всех оскорбляла и перебивала.

Констанс, конечно, слышала про нее. Награждение сей поэтессы премией генерал-губернатора практически означало, что Канада готова иметь съехавших с катушек, озлобленных лауреатов в области поэзии.

Но кто тебя обидел так,
что ран не залечить,
что ты теперь любую
попытку дружбу завязать с тобой
встречаешь, губы сжав?

Вечер шел, и Констанс поняла, что это хороший вопрос. Ей хотелось задать его спятившей поэтессе, но она остереглась из опасения, что в ответ у нее спросят то же самое.

Клара приготовила омлет с расплавленным козьим сыром, к которому прилагались зеленый салат и свежие, еще теплые багеты. Ели они в

большой кухне, а когда закончили и Мирна приготовила кофе, Рут и Роза отправились в гостиную, а Клара повела Констанс в свою мастерскую. Там было тесно от кисточек, палитр, полотен. Пахло масляными красками, скипидаром и перезрелыми бананами.

– Питер не отстал бы от меня, пока бы я тут не убрала, – заметила Клара, глядя на этот кавардак.

За обедом Клара рассказывала, что они с мужем расстались. Констанс изображала сочувствие, размышляя, не выбраться ли ей отсюда через окно в туалете. Умереть в снегу от холода немногим хуже, разве нет?

И вот Клара снова заговорила о муже. Об изгнанном муже. Выволакивала на свет божий свое белье. Выдавала подробности. Это было неприглядно, неприлично и ненужно. И Констанс захотелось поскорее домой.

Из гостиной то и дело раздавалось «фак, фак, фак», причем она не могла разобрать, чей это голос – утки или поэтессы.

Клара прошла мимо мольберта. На полотне виднелись призрачные очертания того, что со временем могло превратиться в человека. Констанс без особого энтузиазма последовала за Кларой в дальний конец мастерской, где та включила лампу, осветив маленькое полотно.

Поначалу оно показалось Констанс неинтересным, совершенно непримечательным.

– Я бы хотела вас написать, если не возражаете, – сказала Клара, не глядя на гостью.

Констанс ощетинилась. Неужели Клара узнала ее? Неужели ей известно, кто она такая?

– Вообще-то, возражаю, – ответила она твердым голосом.

– Я вас понимаю, – сказала Клара. – Не уверена, что я была бы в восторге, пожелай кто-то написать меня.

– Почему?

– Я боюсь того, что во мне могут увидеть.

Клара улыбнулась и пошла назад к двери. Констанс двинулась за ней, но напоследок еще раз взглянула на маленький портрет. На нем была изображена Рут Зардо, которая теперь заснула и похрапывала на диване в гостиной. На картине старая поэтесса тонкими, похожими на когти пальцами вцепилась в синюю шаль, стягивая ее у горла. Вены и сухожилия на ее шее просвечивали сквозь кожу, прозрачную, как папиросная бумага.

Кларе удалось передать ожесточенность Рут, ее одиночество, ее неистовство. И Констанс вдруг поняла, что не в силах оторвать глаз от портрета.

У дверей мастерской она оглянулась. Ее глаза утратили прежнюю остроту, но, чтобы увидеть то, что сумела передать Клара, и не требовалось особой остроты. Клара изобразила Рут, но и еще кого-то. Образ, который Констанс помнила со своего коленопреклоненного детства.

Это была старая полоумная поэтесса, но также и Дева Мария. Матерь Божья. Забытая, обиженная. Всеми покинутая. Взирающая на мир, который больше не помнил, кого она родила ему.

Констанс порадовалась, что не дала разрешения написать свой портрет. Если так Клара видела Матерь Божью, то что она увидит в Констанс?

Позднее тем вечером Констанс, словно случайно, снова подошла к дверям мастерской.

Единственная лампа по-прежнему освещала портрет, и даже от дверей Констанс видела, что хозяйка мастерской изобразила не просто безумную Рут. И не просто забытую и озлобленную Марию. Пожилая женщина смотрела вдаль. В мрачное, одинокое будущее. Но… Но… Где-то там, почти недосягаемое, едва намеченное, было что-то еще.

Клара передала отчаяние, но также и надежду.

Констанс взяла кофе и вернулась к Рут и Розе, Кларе и Мирне. Она стала прислушиваться к ним. И начала, пока лишь начала понимать, каково это – уметь увидеть суть человека.

Это случилось четыре дня назад.

А теперь она складывала вещи и собиралась уезжать. Еще одна чашечка чая в бистро – и ее здесь не будет.

– Не уезжайте, – прозвучал тихий голос Мирны.

– Я должна.

Констанс отвела глаза от Мирны. Уж слишком много в их взгляде было личного. Она посмотрела на тронутое морозцем окно, за которым лежала засыпанная снегом деревня. Сгущались сумерки, и на домах и деревьях загорались рождественские огоньки.

– Могу я вернуться? На Рождество?

Последовало долгое, долгое молчание. И все старые страхи Констанс воспряли, выползая из этого молчания. Она опустила глаза на руки, аккуратно сложенные на коленях.

Она подставилась. Позволила себе поверить, что она в безопасности, что ее любят, что ей рады.

Но тут на ее руку легла большая ладонь.

– Я буду рада, – сказала Мирна и улыбнулась. – Мы славно повеселимся!

– Повеселимся? – переспросил Габри, шлепнувшись на диван.

– Констанс вернется на Рождество.

– Замечательно. Можете приехать на рождественское богослужение. Мы поем все хиты: «Тихая ночь», «Первое Рождество»…

– «Двенадцать геев Рождества»[2], – подхватила Клара.

– «И в голубые небеса», – добавила Мирна.

– Сплошная классика, – подытожил Габри. – Впрочем, на сей раз у нас будет кое-что новенькое.

– Я надеюсь, не «О святая ночь», – сказала Констанс. – Не уверена, что я готова для этого[3].

Габри рассмеялся:

– Нет. «Гуронская рождественская песня». Вы ее знаете?

Он пропел несколько тактов старинной квебекской песни.

– Мне нравится, – кивнула Констанс. – Но ее теперь никто не поет.

Впрочем, не стоило удивляться тому, что в этой маленькой деревне она нашла нечто почти утраченное остальным миром.

Констанс попрощалась, и под восклицания «À bientôt!»[4] они с Мирной пошли к ее машине.

Констанс включила двигатель, чтобы прогрелся. Для игры в хоккей на пруду было уже темновато, и дети уходили с площадки, брели по снегу на коньках, опираясь на клюшки.

Констанс поняла: либо сейчас, либо никогда.

– Мы тоже играли, – сказала она, и Мирна проследила за ее взглядом.

– Играли в хоккей?

Констанс кивнула:

– У нас была своя команда. Нас тренировал отец, а мама за нас болела. Это был любимый вид спорта брата Андре.

Она поймала взгляд Мирны. «Так, – подумала она. – Дело сделано». Наконец-то ее грязная тайна раскрыта. Когда она вернется, у Мирны будет тысяча вопросов. И Констанс знала, что теперь она сможет на них ответить.

Мирна проводила подругу взглядом и больше не вспоминала об этом разговоре.

Глава третья

– Подумайте хорошенько, – произнес Арман Гамаш нейтральным голосом.

Почти нейтральным. Но во взгляде его умных карих глаз никакой нейтральности не было.

Их взгляд был жестким, холодным. Непреклонным.

Гамаш смотрел на агента поверх полукруглых очков и ждал.

В комнате для совещаний воцарилась тишина. Шуршание бумаги, дерзкое, пренебрежительное перешептывание – все стихло. Даже веселое переглядывание прекратилось.

Все уставились на старшего инспектора.

Инспектор Изабель Лакост, сидевшая рядом с ним, обвела взглядом собравшихся агентов и инспекторов. Шла еженедельная летучка отдела по расследованию убийств Квебекской полиции. Обычно они собирались для того, чтобы поделиться идеями и информацией по расследуемым делам. Если прежде такие летучки были продуктивными, то теперь Лакост стала их побаиваться.

И если у нее возникали такие ощущения, то что уж говорить о старшем инспекторе?

Впрочем, трудно было сказать, что думает и чувствует шеф.

Изабель Лакост знала его лучше, чем кто-либо из присутствующих. Она вдруг с удивлением поняла, что дольше всех служила под его началом. Остальных людей из старой гвардии перевели либо по просьбе, либо по приказу старшего суперинтенданта Франкёра.

А сюда стали направлять всякую шваль.

Самый успешный в стране отдел по расследованию убийств был уничтожен, умелые детективы заменены на ленивых, наглых, некомпетентных громил. Впрочем, таких ли уж некомпетентных? В качестве детективов – безусловно, но в этом ли состояла их работа?

Нет, конечно. Лакост знала (и, как она подозревала, Гамаш тоже знал), почему новые люди оказались в отделе. Вовсе не для расследования убийств.

Невзирая ни на что, старшему инспектору Гамашу каким-то образом удавалось управлять ими. Контролировать их. Хотя и весьма условно. Лакост чувствовала, что баланс сил меняется. С каждым днем в отделе появлялись все новые агенты. И она видела, как они обмениваются

понимающими улыбками.

Лакост ощущала, как в ней нарастает злость.

Безумие толпы. Безумие нахлынуло на их отдел. И каждый день старший инспектор Гамаш взнуздывал его и брал под контроль. Но даже ему это удавалось все с большим трудом. Сколько он еще продержится, прежде чем окончательно потеряет власть?

Инспектора Лакост одолевали многие страхи, но в основном связанные с ее маленькими сыном и дочерью – не случится ли с ними чего-нибудь. Она понимала, что ее страхи по большей части иррациональны.

Однако страх перед тем, что может случиться, если старший инспектор потеряет контроль, не был иррациональным.

Она встретилась взглядом с одним из старых агентов, который сидел ссутулившись, скрестив руки на груди. Он явно скучал. Инспектор Лакост посмотрела на него осуждающим взглядом. Агент опустил глаза и покраснел.

Стыдится самого себя. Ну да, а что ему еще остается?

Лакост продолжала сердито смотреть на него, пока он не выпрямился и не опустил руки.

Она кивнула. Победа, хотя и маленькая и, несомненно, временная. Но в такие дни даже маленькие победы шли в счет.

Инспектор Лакост снова повернулась к Гамашу. Его большие руки спокойно лежали на столе поверх еженедельного доклада. Рядом была авторучка, которой он пока так и не воспользовался. Его правая рука чуть подрагивала, и Лакост надеялась, что никто, кроме нее, этого не замечает.

Он был чисто выбрит и, казалось, ничуть не изменился. Мужчина под шестьдесят. Не сказать чтобы красивый, но весьма примечательный. Скорее похожий на профессора, чем на копа. Скорее похожий на исследователя, чем на охотника. От него пахло сандаловым деревом с оттенком розовой воды, а на работу он неизменно надевал пиджак и галстук.

Его темные ухоженные волосы поседели и чуть кудрявились у висков и за ушами. На лице виднелись морщины – неизбежное следствие возраста, забот и смешливости. Впрочем, его морщины не сильно углубились после недавних испытаний. И еще у него появился – и уже не исчезнет – шрам на левом виске. Напоминание о событиях, которые ни она, ни он никогда не забудут.

Его крупная шестифутовая фигура была внушительной. Не то чтобы мускулистой, но и не жирной. Он был основательным.

Основательным, думала Лакост. Как материк. Как мыс, вдающийся в

огромный океан. Неужели непреклонная ныне стойкость все глубже прорезается морщинами и трещинами? Неужели образовавшиеся расщелины уже дают о себе знать?

Но в данный момент старший инспектор Гамаш не выказывал никаких признаков разрушения. Он смотрел на провинившегося агента, и даже Лакост не могла не испытывать к бедолаге некоторого сочувствия. Этот новый агент принял материк за песчаную косу. И только сейчас – слишком поздно – понял, с чем столкнулся.

На ее глазах пренебрежительность превратилась в беспокойство, потом в тревогу. Агент повернулся к своим друзьям в поисках поддержки, но они повели себя как трусливая стая гиен. Им не терпелось посмотреть, как его будут рвать на части.

До этого Лакост даже не догадывалась, с какой готовностью стая может наброситься на одного из своих. Или по меньшей мере отказать ему в помощи.

Она увидела пристальный взгляд Гамаша, устремленный на изворачивающегося агента, и поняла тактику шефа. Он испытывает их. Проверяет на взаимовыручку. Отделил одного из стаи и ждет – придет ли кто-нибудь спасать его.

Никто не пришел.

Изабель Лакост слегка расслабилась. Старший инспектор по-прежнему контролировал ситуацию.

Гамаш продолжал пристально смотреть на агента. Теперь заволновались и остальные. Один из них даже поднялся и сердито заявил:

– Меня ждут дела.

– Сядьте, – приказал Гамаш, не глядя на него.

И тот упал на стул как подкошенный.

Гамаш ждал. Ждал.

– Désolé, patron[5], – произнес наконец агент. – Я еще не допрашивал подозреваемого.

Его слова повисли в воздухе. Презренное признание. Все собравшиеся только что слышали, как агент врал о якобы проведенном допросе, и теперь ждали, как с ним поступит старший инспектор. Как он отдубасит своего агента.

– Мы поговорим после летучки, – сказал Гамаш.

– Да, сэр.

Реакция последовала незамедлительно.

Хитроватые улыбки. После демонстрации силы со стороны начальства они вновь почувствовали его слабость. Если бы он разорвал агента в

клочки, они прониклись бы к нему уважением. Стали бы побаиваться. Но пока они лишь почуяли запах крови.

И Изабель Лакост подумала: «Да простит меня Господь, но мне жаль, что шеф не унизил, не опозорил этого агента. Не пригвоздил его к стене, чтобы другим неповадно было противостоять старшему инспектору Гамашу».

«Предел, его же не прейдеши»[6].

Но Изабель Лакост прослужила в Квебекской полиции достаточно долго, чтобы понять, насколько легче стрелять, чем говорить. Насколько легче кричать, чем аргументировать. Насколько легче унижать, дискредитировать, злоупотреблять властью, чем вести себя достойно и оставаться вежливым даже по отношению к тем, кто такими качествами не обладает.

Насколько больше мужества требуется для того, чтобы быть добрым, чем жестоким.

Однако времена изменились. Изменилась полиция. Она превратилась в структуру, где жестокость вознаграждалась. И даже культивировалась.

Старший инспектор Гамаш знал это. И тем не менее подставлял свою шею. Поступает ли он так намеренно, или он и в самом деле настолько ослабел?

Лакост уже и не знала.

Но она знала другое: в течение полугода старший инспектор наблюдал за тем, как громят его отдел, как насаждают туда никчемных людей. Плоды трудов Гамаша уничтожались. Он видел, как верные ему люди уходят. Или становятся его противниками.

Поначалу он отбивался, но ему наносили все новые и новые удары. Раз за разом он возвращался побежденным после разговоров в кабинете старшего суперинтенданта. И теперь в нем, казалось, почти иссякла воля к сопротивлению.

– Следующий, – сказал Гамаш.

И так продолжалось в течение часа. Каждый агент испытывал терпение Гамаша. Однако мыс держался. Никаких признаков разрушения, никаких признаков того, что происходящее подтачивает его силы. Наконец летучка завершилась, и Гамаш поднялся. Инспектор Лакост тоже встала, и после некоторой заминки один за другим начали подниматься остальные агенты. У дверей старший инспектор оглянулся и посмотрел на агента, который ему солгал. Всего один взгляд, но и его оказалось достаточно: агент двинулся за Гамашем в его кабинет. Перед тем как дверь закрылась, Лакост увидела промелькнувшее на лице Гамаша выражение.

Усталость.

– Сядьте.

Гамаш показал на стул, а сам занял вращающееся кресло за своим столом. Агент попытался сделать вид, будто ему все нипочем, но быстро сник при виде этого сурового лица.

Голос старшего инспектора звучал с прирожденной властностью.

– Вы довольны работой?

Вопрос застал агента врасплох.

– Наверное.

– Постарайтесь ответить получше. Вопрос простой. Вы довольны работой?

– У меня нет иного выбора.

– Выбор у вас есть. Вы можете уйти. Вас никто не держит. И я полагаю, вы вовсе не такой дурак, каким прикидываетесь.

– Я не прикидываюсь дураком.

– Нет? Тогда как вы назовете то, что вы так и не допросили главного подозреваемого по делу об убийстве? Как вы назовете вашу ложь на сей счет человеку, который, как вам хорошо известно, немедленно вас раскусит?

Однако агент, судя по всему, не предполагал, что его поймают на лжи. Ему явно и в голову не приходило, что он окажется один на один с шефом в его кабинете.

Но самое главное, ему не приходило в голову, что старший инспектор Гамаш, вместо того чтобы вгрызаться в него, рвать его на части, будет просто смотреть на него задумчивыми глазами.

– Я бы назвал это глупостью, – признал агент.

Гамаш не сводил с него глаз:

– Мне неважно, что вы обо мне думаете. Мне неважно, что вы думаете о вашем назначении сюда. Вы правы: это был не ваш выбор и не мой. Вы не готовы для работы в отделе по расследованию убийств. Однако вы агент Квебекской полиции, одной из лучших полицейских служб в мире.

Агент ухмыльнулся, но затем ухмылка на его лице сменилась легким удивлением.

Старший инспектор не шутил. Он действительно верил в то, что говорил. Верил, что Квебекская полиция – замечательная и эффективная полицейская служба. Стена между гражданами и теми, кто покушается на их благополучие.

– Насколько я знаю, вы пришли ко мне из отдела по расследованию

тяжких преступлений.

Агент кивнул.

– Вы, вероятно, насмотрелись немало ужасов.

Агент сидел неподвижно.

– Трудно не стать циником, – тихо сказал Гамаш. – Мы здесь имеем дело с одним видом преступлений. В этом есть немалое преимущество. Мы становимся специалистами. А недостаток как раз в том, с чем нам приходится сталкиваться. Со смертью. Каждый звонок телефона – сообщение о новой смерти. Иногда случайной. Иногда насильственной. Иногда смерть оказывается естественной. Но в большинстве случаев речь идет об очень неестественной смерти. И вот тогда в дело вступаем мы.

Агент заглянул в глаза старшего инспектора, и на какой-то миг ему показалось, что он видит там страшные смерти, которые копились и множились день за днем на протяжении многих лет. Молодые и старые. Дети. Отцы, матери, дочери и сыновья. Убитые. Погубленные жизни. Мертвые тела, лежащие у ног старшего инспектора.

Смерть словно подключилась к их разговору, отчего атмосфера сгустилась, стала доверительнее.

– Знаете, что я понял по прошествии тридцати лет смертей? – спросил Гамаш, наклоняясь к агенту и понижая голос.

Агент невольно тоже подался вперед.

– Я понял, насколько драгоценна жизнь.

Агент смотрел на него, ожидая услышать что-то еще, но больше ничего не последовало, и он снова откинулся на спинку стула.

– Ваша работа здесь не пустяки, – сказал старший инспектор. – Люди на вас рассчитывают. Я на вас рассчитываю. Пожалуйста, отнеситесь к этому серьезно.

– Да, сэр.

Гамаш поднялся, а вместе с ним и агент. Старший инспектор проводил его до дверей и кивнул на прощание.

Все в отделе наблюдали за развитием ситуации, ожидая взрыва. Ожидая, что старший инспектор Гамаш разделается с агентом, совершившим проступок. Даже Лакост ждала и хотела этого.

Но ничего подобного не произошло.

Другие агенты переглянулись, больше не пытаясь скрыть удовлетворение. Легендарный старший инспектор Гамаш в конечном счете оказался слабаком. Его не то чтобы совсем поставили на колени, но еще немного – и так оно и случится.

Когда Лакост постучала, Гамаш оторвал взгляд от каких-то бумаг.

– Вы позволите войти, patron? – спросила она.

– Конечно.

Он поднялся и показал ей на стул.

Лакост закрыла дверь, понимая, что некоторые, если не все, агенты в большом кабинете смотрят на нее. Однако это ее не волновало. Они могут катиться ко всем чертям.

– Они хотели увидеть, как вы с ним расправитесь.

Старший инспектор кивнул:

– Я знаю. – Он внимательно посмотрел на нее. – А ты, Изабель?

Лгать шефу было бесполезно. Она вздохнула:

– Какая-то часть меня тоже не возражала бы. Но по другим причинам.

– И что же у тебя за причины?

Она мотнула головой в сторону двери:

– Этим вы показали бы им, что вами нельзя помыкать. Они понимают только грубую силу.

Гамаш несколько секунд взвешивал ее слова, потом кивнул:

– Ты, конечно, права. И должен признать, у меня было такое искушение.

Он улыбнулся ей. Ему понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к тому, что напротив него на стуле сидит не Жан Ги Бовуар, а Изабель Лакост.

– Я думаю, этот молодой человек когда-то верил в свою работу, – сказал Гамаш, наблюдая через внутреннее окно за тем, как провинившийся агент поднимает телефонную трубку. – Я думаю, все они верили. Я искренне считаю, что большинство из тех, кто поступает в Квебекскую полицию, руководствуются благородными целями.

– Служить и защищать? – спросила Лакост со слабой улыбкой.

– «Служба, честность, справедливость», – процитировал он девиз Квебекской полиции. – Я знаю, такие слова нынче старомодны. – Он поднял руки, показывая, что сдается.

– Так что же изменилось? – спросила Лакост.

– Почему порядочные молодые люди превращаются в скотов? Почему солдаты, мечтающие о подвиге, кончают тем, что мучают пленных и стреляют в гражданских? Почему политики становятся продажными? Почему копы до полусмерти избивают задержанных, нарушая законы, которые должны защищать?

Агент, только что вышедший из кабинета Гамаша, разговаривал по телефону. Несмотря на подначки других агентов, он делал то, о чем просил его Гамаш.

– Потому что они могут это делать? – спросила Лакост.

– Потому что все остальные так поступают, – ответил Гамаш, подавшись вперед. – Коррупция и жестокость – вот то, чему подражают, чего ждут, что вознаграждается. Такие вещи входят в норму. И любой, кто восстает против них, кто говорит, что так нельзя, терпит поражение. А то и еще хуже. – Гамаш покачал головой. – Нет, я не могу обвинять молодых агентов в том, что они сбились с пути. Редкий человек не сбился бы.

Шеф посмотрел на нее и улыбнулся:

– Ты спрашиваешь, почему я не порвал его на куски, хотя имел такую возможность? Вот поэтому. Но хочу тебя предупредить: не думай, что я поступил так из благородных побуждений. Скорее, это эгоистические побуждения. Мне нужно было доказать себе, что я еще не пал так низко. Должен признать, это было искушение.

– Присоединиться к старшему суперинтенданту Франкёру? – спросила Лакост, пораженная его признанием.

– Нет, создать в ответ собственную вонючую помойку.

Он взглянул на Лакост, словно взвешивая собственные слова.

– Я знаю, что делаю, Изабель, – тихо произнес он. – Доверяй мне.

– Я и не сомневалась.

И тут Изабель Лакост поняла, с чего начинается разложение. Оно происходит не сразу, а постепенно. Легкое колебание – и кожа трескается. В ранке поселяется инфекция. Сначала сомневаешься. Затем критикуешь. Затем становишься циничным. Затем перестаешь доверять.

Лакост посмотрела на агента, с которым разговаривал Гамаш. Тот положил трубку и застучал по клавиатуре компьютера, пытаясь делать свою работу. Но коллеги продолжали подначивать его, и Лакост увидела, как агент бросил печатать и повернулся к ним. Улыбнулся. Снова стал одним из них.

Инспектор Лакост взглянула на старшего инспектора Гамаша. Никогда, ни при каких обстоятельствах не могла она представить себе, что предаст его. Но если такое случилось с другими агентами, которые прежде были порядочными людьми, то почему не может случиться и с ней? Вероятно, уже случилось. По мере того как в отделе становилось все больше агентов Франкёра, по мере того как все большее их число бросало вызов Гамашу, считая его слабаком, такие же мысли, возможно, просачивались и в ее голову – болезнь заразна.

Видимо, она начинала сомневаться в нем.

Полгода назад она ни за что не усомнилась бы в его методах поддержания субординации. А теперь вот засомневалась. И в глубине души

задавалась вопросом: а вдруг то, что видит она, что видят все они, – это и в самом деле слабость?

– Что бы ни произошло, Изабель, – сказал Гамаш, – ты должна верить себе. Ты меня понимаешь?

Он напряженно смотрел на нее, словно хотел внедрить эти слова не просто ей в голову, а куда-то глубже. В тайное, безопасное место.

Изабель Лакост кивнула.

Гамаш улыбнулся, и напряжение спало.

– Bon[7]. Ты для этого и приходила или есть что-то еще?

Она вспомнила не сразу – лишь после того, как заметила записку в своей руке.

– Несколько минут назад поступил звонок. Я не хотела вас беспокоить. Не уверена, личное это или служебное.

Гамаш надел очки, прочел записку и нахмурился:

– Я тоже не уверен.

Он откинулся на спинку стула. Пиджак распахнулся, и Лакост увидела у него на поясе «глок» в кобуре. К этому зрелищу она никак не могла привыкнуть. Шеф ненавидел оружие.

Евангелие от Матфея, 10: 36.

Это был один из первых уроков, преподанных ей, когда она поступила в отдел. Изабель Лакост все еще видела как наяву старшего инспектора Гамаша, сидевшего на том самом месте, что и сейчас.

«Евангелие от Матфея, глава десять, стих тридцать шесть. „И враги человеку – домашние его“. Никогда не забывайте об этом, агент Лакост».

Ей показалось, он хочет этим сказать, что при расследовании убийства начинать нужно с семьи. Но теперь она знала: за евангельскими словами скрывается нечто большее. Старший инспектор Гамаш носил при себе оружие. В штаб-квартире полиции. В собственном доме.

Гамаш взял записку со стола:

– Не хочешь прокатиться? Мы там будем как раз к ланчу.

Лакост удивилась, но не стала ждать второго приглашения.

– Кто останется за старшего? – спросила она, забирая пальто.

– А кто старший сейчас?

– Конечно вы, patron.

– Очень мило с твоей стороны, но мы оба знаем, что это не так. Надеюсь только, мы не оставили спички в доступном месте.

Когда дверь закрывалась, Гамаш услышал, как агент, с которым он беседовал, говорит другим:

– Каждый звонок – сообщение о новой смерти…

Он вышучивал шефа высоким, детским голоском, выставляя его идиотом.

Старший инспектор, улыбаясь, направился по длинному коридору к лифту.

В кабине лифта они следили за сменяющимися цифрами. 15, 14…

Третий пассажир вышел из кабины, и они остались вдвоем.

13, 12, 11…

Лакост сгорала от нетерпения задать тот единственный вопрос, который не предназначался для чужих ушей.

Она посмотрела на шефа – тот следил за цифрами. Стоял в расслабленной позе. Но она достаточно хорошо знала его и заметила новые, более глубокие морщины. Темные круги под глазами.

«Да, – подумала она, – нужно уехать отсюда. Пересечь мост и покинуть этот остров. Оказаться подальше от этого проклятого места».

8… 7… 6…

– Сэр?

– Oui?[8]

Он повернулся к ней, и Лакост снова увидела изнеможение, проявлявшееся на его лице в те мгновения, когда он забывался. И у нее не хватило духа спросить о том, что случилось с Жаном Ги Бовуаром. Прежним заместителем Гамаша. Ее наставником. Протеже Гамаша. И даже больше.

В течение пятнадцати лет Гамаш и Бовуар составляли великолепную команду. Жан Ги Бовуар, который был на двадцать лет моложе старшего инспектора, готовился со временем стать его преемником.

Но несколько месяцев назад, вернувшись после расследования в отдаленном монастыре, инспектор Бовуар внезапно перевелся в отдел старшего суперинтенданта Франкёра.

И начался какой-то кошмар.

Лакост пыталась узнать у Бовуара, что произошло, но инспектор не хотел иметь никаких отношений с людьми из отдела Гамаша, и старший инспектор издал приказ: никто из его отдела не должен иметь никаких дел с Жаном Ги Бовуаром.

Его следовало избегать. Не замечать. Словно он невидимка.

Не только persona non grata, но и persona non exista[9].

Изабель Лакост не могла поверить в случившееся. И за прошедшее время так и не сумела поверить.

3… 2…

Именно об этом она и хотела спросить.

Неужели все так и есть?

Может, это такой хитрый ход, способ внедрить Бовуара в лагерь Франкёра, чтобы попытаться выяснить, что замышляет старший суперинтендант?

Наверняка Гамаш и Бовуар по-прежнему остаются союзниками в опасной игре.

Но шли месяцы, поведение Бовуара становилось все более эксцентричным, а Гамаш вел себя в отношении его все более непримиримо. Пролив между ними превратился в океан. И теперь казалось, что они вообще обитают в разных мирах.

Следуя за Гамашем к его машине, Лакост поняла, почему она не задала свой вопрос. Не потому, что щадила его чувства. Просто она не хотела услышать ответ. Предпочитала верить, что Бовуар хранит преданность Гамашу, у которого есть надежда остановить план, запущенный Франкёром.

– Хочешь за руль? – спросил Гамаш, протягивая ей ключи.

– С удовольствием.

Они проехали по туннелю Виль-Мари, свернули на мост Шамплейна. Гамаш сидел молча, поглядывая на полузамерзшую реку Святого Лаврентия далеко внизу. Когда они добрались до верхней части пролета моста, движение практически остановилось. Лакост, совершенно не боявшаяся высоты, почувствовала легкую тошноту. Одно дело – проехать по мосту, и совсем другое – остановиться в двух футах от низеньких перил. И от высокого падения.

Далеко внизу льдины в холодном потоке наплывали одна на другую. Шуга, как и положено шуге, неторопливо двигалась под мостом.

Старший инспектор Гамаш сделал глубокий вдох, потом выдохнул и беспокойно заерзал на сиденье. Лакост вспомнила, что он боится высоты. Заметила, что его пальцы сжаты в кулаки и он то напрягает, то ослабляет их. Напрягает. Ослабляет.

– По поводу инспектора Бовуара, – услышала она свой голос. Словно спрыгнула с моста в реку.

Гамаш посмотрел на нее так, будто она отвесила ему пощечину. И она поняла, что именно этого и добивалась. Ударить его. Пробить брешь в его защите.

Физически она, конечно, не могла ударить старшего инспектора Гамаша. Только эмоционально. И она нанесла ему удар.

– Да?

Он смотрел на Лакост, но ни интонацией, ни выражением лица не поощрял ее к дальнейшему разговору.

– Вы можете сказать мне, что случилось?

Машина впереди проехала несколько футов и остановилась. Они были почти на вершине пролета. В верхней точке.

– Нет.

Он ответил ей пощечиной на пощечину. И ей стало больно.

Минуту-другую они сидели в неловком молчании. Но Лакост заметила, что шеф больше не сжимает кулаки. Теперь он просто смотрел в окно. И она подумала, что, вероятно, нанесла ему слишком сильный удар.

Потом в его лице что-то переменилось, и Лакост поняла, что он смотрит не в темные воды Святого Лаврентия, а перед собой. Они перевалили через вершину и наконец увидели, чем вызвана пробка. Крайняя правая полоса в том месте, где мост выходил на южный берег, была перекрыта полицейскими машинами и «скорой».

Вверх по склону поднимали укрытое тело, пристегнутое к проволочной корзине. Лакост перекрестилась, скорее по привычке, чем из веры в то, что это имеет какое-то значение для живых или мертвых.

Гамаш не перекрестился. Просто смотрел.

Смерть случилась на южном берегу Монреаля. Не их территория и не их тело. Юрисдикция Квебекской полиции распространялась на весь Квебек, исключая города, где есть собственная полиция. Тем не менее для них оставалось достаточно территории и достаточно трупов. Но тот, что они видели сейчас, принадлежал полиции Монреаля.

К тому же и Гамаш, и Лакост понимали, что сия несчастная душа, вероятно, покончила с собой. Приближение рождественских каникул довело ее до отчаяния.

Проезжая мимо тела, завернутого в одеяла, словно новорожденный, Гамаш подумал, насколько же невыносимой стала для человека жизнь, если он предпочел ей холодные серые воды.

Наконец они вырвались из затора и помчались по шоссе от моста. От мертвого тела. От штаб-квартиры Квебекской полиции. В деревню под названием Три Сосны.

Глава четвертая

Гамаш открыл дверь в книжный магазин, и над ней звякнул маленький колокольчик. Старший инспектор постучал ботинками о порог, надеясь сбить с них хотя бы часть снега.

Когда они уезжали из Монреаля, шел небольшой снежок, редкие хлопья, но, пока они поднимались все выше в горы к югу от города, снегопад усилился. Гамаш услышал приглушенный топот – это Изабель Лакост обивала снег со своей обуви, прежде чем войти следом за ним.

Даже с повязкой на глазах старший инспектор сумел бы описать знакомый ему магазин. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами в твердых и мягких переплетах. Художественная литература, биографии, наука и фантастика. Детективы и религиозные издания. Поэзия и кулинарные книги. Магазин полнился мыслями, чувствами, творчеством и желаниями. Новыми и старыми.

По дощатому полу тут и там были разбросаны потертые восточные коврики, создававшие атмосферу уютной домашней библиотеки в старинном сельском доме.

На двери в магазин «Книги Мирны, старые и новые» висел веселенький венок, а в углу зала стояла елочка, под которой лежали подарки. В воздухе витал сладковатый запах бальзама.

В центре магазина расположилась чугунная плита, на которой кипел чайник, а по обе стороны плиты стояли кресла.

Здесь ничего не изменилось с того дня, когда Гамаш зашел сюда в первый раз. Вплоть до старомодных чехлов с цветочным рисунком на диване и креслах в эркере. Рядом с одним из просиженных сидений возвышалась стопка книг, а на кофейном столике лежали старые экземпляры «Ньюйоркера» и «Нэшнл джиографик».

«Вот так, наверное, может выглядеть вздох», – подумал Гамаш.

– Bonjour![10] – громко произнес он и подождал.

В ответ – тишина.

В задней части магазина располагалась лестница, ведущая наверх, в жилище Мирны. Гамаш уже хотел подняться, но тут Лакост заметила записочку у кассового аппарата:

«Вернусь через десять минут. Если что-то купите, оставьте деньги. (Рут, это я тебе.)»

Подпись отсутствовала. Какая в ней нужда? Но наверху стояло время –

11:55.

Лакост взглянула на свои часы, а Гамаш повернулся к большим настенным за столом. Почти точно полдень.

Они побродили несколько минут вдоль стеллажей. На полках в равной пропорции стояли книги на английском и французском. Были и новые, однако старые преобладали. Гамаш стал изучать названия и наконец выбрал потрепанную книгу по истории кошек. Он снял тяжелое пальто, налил себе и Лакост чаю в кружки.

– Молоко, сахар? – спросил он.

– Немного того и другого, s’il vous plaît[11], – ответила она из другого конца магазина.

Гамаш сел у плиты и открыл выбранную книгу. Лакост уселась в другое кресло и стала прихлебывать чай.

– Думаете завести?

– Кошку? – Он посмотрел на обложку книги. – Non. Это Флоранс и Зора хотят домашнее животное. В особенности после их последнего приезда. Анри их очаровал, и теперь они хотят иметь свою немецкую овчарку.

– В Париже? – развеселилась Лакост.

– Да. По-моему, они не очень понимают, что живут в Париже, – рассмеялся Гамаш, вспоминая внучек. – Рейн-Мари сказала мне вчера вечером, что Даниель и Розлин хотят обзавестись котом.

– Мадам Гамаш в Париже?

– Полетела на Рождество. Я присоединюсь к ним на следующей неделе.

– Наверное, дождаться не можете.

– Oui, – сказал он и вернулся к книге.

«Прячет свои чувства. А по жене как скучает», – подумала Изабель.

Звук открывающейся двери оторвал Гамаша от удивительно увлекательной истории происхождения полосатой кошки. Он поднял голову и увидел Мирну: та вошла через дверь, соединяющую магазин и бистро.

Мирна несла тарелку с супом и сэндвич, но, увидев гостей, остановилась. И ее лицо сразу же расцвело улыбкой не менее яркой, чем ее свитер.

– Арман, я не надеялась, что вы и в самом деле приедете.

Гамаш и Лакост поднялись. Мирна поставила тарелки на стол, обняла обоих.

– Мы помешали вам обедать, – извиняющимся тоном произнес Гамаш.

– Ой, я только на минутку выбежала за едой – думала, вдруг вы

перезвоните. – Мирна замолчала и пристально посмотрела на него. – Почему вы приехали? Что-то случилось?

Гамаша удручало то, что его приезд неизменно вызывал тревогу у местных жителей.

– Вовсе нет. Вы оставили послание, и мы откликнулись на него.

Мирна рассмеялась:

– Вот это обслуживание! А позвонить не догадались?

Гамаш посмотрел на Лакост:

– Позвонить. Почему мы не догадались позвонить?

– Я не доверяю телефонам, – ответила Лакост. – Это дьявольские происки.

– Вообще-то, дьявольскими происками я считаю электронную почту, – сказал Гамаш, снова переводя взгляд на Мирну. – Вы дали нам предлог вырваться из города на часок-другой. А я всегда рад возможности приехать в Три Сосны.

– А где инспектор Бовуар? – спросила Мирна, оглядываясь. – Паркует машину?

– Он работает по другому делу, – ответил старший инспектор.

– Понятно, – сказала Мирна после легкой заминки, и Гамаш спросил себя, что именно ей понятно.

– Вам обоим тоже нужно поесть, – спохватилась Мирна. – Не возражаете, если прямо здесь? Более уединенно.

Они изучили меню, и вскоре у Гамаша и Лакост тоже появились special du jour[12], суп и сэндвичи. Наконец все трое уселись в свете эркерного окна – Гамаш и Лакост на диване, а Мирна в большом кресле, которое постоянно сохраняло ее формы и казалось продолжением этой крупной женщины.

Гамаш размешал в борще большую порцию сметаны, наблюдая, как темно-красный цвет переходит в розовый, как перемешиваются кусочки свеклы, капусты и нежной говядины.

– Ваше сообщение было довольно туманным, – сказал он, подняв глаза на сидящую напротив него Мирну.

Изабель решила начать с сэндвича с поджаренным помидором, базиликом и сыром бри.

– Насколько я понял, вы это сделали намеренно, – добавил старший инспектор.

Он знал Мирну вот уже несколько лет – с первого своего приезда в деревеньку Три Сосны, когда здесь произошло убийство. Тогда она была в числе подозреваемых, теперь он считал ее другом.

Иногда что-то меняется к лучшему. А иногда – нет.

Он положил листок желтой бумаги на стол, рядом с корзиночкой для багета.

«Извините, что беспокою, но мне нужна ваша помощь в одном деле. Мирна Ландерс».

Она сообщила и номер своего телефона, однако Гамаш предпочел его не заметить – отчасти чтобы иметь повод исчезнуть из управления, но в первую очередь потому, что Мирна никогда прежде не просила о помощи. Возможно, ничего серьезного не случилось, и тем не менее для нее это было важно. А она была важна для них.

Он ел борщ, а Мирна обдумывала, что сказать.

– Может, ничего и не случилось, – начала она, взглянула ему в глаза и замолчала. А потом призналась: – Я тревожусь.

Гамаш положил ложку и полностью сосредоточился на своем друге.

Мирна посмотрела в окно, и он проследил за ее взглядом. Там, за стеклом, он увидел Три Сосны. В прямом и переносном смысле. Три громадные сосны возвышались над деревней, и Гамаш впервые понял, что они действуют как своего рода лесозащитная полоса, принимая на себя напор снежной волны.

Но все же снег толстым слоем покрывал все вокруг. Не грязный городской снег. Здесь он был чистейшей белизны, нарушаемой лишь следами ног, лыж и снегоступов.

По льду пруда скользили на коньках несколько взрослых, толкая перед собой лопаты, чтобы расчистить лед для нетерпеливо ждущих детей. Вокруг деревенского луга стояли дома, среди которых не найдешь двух похожих, и Гамаш знал их все. Как снаружи, так и изнутри. По допросам и по вечеринкам.

– Ко мне на прошлой неделе приезжала приятельница, – снова начала Мирна. – Она собиралась приехать вчера и остаться на Рождество. Позвонила накануне вечером, сказала, что будет к ланчу, но так и не появилась.

Мирна говорила спокойно, четко. Идеальный свидетель, по мнению Гамаша. Ничего лишнего. Никаких интерпретаций. Одни факты.

Но ее рука с ложкой чуть подрагивала, отчего капельки борща разбрызгались по столу. А в глазах появилась мольба. Не о помощи. Только о словах успокоения. Она хотела услышать, что делает из мухи слона, беспокоится на пустом месте.

– Значит, прошло около двадцати четырех часов, – сказала Изабель Лакост.

Она положила сэндвич и вся обратилась во внимание.

– Еще не очень много, правда? – спросила Мирна.

– Если речь идет о взрослых, то мы обычно начинаем принимать меры через двое суток, – ответил Гамаш. – Дело открывается, если человек отсутствует больше сорока восьми часов. – В его интонации слышалось «но», и Мирна ждала продолжения. – Но если бы пропал человек, который важен для меня, то я бы начал искать раньше. Вы правильно поступили.

– Может быть, тут ничего и нет.

– Да, – сказал старший инспектор. И хотя он не произнес тех слов, которые она хотела услышать, уже одно его присутствие приободряло ее. – Вы ей, конечно, звонили.

– Вчера я подождала часов до четырех, потом позвонила ей домой. Сотового у нее нет. Попала на автоответчик. Я звонила ей… – Мирна проглотила комок в горле, – много раз. Приблизительно раз в час.

– И до каких пор?

Мирна посмотрела на часы:

– В последний раз в одиннадцать тридцать сегодня утром.

– Она живет одна? – спросил Гамаш.

Он перешел на деловой профессиональный тон. Теперь начиналась работа.

Мирна кивнула в ответ.

– Сколько ей?

– Семьдесят семь.

Последовала пауза подольше – старший инспектор и Лакост размышляли над услышанным. Возможный вывод напрашивался сам собой.

– Вчера вечером я обзвонила больницы – и французские, и английские, – сказала Мирна, угадав направление их мысли. – И еще раз сегодня утром. Но ее там нет.

– Она сама уехала отсюда? – спросил Гамаш. – Не на автобусе? Может быть, кто-то должен был ее отвезти?

– У нее машина, – ответила Мирна.

– И она была одна?

Мирна снова кивнула:

– Что вы об этом думаете?

Гамаш не ответил. Он достал из нагрудного кармана маленький блокнот и авторучку:

– Марка и модель машины вашей приятельницы?

Лакост тоже вытащила блокнот и ручку.

– Не знаю. Маленькая машина. Оранжевого цвета. – Заметив, что ни

один из них не записал ее слова, Мирна спросила: – Бесполезная информация?

– Номер вы, конечно, тоже не запомнили? – спросила Лакост без особой надежды. Но вопрос нужно было задать.

Мирна отрицательно покачала головой.

Лакост вытащила свой сотовый.

– Они тут не работают, – сказала Мирна. – Из-за гор.

Лакост это знала, она забыла о другом – о том, что в Квебеке остались еще места, откуда можно позвонить с обычного проводного телефона. Она встала:

– С вашего можно позвонить?

– Разумеется.

Мирна показала на письменный стол и, когда Лакост отошла, вопросительно взглянула на Гамаша.

– Инспектор Лакост звонит в дорожную службу – узнать, не случилось ли поблизости аварий.

– Но я же обзвонила больницы.

Гамаш не ответил, и Мирна поняла. Не каждая жертва аварии попадала в больницу. Они оба посмотрели на Лакост, которая слушала, что ей говорят по телефону, но ничего не записывала.

«Понимает ли Мирна, что это хороший знак?» – подумал Гамаш.

– Нам, конечно, нужно больше информации, – сказал он. – Как зовут вашу приятельницу?

Он взял ручку, пододвинул к себе блокнот. Но, не услышав ответа, поднял голову.

Мирна смотрела не на него, а вглубь своего магазина. Может, не слышала вопроса?

– Мирна?

Она взглянула ему в глаза, однако ее рот оставался закрытым. Плотно закрытым.

– Ее имя?

Мирна все еще колебалась, и Гамаш удивленно наклонил голову набок.

Вернулась Изабель Лакост, села и успокаивающе улыбнулась Мирне:

– Вчера никаких серьезных аварий на шоссе между Тремя Соснами и Монреалем не зафиксировано.

Мирна немного успокоилась, но ненадолго. Она снова повернулась к Гамашу, ждущему ответа на заданный вопрос.

– Вы должны мне сказать, – произнес он, глядя на Мирну с любопытством.

– Я знаю.

– Не понимаю, Мирна, – сказал он. – Почему вы не хотите назвать ее имя?

– Может быть, она еще объявится, и я не хочу ставить ее в неловкое положение.

Гамаш, хорошо знавший Мирну, понимал, что она говорит неправду. Он несколько секунд смотрел на нее, потом решил зайти с другой стороны:

– Вы можете описать ее?

Мирна кивнула. Она начала говорить, представляя себе Констанс на том самом месте, где теперь сидел Арман Гамаш. Констанс читала и иногда опускала книгу, чтобы посмотреть в окно. Разговаривала с Мирной. Слушала. Помогала готовить обед наверху. Или попивала виски вместе с Рут перед камином в бистро.

Она видела, как Констанс садится в машину и машет ей. А потом заезжает на холм и пропадает из виду.

«Белая. Франкоязычная. Рост около пяти футов и четырех дюймов. Слегка полноватая, волосы седые, глаза голубые. Возраст 77 лет».

Вот что записала у себя в блокноте Лакост. Вот к чему свелась Констанс.

– А имя? – спросил Гамаш.

Теперь его голос звучал твердо. Гамаш не сводил глаз с Мирны, и она не отвела взгляда.

– Констанс Пино, – сказала она наконец.

– Merci, – тихо произнес Гамаш.

– Вы назвали ее nom de naissance?[13] – спросила Лакост.

Мирна не ответила, и Лакост пояснила, на случай если англоязычная женщина не поняла французского выражения:

– Фамилию, полученную при рождении, или фамилию после замужества?

Но Гамаш видел, что Мирна прекрасно поняла вопрос. Однако ответ смущал ее.

Он видел Мирну, когда она боялась, печалилась, радовалась, раздражалась. Когда была растеряна.

А вот смущенной он ее ни разу не видел. И по ее реакции он понимал, что и для нее такое состояние в новинку.

– Ни то ни другое, – сказала она наконец. – Господи, она меня убьет, если узнает, что я кому-то сообщила.

– Мы вовсе не «кто-то», – заметил Гамаш.

Его слова, хотя и не лишенные укоризны, прозвучали тихо и мягко.

– Может быть, лучше подождать еще немного.
– Может быть, – согласился Гамаш.
Он поднялся и подбросил два полена в плиту в центре комнаты, потом принес Мирне кружку с чаем.
– Merci, – сказала она и взяла кружку двумя руками.
– Инспектор, вы не попробуете позвонить по домашнему еще раз?
– Absolument[14].
Лакост встала, и Мирна нацарапала номер на клочке бумаги.
Они услышали звук набора номера с другого конца комнаты. Гамаш несколько мгновений смотрел на Лакост, затем повернулся к Мирне и, понизив голос, спросил:
– Так кто же она, если не Констанс Пино?
Мирна выдержала его взгляд. Но теперь они оба знали, что она все же ответит. Сомнений не осталось.
– Пино – та фамилия, под которой я ее знаю, – тихо сказала она. – Констанс пользуется этой фамилией. Девичьей фамилией матери. Однако ее настоящая фамилия, ее nom de naissance, – Констанс Уэлле.
Мирна явно ждала от него какой-то реакции, но Арман Гамаш не сумел оправдать ее ожидания.
В другом конце магазина Изабель Лакост слушала гудки. Молчала. А в пустом доме звонил, звонил, звонил телефон.
В доме Констанс Уэлле. Констанс Уэлле.
Мирна внимательно смотрела на Гамаша.
Он мог бы спросить. Ему очень хотелось спросить. И он определенно спросил бы, если бы возникла нужда. Но Гамаш хотел выяснить сам. Ему было любопытно узнать, не прячется ли пропавшая женщина где-то в его памяти, а если прячется, то что его память знает о ней.
Фамилия действительно показалась ему знакомой. Но очень туманно, неопределенно. Если мадам Уэлле и жила в его памяти, то на расстоянии нескольких горных хребтов от нынешнего дня. Он обратил свою память в прошлое, быстро пересек пространство.
Свою собственную личную жизнь он рассматривать не стал, сосредоточился на коллективной памяти Квебека. Констанс Уэлле должна быть публичной фигурой. Вернее, была таковой. Знаменитостью. Может быть, даже печально известной знаменитостью. Имя, когда-то бывшее на слуху.
Чем больше он искал, тем сильнее убеждался, что она где-то там, скрывается в какой-то извилине его мозга. Пожилая женщина, которая не хочет открывать свое лицо.

А теперь вот она пропала. Либо по собственной воле, либо по чьему-то умыслу.

Задумавшись, Гамаш поднес руку к виску. Он чувствовал, что приближается, приближается.

Уэлле. Уэлле. Констанс Уэлле.

Потом он сделал вдох и прищурился. Перед его мысленным взором возникла черно-белая фотография. Не семидесятисемилетней женщины, а улыбающейся, машущей рукой девочки.

Он нашел ее.

– Вы знаете, о ком я говорю, – сказала Мирна, увидев свет в его глазах.

Гамаш кивнул.

Но во время поисков он споткнулся о другое воспоминание, гораздо более свежее. Гораздо более тревожное. Он встал и подошел к письменному столу в тот момент, когда Лакост повесила трубку.

– Никаких результатов, шеф, – доложила она.

Он кивнул и взял у нее трубку.

Мирна поднялась:

– Что?

– Так, одна мысль, – сказал Гамаш и набрал номер.

– Марк Бро. – Голос резкий, официальный.

– Марк, говорит Арман Гамаш.

– Арман. – Голос зазвучал приветливо. – Как поживаешь?

– Отлично, спасибо. Послушай, Марк, извини, что беспокою…

– Никакого беспокойства. Чем могу служить?

– Я в Восточных кантонах. Сегодня приблизительно в четверть одиннадцатого мы проехали по мосту Шамплейна… – Гамаш повернулся спиной к Мирне и понизил голос. – И видели, как твои люди поднимали тело на южном берегу.

– Хочешь узнать, кто это?

– Не хочу вторгаться в твою юрисдикцию, но мне нужно знать.

– Сейчас посмотрю.

Гамаш услышал стук клавиш – глава отдела по расследованию убийств Монреальской полиции просматривал последние сведения.

– Есть. Пока мало что известно.

– Женщина?

– Да. Судя по всему, уже дня два. Вскрытие назначено на вторую половину дня.

– Ты подозреваешь убийство?

– Маловероятно. Ее машину нашли наверху. Похоже, она хотела

спрыгнуть с моста в воду и промахнулась. Ударилась о берег и скатилась под мост. Там ее и нашли сегодня утром рабочие.

– Имя тебе известно?

Гамаш приготовился услышать: «Констанс Уэлле».

– Одри Вильнёв.

– Как?

– Тут написано: Одри Вильнёв. Около сорока лет. Муж сообщил о том, что она исчезла два дня назад. Не появилась на работе. Мм…

– Что? – спросил Гамаш.

– Занятно.

– Что занятно?

– Она работала в министерстве транспорта, в дорожном отделе.

– Инспектором? Не могла упасть случайно?

– Постой-ка… – Наступила пауза, пока старший инспектор Бро читал файл. – Нет. Работала старшим клерком. Почти наверняка самоубийство, однако вскрытие может внести коррективы. Прислать тебе, Арман?

– Нет, не надо. Но спасибо. Joyeux Noël[15], Марк.

Гамаш повесил трубку и повернулся к Мирне Ландерс.

– И что? – спросила она и напряглась в ожидании ответа.

– Сегодня утром из-под моста Шамплейна извлекли тело. Я опасался, что это ваша приятельница, но нет.

Мирна закрыла глаза. Потом снова открыла:

– Так где же она?

Глава пятая

Возвращаясь в Монреаль, Изабель Лакост и старший инспектор Гамаш застряли в пробке на подъезде к мосту Шамплейна. Шел пятый час, но солнце уже зашло, и казалось, что наступила полночь. Снег перестал, и Гамаш посмотрел в окно со стороны водителя, через шесть полос движения. На то место, где Одри Вильнёв предпочла смерть жизни.

Ее семью уже известили. Арман Гамаш нередко приходил в дома вестником смерти, и с годами тяжесть этой добровольной обязанности не легчала. Смотреть в лицо мертвецам было легче, чем в лицо их близким в тот момент, когда мир для них изменялся навсегда.

Его миссия была сродни убийству, которое совершал он сам. Матери, отцы, жены или мужья отворяли дверь на его стук с верой, что мир не без изъянов, но в принципе довольно приличное место. Пока он не начинал говорить. Он все равно что сталкивал их в пропасть. И наблюдал, как они летят. Как ударяются о дно. А потом он видел их потрясенный взгляд. Они безвозвратно становились другими, а та жизнь, которую знали, уходила навсегда.

И то выражение в их глазах… как будто это он был причиной их горя.

Перед тем как им уходить, Мирна дала Гамашу адрес Констанс.

– Как она выглядела, когда приезжала? – спросил он.

– Как всегда. Некоторое время я ее не видела, но мне показалось, что она ничуть не изменилась.

– Ее что-нибудь беспокоило?

Мирна покачала головой.

– Деньги? Здоровье?

Мирна снова покачала головой:

– Она, как и следует предполагать, человек очень замкнутый. Она почти ничего не рассказывала о своей жизни, но по ее виду я бы не сказала, что она чем-то озабочена. Она радовалась встрече со мной и радовалась будущему приезду на праздники.

– Вы не заметили ничего необычного? Она ни с кем здесь не ссорилась? Никого не обидела?

– Вы подозреваете Рут? – спросила Мирна, и на ее лице промелькнула улыбка.

– Рут я всегда подозреваю.

– Вообще-то говоря, Констанс и Рут поладили. Между ними возникла

некая «химия».

– Химия или алхимия? – спросила Лакост, и Мирна улыбнулась.

– Они похожи? – спросил Гамаш.

– Рут и Констанс? Нет, они совершенно разные, но по какой-то причине понравились друг дружке.

Гамаш не без удивления взял ее слова на заметку. Старой поэтессе принципиально не нравились все подряд. Она ненавидела всех и каждого, если ей хватало энергии, требующейся для ненависти.

– «Но кто тебя обидел так, / что ран не залечить, / что ты теперь любую / попытку дружбу завязать с тобой / встречаешь, губы сжав?»

– Что-что? – спросил Гамаш, которого этот вопрос застал врасплох.

Мирна улыбнулась:

– Строки из стихотворения Рут. Как-то вечером, вернувшись от нее, Констанс процитировала их мне.

Гамаш кивнул, подумав: дай бог, чтобы, когда они найдут Констанс, ее рану можно было залечить.

Он прошел через магазин к вешалке и взял куртку. У двери он поцеловал Мирну в обе щеки.

Она удержала его на расстоянии вытянутой руки, глядя ему в лицо:

– А у вас? У вас все в порядке?

Гамаш взвесил вопрос и все возможные ответы – от легкомысленного и снисходительного до правдивого. Он знал, что лгать Мирне бесполезно, но и правду ей сказать не мог.

– Я в порядке, – ответил он и увидел ее улыбку.

Она провожала взглядом их машину, пока та не поднялась на холм и не покинула Три Сосны. Констанс уехала тем же путем и не вернулась. Но Мирна знала, что Гамаш вернется и привезет с собой ответ, который ей придется выслушать.

Пробка стала потихоньку рассасываться, и вскоре двое полицейских пересекли реку по мосту Шамплейна и поехали по городу. Инспектор Лакост остановилась перед скромным домом в квартале Пуант-Сен-Шарль.

За окнами домов по всей улице горел свет. Светились рождественские огни, и свежий снег отливал красным, желтым и зеленым цветом.

Только не здесь. Этот дом казался черной дырой среди веселых соседей.

Старший инспектор Гамаш сверился с адресом, который дала ему Мирна. Да, именно здесь и жила Констанс Уэлле. Он предполагал увидеть что-то иное. Больше.

Гамаш оглядел соседние дома. На другой стороне улицы стоял снеговик, распахнув для объятия руки-ветки. Сквозь окно в доме напротив он четко увидел женщину, которая помогала ребенку с домашним заданием. В соседнем доме пожилая пара смотрела телевизор, а на камине у них подмигивала рождественская гирлянда.

Повсюду кипела жизнь. Кроме темного дома Констанс Уэлле.

Часы на приборном щитке показывали начало шестого.

Они вышли из машины. Инспектор Лакост взяла фонарик и повесила на плечо сумку с набором инструментов для работы на месте преступления.

Дорожка к дому мадам Уэлле была не расчищена, снег не потревожен ничьими следами. Полицейские поднялись по ступенькам и остановились на маленьком бетонном крыльце. Облачка их дыхания растворялись в ночном воздухе.

Ветерок обжигал щеки Гамаша, холод заползал в рукава, под шарф на шее. Не обращая внимания на мороз, он огляделся. Снег на оконных карнизах тоже был нетронутым. Инспектор Лакост нажала кнопку звонка.

Они замерли в ожидании.

Немалая часть полицейской работы состояла в ожидании. В ожидании подозреваемых. Результатов вскрытия. Заключения криминалистов. Ответа на заданный вопрос. Или в ожидании у запертой двери.

Гамаш знал, что в этом и состоит одно из великих достоинств Изабель Лакост, – достоинств, не бросающихся в глаза. Она была очень, очень терпеливой.

Все могут изображать кипучую деятельность, но спокойно ждать умеют немногие. Как ждали они теперь. Однако это вовсе не означало, что они ничего не делали. Они ждали и осматривали все вокруг.

Маленький дом был в хорошем состоянии: водосточные желоба сидят, где им положено, окна и карнизы покрашены, краска не отслаивается, не шелушится. Все аккуратно, все на своем месте. На кованых перильцах крыльца висит рождественская гирлянда, только вот лампочки не горят. На передней двери венок.

Лакост посмотрела на шефа, он кивнул. Она открыла наружную дверь и заглянула через стеклянное окошко в прихожую.

Гамаш нередко бывал в подобных домах. Их строили для возвращающихся ветеранов в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Скромные дома в зажиточных районах. Многие из них потом сносились или достраивались. Но некоторые, вроде этого, остались нетронутыми. Маленькие жемчужины.

– Ничего, шеф.

– Bon, – сказал он.

Спустившись с крыльца, он показал направо, и Лакост шагнула в глубокий снег. Гамаш пошел в другую сторону, отмечая, что снег здесь тоже нетронут. Он погрузился в него почти по колени. Снег набивался ему в ботинки и холодил ноги, превращаясь в ледяную воду и увлажняя носки.

Как и Лакост, Гамаш заглядывал в окна, защищая глаза от наружного света ладонями. Пустая и чистая кухня. Никакой грязной посуды на столе. Он пробовал открывать окна – все они оказались заперты. В крохотном дворике он встретил Лакост, пришедшую с другой стороны. Она отрицательно покачала головой, привстала на цыпочки и заглянула в окно. Не отрывая глаз от окна, включила фонарик и посветила внутрь.

Потом повернулась к Гамашу.

Она что-то увидела.

Лакост без слов протянула шефу фонарик. Он посветил внутрь и увидел кровать. Стенной шкаф. Открытый чемодан. И пожилую женщину, лежащую на полу. «И ран не залечить».

Арман Гамаш и Изабель Лакост ждали в небольшой гостиной дома Констанс Уэлле. Внутри, как и снаружи, дом выглядел аккуратным, но не строгим. Здесь лежали журналы и книги. У дивана стояла пара старых тапочек. Гостиная не была парадным местом для особых гостей, Констанс явно пользовалась ею сама. В углу стоял старый телевизор, а лицом к нему – диван и два кресла. Как и все остальное в доме, кресла были добротные, дорогие, хотя и потертые. Комната имела уютный, радушный вид. Бабушка Гамаша назвала бы такую комнату аристократической.

Увидев через окно лежащее на полу тело, Гамаш позвонил Марку Бро и стал вместе с Лакост ждать в машине приезда монреальской команды криминологов. Когда те приехали, началась обычная рутинная работа, правда без помощи старшего инспектора Гамаша и инспектора Лакост. Их отправили в гостиную как лиц, приглашенных на расследование. В такой роли они чувствовали себя необычно, словно прогульщики, и убивали время, бродя по скромной комнате, разглядывая украшения, личные вещи. Но ни к чему не прикасались. Они даже не садились.

Гамаш обратил внимание, что три сиденья выглядели так, будто на них все еще сидели призрачные люди. Как кресло Мирны в ее магазине, эти сиденья сохраняли формы людей, прежде занимавших их каждый день в течение долгих, долгих лет.

Елки в доме не было. И никаких рождественских украшений. Правда, с чего бы им тут быть? Она ведь собиралась на праздник в Три Сосны.

Сквозь задернутые занавески Гамаш увидел свет фар и услышал, как останавливается машина, потом хлопнула дверь и раздался размеренный хруст ботинок по снегу.

В дом вошел Марк Бро и отыскал Гамаша и Лакост в гостиной.

– Не предполагал тебя увидеть, Марк, – сказал Гамаш, пожимая руку главе отдела по расследованию убийств Монреальской полиции.

– Я уже собирался домой, но тут ты сообщил об убийстве, и я подумал, что мне стоит приехать на тот случай, если тебя решат арестовать.

– Как мило с твоей стороны, mon ami[16], – улыбнулся Гамаш.

Бро повернулся к Лакост:

– У нас нехватка рук. Праздники. Не поможете моим ребятам?

Лакост почувствовала, что ее вежливо выпроваживают. Она вышла, и Бро обратил свои умные глаза на Гамаша:

– Ну-ка расскажи мне об этом теле.

– Ее зовут Констанс Уэлле, – сказал Гамаш.

– Та самая женщина, о которой ты днем беспокоился? Принял ее за ту, что покончила с собой?

– Oui. Ее вчера ждали к ланчу. Моя знакомая прождала целый день, надеясь, что та приедет. Потом позвонила мне.

– А ты знал покойную?

Гамаш чувствовал себя довольно странно: он еще никогда не участвовал в допросе в качестве допрашиваемого. А иначе это и назвать было нельзя – мягкий, дружеский, но все же допрос.

– Нет, лично я ее не знал.

Марк Бро открыл рот, собираясь задать еще вопрос, но передумал. Несколько секунд он пристально смотрел на Гамаша.

– Ты говоришь, лично не знал. Но откуда-то все же знал? Она что, известная личность?

Гамаш видел: проницательный ум Бро работает, слушает, анализирует.

– Да. Полагаю, ты ее тоже знал. – И после небольшой паузы: – Она Констанс Уэлле, Марк.

Он еще раз повторил имя. Если потребуется, он был готов рассказать коллеге, кто она, но хотел, чтобы Марк вспомнил сам.

Он видел, как его приятель роется в памяти – точно так же, как Гамаш в магазине Мирны. Наконец глаза Марка Бро расширились.

Он нашел в памяти имя Констанс Уэлле. Бро повернулся и посмотрел на дверь, потом поднялся и быстро пошел по коридору. В спальню, где лежало тело.

Гамаш не давал о себе знать, но Мирна и не рассчитывала, что он позвонит так скоро. «Отсутствие новостей уже повод для радости», – убеждала она себя. Повторяла эти слова раз за разом.

Она позвонила Кларе и пригласила ее выпить.

– Я хочу поделиться с тобой кое-чем, – сказала Мирна, когда они налили себе виски и расположились у камина на чердаке Мирны.

– Чем же? – спросила Клара, наклоняясь к подруге.

Она знала, что Констанс исчезла, и, как и Мирна, беспокоилась.

– Я о Констанс.

– Что? – Клара подготовилась к плохим новостям.

– О том, кто она на самом деле.

– И кто? – спросила Клара.

Ее страх прошел, сменившись недоумением.

– Она жила под именем Констанс Пино, но Пино – девичья фамилия ее матери. Ее настоящая фамилия – Уэлле. Констанс Уэлле.

– Как?

– Констанс Уэлле.

Мирна посмотрела на подругу. Теперь, после того как она видела реакцию Гамаша, такая пауза была ей понятна. Люди задавали себе два вопроса: кто такая Констанс Уэлле и почему Мирна делает из этого такую историю.

Клара нахмурилась, села поглубже в кресло и закинула ногу на ногу. Пригубила виски, уставилась вдаль.

А потом вздрогнула – ее осенило.

Марк Бро вернулся в гостиную, на этот раз неспешным шагом.

– Я сказал остальным. – Голос его прозвучал почти мечтательно. – Мы обыскали ее спальню. Знаешь, Арман, если бы ты не сказал, кто она, то мы бы и не узнали, по крайней мере пока не пропустили бы ее через систему.

Бро оглядел маленькую гостиную.

– Здесь ничто не говорит о ее принадлежности к семье Уэлле. Ни здесь, ни в спальне. Где-то, наверное, есть документы, фотографии, но пока – ничего.

Они вместе осмотрели гостиную.

Тут были фарфоровые фигурки, книги, компакт-диски, кроссворды, потертые коробочки с головоломками. Свидетельства нынешней жизни, но не прошлой.

– Она последняя? – спросил Бро.

Гамаш кивнул:

– Думаю, да.

В гостиную заглянул коронер и сообщил, что они собираются уезжать и забирают тело, и не хотят ли офицеры посмотреть в последний раз? Бро повернулся к Гамашу, и тот кивнул.

Они вдвоем прошли по узкому коридору в спальню в задней части дома. Там команда криминалистов собирала вещдоки. Когда появился Гамаш, они перестали работать и уставились на него. Изабель Лакост, которая просто наблюдала за их действиями, заметила, как распахнулись их глаза, когда они узнали Гамаша.

Старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции. Большинство квебекских копов мечтали работать с ним. За исключением тех, кто теперь работал в отделе старшего инспектора. Лакост обошла вокруг ленты, отгораживающей тело мадам Уэлле, и присоединилась к двум старшим инспекторам у дверей. В маленькой комнате вдруг стало очень тесно.

В спальне, как и в гостиной, обнаружилось немало личных штрихов, включая чемодан, открытый и упакованный, на аккуратно застеленной кровати. Но, как и в гостиной, здесь не оказалось ни одной фотографии.

– Позвольте? – спросил Гамаш у одного из криминалистов, и тот кивнул в ответ.

Старший инспектор опустился на колени рядом с телом Констанс. На ней был халат, застегнутый на все пуговицы, под ним – фланелевая ночная рубашка. Очевидно, ее убили, когда она собирала вещи вечером накануне отъезда в Три Сосны.

Гамаш прикоснулся к ее холодной руке, заглянул в глаза. Они были широко раскрыты. Смотрели. Очень голубые. Очень мертвые. Не удивленные. Не страдающие. Не испуганные.

Пустые. Словно из нее просто ушла жизнь. Как заряд из аккумулятора. Сцена могла бы показаться мирной, если бы не кровь под ее головой и не разбитая лампа, основание которой покрыто кровью.

– Похоже на непреднамеренное, – сказала одна из криминалистов. – Тот, кто это сделал, пришел без оружия. Лампа стояла здесь. – Она показала на прикроватный столик.

Гамаш кивнул. Однако это не значит, что убийство было непреднамеренным. Это значит лишь, что убийца знал, где взять орудие.

Старший инспектор снова посмотрел на женщину, лежащую у его ног, и спросил себя, знал ли убийца, кем она была.

– Ты уверена? – спросила Клара.

– Абсолютно, – ответила Мирна, сдерживая улыбку.

– Почему ты нам не сказала?
– Констанс не хотела, чтобы кто-то знал. Она очень замкнутая.
– Я думала, они все мертвы, – тихо произнесла Клара.
– Надеюсь, что нет.

– Откровенно говоря, худшее время и придумать трудно, – сказал Марк Бро, когда они собрались покинуть дом Уэлле. – Каждое Рождество мужья убивают жен, работники – своих нанимателей. Кто-то совершает самоубийство. А сегодня вот такое. Бóльшая часть моих людей ушла на праздники.

Гамаш кивнул:

– Я через неделю улетаю в Париж. Рейн-Мари уже там.

– А я в пятницу еду в наше шале в Сент-Агате[17]. – Бро оценивающе взглянул на коллегу. Они вышли на тротуар, где начали собираться любопытствующие соседи. – Ну в общем… – Марк Бро потер руки в перчатках, чтобы согреться. – Я знаю, Арман, у тебя много своих дел…

Бро знал не только это. И не потому, что старший инспектор Гамаш сообщил ему. Об этом знали все старшие офицеры Квебекской полиции и, вероятно, Канады. Отдел по расследованию убийств Квебекской полиции «реструктурируется». Гамаш, хотя публично и удостаивался высоких похвал, незаметно и профессионально оттеснялся на обочину. Это было унизительно, но старший инспектор Гамаш продолжал вести себя так, будто ничего не замечал.

– Я буду рад взять это дело.

– Merci, – с явным облегчением сказал Бро.

– Bon. – Старший инспектор подал знак Лакост. Пора было уезжать. – Если твои ребята смогут провести опрос и криминалистическую экспертизу, мы заберем дело утром.

Они подошли к машине. Кое-кто из соседей пытался задавать вопросы. Старший инспектор Бро отвечал туманно, но уверенно.

– Мы, конечно, не сможем замолчать ее смерть, – вполголоса сказал он Гамашу. – Но мы не назовем ее настоящего имени. Если пресса будет спрашивать, она – Констанс Пино. – Бро окинул взглядом обеспокоенные лица соседей. – Интересно, они знали, кто она?

– Сомневаюсь, – ответил Гамаш. – Вряд ли она им что-то рассказывала, иначе не стала бы уничтожать все свидетельства того, кто она такая, включая и собственную фамилию.

– Они могли догадаться, – возразил Бро.

Но он так не думал. Кто бы мог догадаться, что их пожилая соседка

когда-то была одной из самых больших знаменитостей не только Квебека, или Канады, или даже Северной Америки, но и всего мира?

Лакост завела двигатель и включила обогреватель, чтобы разморозить лобовое стекло. Гамаш и Бро остановились возле машины. Марк Бро не спешил уходить.

– Ну говори уже, – сказал Гамаш.

– Ты собираешься в отставку, Арман?

– Я всего две минуты назад взял у тебя дело, а ты уже спрашиваешь меня об отставке? – рассмеялся Гамаш.

Бро улыбнулся, не сводя глаз с коллеги. Гамаш глубоко вздохнул и подтянул перчатки.

– А ты бы ушел? – спросил он наконец.

– В моем-то возрасте? Пенсия мне обеспечена, да и тебе тоже. Если бы мои боссы возненавидели меня, я бы сразу ушел.

– Если бы твои боссы возненавидели тебя, разве тебе не стало бы интересно почему?

За спиной Бро, на другой стороне улицы, Гамаш заметил снеговика, который воздевал руки, похожие на кости какого-то изуродованного существа. Манил их к себе.

– Уходи в отставку, mon ami, – сказал Бро. – Поезжай в Париж, проведи там каникулы, а потом подай в отставку. Но сначала раскрой мне дело.

Глава шестая

– Куда? – спросила Изабель Лакост.

Гамаш посмотрел на часы на приборном щитке. Почти семь.

– Мне нужно домой – забрать Анри, а потом на несколько минут в управление.

Он мог бы попросить дочь Анни покормить и выгулять Анри, но у нее голова была занята другим.

– А мадам Ландерс? – спросила Лакост, поворачивая к дому шефа в Утремоне.

Гамаш тоже думал об этом.

– Я поеду к ней сегодня и сообщу лично.

– Я с вами, – вызвалась она.

– Merci, Изабель, но в этом нет необходимости. Я остановлюсь в гостинице у Габри. Старший инспектор Бро обещал прислать все документы. Пожалуйста, загрузи их завтра утром. А я разузнаю, что удастся, в Трех Соснах.

Долго они в доме Гамаша не задержались – он лишь собрал нужные вещи для ночевки в Трех Соснах и взял Анри. Скомандовал большой немецкой овчарке запрыгнуть на заднее сиденье, и Анри, навострив уши, с удовольствием выполнил команду. Запрыгнул, а потом, опасаясь, что хозяин передумает, свернулся в такой плотный клубок, что и не расплести.

«Ты меня не видишь. Ты-ы-ы меня-а-а не ви-и-идишь».

Но от возбуждения и после слишком быстрого приема пищи не сдержался на свой привычный манер.

Старший инспектор и Изабель Лакост опустили окна, предпочтя мороз тому, что грозило растворить обивку заднего сиденья.

– И часто он так? – спросила Лакост.

– Говорят, это знак любви, – ответил Гамаш, не глядя на нее. – Комплимент. – Гамаш помолчал, повернув голову к окну. – Большой комплимент.

Изабель Лакост улыбнулась. Она была привычна к подобным «комплиментам» от ее мужа, а теперь и от их маленького сына и нередко спрашивала себя, почему Y-хромосома такая пахучая.

У дверей управления полиции Гамаш надел на Анри ошейник, и втроем они вошли в здание.

– Подождите минутку! – крикнула Лакост человеку, который входил в

кабину лифта в конце коридора.

Она быстро пошла туда, Гамаш и Анри последовали за ней, но Лакост неожиданно замедлила шаг. И остановилась.

Человек в лифте нажал кнопку. Потом еще раз. И еще.

Лакост остановилась в футе от лифта, мысленно приказывая дверям побыстрее закрыться, чтобы они втроем поднялись чуть попозже.

Но старший инспектор Гамаш не промедлил ни секунды. Вместе с Анри он прошел мимо Лакост в кабину, не обращая внимания на человека, который отчаянно давил на кнопку. Двери начали закрываться, но Гамаш придержал их рукой и посмотрел на Лакост:

– Идешь?

Лакост шагнула внутрь, к Арману Гамашу и Анри. И Жану Ги Бовуару.

Гамаш приветствовал своего прежнего заместителя коротким кивком.

Жан Ги Бовуар не ответил на приветствие, он предпочел уставиться перед собой. Если, входя в кабину, Изабель Лакост не верила в такие вещи, как флюиды и эманации, то, выходя из нее, она не испытывала сомнения в их существовании. Инспектора Бовуара трясло, он излучал сильнейшие эмоции.

Но какие? Она следила за меняющимися цифрами – 2… 3… 4… – и пыталась понять, какие волны испускает Жан Ги Бовуар.

Стыда? Смущения? Она знала, что на его месте определенно испытывала бы и то и другое. Но она не была на его месте. И подозревала, что чувства Бовуара низменнее. Грубее. Проще.

Он излучал ярость.

6… 7…

Лакост посмотрела на отражение Бовуара в помятой и поцарапанной двери. Она почти не видела Бовуара, после того как он перевелся в отдел старшего суперинтенданта Франкёра.

Изабель Лакост помнила своего наставника уступчивым, энергичным, временами несдержанным. Гибким рядом с более жесткой фигурой Гамаша. Рациональным рядом с шефом, опирающимся на интуицию. Созерцательность Гамаша Бовуар дополнял действием.

Бовуар любил листы и фломастеры, Гамаш любил мысли и идеи.

Бовуар любил спрашивать, Гамаш любил слушать.

И тем не менее между ними существовала какая-то связь, несмотря на разницу в возрасте. Они занимали естественное, словно определенное самой природой, место в жизни друг друга. И связь эта укрепилась еще больше, когда Бовуар влюбился в Анни, дочь шефа.

Лакост немного удивилась, узнав о любви Бовуара. Анни Гамаш

ничуть не походила на бывшую жену инспектора или на одну из красавиц, с которыми он встречался. Моде она предпочитала удобство. Она не была ни красавицей, ни уродиной. Ни стройной, ни толстушкой. Анни Гамаш никогда не была самой привлекательной женщиной на вечеринке. Мужчины никогда не поворачивали голову ей вслед.

Пока она не начинала смеяться. И говорить.

К изумлению Лакост, Жан Ги Бовуар понял что-то об Анни, чего не могли понять другие. Он понял, как прекрасно, как привлекательно счастье.

Анни Гамаш была счастлива, и Бовуар влюбился в нее.

Изабель Лакост восхищалась им за это. Да что говорить, она многим восхищалась в Бовуаре, но в первую очередь его одержимостью в работе и, безусловно, преданностью старшему инспектору Гамашу.

Однако несколько месяцев назад от его преданности не осталось и следа. Хотя, если откровенно, трещинки в их отношениях появились еще раньше.

Лакост перевела взгляд на отражение Гамаша. Старший инспектор казался расслабленным, свободно держал в руке поводок Анри. Она заметила шрам на его седеющем виске.

Все изменилось с того самого дня. Этого не могло быть. Не должно было быть. И Лакост понадобилось какое-то время, чтобы понять, насколько сильно все изменилось.

Она стояла сейчас среди руин, развалин. И в основном среди руин Бовуара. Его чисто выбритое лицо приобрело землистый цвет, осунулось. Он выглядел гораздо старше своих тридцати восьми лет. Он казался не просто уставшим или даже изможденным, а опустошенным. И в этой пустоте он хранил последнее, что у него осталось, – свою ярость.

9… 10…

Прежде у нее еще теплилась надежда, что шеф и инспектор Бовуар просто изображают вражду, но теперь надежда исчезла. Тихой гавани не было. Ни надежды, ни сомнений не осталось.

Жан Ги Бовуар презирал Армана Гамаша.

Без всякого притворства.

Изабель Лакост боялась даже представить, что могло бы случиться, не будь ее сейчас в лифте. Два вооруженных человека. И у одного преимущество (если это можно так назвать) почти безграничной ярости.

Вооруженный человек, которому нечего терять.

Если Жан Ги Бовуар ненавидел Гамаша, то что чувствовал Гамаш?

Она снова вгляделась в отражение шефа в поцарапанной и помятой двери лифта. Он казался абсолютно спокойным.

Анри решил отпустить еще один мощный комплимент (если только такие вещи делаются по решению). Лакост поднесла руку к носу – сработал инстинкт самосохранения.

Пес, не замечавший, как сгустилась атмосфера, крутил головой, позвякивая жетонами на ошейнике. Своими большими карими глазами он посмотрел на человека, стоящего рядом с ним. Не на того, кто держал поводок. На другого.

Знакомого человека.

14… 15.

Лифт остановился, и двери открылись, впустив внутрь кислород. Изабель подумала, что ей, вероятно, придется сжечь свою одежду.

Гамаш придержал дверь для Лакост, и она поспешила выйти, чтобы не чувствовать этой вони, лишь часть которой была на совести Анри. Но прежде чем Гамаш вышел, Анри повернулся к Бовуару и лизнул его ладонь.

Бовуар отдернул руку, словно ее ошпарило кипятком.

Немецкая овчарка последовала за хозяином из лифта. Двери за ними закрылись. Когда они втроем двинулись к стеклянным дверям, ведущим в отдел по расследованию убийств, Лакост обратила внимание, что правая рука, держащая поводок, слегка дрожит.

Дрожь, хотя и незначительная, была все же заметна.

И Лакост поняла, что Гамаш полностью контролирует Анри, за исключением его кишечника. Он мог бы натянуть поводок, чтобы пес и близко не подошел к Бовуару.

Однако Гамаш поводка не натянул. Он позволил собаке лизнуть руку Жана Ги. Допустил этот маленький поцелуй.

Кабина лифта доехала до верхнего этажа управления, и двери открылись. В коридоре возле лифта стояли два человека.

– Черт возьми, Бовуар, что за вонь? – поморщился один из них.

– Я тут ни при чем.

Бовуар все еще чувствовал влажный и теплый язык Анри на своей руке.

– Ну-ну, – сказал агент и переглянулся с коллегой.

– Иди ты в жопу, – пробормотал Бовуар, протискиваясь между ними.

Старший инспектор Гамаш обвел взглядом свой отдел. Прежде агенты засиживались в этом помещении до ночи, а теперь не осталось никого.

Ему бы хотелось, чтобы тишина свидетельствовала о раскрытии всех убийств. А еще лучше – о том, что никаких убийств не произошло. Ни в

чьей душе не возникло черного желания забрать жизнь. Чью-то жизнь, не свою собственную.

Как в случае с Констанс Уэлле. Или с женщиной, чье тело нашли под мостом. Или как могло случиться только что в лифте.

Но Арман Гамаш оставался реалистом и знал, что длинный список убийств будет пополняться и дальше. Уменьшилась лишь его возможность раскрывать их.

Старший суперинтендант Франкёр не встал. Не поднял взгляда. Он не замечал ни Бовуара, ни других рассаживавшихся в его большом кабинете.

Бовуар уже привык к этому. Старший суперинтендант Франкёр был самым важным полицейским в Квебеке и всем своим видом демонстрировал это. Представительный, седоволосый, уверенный, он излучал властность. С таким шутки плохи. Старший суперинтендант Франкёр общался с премьером, обедал с министром общественной безопасности. Он был на короткой ноге с кардиналом Квебека.

В отличие от Гамаша Франкёр предоставлял своим агентам свободу действия. Его не волновало, каким способом они добиваются результатов. «Просто сделайте это», – говорил он.

Единственным законом, который тут действовал, был сам Франкёр. Единственной линией, которую никто не смел пересекать, была линия, проведенная им вокруг себя. Его власть была абсолютной и непререкаемой.

Работать с Гамашем всегда было слишком сложно. Столько серых зон. Вечные разговоры о том, что правильно, а что нет, словно ответ не очевиден.

Работать со старшим суперинтендантом Франкёром было легко и приятно.

Добропорядочные граждане могут чувствовать себя в безопасности, преступники – нет. Франкёр доверял своим людям: пусть сами решают, кто есть кто и что с ними делать. А если случались ошибки? Его люди блюли интересы друг друга. Защищали друг друга. Покровительствовали друг другу.

В отличие от Гамаша.

Бовуар потер руки, пытаясь стереть след собачьего языка, подействовавший на него как удар хлыста. Он думал о том, какие слова должен был и мог сказать своему прежнему шефу. Но не сказал.

– Бросай свои дела и отправляйся домой, – сказал Гамаш, стоя у двери кабинета.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы я поехала с вами?

– Уверен. Как я уже говорил, я, вероятно, там останусь. Спасибо, Изабель.

При взгляде на нее он почти всегда вспоминал тот мгновенный образ. Образ Лакост, склонившейся над ним. Взывающей к нему. И ощущение ее рук, обхвативших его голову, когда он лежал на бетонном полу.

Тот страшный груз на груди и шум в голове. И два слова, которые необходимо произнести. Всего два, и он смотрит на Лакост, отчаянно желая, чтобы она его поняла.

«Рейн-Мари».

Это все, что оставалось сказать.

Поначалу, когда он пришел в себя и вспомнил лицо Изабель, так близко склоненное к его лицу, его смутила собственная уязвимость.

Работа Гамаша заключалась в том, чтобы вести их, чтобы защищать их. И он потерпел неудачу. Вместо этого пришлось спасать его самого.

Но теперь, когда он посмотрел на Изабель и перед ним мелькнул тот образ, он понял, что они навечно спаяны тем мгновением. Он чувствовал огромную любовь к ней. И благодарность. За то, что оставалась с ним и слышала произнесенные слабым шепотом слова. Она была тем сосудом, в который он поместил свои последние мысли.

«Рейн-Мари».

Арман Гамаш никогда не забудет того громадного облегчения, которое он испытал, осознав, что она услышала его. И теперь он может умереть.

Но он, конечно, не умер. В немалой степени благодаря Изабель Лакост. Однако в тот день погибло столько его агентов.

Включая и Жана Ги Бовуара. На ту фабрику вошел самоуверенный, дерзкий умник, а вышел кто-то другой.

– Езжай домой, Изабель, – повторил Гамаш.

Суперинтендант продолжал читать какой-то документ, медленно переворачивая страницы.

Бовуар понял, что это отчет о рейде, в котором он участвовал несколькими днями ранее.

– Я вижу, что не все вещдоки дошли до хранилища, – медленно произнес Франкёр своим низким спокойным голосом. Он посмотрел в расширившиеся глаза Бовуара. – Похоже, какие-то наркотики пропали.

Мысли Бовуара заметались, а суперинтендант тем временем вернулся к отчету.

– Но я не думаю, что такая мелочь повлияет на дело, – сказал наконец

Франкёр, поворачиваясь к Мартену Тесье. – Удалите это из отчета. – Он подвинул бумагу своему заместителю.

– Да, сэр.

– Через полчаса я обедаю с кардиналом. Его очень беспокоят случаи насилия со стороны байкерских банд. Что мне ему сказать?

– Большое несчастье, что та девочка погибла, – вздохнул Тесье.

Франкёр вперился взглядом в Тесье:

– Не думаю, что стоит говорить ему об этом, верно?

Бовуар знал, о чем идет речь. Весь Квебек знал. Семилетняя девочка погибла вместе с несколькими членами банды «Ангелы ада» при взрыве бомбы в машине. Все газеты и телевизионные каналы сообщали о трагедии.

– До недавнего времени нам прекрасно удавалось сливать информацию соперничающим бандам, а они уж там разбирались друг с другом, – сказал Тесье.

Бовуар начал по достоинству оценивать красоту такой стратегии, хотя поначалу и был потрясен. Пусть преступники убивают друг друга. Квебекской полиции оставалось лишь немного корректировать их действия. Вбросить чуток информации там, чуток здесь. Потом отойти в сторону. А остальные проблемы решали сами соперничающие банды. Легко, безопасно и, самое главное, эффективно. Правда, иногда под удар попадали гражданские, но полиция намекала прессе, что убитый или убитая, возможно, не такая уж и невинная овечка, как заявляет семья.

И это действовало.

Пока не погибла маленькая девочка.

– Что вы собираетесь с этим делать? – спросил Франкёр.

– Как-то прореагировать необходимо. Разгромить одно из их убежищ. Поскольку бомбу, которая убила девочку, подложила группа «Рок-машин», нужно спланировать рейд на их лежбище.

Жан Ги Бовуар опустил голову и стал изучать ковер. Затем свои руки.

«Не я. Не я. Только не я опять».

– Подробности меня не интересуют. – Франкёр встал, и все остальные тоже поднялись. – Просто сделайте это. И чем скорее, тем лучше.

– Да, сэр, – сказал Тесье и последовал за ним к двери.

Бовуар проводил их взглядом и выдохнул. Он в безопасности.

У лифта старший суперинтендант протянул Тесье маленький пузырек.

– Мне кажется, наш последний рекрут немного нервничает, а? – Франкёр вложил пузырек в руку Тесье. – Назначь на рейд Бовуара.

Он вошел в кабину лифта.

Бовуар сидел за своим столом, тупо уставившись в монитор компьютера. Он пытался выбросить из головы эту встречу. Не с Франкёром, а с Гамашем. Он специально планировал свои дни, делал все возможное, чтобы не сталкиваться с Гамашем. И несколько месяцев это работало. Но сегодня произошел сбой. Все его тело стонало от боли. Кроме маленького места на руке. Места, которое все еще ощущало влагу и тепло, как он ни старался стереть их.

Бовуар почувствовал чье-то присутствие рядом и повернул голову.

– Хорошая новость, – сказал инспектор Тесье. – Ты произвел впечатление на Франкёра. Он хочет, чтобы ты участвовал в рейде.

У Бовуара скрутило живот. Он уже принял две таблетки оксикодона, но теперь боль вернулась.

Тесье, наклонившись над столом, поставил пузырек рядом с рукой Бовуара.

– Нам всем время от времени требуется небольшая помощь. – Он постучал по крышке пузырька и, понизив голос, добавил: – Прими штучку. Ничего страшного. Слабенький релаксант. Мы все принимаем. Тебе станет лучше.

Бовуар уставился на пузырек. В голове у него прозвенел предупреждающий звоночек, но он был слишком тихим и к тому же явно запоздал.

Глава седьмая

Арман Гамаш выключил свет, потом они с Анри прошли по коридору к лифту, но поехали не вниз, а вверх. Правда, не на самый верх, а на предпоследний этаж. Гамаш взглянул на часы. Половина девятого. Идеально.

Минуту спустя он постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа.

– Bon, – сказала суперинтендант Брюнель. – Вовремя.

Миниатюрная Тереза Брюнель, как всегда опрятная и ухоженная, поднялась и показала на стул рядом с ее мужем Жеромом, который при виде Гамаша тоже встал. Они обменялись рукопожатием и сели.

Тереза Брюнель уже перешагнула порог пенсионного возраста, установленного для Квебекской полиции, но ни у кого не хватало духа или чего-то еще, чтобы сказать ей об этом. Она поступила в полицию поздно, и ее первым наставником стал Гамаш, однако вскоре она обогнала его. Частично благодаря собственной трудоспособности, а частично – о чем знали все – из-за того, что его карьера наткнулась на стену, возведенную суперинтендантом Франкёром.

Они дружили со времен академии, где она была вдвое старше любого другого ученика, а он преподавал.

Развивайся события естественным путем, он бы уже был суперинтендантом, а она – старшим инспектором. Тереза Брюнель знала это. Знал и Жером. Знал и Гамаш, но его это, казалось, не волновало.

Они уселись на офисном диване и стульях, а Анри растянулся между Гамашем и Жеромом. Старший из них опустил руку и рассеянно погладил овчарку.

Жером, которому давно перевалило за семьдесят, стал почти круглым, как мяч, и, будь он пониже ростом, Анри, вероятно, был бы не прочь его погонять.

Несмотря на разницу в званиях, было ясно, что главный здесь Гамаш, пусть эта встреча происходила и не в его кабинете.

– Какие у вас новости? – спросил он у Терезы.

– Мы почти у цели, Арман, но есть одна проблема.

– Я несколько раз упирался в стены, – пояснил Жером. – Тот, кто это сделал, очень неглуп. Стоит мне высунуть голову из тумана, как я обнаруживаю, что оказался в тупике.

Голос его звучал брюзгливо, однако нрав оставался веселым. Жером

наклонился вперед и сцепил руки. Глаза его горели, он с трудом сдерживал улыбку.

Он был вполне доволен собой.

Доктор Брюнель подвизался следователем, но не в Квебекской полиции. До ухода на пенсию он возглавлял службу скорой помощи в больнице Нотр-Дам в Монреале. Его работа состояла в быстром предоставлении медицинской помощи, в сортировке поступающих больных и в диагностике. А потом – в лечении.

Выйдя на пенсию несколько лет назад, он всю свою энергию и опыт отдал решению всевозможных задач и разгадке шифров. Его жена и сам Гамаш не раз обращались к нему, когда следствию требовалась расшифровка кодов. Но дело было не только в том, что доктор на пенсии искал себе занятие. Жером Брюнель от рождения получил этот дар – умение раскрывать тайны. Его разум мгновенно видел и находил связи, на выявление которых у других людей могли уйти часы, или дни, или целая вечность.

Но любимой игрой доктора Брюнеля, его наркотиком были компьютеры. Он заделался настоящим кибернаркоманом, и Гамаш принес ему кибергероин целой упаковкой.

– Я никогда не видел столько уровней защиты, – сказал Жером. – Кто-то очень хотел запрятать это подальше.

– Что именно? – спросил Гамаш.

– Вы просили нас узнать, кто выложил видео той операции на фабрике, – сказала суперинтендант Брюнель. – Операции, которой руководили вы сами.

Гамаш кивнул. То видео снималось крохотными камерами, вмонтированными в шлемы агентов. Они зафиксировали все.

– Разумеется, проводилось расследование, – продолжила суперинтендант Брюнель. – Отдел борьбы с киберпреступностью пришел к заключению, что какой-то хакер случайно нашел исходные файлы, смонтировал их и выложил в Интернет.

– Ерунда, – фыркнул доктор Брюнель. – Хакер ни за что не смог бы найти эти файлы. Они слишком хорошо защищены.

– И что же? – спросил Гамаш у Жерома. – Кто это сделал?

Но они все знали кто. Если не хакер-везунчик, то кто-то из полицейских. Причем достаточно высокопоставленных, чтобы замести следы. Но доктор Брюнель обнаружил след и пошел по нему.

Они все знали, что след приведет в кабинет над ними. На самый высокий уровень Квебекской полиции.

Однако Гамаш давно уже начал задавать себе другой вопрос. Не «кто», а «зачем». Он подозревал, что слитое видео – всего лишь побочные отходы жизнедеятельности гораздо более крупного существа. Они принимали merde[18] за истинную угрозу.

Арман Гамаш оглядел друзей. Старший офицер полиции пенсионного возраста. Колобок-доктор. И он сам. Оттесненный на обочину офицер полиции в летах.

Всего трое. А то существо, которое они искали, казалось, увеличивалось в размерах каждый раз, когда им удавалось мельком увидеть его.

Но Гамаш знал, что такой недостаток одновременно является и преимуществом. Их троих легко могли не замечать, игнорировать, в особенности те, кто считал себя невидимым и неуязвимым.

– Мне кажется, мы уже у цели, Арман, но я продолжаю попадать в тупики, – сказал Жером. Он вдруг напустил на себя хитроватый вид.

– Ну-ну, продолжайте.

– Я не уверен, но мне кажется, что я засек наблюдателя.

Гамаш не произнес ни слова. Он знал, что такое наблюдатель в житейском и компьютерном смыслах. Однако он ждал уточнения.

– Если мне это действительно удалось, то должен сказать, что он очень коварен и опытен. Возможно, он уже некоторое время за мной наблюдает.

Гамаш упер локти в колени, сцепил крупные пальцы. Словно боевой корабль, идущий на таран.

– Это Франкёр? – спросил он.

Пришло время называть имена.

– Не он лично, – ответил Жером. – Но вероятно, кто-то из служащих в Квебекской полиции. Я довольно давно занимаюсь такими проблемами, но еще не видел никого столь искусного. Стоит мне остановиться и оглянуться, как он тут же исчезает.

– А откуда вы вообще знаете о его существовании? – спросил Гамаш.

– Точно я не знаю, но есть ощущение – какие-то движения, перемещения.

Брюнель замолчал, и Гамаш впервые увидел озабоченность на лице жизнерадостного доктора. Похоже, доктор Брюнель почувствовал, что, несмотря на все его мастерство, есть кто-то лучше его.

Гамаш откинулся на спинку стула, словно кто-то прошел мимо и толкнул его. «Так что же мы обнаружили?»

Не только они охотились за этим существом, но и оно само охотилось за ними.

– Ваш наблюдатель знает, кто вы? – спросил он у Жерома.

– Не думаю.

– Не думаете? – спросил Гамаш; голос его посуровел, глаза впились в собеседника.

– Уверен. – Жером отрицательно покачал головой. – Он не знает.

Пока не знает. Слово «пока» осталось непроизнесенным, но подразумевалось. Пока не знает.

– Будьте осторожны, Жером, – сказал Гамаш, вставая и подхватывая поводок Анри.

Он попрощался и ушел в ночь.

Огни городов, городков и деревень исчезали в зеркале заднего вида, по мере того как он уезжал все дальше в леса. Еще немного – и его окружила полная темнота, если не считать света фар на заснеженной дороге. Наконец впереди показалось слабое мерцание. Гамаш знал источник этого света. Его машина поднялась на холм, и он увидел в долине три громадные сосны, подсвеченные зелеными, красными и желтыми лампочками – цветами Рождества. Их там были тысячи. Веселые огоньки висели на крылечках, на заборах, на каменном мосту.

Когда машина спустилась с холма, сигнал на его телефоне пропал. Сюда не доходили ни телефонные вызовы, ни эсэмэски. Гамаш и Анри, дремавший на заднем сиденье, словно исчезли с лица земли.

Старший инспектор остановил машину перед магазином «Книги Мирны, старые и новые» и отметил, что свет наверху еще горит. Он так часто приезжал сюда на зов смерти. Но на сей раз он привез смерть с собой.

Глава восьмая

Клара Морроу первая заметила появление машины.

Они с Мирной скромно пообедали подогретой тушенкой и салатом, потом она пошла мыть посуду, но Мирна вскоре присоединилась к ней.

– Ничего, я сама, – сказала Клара, выдавливая жидкость для мытья в горячую воду и разглядывая пену.

Почему-то это всегда ее успокаивало. Клара чувствовала себя волшебницей, или ведьмой, или алхимиком. Возможно, не таким ценным, как те, что умеют превращать свинец в золото, но все же полезным.

Клара Морроу не принадлежала к тем женщинам, которые любят заниматься домашним хозяйством. Она любила волшебство. Превращение воды в пену. Грязной посуды – в чистую. Чистого холста – в произведение искусства.

Она любила не столько изменения, сколько метаморфозы.

– Ты садись, – сказала она, но Мирна взяла кухонное полотенце и потянулась за теплой чистой тарелкой:

– Мне так легче отвлечься.

Они обе понимали, что вытирание посуды – всего лишь хрупкий плотик в бурном море, но если такое занятие могло поддержать Мирну на плаву, то Клара не возражала.

Они работали, находя успокоение в синхронности своих действий.

Клара закончила мытье, спустила воду, протерла раковину и повернулась к мойке спиной. Эта комната не изменилась за все те годы, что Мирна жила здесь, после того как оставила психотерапевтическую практику в Монреале и затолкала в маленькую машину все свои утлые пожитки. Когда она приехала в Три Сосны, вид у нее был такой, будто она сбежала из цирка.

Она вышла из машины, большая чернокожая женщина, явно превосходящая размерами машину. Она заблудилась на проселочных дорогах и нашла неожиданную деревню, где остановилась, чтобы выпить кофе, съесть пирожное и воспользоваться туалетом. Просто остановка на пути в какое-то другое место. Более волнующее, более многообещающее. Но Мирна Ландерс так никуда и не уехала.

За кофе с молоком и печеньем в бистро она поняла, что именно такое место и искала.

Мирна разгрузила машину, сняла в аренду пустое помещение рядом с

бистро Оливье и открыла магазин по продаже старых и новых книг. А сама поселилась в комнате на чердаке.

Так Клара и познакомилась с Мирной. Она зашла посмотреть, как там в новом книжном магазине, и услышала наверху стук швабры и брань. Она поднялась по лестнице в конце помещения и увидела на чердаке Мирну.

Та подметала комнату и бранилась.

В тот день они стали друзьями.

Клара наблюдала за тем, как Мирна творит свое волшебство, превращая пустой склад в магазин. Пустое пространство – в место для встреч. Неиспользовавшийся чердак – в дом. Несчастливую жизнь – в привольную.

В Трех Соснах царила стабильность, но жизнь там никогда не была тихой.

Пока Клара обозревала комнату, отмечая рождественские огоньки за окном, ей показалось, что она увидела короткую световую вспышку. Свет автомобильных фар.

Потом она услышала звук двигателя и повернулась к Мирне, чьи уши тоже уловили урчащий звук.

Обе они подумали об одном.

Констанс.

Клара попыталась подавить облегчение, понимая, что оно преждевременно, но радость переполняла ее, не слушая остерегающего голоса рассудка.

Звякнул дверной колокольчик. Внизу раздались шаги. Они слышали, как человек – один человек – идет по магазину.

Мирна схватила Клару за руку и крикнула:

– Кто там?

После паузы они услышали знакомый голос:

– Мирна?

Клара почувствовала, как похолодела рука Мирны. Это не Констанс. Это посланник. Почтальон, приехавший на велосипеде.

Глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

Мирна держала кружку в обеих руках, но так и не сделала ни глотка. Цель состояла в том, чтобы греть руки, а не пить.

Она смотрела в окошко плиты, на язычки пламени и пылающие угли. Их свет отражался на ее лице, придавая ему больше жизни, чем в нем было.

Клара расположилась на диване, а Арман – в кресле напротив Мирны. Он тоже держал в своих больших руках кружку. Но смотрел на Мирну, а не

на огонь.

Анри, обнюхав чердак, улегся на коврике перед камином.

– Как вы думаете, она страдала? – спросила Мирна, не сводя глаз с огня.

– Нет.

– И вы не знаете, кто это сделал?

Это. Это. Мирна не находила в себе сил вслух обозначить «это».

Когда Констанс так и не появилась после наступления темноты и даже не позвонила, Мирна подготовилась к худшему. К тому, что у Констанс случился инфаркт. Инсульт. Что она попала под машину.

Ничего хуже ей в голову не приходило. Она и подумать не могла, что ее приятельница не просто простилась с жизнью, а что жизнь у нее отобрали.

Гамаш выпрямился в кресле:

– Мы пока не знаем, но непременно найдем преступника.

– Сможете? – спросила Клара, первый раз подавшая голос, после того как Гамаш сообщил им печальное известие. – Ведь она жила в Монреале, а город не в вашей юрисдикции.

– Верно. Однако глава отдела по расследованию убийств Монреальской полиции – мой друг. Он передал дело мне. Вы хорошо знали Констанс? – спросил он Мирну.

Мирна открыла рот, потом посмотрела на Клару.

– Ой, – встрепенулась Клара. – Ты хочешь, чтобы я ушла?

Немного помедлив, Мирна покачала головой:

– Нет. Извини. Сила привычки – никогда не говорить о клиентах.

– Значит, она была вашим клиентом, – сказал Гамаш. Он не стал доставать блокнот, предпочел внимательно слушать. – Не просто приятельницей.

– Сначала была клиентом, потом стала приятельницей.

– Как вы познакомились?

– Она пришла ко мне на сеанс несколько лет назад.

– А конкретнее?

Мирна задумалась.

– Двадцать три года назад. – Ее саму удивила такая цифра. – Я знала ее двадцать три года, – недоуменно проговорила Мирна, потом заставила себя вернуться к реальности. – После того как она перестала приходить ко мне на сеансы, связь между нами сохранилась. Мы порой обедали вместе, ходили в театр. Не часто, но у нас – у двух одиноких женщин – нашлось много общего. Она мне нравилась.

– Это необычно – подружиться с клиентом? – спросил Гамаш.

– С бывшим клиентом… но да, крайне редко. У меня такой случай единственный. У психотерапевта есть свои четкие границы, даже если речь идет о бывших клиентах. Достаточно того, что головы психотерапевтов заняты чужими проблемами, а если чужие проблемы проникнут и в нашу жизнь, то будет вообще кошмар.

– Однако Констанс стала вашей подругой?

Мирна кивнула:

– Я думаю, мы обе были немного одинокими, и она казалась достаточно здравомыслящим человеком.

– Достаточно? – переспросил Гамаш.

– А кто из нас полностью в своем уме, старший инспектор?

Они посмотрели на Клару, чьи волосы опять стояли торчком – ужасное сочетание воздействия шапки, статического электричества и привычки ерошить волосы.

– Что? – спросила Клара.

Гамаш снова обратился к Мирне:

– Вы встречались с Констанс после вашего переезда в Три Сосны?

– Несколько раз, когда я ездила в Монреаль. Сюда она ни разу не приезжала. Мы поддерживали связь главным образом открытками и телефонными звонками. Но откровенно говоря, в последние годы мы разошлись.

– Тогда что привело ее сюда? – спросил старший инспектор. – Вы ее пригласили?

Мирна задумалась, потом покачала головой:

– Нет, не помню, чтобы я ее приглашала. По-моему, идея принадлежала ей. Хотя, возможно, она намекнула, что хочет приехать, а я ее пригласила.

– У нее была какая-нибудь конкретная причина искать встречи с вами?

И опять Мирна задумалась, прежде чем ответить.

– В октябре у нее умерла сестра. Вы, наверное, слышали…

Гамаш кивнул. Об этом сообщалось в новостях, как будет сообщено и о смерти самой Констанс. Убийство Констанс Пино принадлежало статистике. Убийство Констанс Уэлле – заголовкам новостей.

– После смерти сестры в ее жизни не осталось никого, – сказала Мирна. – Констанс была очень закрытым человеком. В закрытости нет ничего страшного, но у нее замкнутость превратилась в манию.

– Вы можете назвать кого-нибудь из ее друзей?

Мирна отрицательно покачала головой.

– Никого не знаете? – спросил Гамаш.
– Констанс жила без друзей.
– Pardon?
– У Констанс не было друзей, – повторила Мирна.
Гамаш уставился на нее:
– Ни одного?
– Ни одного.
– Ты была ее другом, – возразила Клара. – Да она здесь со всеми подружилась. Даже с Рут.
Но, еще не успев закончить предложение, Клара поняла свою ошибку. Она приняла дружеские манеры за дружбу.
Мирна помолчала секунду-другую, прежде чем заговорить:
– Констанс могла производить впечатление, что у вас с ней дружеские и близкие отношения, на самом деле ничего такого не чувствуя.
– Ты хочешь сказать, это все было ложью? – спросила Клара.
– Не совсем. Не хочу, чтобы вы считали ее социопатом или чем-то подобным. Она любила людей, но никого близко к себе не подпускала.
– Даже вас? – спросил Гамаш.
– Даже меня. Большей частью ее жизнь оставалась закрытой для всех.
Клара вспомнила их короткий разговор в ее мастерской, когда Констанс отказалась позировать ей для портрета. Она сделала это не грубо, но твердо. Явно не хотела подпускать Клару к себе.
– О чем вы задумались? – спросил Гамаш, увидев сосредоточенное лицо Мирны.
– О том, что сказала Клара. Она права. Констанс чувствовала себя здесь счастливой. Мне кажется, она со всеми, даже с Рут, нашла общий язык.
– И о чем это вам говорит?
Мирна помедлила.
– Может быть…
Она устремила взгляд за окно, на сосны, освещенные к Рождеству. Лампочки раскачивались на ночном ветру.
– Может быть, она наконец стала открываться, – сказала Мирна, снова повернувшись к гостям. – Я прежде не задумывалась, но она показалась менее настороженной, более откровенной. В особенности когда провела здесь несколько дней.
– Она не позволила мне написать ее портрет, – пробурчала Клара.
Мирна улыбнулась:
– Ну, это как раз ясно, ты же понимаешь. Она и ее сестры больше

всего боялись, что их выставят куда-нибудь на витрину.

– Да ведь я тогда не знала, кто она, – возразила Клара.

– Какая разница? Она-то знала, – сказала Мирна. – Но я думаю, что, уезжая, она уже чувствовала себя здесь в безопасности, независимо от того, раскрыта ее тайна или нет.

– А ее тайна была раскрыта? – спросил Гамаш.

– Я никому ничего не говорила, – ответила Мирна.

Гамаш посмотрел на журнал, лежащий на табуретке. Очень старый экземпляр «Лайф» со знаменитой фотографией на обложке.

– Но вы явно знали, кто она, – сказал он Кларе.

– Я сообщила ей сегодня вечером, – объяснила Мирна. – Когда начала понимать, что Констанс, вероятно, не появится.

– И больше никто не знал? – повторил Гамаш.

Он взял журнал и стал разглядывать фотографию. Он и раньше видел ее много раз. Пять маленьких девочек с муфтами, в хорошеньких шубках. Одинаковые шубки. И девочки одинаковые.

– Нет, насколько мне известно, – сказала Мирна.

И опять Гамаш спросил себя, знал ли человек, убивший Констанс, кто она такая, и понимал ли, что убивает последнюю из ее рода. Последнюю из пятерняшек Уэлле.

Глава девятая

Арман вышел в холодную, бодрящую ночь. Снег давно перестал, небо прояснилось. Время перевалило за полночь, и, пока он стоял там, вдыхая морозный воздух, свет на деревьях погас.

Старший инспектор и Анри остались единственными живыми существами в темном мире. Гамаш поднял голову, и на небе медленно появились звезды. Пояс Ориона. Большая Медведица. Полярная звезда. И миллионы, миллионы других. Все такие яркие теперь, и только теперь. Свет, видимый лишь в темноте.

Гамаш размышлял, что ему делать и куда идти. Он мог бы вернуться в Монреаль, но очень устал и с удовольствием остался бы здесь. Однако он не предупредил Габри о том, что хочет снять номер, предпочитая сразу поговорить с Мирной. А сейчас было поздно, и в гостинице не горел свет. Гамаш видел только очертания бывшей почтовой станции на фоне леса.

И вдруг, прямо у него на глазах, в одном из окон второго этажа загорелся свет, приглушенный занавесками. А несколько секунд спустя осветилось еще одно окно, внизу. Потом он заметил свет в окошке входной двери, которая тут же распахнулась. На пороге появился силуэт крупного человека.

– Иди сюда, мальчик, иди, – раздался голос, и Анри потянул Гамаша вперед.

Гамаш отпустил поводок, и пес понесся по тропинке, взбежал по лестнице и уперся лапами в грудь Габри.

Когда подошел Гамаш, Габри едва держался на ногах под натиском четвероногого приятеля.

– Хороший мальчик! – Он обнял старшего инспектора. – Заходите. Я уже задницу отморозил. А у меня для нее найдется другое применение.

– Откуда вы узнали, что мы здесь?

– Мирна позвонила. Сказала, что вам, вероятно, понадобится номер. – Он посмотрел на нежданного гостя. – Вы ведь хотите остаться?

– Очень хочу, – признался старший инспектор, и это была сущая правда.

Габри закрыл за ними дверь.

Жан Ги Бовуар сидел в машине и глядел на закрытую дверь. Он сидел съежившись. Не то чтобы до полного исчезновения, но достаточно, чтобы

производить впечатление человека, старающегося быть незаметным. Это делалось намеренно, и в глубине души, не тронутой туманом, он понимал, что поступает глупо.

Но ему было уже все равно. Он хотел, чтобы Анни посмотрела в окно. Узнала его машину. Увидела его. Открыла дверь.

Он хотел…

Он хотел…

Он хотел снова обнять ее. Вдохнуть ее запах. Хотел, чтобы она прошептала: «Все будет хорошо».

Но больше всего он хотел поверить ее словам.

– Мирна сказала нам, что Констанс исчезла, – сообщил Габри, доставая вешалку. Он взял куртку Гамаша и замер. – Вы приехали из-за нее?

– К сожалению.

Габри помедлил мгновение.

– Она мертва?

Старший инспектор кивнул.

Габри прижал к себе куртку и вперился в Гамаша. Ему хотелось узнать больше, но он не стал задавать вопросы – уж больно усталым выглядел Гамаш. И поэтому Габри повесил куртку и пошел к лестнице.

Гамаш последовал наверх за громадным развевающимся халатом.

Они прошли по коридору и остановились у знакомой двери. Габри щелкнул выключателем, и в номере, где всегда останавливался Гамаш, зажегся свет. В отличие от Габри комната являла собой образец аскетизма. На полу из широких досок лежали восточные коврики. Большая кровать темного дерева, хрустящие белоснежные простыни, теплое одеяло и пуховые подушки манили ко сну.

Уютный номер, не отягощенный никакими излишествами. Простой и приветливый.

– Вы обедали?

– Нет, но до утра дотерплю.

Часы на прикроватной тумбочке показывали 12:30.

Габри подошел к окну, чуточку приоткрыл его, чтобы впустить холодный, свежий воздух, и задернул занавеску.

– Когда вы собираетесь вставать?

– Половина седьмого не слишком рано?

Габри побледнел:

– Вовсе нет. В этот час мы все на ногах. – У двери он остановился. –

Вы ведь имеете в виду половину седьмого вечера?

Гамаш поставил сумку на пол рядом с кроватью.

– Merci, patron, – сказал он с улыбкой и проводил Габри взглядом.

Прежде чем начать переодеваться, Гамаш посмотрел на Анри, застывшего у двери.

Старший инспектор остановился посреди комнаты, переводя взгляд с теплой, мягкой кровати на пса и обратно.

– Ах, Анри, надеюсь, ты не только поиграть хочешь.

Он вздохнул и выудил из сумки Анри теннисный мяч и пакетик.

Они тихо спустились по лестнице. Гамаш надел куртку, перчатки, шапку, отпер дверь, и человек с собакой вышли в ночь. Он не стал пристегивать поводок к ошейнику Анри. Опасность, что пес убежит, была нулевая – Гамаш в жизни не видел такой трусливой собаки.

Деревня была полностью погружена в темноту, очертания домов лишь слабо угадывались на фоне леса. Они двинулись к деревенскому лугу. Гамаш удовлетворенно и с безмолвной благодарностью наблюдал, как Анри справляет свои дела, потом собрал в пакетик то, что Анри выложил на снег, и повернулся к псу, чтобы поиграть с ним в мячик.

Но собаки рядом не было. Гамаш сотни и сотни раз выгуливал Анри, и пес неизменно стоял возле хозяина, с нетерпением поглядывая на него. «Я сделал подарок тебе – теперь ты сделай мне». Взаимовыгодный обмен.

Но сейчас Анри непостижимым образом отсутствовал. Исчез.

Гамаш выругал себя за глупость и посмотрел на поводок в своей руке. Может быть, Анри уловил запах оленя или койота и рванул в лес?

– Анри! – позвал старший инспектор. – Иди ко мне, мальчик!

Он засвистел и тут заметил на снегу отпечатки лап. Они шли назад по дороге, но не к гостинице.

Гамаш пригнулся и трусцой побежал по следам. По дороге, через сугроб. По газону перед домом. По нерасчищенной дорожке. Второй раз за день снег начал таять в ботинках старшего инспектора, увлажняя носки. Придется снова сушить, но ему было все равно. Он хотел одного – найти Анри.

Гамаш остановился, увидев темный силуэт с огромными ушами. Пес нетерпеливо смотрел на дверь. Размахивал хвостом. Ждал, когда его впустят.

Сердце Гамаша успокоилось, он сделал глубокий вдох.

– Анри, – громко прошептал он, – viens ici![19]

Овчарка посмотрела в его сторону.

«Прибежал не в тот дом», – подумал, ничуть не удивившись, Гамаш.

Сердце у Анри было большое, но мозг очень скромный. Его голову почти целиком занимали уши. Да что говорить, предназначение его головы и состояло в том, чтобы из нее росли уши. К счастью, Анри не особо нуждался в голове. Все важные вещи он хранил в своем сердце. Кроме разве что его нынешнего адреса.

– Иди сюда! – Гамаш поманил его рукой, удивленный тем, что обученный и обычно послушный Анри не отозвался сразу же. – Напугаешь людей до смерти.

Однако, произнося эти слова, старший инспектор уже понимал, что Анри ничуть не ошибся. Он пришел к тому дому, к которому и хотел прийти. Он знал гостиницу, но еще лучше знал этот дом.

Анри вырос здесь. Его спасла и щенком принесла сюда пожилая женщина. Эмили Лонгпре спасла его, дала ему имя, полюбила его. А Анри полюбил ее.

Здесь был – и в известном смысле всегда будет – дом Анри.

Гамаш забыл, что Анри знает Три Сосны лучше, чем он. Знает каждый запах, каждую травинку, каждое дерево, каждого человека.

Старший инспектор посмотрел на отпечатки собачьих лап и своих ботинок в снегу. Газон перед домом замело. Ступеньки на веранду занесены снегом. Дом темен. И пуст.

Гамаш знал: здесь никто не живет и, вероятно, не жил ни дня после смерти Эмили Лонгпре. Именно тогда Арман и Рейн-Мари решили взять щенка себе.

Анри не забыл. А более вероятно, думал Гамаш, поднимаясь по ступенькам, что он знал дом Эмили сердцем. И теперь овчарка ждала, помахивая хвостом, чтобы женщина, давно ушедшая в мир иной, впустила его, дала вкусненького и сказала, что он хороший мальчик.

– Хороший мальчик, – прошептал Гамаш в огромное ухо, надевая карабин поводка на колечко ошейника.

Но, прежде чем уйти, заглянул в окно.

Он увидел мебель, укрытую простынями. Мебель-призрак.

Потом они с Анри сошли с крыльца. Под звездным куполом они медленно обогнули деревенский луг.

Один из них думал, другой вспоминал.

Тереза Брюнель приподнялась на локте и посмотрела на часы на ночном столике, которые загораживала от нее глыба, лежащая рядом с ней на кровати, – ее муж Жером.

Шел второй час ночи. Она снова легла, прислушалась к ровному

дыханию мужа и позавидовала его спокойствию.

Не потому ли он так спокоен, что не отдает себе отчета в серьезности ситуации? Впрочем, он был человек вдумчивый и наверняка все понимал.

А вероятнее всего, Жером полагался на жену и на Армана, которые должны знать, что делать.

Бо́льшую часть их супружеской жизни Тереза утешала себя мыслью, что Жером, врач скорой помощи, всегда сможет прийти на помощь. Если она или кто-то из детей подавится. Или расшибет голову. Или станет жертвой несчастного случая. Или инфаркта. Он всех спасет.

Но теперь они, судя по всему, поменялись ролями. Он рассчитывал на нее. А ей не хватало мужества признаться, что она не знает, как действовать дальше. Ее научили работать в ситуациях с ясными целями, определенными заданиями. Раскрыть преступление, арестовать преступника. Но в нынешней ситуации все было туманно. Неопределенно.

Глядя в потолок и слушая тяжелое ритмичное дыхание мужа, суперинтендант Брюнель поняла, что все сводится к двум возможностям. Никто не обнаружил Жерома в киберпространстве. Никто за ним не наблюдает. Это просто мираж.

Или его все же обнаружили. И наблюдают за ним.

Это означало, что кто-то на высших должностях в Квебекской полиции пошел на немалые хлопоты, чтобы блокировать их действия. Хлопот гарантированно больше, чем для размещения печально известного видео, каким бы подлым оно ни было.

Лежа в кровати и глядя в потолок, Тереза пришла к немыслимому заключению: а что, если то, что они разыскивали, существовало рядом уже многие годы, росло, строило козни? Запускало долгосрочные планы?

Неужели именно поэтому они наткнулись на препятствие? Неужели Жером, идя по следу похищенного видео, нашел что-то гораздо более крупное, укоренившееся, еще более презренное?

Тереза посмотрела на мужа и увидела, что он тоже не спит и изучает потолок. Она прикоснулась к его руке, и он повернулся на бок, приблизив к ней свое лицо.

Взяв обе ее руки в свои, он прошептал:

– Все будет хорошо, ma belle[20].

Как бы она хотела поверить ему!

Старший инспектор остановился на дальней стороне деревенского луга. Анри на поводке терпеливо стоял, невзирая на холод, а Гамаш разглядывал темный пустой дом, где Анри провел первые месяцы жизни и

куда привел его сегодня.

И в голове у него сформировалась идея.

Минуту спустя Гамаш заметил, что его пес поднимает и опускает передние лапы, чтобы не касаться холодного льда и снега.

– Идем, mon vieux[21], – сказал Гамаш и быстрым шагом двинулся к гостинице.

В спальне старший инспектор обнаружил тарелку, а на ней – толстые сэндвичи с ветчиной, печенье и чашку горячего шоколада. Ему так хотелось поскорее забраться в постель вместе с едой. Но сначала он опустился на колени и принялся отогревать в ладонях лапы Анри. Одну за другой. Потом прошептал ему в ухо:

– Все будет хорошо.

И Анри поверил ему.

Глава десятая

На следующее утро ровно в шесть тридцать Гамаша разбудил стук в дверь.

– Merci, patron, – откликнулся он, сбросил с себя одеяло и опасливо прошел по холодной комнате, чтобы закрыть окно.

Приняв душ, Гамаш вместе с Анри спустился по лестнице на запах горячего кофе и бекона, копченного в кленовом соке. В камине плясал и потрескивал огонь.

– Одно яйцо или два, patron? – спросил Габри.

Гамаш заглянул в кухню:

– Два, пожалуйста. Спасибо вам за сэндвичи. – Он поставил тарелку и чашку в раковину. – Они были великолепны.

– Хорошо спали? – спросил Габри, отрываясь от процесса распределения кусочков бекона по сковородке.

– Отлично.

И он не преувеличивал. Впервые за долгое время ему удалось заснуть глубоким, спокойным сном.

– Завтрак будет готов через несколько минут, – сказал Габри.

– Я сейчас вернусь.

У дверей Гамаш столкнулся с Оливье, и они обнялись.

– Я слышал о вашем приезде, – сказал Оливье, пока они оба надевали ботинки.

Выпрямившись, Оливье помедлил.

– Габри сообщил мне о Констанс. Какой ужас. Сердце?

Гамаш не ответил, и Оливье широко распахнул глаза, пытаясь осмыслить ужас того, о чем говорило мрачное лицо старшего инспектора.

– Невозможно, – прошептал он. – Неужели ее убили?

– К несчастью.

– Боже мой. – Оливье покачал головой. – Долбаный город.

– Стеклянные дома, месье? – кротко спросил Гамаш.

Оливье поджал губы и последовал за Гамашем на крыльцо, где старший инспектор пристегнул поводок к ошейнику Анри. Приближалось зимнее солнцестояние – самый короткий день в году. Солнце еще не встало, но деревня уже начинала просыпаться. В окнах домов вокруг деревенского луга стал появляться свет, в воздухе поплыл запах дымка.

Они вместе пошли к бистро – Оливье собирался готовить завтрак для

клиентов.

– Что произошло? – спросил Оливье.

– На нее напали в собственном доме. Убили ударом по голове.

Даже в темноте Гамаш заметил, как потрясен его собеседник.

– Почему кому-то понадобилось ее убивать?

«Это-то и есть главный вопрос», – подумал Гамаш.

Иногда таким вопросом было «как», почти всегда – «кто». Но вопрос, возникавший при каждом расследовании, звучал так: «Почему?»

Почему кто-то убил семидесятисемилетнюю женщину? И кого убили – Констанс Пино или Констанс Уэлле? Знал ли убийца, что она – одна из пятерых знаменитых близнецов Уэлле? И не просто одна, а последняя?

Почему ее убили?

– Не знаю, – признался Гамаш.

– Вы ведете это дело?

Гамаш кивнул, его голова покачивалась в такт шагам.

Они остановились перед бистро, и Оливье хотел уже попрощаться с Гамашем, но тот задержал его, прикоснувшись к локтю. Оливье посмотрел на руку в перчатке на своем локте, потом заглянул в темно-карие глаза.

Оливье ждал.

Гамаш опустил руку. Он вовсе не был уверен, что поступает благоразумно. Красивое лицо Оливье порозовело на морозе, дыхание вырывалось изо рта длинными легкими облачками.

Старший инспектор отвел глаза от Оливье и сосредоточился на Анри – пес катался по снегу и молотил лапами в воздухе.

– Не прогуляетесь со мной?

Оливье слегка удивился и совсем не слегка насторожился. Из своего опыта он знал, что, когда глава отдела по расследованию убийств хочет поговорить с тобой наедине, ничего хорошего ждать не приходится.

Утоптанный снег на дороге хрустел под ногами, пока они размеренным шагом шли вокруг деревенского луга. Высокий плотный мужчина и другой – пониже, помоложе, постройнее. Они шли, чуть наклонив друг к другу головы и разговаривая о чем-то не предназначенном для чужих ушей. Не об убийстве, а о чем-то совершенно ином.

Они остановились перед домом Эмили Лонгпре. Здесь не вился дым из трубы и не горел свет в окнах. Но дом был полон воспоминаний о пожилой женщине, которой восхищался Гамаш и которую любил Анри. Они смотрели на дом, и Гамаш объяснял Оливье, что ему нужно.

– Я вас понял, – сказал Оливье, выслушав просьбу старшего инспектора.

– Спасибо. Пожалуйста, сохраните наш разговор в тайне.

– Конечно.

Они расстались. Оливье пошел открывать свое бистро, а Гамаш и Анри поспешили в гостиницу на завтрак.

На потертом сосновом столе перед камином стояла в ожидании Гамаша большая кружка кофе с молоком. Покормив Анри и дав ему свежей воды, Гамаш сел за стол, отхлебнул кофе и принялся делать записи в блокноте. Анри улегся у его ног, но поднял голову, когда вошел Габри.

– Прошу.

Габри поставил на стол тарелку с яичницей из двух яиц, беконом, поджаренными английскими булочками и свежими фруктами, потом налил себе кофе с молоком и присел к старшему инспектору.

– Только что из бистро звонил Оливье, – начал Габри. – Он сказал, что Констанс убили. Это правда?

Гамаш кивнул, прихлебывая ароматный и крепкий кофе.

– Больше он вам ничего не говорил? – непринужденным тоном спросил Гамаш, не сводя, впрочем, взгляда с Габри.

– Сказал, что ее убили дома.

Гамаш ждал, но Оливье, вероятно, сохранил в тайне остальную часть их разговора, как и обещал.

– Именно так и случилось, – подтвердил Гамаш.

– Но почему? – Габри взял булочку.

«Опять тот же вопрос», – подумал Гамаш. Как и его партнер, Габри спросил не кто, а почему.

Разумеется, Гамаш не знал пока ответа ни на один из этих вопросов.

– Какое у вас сложилось мнение о Констанс?

– Вы же знаете, она пробыла здесь всего несколько дней, – ответил Габри.

Потом задумался над вопросом. Гамаш с нетерпением ждал, что он скажет.

– Поначалу она была приветлива, но сдержанна, – произнес наконец Габри. – Геи ей не нравились, это было очевидно.

– А она вам понравилась?

– Понравилась. Просто некоторые люди почти не сталкиваются в жизни с голубыми, вот в чем их проблема.

– А после того, как она познакомилась с вами и Оливье?

– Ну, она не то чтобы стала гомолюбом, но близко к тому.

– В каком смысле?

Габри посерьезнел:

– Она стала относиться к нам обоим по-матерински. Да и ко всем остальным, я думаю. Кроме Рут.

– А как она относилась к Рут?

– Сначала Рут даже разговаривать с ней не хотела. Невзлюбила Констанс с первого взгляда. Вы же знаете, Рут гордится тем, что всех ненавидит. Она с Розой держалась в стороне и издалека бормотала ругательства.

– Нормальная реакция Рут, – заметил Гамаш.

– Я рад, что Роза вернулась, – доверительным шепотом сообщил Габри и огляделся с напускной озабоченностью. – Но не кажется ли вам, что она похожа на летучую обезьяну?

– Давайте ближе к теме, Дороти[22], – сказал Гамаш.

– Забавно, что поначалу Рут относилась к Констанс не лучше, чем к помету Розы, а потом ни с того ни с сего потеплела к ней.

– Рут?

– Я знаю. Прежде я ничего подобного не видел. Они даже как-то раз обедали в доме у Рут. Вдвоем.

– У Рут? – повторил Гамаш.

Габри намазал джем на булочку и кивнул. Гамаш внимательно посмотрел на него, но Габри, похоже, ничего не скрывал. И старший инспектор понял: Габри не знает, кто такая Констанс. Если бы знал, то уже сказал бы что-нибудь.

– Значит, насколько вам известно, здесь не произошло ничего такого, что объяснило бы ее смерть? – спросил Гамаш.

– Ничего.

Гамаш доел свой завтрак (с помощью Габри), поднялся и позвал Анри.

– Сохранить за вами номер?

– Пожалуйста.

– И для инспектора Бовуара, конечно? Он к вам присоединится?

– Вообще-то, нет. Он работает по другому делу.

Габри немного помолчал, потом кивнул:

– Ага.

Ни один из них не знал, что должно означать это «ага».

Гамаш спросил себя, как долго люди будут смотреть на него, а видеть Бовуара. И как долго он сам будет ждать, что Жан Ги снова окажется рядом. Не так трудно выносить боль, как груз пережитого.

Когда старший инспектор и Анри пришли в бистро, там уже собралась толпа жаждущих позавтракать, хотя слово «толпа» здесь вряд ли уместно. Все вели себя чинно, никто не толкался.

Многие из жителей деревни неторопливо потягивали кофе, устроившись в креслах у каминов с утренними газетами, приходившими из Монреаля с опозданием в один день. Некоторые сидели за маленькими круглыми столиками, ели французские тосты, или блинчики, или яичницу с беконом.

Солнце только начинало вставать, и день обещал быть прекрасным.

Когда вошел Гамаш, все головы повернулись к нему. Он был привычен к этому. В деревне, конечно, уже знали про Констанс. Знали, что она пропала, а теперь узнали, что она мертва. Убита.

Он обвел взглядом зал, встречая их взгляды, у кого-то любопытствующие, у кого-то страдающие, у кого-то просто вопросительные, словно он принес с собой мешок ответов на плече.

Гамаш повесил куртку, повернулся и увидел несколько улыбок. Местные узнали его спутника – ушастого пса. Блудного сына. И Анри узнал их, он приветствовал старых знакомых, облизывая им руки, махая хвостом и невоспитанно потягивая носом, пока Гамаш вел его по бистро.

– Сюда!

Гамаш увидел Клару, стоящую рядом с несколькими креслами и диваном. Он помахал ей в ответ и стал пробираться между столиками. По пути к нему присоединился Оливье с кухонным полотенцем на плече и влажной тряпкой в руке. Пока старший инспектор здоровался с Кларой, Мирной и Рут, Оливье протирал столик.

– Не возражаете, если Анри побудет со мной? Или отвести его в гостиницу? – спросил Гамаш.

Оливье посмотрел на Розу. Утка сидела в кресле у камина на «Монреаль газетт», а на подлокотнике висела еще не читанная «Пресс».

– Я думаю, ничего страшного, – ответил Оливье.

Рут похлопала по сиденью дивана рядом с собой, что могло быть истолковано только как приглашение. Равносильное получению персонального коктейля Молотова.

Гамаш сел.

– Ну, где Бовуар?

Старший инспектор забыл, что наперекор всему и самой природе между Жаном Ги и Рут завязалось что-то вроде дружбы. Ну или по меньшей мере понимания.

– Он занят на другом расследовании.

Рут вперилась в него глазами, но Гамаш стойко выдержал ее взгляд.

– Наконец-то понял, что ты собой представляешь?

Гамаш улыбнулся:

– Вероятно.

– А твоя дочка? Он все еще влюблен в нее или на это тоже забил?

Гамаш продолжал смотреть в ее холодные старческие глаза.

– Я рад, что Роза вернулась, – сказал он наконец. – Выглядит она неплохо.

Рут перевела взгляд с Гамаша на утку, потом снова на Гамаша. И сделала нечто такое, чего он от нее никак не ожидал. Она смилостивилась.

– Спасибо, – сказала Рут.

Арман глубоко вздохнул. В бистро пахло свежей сосной и дровяным дымком с ароматом мятной палочки. На каминной полке висел венок, в углу стояла елочка, украшенная вразнобой рождественскими игрушками и конфетами.

Он повернулся к Мирне:

– Как вы себя чувствуете сегодня?

– Ужасно, – ответила она, слабо улыбнувшись.

Судя по виду, она почти не спала ночью.

Клара взяла подругу за руку.

– Инспектор Лакост сегодня утром получит всю информацию, собранную Монреальской полицией, – сказал Гамаш. – Я поеду в город, и мы опросим свидетелей. Главный вопрос вот в чем: знал ли убийца, кто она на самом деле?

– Вы хотите сказать, было ли это случайное убийство, или целью была Констанс? – спросил Оливье.

– Это вечный вопрос, – кивнул Гамаш.

– Вы думаете, что хотели убить именно ее? – спросила Клара. – Или это случилось по ошибке? Ограбление, которое пошло не по сценарию?

– Был ли это mens rea, виновный разум, или убийство произошло случайно? – подытожил Гамаш. – Это мы и должны выяснить.

– Постойте, – сказал Габри, который присоединился к ним некоторое время назад, но хранил необычное для него молчание. – На что вы намекали, когда говорили «кто она на самом деле»? Не просто «кто она», а «кто она на самом деле». Что вы имели в виду? – Габри перевел взгляд с Гамаша на Мирну и снова на Гамаша. – Кем она была?

Старший инспектор подался вперед, собираясь ответить, потом посмотрел на Мирну, молча сидевшую в своем кресле. Он кивнул. Мирна не одно десятилетие хранила тайну. Кому, как не ей, принадлежало право ее раскрыть.

Мирна открыла рот, но тут раздался ворчливый голос:

– Она была Констанс Уэлле. Тупица.

Глава одиннадцатая

– Констанс Уэлле Тупица? – спросил Габри.

Рут и Роза уставились на него.

– Фак-фак-фак, – пробормотала утка.

– Она – Констанс Уэлле, – пояснила Рут ледяным тоном. – А тупица – ты.

– Ты знала? – спросила Мирна у старой поэтессы.

Рут посадила Розу к себе на колени и принялась гладить, как котенка. Роза выпрямила шею, потянулась клювом к Рут, удобно устроилась в гнезде старого тела.

– Не сразу. Я думала, что она просто занудная старая жопа. Вроде тебя.

– Постой, – сказал Габри, помахав своей большой рукой перед лицом, словно чтобы рассеять недоумение. – Констанс Пино была Констанс Уэлле?

Он посмотрел на Оливье.

– Ты знал?

Но лицо его партнера ясно говорило, что он удивлен не меньше.

Габри оглядел собравшихся и наконец остановил взгляд на Гамаше:

– Мы говорим об одном и том же? О пятерняшках Уэлле?

– C’est ça[23], – ответил старший инспектор.

– О пятерняшках? – повторил Габри, все еще неспособный осознать это полностью.

– Именно, – заверил его Гамаш.

Но ответ старшего инспектора лишь усилил недоумение Габри.

– Я думал, они уже умерли, – сказал он.

– Почему все вокруг говорят об этом? – удивилась Мирна.

– Ну, это ведь было так давно. В стародавние времена.

Наступило молчание. Габри точно выразил общее мнение. Удивляло не столько то, что одна из Уэлле умерла, сколько то, что кто-то из них все еще оставался в живых. И даже общался с ними.

Пятерняшки были легендой Квебека. Канады. Всего мира. Они были феноменом. Чуть ли не цирковыми уродцами. Пять маленьких девочек, совершенно одинаковых. Они родились в худшие годы Великой депрессии. Были зачаты без помощи каких-либо таблеток, усиливающих репродуктивную функцию. Не в пробирке, а в естественных условиях. Единственная из известных пятерня, в которой все младенцы выжили. И

последняя из них дожила до семидесяти семи лет. До вчерашнего дня.

– Кроме Констанс, никого из них не осталось, – сказала Мирна. – Ее сестра Маргерит умерла в октябре от инсульта.

– Была ли Констанс замужем? – спросил Оливье. – Фамилия Пино – от мужа?

– Нет, никто из них так и не вышел замуж, – ответила Мирна. – Они жили под девичьей фамилией матери – Пино.

– Почему? – спросил Габри.

– А как по-твоему, ослина? – фыркнула Рут. – Не все же хотят быть в центре внимания.

– Откуда же ты узнала, кто она такая? – спросил Габри.

Ко всеобщему удивлению, Рут ответила молчанием. Все ждали от нее какой-нибудь грубости, а она плотно сжала губы.

Но наконец соизволила ответить:

– Она сама мне сказала. Но мы с ней на эту тему не говорили.

– Да брось ты, – возразила Мирна. – Она сказала тебе, что она одна из пятерняшек Уэлле, а ты не задала ей ни одного вопроса?

– Можете мне не верить, – проворчала Рут, – но, увы, это правда.

– Правда? Да ты бы не узнала правду, даже если бы она укусила тебя за твое «увы»! – сказал Габри.

Проигнорировав его, Рут вперилась взглядом в Гамаша, который внимательно глядел на нее.

– Ее убили, потому что она была одной из пятерняшек Уэлле? – спросила она.

– А вы как считаете? – ответил вопросом Гамаш.

– Не могу понять зачем, – признала Рут. – И все же…

«И все же, – подумал Гамаш, вставая. – И все же. Какой еще мог быть повод для убийства?»

Он посмотрел на часы. Почти девять. Пора ехать. Старший инспектор извинился и пошел позвонить из бара, вовремя вспомнив, что его сотовый здесь не работает и электронная почта сюда не доходит. Он представил себе, как сообщения мелькают в небесах над деревней, не в силах опуститься. Ждут, когда, уезжая из Трех Сосен, он поднимется на холм, и тут же обрушатся на него, как пикирующие бомбардировщики.

Но пока он оставался здесь, ни одно сообщение не могло до него добраться. Арман Гамаш подозревал, что этим отчасти объясняется его крепкий здоровый сон. И что именно поэтому Констанс Уэлле сумела здесь расслабиться.

В Трех Соснах она чувствовала себя в безопасности. Здесь ее ничто не

могло достать. И только уехав, она нашла свою смерть.

Или…

Он слушал гудки в трубке, а его мысли обгоняли друг друга.

Или…

Ее убили не тогда, когда она уехала отсюда, понял Гамаш. Констанс Уэлле убили, когда она собиралась вернуться в Три Сосны.

– Bonjour, patron, – раздался в трубке бодрый голос инспектора Лакост.

– Как ты догадалась, что звоню я? – спросил он.

– Идентификатор выдал слово «бистро». Это наше кодовое слово для вас.

Он задумался на секунду, прикидывая, правда ли это, но тут она рассмеялась:

– Вы все еще в Трех Соснах?

– Да, собираюсь уезжать. Какие у тебя новости?

– У нас есть результаты вскрытия и криминалистическая экспертиза из Монреальской полиции, а я сейчас читаю протоколы опроса соседей. Уже отправила вам.

«Витают где-то надо мной в облаках», – подумал Гамаш.

– Что-нибудь важное?

– Пока ничего. Похоже, соседи не знали, кто она.

– А теперь знают?

– Мы им не говорили. Нужно как можно дольше придерживать эту информацию. Пресса пустится во все тяжкие, когда узнает, что последняя из пятерняшек убита.

– Я бы хотел еще раз осмотреть место преступления. Ты сможешь подъехать к дому Уэлле через полтора часа?

– D’accord[24], – сказала Лакост.

Гамаш посмотрел в зеркало за баром. Увидел в нем свое отражение, а за спиной у себя – бистро с рождественскими украшениями и окном, выходящим на заснеженную деревню. Солнце уже взошло и повисло над верхушками деревьев, а небо голубело самой бледной зимней голубизной. Большинство посетителей бистро вернулись к своим разговорам, возбужденные, взбудораженные известием о том, что своими глазами видели одну из пятерняшек Уэлле. Гамаш чувствовал, как флюиды их эмоций гуляют по залу. Сенсационное открытие взволновало их. Потом они вспоминали, что Констанс мертва. Потом возвращались к феномену пятерняшек. Потом говорили об убийстве. Это было похоже на атомы, мечущиеся между полюсами, не в состоянии обрести неподвижность в каком-либо из мест.

У камина друзья выражали сочувствие Мирне. И все же… Пока он глядел в зеркало, у него возникло ощущение какого-то движения. Кто-то посмотрел на него и быстро опустил взгляд.

Но одна пара глаз постоянно следила за ним. Не мигая, не уставая.

Глаза Анри.

Пес невозмутимо сидел на полу, не замечая шума вокруг. Он смотрел на Гамаша. Смотрел как загипнотизированный. Ждал. Он мог ждать вечно, абсолютно уверенный в том, что Гамаш о нем не забудет.

Гамаш поймал взгляд овчарки и улыбнулся ему в зеркало. Анри замахал хвостом, причем его тело оставалось совершенно неподвижным.

– Что теперь, patron? – спросил Оливье, зайдя за стойку бара в тот момент, когда Гамаш повесил трубку.

– Теперь я еду в Монреаль. Дела ждут.

Оливье снял трубку:

– И у меня тоже дела. Удачи, старший инспектор.

– Удачи и вам, mon vieux.

Старший инспектор Гамаш встретился с Изабель Лакост перед домом Констанс, и внутрь они вошли вместе.

– А где Анри? – спросила она, включив свет в доме.

День стоял солнечный, но в комнате царил сумрак, словно все краски ушли из него.

– Оставил его в Трех Соснах с Кларой. Оба, кажется, были абсолютно счастливы.

Он пообещал Анри, что вернется, и пес ему поверил.

Гамаш и Лакост сели за кухонный стол и стали просматривать протоколы опросов соседей и данные криминалистической экспертизы. Монреальская полиция провела большую работу, сняла показания и отпечатки пальцев, отобрала образцы.

– Как я вижу, здесь только ее отпечатки, – сказал Гамаш, не отрывая глаз от отчета. – Никаких признаков насильственного проникновения, и дверь не была заперта, когда мы появились.

– Это ничего не значит, – возразила Лакост. – Будете обходить соседей – увидите, что большинство из них не запирают дверей, пока находятся дома. Район старый, обжитой. Преступность нулевая. Семьи живут здесь годами. В некоторых случаях – поколениями.

Гамаш кивнул, хотя и подозревал, что Констанс Уэлле запирала свои двери. Личную жизнь она хранила как зеницу ока и не хотела, чтобы кто-нибудь из доброхотов-соседей вторгался в нее.

– Коронер подтверждает, что ее убили до полуночи, – сказал он. – Когда мы ее нашли, она была мертва уже тридцать шесть часов.

– И вот вам объяснение, почему никто ничего не видел, – подхватила Лакост. – В такую темень и мороз все спали дома, или смотрели телевизор, или заворачивали рождественские подарки. А потом целый день шел снег, и все следы, которые еще оставались, замело.

– Как он вошел? – спросил Гамаш, подняв голову и встретившись взглядом с Лакост.

Старомодная кухня, казалось, ждала, чтобы кто-нибудь из них приготовил чай или съел печенье из вазочки. Гостеприимная кухня.

– Ну, когда мы приехали, дверь оказалась открытой, значит либо она ее не заперла и убийца вошел без всяких проблем, либо дверь была заперта, он позвонил и она его впустила.

– Потом он ее убил и ушел, – сказал Гамаш. – А дверь осталась незапертой.

Лакост кивнула. Гамаш откинулся на спинку стула и покачал головой:

– Констанс Уэлле не стала бы его впускать. Мирна говорит о почти патологической замкнутости Констанс, и отчет, – он постучал пальцем по бумагам, – подтверждает это. Когда ты в последний раз видела дом, в котором обнаруживается только один комплект отпечатков пальцев? Никто сюда не приходил. По крайней мере, никого не приглашали.

– Значит, дверь была не заперта, и он вошел.

– Но незапертая дверь противоречит природе Констанс, – возразил старший инспектор. – И, скажем так, ей пришлось выработать привычку не запирать дверь, как и все соседи. Приближалась ночь, и она собиралась лечь спать. А на ночь она наверняка запирала дверь, верно?

Лакост кивнула. Либо Констанс впустила убийцу, либо он вошел сам.

Обе гипотезы казались маловероятными, но одна из них отвечала действительности.

Гамаш вернулся к чтению отчетов, а инспектор Лакост внимательно обыскала дом, начав с подвала. Он слышал, как она внизу передвигает что-то. Кроме этих звуков, раздавалось лишь тиканье часов над раковиной, отмерявших уходящие мгновения.

Наконец он положил отчеты и снял очки.

Соседи ничего не видели. Старейшая из них, на чьих глазах прошла вся жизнь Констанс с момента ее переезда, вспомнила время, когда сюда приехали три сестры – тридцать пять лет назад.

Констанс, Маргерит и Жозефин.

Насколько она знала, Маргерит была старшей, хотя первой умерла

Жозефин. Пять лет назад. От рака.

Сестры были людьми приветливыми, но замкнутыми. Никого к себе не впускали, однако всегда покупали коробки с апельсинами, грейпфрутами и рождественскими шоколадками у детей, которые обходили дома, собирая пожертвования. Останавливались поболтать в теплые летние деньки, когда работали в саду.

Они были приветливыми, но ненавязчивыми. И по отношению к себе навязчивости не допускали.

«Идеальные соседи», – сказала женщина.

Ее дом стоял рядом, и она как-то раз пила лимонад с Маргерит. Они сидели на крылечке и смотрели, как Констанс моет машину. Они подбадривали ее, шутливо подсказывали, где остались грязные места.

Гамаш представил это. Почувствовал вкус лимонада, запах холодной воды из шланга, падающей на горячий асфальт. Удивительно, как же эта пожилая соседка не поняла, что разговаривает с одной из пятерняшек Уэлле.

Но он знал ответ.

Пятерняшки существовали только на черно-белых фотографиях и в старых киножурналах. Они жили в идеальных маленьких замках и носили платьица с невероятным числом оборочек. И появлялись впятером.

Не втроем. Не в одиночку.

Пять девочек, навсегда оставшихся детьми.

Пятерняшки Уэлле никогда не существовали в реальном мире. Они не старились и не умирали. И уж конечно не пили лимонад в квартале Пуант-Сен-Шарль.

Вот почему никто их не узнавал.

Их анонимности способствовало и то, что они не хотели быть узнанными. Как сказала Рут, не все хотят быть в центре внимания.

«Но, увы, это правда», – сказала Рут.

«Увы», – подумал старший инспектор Гамаш. Он вышел из кухни и начал собственные поиски.

Клара Морроу поставила на пол миску со свежей водой, но Анри был слишком возбужден и даже не заметил этого. Он обежал дом, принюхиваясь. Клара наблюдала за ним, и ее сердце радовалось и печалилось. Не так давно ей пришлось усыпить собственного золотистого ретривера Люси. С ней и Люси к ветеринару ездили Мирна и Габри, однако Клара остро чувствовала собственное одиночество. В доме без Питера.

Она прикидывала, не позвонить ли ему, не сказать ли о Люси, но потом

поняла, что просто придумывает предлог для общения. Они договорились, что расстанутся на год, а со времени его отъезда прошло только шесть месяцев.

Клара поплелась за Анри в мастерскую, где пес нашел засохшую банановую кожуру. Она отобрала у него кожуру и остановилась перед своей последней работой – пока лишь черновым наброском.

Призрак на полотне был ее мужем.

Иногда по утрам, иногда вечерами она приходила сюда и говорила с ним. Рассказывала, как прожила день. Иногда даже, приготовив обед, она приходила сюда, зажигала свечку и ела перед этим воображаемым Питером. Ела и болтала с ним, рассказывала о том, что случилось сегодня. О мелочах, которые могли быть интересны только хорошему другу. И о громких событиях. Таких, как убийство Констанс Уэлле.

Клара писала Питера и говорила с ним. Добавляла мазок здесь, точку там. Муж, созданный ее собственными руками. Муж, который слышал. И не оставался равнодушным.

Анри все еще принюхивался и шастал по мастерской. Одну банановую кожуру он нашел, почему бы здесь не обнаружиться еще одной? На минуту отложив кисть, Клара поняла, что он ищет не кожуру. Анри искал Армана.

Она полезла в карман за угощением, оставленным Арманом, наклонилась и позвала пса. Анри прекратил свои поиски и посмотрел на нее, его уши-антенны повернулись на голос, уловили любимый канал под названием «Вкусняшки».

Он подошел, сел и аккуратно взял с ее руки печенье в форме косточки.

– Все хорошо, – сказала Клара, прижимаясь лбом к собачьему лбу. – Он вернется.

И снова обратилась к портрету.

– Я просила Констанс позировать мне, – сообщила она влажной краске. – Но она отказалась. Сама даже не знаю, почему ее попросила. Ты прав: я лучший художник Канады, а может быть, и мира, так что она должна была бы обрадоваться.

Почему бы и не преувеличить – этот Питер не станет закатывать глаза.

Клара отошла на шаг от полотна и взяла кисточку в рот, размазав по щеке темно-коричневую краску.

– Вчера я ночевала у Мирны.

Она рассказала Питеру, как закуталась в одеяло, положила на колени старый номер «Лайфа» и стала разглядывать обложку. Пока она смотрела, образ девочек менялся от очаровашек до существ таинственных и смутно беспокоящих.

– Они все были одинаковые, Питер. Своим выражением, настроением. Не просто похожие, а совершенно идентичные.

Клара Морроу, художник-портретист, искала в этих лицах черты индивидуальности. И не находила. Потом она откинулась на подушку и стала вспоминать пожилую женщину, с которой недавно познакомилась. Клара не многих людей просила позировать ей. Такая работа забирала у нее слишком много энергии, чтобы заниматься ею из прихоти. Но она явно из прихоти предложила Констанс написать ее портрет. И получила твердый отказ.

Разговаривая с Питером, она, в общем-то, не преувеличивала. Клара Морроу стала знаменитостью благодаря своим портретам. Это по меньшей мере удивило ее. И уж точно удивило ее мужа-художника.

Она вспомнила слова Джона Сингера Сарджента[25]: «Каждый раз, когда я рисую новый портрет, я теряю друга».

Клара потеряла мужа. Не потому, что написала его, а потому, что превзошла в искусстве. Иногда, темными зимними ночами, она жалела, что рассталась с такими своими проектами, как «Гигантские ноги» и «Воинственные матки».

– Но из нашего дома тебя изгнали не мои картины, правда? – спросила она у полотна. – А твои демоны. Они в конце концов настигли тебя.

Клара внимательно посмотрела на набросок.

– Как это, наверно, было больно, – тихо сказала она. – Где ты теперь, Питер? Ты перестал убегать? Ты уже понял, что сожрало твое счастье, твое творчество, здравый смысл? Твою любовь?

Это существо сожрало его любовь, но не любовь Клары.

Анри устроился на потертом коврике у ног Клары. Она взяла кисточку и подошла к холсту.

– Он вернется, – прошептала она, быть может обращаясь к Анри.

Старший инспектор Гамаш открывал ящики, шкафы, буфеты, обследуя содержимое дома Констанс Уэлле. В шкафу в передней он нашел пальто, небольшую коллекцию шляп и пару перчаток.

Никакого тайного хранилища.

Он осмотрел книжные полки, каминную полку. Вставал на четвереньки и заглядывал под мебель. По отчету, составленному Монреальской полицией, Констанс Уэлле не была ограблена. Ее сумочка, деньги – все осталось на месте. Машина стояла на дороге. На обоях не было темных пятен, какие остаются, если снять висевшую на стене картину, не было и пустых мест в старинном шкафу, где могла бы прежде

храниться дорогая антикварная вещица.

Убийца ничего не взял.

Но Гамаш продолжал искать.

Он знал, что по этой территории уже прошла Монреальская полиция, но он искал кое-что другое. Первоначальный обыск проводился, чтобы обнаружить улики, связанные с убийцей. Окровавленная перчатка, лишний ключ, записка с угрозой. Отпечаток пальца, след подошвы. Свидетельства ограбления.

А Гамаш искал какие-то вещи, которые поведали бы о ее жизни.

– Ничего, шеф, – сказала Лакост, отряхивая руки от подвальной пыли. – Похоже, они не отличались сентиментальностью. Ни детской одежды, ни старых игрушек, ни санок, ни снегоступов.

– Снегоступов? – удивленно спросил Гамаш.

– Подвал в доме моих родителей забит всякими подобными штуками, – объяснила Лакост. – А после их смерти мой подвал превратится в такой же склад.

– И ты не избавишься от всего этого?

– Я бы не смогла. А вы?

– Мы с мадам Гамаш храним некоторые вещи, оставшиеся нам от родителей. Как тебе известно, у нее триста сестер и братьев, так что наследство нам досталось не целиком.

Изабель Лакост рассмеялась. Каждый раз, описывая семью мадам Гамаш, шеф увеличивал количество сестер и братьев своей жены. Лакост подозревала, что Гамаш – единственный ребенок – был потрясен, внезапно оказавшись в большой семье.

– Что там в подвале?

– Кедровый сундук с летними вещами, садовая мебель, принесенная на зиму. В основном дешевая пластмассовая. Садовые шланги и инструменты. Ничего личного.

– Ничего оставшегося с детских лет?

– Абсолютно.

Они оба знали, что даже для людей категорически несентиментальных такое было необычным. Но для пятерняшек? Вокруг них выстроилась целая промышленность. Сувениры, книги, куклы, пазлы. Гамаш не сомневался: если поискать в его доме, там непременно найдется что-нибудь связанное с пятерняшками. Ложечка, купленная его матерью. Открытка от родителей Рейн-Мари с улыбающимися девичьими мордашками.

В те времена, когда в Квебеке многие начинали отворачиваться от церкви, пятерняшки стали новой религией. В отличие от строгой

католической веры, самыми действенными символами которой были жертва и смерть, долго сохранявшийся образ пятерняшек Уэлле являл собой символ счастья. Пять улыбающихся девчушек, ярких и живых. Мир пал на колени перед ними. Казалось, что единственные, кто не влюблен в пятерняшек, – это сами пятерняшки.

Гамаш и Лакост прошли по коридору и направились в разные спальни, договорившись встретиться через несколько минут и обменяться наблюдениями.

– Ничего, – доложила Лакост. – Чисто. Аккуратно. Никакой одежды, никаких личных вещей.

– И никаких фотографий.

Она отрицательно покачала головой.

Гамаш сделал длинный выдох. Неужели они и в самом деле жили такой стерильной жизнью? Нет, их дом вовсе не казался таким уж холодным. На взгляд Гамаша, он был теплым, дружелюбным. Здесь имелись персональные вещи, но не было глубоко личных.

Они вошли в спальню Констанс. Ковер с засохшими пятнами крови лежал на своем месте. Чемодан оставался на кровати. Орудие убийства унесли, но полицейская лента показывала место, где прежде валялась тяжелая лампа.

Гамаш подошел к маленькому чемодану и принялся вытаскивать из него вещи и аккуратно укладывать на кровать. Свитера, нижнее белье, шерстяные носки, юбка, удобные брюки. Теплое нижнее белье и фланелевая ночная рубашка. Все, что может понадобиться на Рождество в холодных краях.

Между теплыми рубашками он нашел три подарка, завернутые в цветную бумагу. Гамаш пощупал их, и бумага захрустела. Внутри было что-то мягкое.

Он знал: это что-то из одежды – сам получил от детей немало носков, галстуков, шарфов. Он взглянул на надписи.

Один подарок для Клары, другой для Оливье, третий для Габри.

Гамаш протянул свертки Лакост:

– Разверни их, пожалуйста.

Пока она занималась подарками, он осмотрел содержимое чемодана. Один из свитеров показался ему плотнее, чем обычно. Гамаш взял его и встряхнул.

– Шарф для Клары, – доложила Лакост. – Варежки для Оливье и Габри.

Она снова завернула подарки.

– Посмотри-ка, – сказал Гамаш, демонстрируя ей находку.

Фотографию.

– В списке Монреальской полиции этого не было, – заметила Лакост.

– Пропустить легко, – сказал Гамаш.

Он вполне представлял себе настроение криминалистов. Поздно, холодно, они проголодались, а дело все равно скоро спихнут другим.

Тут сказывался не столько непрофессионализм, сколько спешка. Никто не заметил маленький черно-белый снимок в свернутом толстом шерстяном свитере.

Гамаш подошел к окну и стал вместе с Лакост разглядывать фотографию.

Им улыбались четыре женщины лет тридцати пяти. Они обнимали друг дружку за талию и смотрели прямо в объектив. Гамаш поймал себя на том, что улыбается им в ответ, и заметил, что Лакост тоже не сдержала улыбку. Женщины на фотографии улыбались не во весь рот, но искренне и заразительно.

Это были четыре счастливых человека.

И хотя лица у них были одинаковыми, во всем остальном они различались. Одеждой, прическами, обувью, стилем. Даже фигурами. Две из них были полными, одна – худощавой, а четвертая являла собой нечто среднее.

– Что ты думаешь? – спросил он у Лакост.

– Очевидно, что это четыре сестры, но создается впечатление, будто они стараются выглядеть непохожими друг на друга.

Гамаш кивнул. У него возникло такое же ощущение.

Он посмотрел на оборот фотографии. Никаких надписей.

– Почему только четыре? – спросила Лакост. – Что случилось с пятой?

– Кажется, она умерла довольно молодой, – ответил Гамаш.

– Ну, выяснить нетрудно, – сказала Лакост.

– Да. Похоже, это работа как раз для меня, а ты займись чем-нибудь потруднее.

Гамаш сунул фотографию в карман, и следующие несколько минут они обыскивали комнату Констанс.

На прикроватной тумбочке лежала стопка книг. Гамаш вернулся к чемодану и вытащил оттуда книгу, которую Констанс собиралась взять с собой: «Ru» Ким Тюи[26].

Он открыл книгу на закладке и перевернул страницу. Прочел первое предложение. Слова, которых никогда уже не прочтет Констанс Уэлле.

Гамаш любил книги, и закладка, оставленная недавно умершим

человеком, вызывала у него печальные чувства. Он хранил две такие книги. Они стояли в шкафу в его кабинете. Их нашла его бабушка на прикроватных тумбочках в спальне его родителей после их гибели в автомобильной аварии. Гамаш тогда был ребенком.

Время от времени он доставал эти книги, трогал закладки, но так и не нашел в себе сил продолжить чтение с того места, где остановились они. Дочитать историю до конца.

Гамаш закрыл книгу Констанс и выглянул в окно на маленький задний двор. Он подозревал, что под снегом там огород. И летом сестры садились на дешевые пластмассовые стулья в тени большого клена и пили холодный чай. И читали. Или разговаривали. Или просто молчали.

Говорили ли они о тех днях, когда были пятерняшками Уэлле? Вспоминали ли детство? Вряд ли.

Этот дом казался убежищем, в котором они прятались от своего прошлого.

Старший инспектор повернулся и посмотрел на пятно на ковре, на полицейскую ленту. На книгу в своей руке.

Скоро он узнает всю историю.

– Я, кажется, понимаю, почему сестры Уэлле скрывали, что они пятерняшки, – сказала Лакост, когда они уже собирались уходить. – Но почему в безопасности собственного дома не хранить своих фотографий, открыток, писем? Вам это не кажется странным?

Гамаш спустился с крыльца:

– Думаю, в их жизни было очень мало того, что принято считать нормальным.

Они медленно пошли по утоптанной тропинке, щурясь на ярком солнце, усиленном снежной белизной.

– Кое-что еще отсутствовало, – сказал Гамаш. – Ты не заметила?

Лакост задумалась. Она знала, что Гамаш не проверяет ее. Он был выше этого, как и она сама. Однако сейчас у нее не было никаких идей.

Она отрицательно покачала головой.

– Ничего о родителях, – сказал Гамаш.

«Черт!» – подумала Лакост. Ничего о родителях. И как она упустила? В этой куче пятерняшек – или отсутствующих пятерняшек – она упустила нечто важное.

Месье и мадам Уэлле. Одно дело – скрывать часть своего прошлого, но зачем стирать из него еще и собственных родителей?

– По-вашему, что это означает? – спросила Лакост.

– Возможно, ничего.

– Вы полагаете, именно это забрал убийца?
Гамаш обдумал ее вопрос:
– Фотографии родителей?
– Семейные фотографии. Родителей и сестер.
– Не исключено, – ответил он.
– Я тут подумала… – начала Лакост, когда они подошли к ее машине.
– Продолжай.
– Да нет, глупости.
Гамаш поднял брови, но ничего не сказал. Просто посмотрел на нее.
– Что нам вообще известно о пятерняшках Уэлле? – спросила Лакост. – Они по собственной воле исчезли из виду, стали сестрами Пино. Вели чрезвычайно замкнутую жизнь…
– Не тяни, инспектор, – подбодрил ее Гамаш.
– Возможно, Констанс не последняя.
– Pardon?
– Откуда нам известно, что остальные мертвы? Может быть, одна из них жива. Кто еще мог проникнуть в дом? Кто еще знал, где они живут? Кто еще мог забрать семейные фотографии?
– Мы даже не знаем, понимал ли убийца, что Констанс из пятерни Уэлле, – заметил старший инспектор. – И мы не знаем, были ли похищены семейные фотографии.
Он уехал, но гипотеза Лакост не давала ему покоя.
Возможно, Констанс не последняя.

Глава двенадцатая

«Слушай внимательно, – умолял себя Жан Ги Бовуар. – Бога ради, сосредоточься».

Его колени дрожали, и он положил на них руку, поприжал.

Мартен Тесье инструктировал агентов, назначенных в рейд на одну из байкерских баз.

– Это вам не какие-то татуированные громилы, – говорил заместитель Франкёра, поднимая глаза от схем в блокноте. – Слишком многие мертвые полицейские и главари банд недооценивали байкеров. Это воины. Внешне они, может, и похожи на бездомных бродяг, но не сомневайтесь: они подчиняются дисциплине, они преданны и весьма мотивированы на защиту своей территории.

Тесье продолжал – сыпал образами, схемами, планами.

Но Бовуар слышал только собственный умоляющий голос: «Господи боже, не дай мне умереть».

Старший инспектор постучал в дверь и вошел в кабинет Терезы Брюнель. Она подняла голову и взглянула на него.

– Пожалуйста, закройте дверь, – сказала она, снимая очки.

Ее голос и манеры показались ему необычно резкими.

– Я получил ваше сообщение, но меня не было в городе.

Он посмотрел на часы на ее столе – стрелки только-только перевалили за двенадцать.

Она показала ему на стул. Он помедлил секунду, потом сел. Тереза опустилась на стул рядом. Выглядела она усталой, однако одета была, как всегда, с иголочки и полностью владела собой.

– Извините, Арман, но мы дошли до конца.

– Что вы имеете в виду?

– Вы знаете, что я имею в виду. Я думала об этом, говорила с Жеромом, и мы считаем, что искать тут больше нечего. Мы гонялись за собственным хвостом.

– Но…

– Не прерывайте меня, старший инспектор. Вся история с видео вышла из-под контроля и раздулась до невероятных размеров. С ней покончено. Видео ушло в свет, и, что бы мы ни делали, назад его не вернуть. Вы должны остановиться.

– Не понимаю… – Он вгляделся в ее лицо.

– Все очень просто. Вы обиделись, рассердились и захотели отомстить. Вполне естественно. Потом вы убедили себя, что за этим стоит нечто большее, чем просто видео. Вы распалились и распалили всех вокруг. Включая и меня. Тут уж моя вина, не ваша. Я позволила себе поверить вам.

– Что случилось, Тереза?

– Суперинтендант, – отрезала она.

– Désolé. Суперинтендант. – Он понизил голос. – Что-то случилось?

– Конечно случилось. Я пришла в чувство. И вам советую сделать то же самое. Я почти не спала прошлой ночью. Утром встала и набросала кое-какие заметки. Хотите посмотреть?

Гамаш кивнул, внимательно глядя на нее. Она протянула ему листок с записями. Он надел очки, прочитал написанное и аккуратно сложил листок пополам.

– Как видите, я перечислила все, что может свидетельствовать в пользу вашей версии, согласно которой старший суперинтендант Франкёр организовал утечку видео и имеет еще более далеко идущие и зловещие цели…

– Тереза! – воскликнул Гамаш, внезапно наклонившись вперед, словно хотел физически воспрепятствовать продолжению ее монолога.

– Да бога ради, старший инспектор, прекратите вы. В моем кабинете нет жучков для прослушки. Нас никто не слышит. Никому мы не нужны. Все это в вашей голове. Посмотрите на мои записи. Там нет никаких доказательств. Груз нашей дружбы и мое уважение к вам затуманили мой разум. Вы соединили точки, которые существуют только в вашей голове. – Она подалась к нему чуть ли не с угрозой в голосе и облике. – И все по причине вашей личной неприязни к Франкёру. Если вы и дальше будете продолжать так, Арман, то я лично пойду к нему со свидетельствами ваших действий.

– Не пойдете, – произнес Гамаш, едва владея голосом.

– Я устала, Арман, – сказала она, вставая и пересаживаясь за свой стол. – Жером без сил. Вы затащили нас обоих в ваши фантазии. Прекратите. А еще лучше – подайте в отставку. Поезжайте в Париж на Рождество, подумайте о моих словах, а когда вернетесь…

Она не закончила предложение, и оно повисло в воздухе между ними.

Гамаш встал:

– Вы совершаете ошибку, суперинтендант.

– Если и совершаю, то сделаю это в Ванкувере с нашей дочерью. И там мы с Жеромом обсудим мое будущее. Пора отступить, Арман.

Квебекская полиция не разваливается на части. Разваливаетесь вы. Мы динозавры, и метеорит уже упал на землю.

– Готов? – Тесье похлопал Бовуара по спине.

«Нет».

– Готов, – ответил Бовуар.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты повел команду на второй уровень бункера.

Тесье улыбался, словно только что вручил Бовуару билет на Багамы.

– Да, сэр.

Он сумел дотащиться до туалета и заперся в кабинке. Его рвало и рвало без остановки, пока желудок не опустел и из нутра не стал прорываться наружу лишь зловонный воздух.

– Вас, шеф.

– Это важно?

Секретарь заглянула через открытую дверь в его кабинет. За все те годы, что она работала со старшим инспектором Гамашем, он никогда не задавал такого вопроса. Доверялся ей – если уж она переводит звонок на него, то, по ее мнению, разговор того стоит.

Но после встречи с суперинтендантом Брюнель он казался каким-то рассеянным и последние двадцать минут просто смотрел в окно.

– Хотите, чтобы я приняла телефонограмму?

– Нет-нет. – Он потянулся к трубке. – Я отвечу.

– Salut, patron, – раздался веселый голос Оливье. – Надеюсь, не оторвал вас от дел. – Не дожидаясь ответа, он продолжил: – Габри просил уточнить, понадобится ли вам номер сегодня.

– Кажется, я его уже предупредил. – Старший инспектор услышал в собственном голосе некоторое раздражение, но не сделал ничего, чтобы изменить тон.

– Послушайте, я только выполняю его просьбу.

– У него что, избыток желающих?

– Нет, номера есть, но он хочет знать, сколько вас будет.

– Что значит – сколько?

– Инспектор Бовуар тоже приедет?

Гамаш резко выдохнул в трубку.

– Voyons[27], Оливье, – раздраженно начал он, но тут же взял себя в руки. – Послушайте, я же ему все объяснил. Инспектор Бовуар работает по другому делу. Инспектор Лакост останется в Монреале, будет продолжать расследование здесь, а я приеду в Три Сосны, буду распутывать клубок с

той стороны. Я оставил Анри у мадам Морроу. Так что я в любом случае приеду.

– Не надо так беспокоиться, старший инспектор, – фыркнул Оливье. – Я просто задал вопрос.

– Я не беспокоюсь, – сказал Гамаш, хотя было ясно, что это не так. – Я просто занят, и у меня нет времени на всякие глупости. Если в гостинице есть номер, значит все в порядке. Если нет, я заберу Анри и вернусь в Монреаль.

– Non, non. Номер есть. Оставайтесь сколько пожелаете. Габри не принимает бронирование перед Рождеством. Он слишком занят концертом.

Гамаш не собирался продолжать разговор. Он поблагодарил Оливье, повесил трубку и посмотрел на маленькие часы на столе. Почти половина второго.

Старший инспектор откинулся на спинку кресла, развернулся спиной к кабинету и лицом к большому окну, выходящему на заснеженный Монреаль.

Половина второго.

Часы показывали половину второго.

Бовуар еще раз глубоко вздохнул и прижался спиной к стенке урчащего автобуса. Он попробовал закрыть глаза, но тошнота лишь усилилась. Он повернул голову, чтобы холодный металл охлаждал горячую щеку.

Рейд начнется через полтора часа. Жаль, что у автобуса нет окон: Бовуар хотел бы видеть город. Знакомые здания. Все надежно, предсказуемо. Жан Ги всегда предпочитал находиться среди творения рук человеческих, а не на природе. Он попытался представить, где они сейчас находятся. Уже проехали мост. Что там снаружи – здания или лес?

Где он?

Гамаш знал, где Бовуар. Бовуар должен был участвовать в рейде, начало которого запланировано на три часа.

Еще один рейд. Назначенный Франкёром рейд, в котором нет никакой необходимости.

Старший инспектор закрыл глаза. Глубокий вдох. Полный выдох.

Он надел куртку. У дверей остановился, глядя, как инспектор Лакост раздает задания агентам. Или пытается раздавать.

Это были новые агенты, переведенные в отдел, тогда как люди Гамаша получили назначения в другие подразделения Квебекской полиции. Ко

всеобщему удивлению, старший инспектор не протестовал. Не сопротивлялся. Казалось, он не замечал, как потрошат его отдел. Или его не заботило то, что происходит.

Такая реакция выходила за пределы объяснимой невозмутимости. Некоторые стали спрашивать себя, а не потерял ли Арман Гамаш вообще интерес к службе. И все же, когда он подошел к группе, они насторожились, замолчали.

– На пару слов, инспектор, – сказал Гамаш и улыбнулся агентам.

Изабель Лакост последовала за Гамашем в его кабинет.

– Бога ради, сэр, почему мы должны мириться с тем, что происходит? – Она мотнула головой в сторону офиса.

– Давай просто делать все, что можем.

– Как? Подняв руки вверх?

– Никто не поднимает руки вверх, – сказал он убедительным голосом. – Ты должна мне верить. Ты замечательный следователь. Цепкий, наделенный интуицией. Умный. И у тебя безграничное терпение. Ты сейчас должна им воспользоваться.

– Оно не безграничное, patron.

Он кивнул:

– Я понимаю. – Ухватившись руками за края стола, он наклонился к ней. – Конечно, не позволяй им хамить. Не позволяй выбить себя из колеи. И всегда, всегда полагайся на свою интуицию, Изабель. Что она тебе говорит?

– Что нас имеют.

Он откинулся назад и рассмеялся:

– Тогда положись на мою. Все развивается не так, как мне хотелось бы, это несомненно. Однако до конца еще далеко. Мы не сидим сложа руки, мы просто делаем глубокий вдох.

Лакост посмотрела на агентов, которые бездельничали за своими столами, игнорируя ее приказы.

– Но пока мы переводим дыхание, они берут верх. Уничтожают отдел.

– Да, – сказал он.

Она ждала, что последует «но», но Гамаш молчал.

– Может быть, припугнуть их? – предложила она. – Лев уважает только более крупного льва.

– Они не львы, Изабель. Они могут досаждать, но они ничтожны. Они муравьи или жабы. Можно переступить через них или обойти их. Но не нужно наступать на них. С жабами не воюют.

«Жабы или какашки. Фекалии какого-то зверя покрупнее», – думала

Лакост, выходя из кабинета шефа. Старший инспектор прав, решила она. Новые агенты не стоят того, чтобы тратить на них силы. Она их обойдет. Пока.

Гамаш поставил машину на зарезервированное место – знал, что сотруднице, которая обычно паркуется здесь, оно не понадобится. Она улетела в Париж.

Он посмотрел на часы: два часа. Помедлил, закрыв глаза. Потом открыл их и решительно зашагал по обледенелой дорожке к служебному входу в Национальную библиотеку. У двери он набрал код Рейн-Мари на замке и услышал щелчок запора.

– Месье Гамаш. – Лили Дюфур с понятной обеспокоенностью подняла голову. – Я думала, вы в Париже вместе с Рейн-Мари.

– Нет, она поехала вперед.

– Чем я могу вам помочь?

Она встала и направилась к нему – подтянутая, хорошо владеющая собой. Дружелюбная, но холодноватая, на грани формальности.

– Мне нужно провести небольшое исследование, и я подумал, что вы мне поможете.

– На какую тему?

– Пятерняшки Уэлле.

Она подняла брови:

– Правда? Зачем вам это понадобилось?

– Вы ведь не ждете, что я отвечу на ваш вопрос? – спросил с улыбкой Гамаш.

– А вы, значит, не ждете, что я стану вам помогать?

Улыбка сошла с его лица. Рейн-Мари рассказывала ему о мадам Дюфур, которая охраняла документы Национальной библиотеки и архива Квебека, словно свою частную коллекцию.

– Полицейские дела, – пояснил он.

– Библиотечные дела, старший инспектор, – парировала она, кивая на большую закрытую дверь.

Он проследил за ее взглядом. Они сейчас находились в кабинетах, где работали библиотекари. А за теми дверями раскинулось общественное пространство библиотеки.

Приходя к жене, Гамаш по большей части ждал ее в громадном публичном пространстве библиотеки, где стояли ряды столов с лампами, за которыми сидели студенты, профессора, исследователи и просто интересующиеся. На столах имелись розетки для подключения

компьютеров, а вай-фай обеспечивал доступ к файлам.

Но не ко всем файлам. В библиотеке и архиве хранились десятки тысяч документов. Не только книги, но и карты, дневники, письма, хартии. На многих из них лежала пыль веков. И большинство еще оставалось неоцифрованным.

Десятки специалистов просиживали долгие часы, чтобы просканировать все, но на это требовались годы, десятилетия.

Гамаш любил бродить по проходам, представляя себе всю историю, хранящуюся здесь. Карты, созданные Картье. Дневники Маргерит д’Ювиль. Забрызганные кровью планы битвы на Полях Авраама[28].

И может быть, может быть, история пятерняшек Уэлле. Не та, что предназначалась для публичного потребления, а их частные жизни. Их настоящие жизни, а не то, что происходило перед объективами камер.

Если где и хранилась такая история, то здесь.

И она была нужна Гамашу.

Он снова повернулся к мадам Дюфур:

– Я ищу сведения о пятерняшках Уэлле в связи с расследуемым делом, и мне необходима ваша помощь.

– Я уже догадалась.

– Мне нужно посмотреть их частный архив.

– Этот архив засекречен.

– Почему?

– Не знаю. Я его не читала. Он засекречен.

Гамаш почувствовал укол раздражения, но тут заметил, что она слегка подсмеивается над ним.

– Вы бы хотели прочитать эти документы? – спросил он.

Мадам Дюфур помедлила, выбирая между правильным ответом и правдивым.

– Пытаетесь меня подкупить? – спросила она.

Теперь пришла его очередь забавляться. Он знал ее валюту – такую же, как и у него. Информация, знания. Обнаружение того, что больше никому не известно.

– Даже если я вам позволю, вы не сможете использовать найденную информацию в суде, – сказала мадам Дюфур. – Она будет считаться полученной незаконным образом. Ее владельцы еще живы.

Под словом «владельцы» она, по-видимому, подразумевала самих пятерняшек.

Гамаш ничего не ответил, и она посерьезнела, оценивая своими умными глазами его самого и его молчание.

– Идемте.

Она повернулась спиной к большим дверям, которые вели к стеклу и металлу публичного пространства библиотеки, и двинулась в противоположном направлении. По коридору. Вниз по лестнице. Наконец она набрала код на клавиатуре, и большая металлическая дверь распахнулась с тихим присвистом.

Как только дверь открылась, автоматически зажглись лампы накаливания. В помещении без окон было прохладно.

– Извините за освещение, – сказала мадам Дюфур, заперла за собой дверь и пошла вглубь помещения. – Мы стараемся свести его к минимуму.

Когда глаза Гамаша привыкли к полумраку, он понял, что они находятся в довольно большом помещении, но лишь одном из многих. Он посмотрел направо, налево, вперед. Увидел анфиладу хранилищ под зданием библиотеки.

– Идете? – спросила мадам Дюфур и пошла дальше.

Гамаш понял, что если потеряет ее, то останется здесь навсегда, и поспешил следом.

– В каждом хранилище содержатся материалы за четверть века, – пояснила мадам Дюфур, быстро переходя из одного помещения в другое.

Гамаш пытался на ходу читать бирки на ящиках, но в тусклом свете это было затруднительно. Ему показалось, что на одном он увидел надпись «Шамплейн», и подумал, не хранится ли там Шамплейн собственной персоной[29]. В соседнем хранилище он прочел: «Война 1812 года».

Немного погодя он перестал смотреть по сторонам и сосредоточил взгляд на стройной спине мадам Дюфур. Решил, что лучше не знать о сокровищах, мимо которых он проходит.

Наконец мадам Дюфур остановилась, и он чуть не натолкнулся на нее.

– Здесь. – Она кивком показала на один из ящиков.

На бирке значилось: «Пятерняшки Уэлле».

– Кто-нибудь еще видел документы по Уэлле? – спросил он.

– Мне об этом неизвестно. Думаю, после того как их собрали и засекретили, их никто не видел.

– А когда это случилось?

Мадам Дюфур подошла к ящику, прищурилась:

– Двадцать седьмого июля тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года.

– Почему именно тогда? – недоуменно спросил он.

– А почему сейчас, старший инспектор? – спросила она, и он понял, что она стоит между ним и тем, что привело его сюда.

– Служебная тайна, – ответил он небрежным тоном, но не сводя с нее

глаз.

– Я умею хранить тайны, – сказала мадам Дюфур, глядя на длинные ряды стеллажей.

Гамаш немного помедлил и наконец решился:

– Два дня назад умерла Констанс Уэлле.

Мадам Дюфур приняла эту информацию близко к сердцу:

– Прискорбно. Кажется, она была последней из них.

Гамаш кивнул, и она посмотрела на него внимательнее.

– Она не просто умерла, да?

– Да.

Лили Дюфур глубоко вздохнула:

– Моя мать ходила смотреть на них, ну, вы знаете, в тот дом, который им построили в Монреале. Стояла в очереди несколько часов. Они в то время были совсем детьми. Она не забыла этого дня до самой смерти.

Гамаш кивнул. Пятерняшки обладали какой-то магией, а их крайняя замкнутость в более поздней жизни лишь добавляла мистики.

Мадам Дюфур отошла в сторону, и Гамаш потянулся к ящику, где хранилась личная жизнь сестер Уэлле.

Бовуар посмотрел на часы. Без десяти три. Он стоял, прижавшись к кирпичной стене. Трое полицейских находились у него за спиной.

– Оставайтесь здесь, – прошептал он и завернул за угол.

Он мельком увидел удивление на их лицах. Удивление и беспокойство. Не из-за того, что им предстоит провести налет на владения байкерской банды, а из-за того, кто их поведет.

Бовуар понимал, что у них есть причины бояться.

Он слегка стукнулся головой о кирпичную стену. Потом согнулся так, что колени уперлись в грудь, и начал раскачиваться. Раскачиваясь, он слышал ритмичное поскрипывание своих тяжелых ботинок на снегу. Как лошадка-качалка, которой требуется смазка. Требуется что-то.

Без восьми минут три.

Бовуар сунул руку в карман бронежилета. Туда, где лежали бинты и пластырь для остановки кровотечения. Он извлек наружу два пузырька с таблетками, открутил крышку с одного и быстро проглотил две таблетки оксикодона. Две предыдущие вынесло из его желудка вместе с рвотой, и теперь он очень плохо соображал от боли.

И другую. Другую. Бовуар уставился на пузырек, чувствуя себя как человек, который прошел полмоста.

Он боялся принять таблетку и боялся не принимать. Он боялся

атаковать бункер и боялся убежать. Он боялся умереть и боялся жить.

А больше всего он боялся, что все узнают, как ему страшно.

Бовуар отвернул крышечку и встряхнул пузырек. Таблетки посыпались с его дрожащей руки и затерялись в снегу. Но одна осталась в центре ладони. Его потребность была так велика, а таблетка казалась такой крохотной. Он поспешил закинуть ее в рот.

Без пяти три.

Гамаш сидел за столом в архиве, читал и делал записи. Его захватило то, что обнаружилось в ящике. Дневники, личные письма, фотографии. Но вот он снял очки, потер глаза и окинул взглядом еще не прочитанные книги и документы. Сегодня он никак не успеет их дочитать.

Он нажал на звонок вызова, который ранее показала ему мадам Дюфур. Три минуты спустя послышались шаги по бетонному полу.

– Я бы хотел взять это с собой. – Гамаш кивнул на стопку на столе.

Мадам Дюфур открыла рот, чтобы возразить, но передумала.

– Констанс Уэлле и в самом деле убили? – спросила она.

– Да.

– И вы полагаете, какие-то сведения из этих… – она посмотрела на документы на столе, – помогут вам?

– Да, полагаю.

– Знаете, в следующем августе я заканчиваю работать. Принудительная отправка на пенсию.

– Сочувствую, – сказал Гамаш.

Она огляделась вокруг и улыбнулась:

– Меня сдадут в архив. Надеюсь, ни я, ни документы из архива Уэлле не пропадут. Забирайте их, месье. Но пожалуйста, верните. Штраф будет очень серьезный, если вы их потеряете или их съест ваша собака.

– Merci, – сказал Гамаш, подумав, что мадам Дюфур, вероятно, знакома с Анри. – Я хочу попросить у вас кое-что еще.

– Почку?

– Код.

Несколько минут спустя они стояли у служебного входа. Гамаш обеими руками держал тяжелую коробку.

– Надеюсь, вы найдете то, что ищете, старший инспектор. Передайте мой привет Рейн-Мари, когда ее увидите. Joyeux Noël.

Но прежде чем дверь закрылась, она снова окликнула его:

– Будьте осторожны. Свет и влага могут нанести документам непоправимый ущерб. – Она внимательно посмотрела на него. – А вы,

месье, наверное, лучше других понимаете, что такое «непоправимый ущерб».

– Oui, – согласился он. – Joyeux Noël.

Когда Арман Гамаш добрался до Трех Сосен, было уже темно. Он припарковался близ гостиницы и даже дверь не успел открыть, как из бистро появились Оливье и Габри. Гамашу показалось, что они ждали его прибытия.

– Как доехали? – спросил Габри.

– Неплохо, – ответил Гамаш, вытаскивая из машины сумку и тяжелую картонную коробку. – Если, конечно, не считать мост Шамплейна.

– Там всегда черт знает что, – поддакнул Оливье.

– Для вас все готово, – сообщил Габри, поднимаясь по ступенькам к входной двери.

Он открыл дверь, и старший инспектор Гамаш, вместо того чтобы войти внутрь, шагнул в сторону, чтобы пропустить двух своих спутников.

– Добро пожаловать, – сказал Оливье.

Тереза и Жером Брюнель вошли в дом Эмили Лонгпре. Дом, который нашел для них Анри.

Глава тринадцатая

Оливье и Габри подхватили багаж, занесли его в спальни и вышли из дома. Гамаш шагнул вместе с ними на холодную веранду:

– Merci, patron.

– Не за что, – ответил Оливье. – Вы хорошо сыграли вашу роль по телефону. Я почти поверил, что вы и в самом деле раздражены.

– Вы тоже были очень убедительны, – сказал Гамаш. – Достойны премии Оливье[30].

– Какое совпадение, – заметил Габри. – Я как раз планировал премировать его сегодня ночью.

Гамаш проводил их взглядом до бистро, потом закрыл дверь и повернулся лицом к комнате. И улыбнулся.

Наконец-то он мог расслабиться.

Тереза и Жером находились в безопасности.

Жану Ги тоже ничто не угрожало. Гамаш всю дорогу до Трех Сосен прослушивал частоту Квебекской полиции – никаких вызовов «скорой» не поступало. Судя по перехваченным разговорам, бункер оказался заброшенным. Банда «Рок-машин» оставила свое лежбище.

Информация оказалась ложной. А скорее всего, и информатора-то никакого не было.

Узнав это, Гамаш одновременно почувствовал облегчение и расстроился.

Жан Ги в безопасности. До поры до времени.

Гамаш обвел взглядом дом Эмили Лонгпре.

По обе стороны каменного камина – диваны в чехлах из выцветшей ткани с цветочным рисунком. Между диванами – сосновый ящик для одеял, на котором лежали доска для игры в криббедж и несколько карточных колод.

В углу стояли два кресла, между ними столик и подставка для двух пар усталых ног. Торшер с абажуром проливал на кресла мягкий свет.

Вдоль одной из стен светло-голубого цвета подпирал потолок книжный шкаф.

Здесь было тихо и спокойно.

Оливье целое утро потратил на то, чтобы выяснить, кому принадлежит дом Эмили и можно ли его арендовать. Оказалось, что дом принадлежит племяннице из Реджайны и та еще не решила, что с ним делать. Она сразу

же согласилась сдать дом в аренду на Рождество.

Оливье позвонил Гамашу и произнес заранее согласованную фразу: «Габри просил уточнить, понадобится ли вам номер сегодня», тем самым сообщив ему, что дом Эмили в его распоряжении.

Потом Оливье попросил других соседей помочь, и в результате получилось то, что получилось.

С мебели сняли простыни, кровати застелили, принесли чистые полотенца, дом пропылесосили, протерли, отполировали. В камине разожгли огонь, а судя по запахам, на плите разогревался обед.

Словно Гамаш и Брюнели вышли прогуляться на часок-другой, а теперь вернулись домой.

В корзинке на мраморной кухонной столешнице нашлись два свежих багета из пекарни Сары, а месье Беливо заполнил кладовку и холодильник молоком, сыром и маслом. И домашним джемом. В деревянной миске на простом деревянном столе лежали фрукты.

Даже елочка стояла, украшенная и освещенная.

Гамаш ослабил галстук, опустился на колено, чиркнул спичкой и поднес ее к бумаге в камине, зачарованно глядя на занявшееся пламя.

Он выдохнул, чувствуя себя так, словно с него, как призрачные простыни с мебели, сняли тяжелый плащ.

– Тереза! – позвал он. – Жером!

– Oui? – раздалось из другой комнаты.

– Я ухожу.

Он надел ботинки и куртку, вышел в морозный вечер и быстро пошел к маленькому коттеджу с открытой калиткой по петляющей тропинке.

– Арман, – приветствовала его Клара, открыв дверь на стук.

Анри пребывал в страшном возбуждении – он никак не мог решить, то ли ему прыгать, то ли свернуться клубком у ног Гамаша. В конечном счете он принялся ходить вокруг хозяина, повизгивая от радости.

– Я его, конечно, била, – сказала Клара, глядя на Анри с притворным отвращением.

Гамаш опустился на колени и немного поиграл с Анри.

– Судя по вашему виду, вы не откажетесь от глотка виски, – сказала Клара.

– Только не говорите мне, что я похож на Рут, – ответил Гамаш, и Клара рассмеялась:

– Ну разве что чуть-чуть.

– Вообще-то, я ничего не хочу, merci.

Он снял куртку и ботинки и прошел за ней в гостиную, где в камине потрескивали дрова.

– Спасибо, что присмотрели за Анри. И за то, что помогли приготовить для нас дом Эмили.

Невозможно было объяснить, насколько привлекательным выглядел дом для уставших странников в конце дороги.

Гамаш вдруг подумал: а что, если эта маленькая деревушка в горах и есть конец пути? И, как в большинстве случаев, вовсе не конец.

– Не стоит благодарности, – ответила Клара. – Габри одновременно проводил репетицию рождественского концерта, заставлял нас снова и снова петь «Гуронскую рождественскую песню». Я подозреваю, что, если вы начнете взбивать подушку, оттуда раздастся эта песенка.

Гамаш улыбнулся. Мысль о доме, наполненном музыкой, понравилась ему.

– Хорошо снова видеть свет в доме Эмили, – сказала Клара.

Анри заполз на диван. Медленно. Медленно. Ведь если подкрасться тихонько и ни на кого не смотреть, то никто и не заметит. Он вытянулся во всю длину, заняв две трети дивана, и осторожно положил голову на колени Гамашу. Гамаш виновато посмотрел на Клару.

– Ничего страшного. Питер не любил, чтобы собаки забирались на мебель, а мне нравится.

Это дало Гамашу зацепку, на которую он и рассчитывал.

– Как вы справляетесь без Питера?

– Очень странное чувство, – задумчиво ответила Клара. – Наши отношения будто не мертвы, но в то же время и не живы.

– Живой труп, – сказал Гамаш.

– Брак-вампир, – рассмеялась Клара. – Только без той радости, которую дает сосание крови.

– Вы скучаете?

– В тот день, когда он уехал из Трех Сосен, я проводила взглядом его машину, потом вернулась в дом и прислонилась к двери. Я поняла, что прижимаю дверь спиной на тот случай, если он вернется и попытается войти. Но беда в том, что я его люблю. Я просто хочу знать, закончен ли наш брак и не пора ли мне начинать жить по-новому, или же его еще можно возродить, – сказала Клара.

Гамаш несколько секунд смотрел на нее. Отметил седеющие волосы и удобную, небрежно подобранную домашнюю одежду. Отметил смятение Клары.

– Позвольте дать совет? – тихо произнес он.

Она кивнула.

– Я думаю, вам нужно попробовать жить так, будто вы сама по себе. Если он вернется и вы почувствуете, что жить с ним лучше, – прекрасно. Но вы будете знать, что вы самодостаточны.

Клара улыбнулась:

– Мирна советовала мне то же самое. Знаете, вы с ней похожи.

– О да, меня часто принимают за крупную чернокожую женщину, – согласился Гамаш. – Мне говорят, что это моя лучшая черта.

– А вот меня никогда за нее не принимают. И это мой главный недостаток, – сказала Клара.

Она обратила внимание на задумчивый взгляд его карих глаз. На его неподвижность. На подрагивающую слегка руку. Слегка, но все же заметно.

– Вы здоровы? – спросила она.

Гамаш улыбнулся, кивнул и поднялся:

– Абсолютно.

Он прицепил поводок к ошейнику Анри и надел на плечо сумку с собачьими припасами.

И они пошли по деревне – человек и собака – в красном, зеленом и золотом свете трех громадных сосен, оставляя следы в снегу, похожем на витражное стекло. Гамаш думал о том, что он сказал Кларе те самые слова, которые говорил Анни.

Когда ничто не помогло – психоанализ, посредничество, мольбы продолжить лечение, – Анни попросила Жана Ги покинуть их дом.

В тот сырой осенний вечер Арман сидел в машине по другую сторону улицы от их жилища. С деревьев падали мокрые листья, подхватываемые порывистым ветром. Они прилипали к лобовому стеклу, устилали дорогу. Он ждал. Наблюдал. Вдруг дочери понадобится его помощь.

Жан Ги ушел без принуждения, но, уходя, он увидел Гамаша, который и не пытался прятаться. Бовуар остановился посреди блестевшей под дождем улицы, окруженный вихрем мертвых листьев, и в его взгляде было столько яда, столько ненависти, что это потрясло даже главу отдела по расследованию убийств. Но и тут старший инспектор нашел чем успокоить себя. Теперь он знал, что если Жан Ги и надумает причинить вред кому-то из Гамашей, то только не Анни.

Тем вечером он ехал домой, испытывая облегчение.

С тех пор прошло уже несколько месяцев, и Гамаш знал, что у Анни больше не было никаких контактов с Жаном Ги. Однако это не означало, что она не тоскует по нему. По тому Бовуару, каким он был прежде и каким мог стать снова. Если ему предоставить шанс.

Когда Гамаш вошел в дом Эмили, Тереза поднялась с кресла у огня.

– Кто-то здесь хорошо вас знает, – сказала она, протягивая Гамашу хрустальный стакан. – Оставили бутылку отличного виски в буфете, пару бутылок вина и пиво в холодильнике.

– А в духовке – курица в вине, – добавил Жером, выходя из кухни с бокалом красного вина. – Она греется. – Он поднял бокал. – À votre santé[31].

– Будьте здоровы, – отозвался Гамаш, поднимая стакан за Брюнелей.

Тереза и Жером заняли свои места, уселся и Гамаш, стараясь не расплескать виски в процессе посадки. Рядом с ним на диване лежала мягкая подушка, и он шутки ради хлопнул по ней ладонью.

Звуков музыки оттуда не полилось, но он сам тихонько напел несколько нот из «Гуронской рождественской песни».

– Арман, как вы нашли этот дом? – спросила Тереза.

– Его нашел Анри, – ответил Гамаш.

– Ваш пес? – уточнил Жером.

Услышав свое имя, Анри поднял голову и снова ее опустил.

Брюнели переглянулись. Анри, будучи красивой собакой, все же никогда бы не смог поступить в Гарвард.

– Понимаете, он здесь жил, – объяснил Гамаш. – Его еще щенком взяла из собачьего приюта мадам Лонгпре. Вот почему он знал этот дом. Мадам Лонгпре умерла вскоре после нашего знакомства. Так у нас с Рейн-Мари и появился Анри.

– А кому теперь принадлежит дом? – спросила Тереза.

Гамаш рассказал об Оливье и о событиях сегодняшнего утра.

– Ну вы и хитрюга, Арман. – Тереза откинулась на спинку кресла.

– Уж не хитрее той маленькой шарады в вашем кабинете.

– Oui, – согласилась она. – Извините.

– А что ты сделала? – спросил Жером у жены.

– Она вызвала меня к себе в кабинет и устроила головомойку, – ответил Гамаш. – Сказала, что у меня бред и она больше не хочет участвовать в моих играх. Даже пригрозила пойти к Франкёру и все ему рассказать.

– Тереза, ты мучила и водила за нос такого несчастного, слабого человека?

– Пришлось. На тот случай, если меня прослушивают.

– Вы меня убедили, – сказал Гамаш.

– Правда? – На ее лице появилось довольное выражение. – Замечательно.

– Я слышал, его легко провести, – сказал Жером. – Его доверчивость стала притчей во языцех.

– Все детективы, расследующие убийства, страдают доверчивостью, – согласился Гамаш.

– И как же вы все-таки догадались? – спросил Жером.

– Помогли годы тренировки. И глубокое знание человеческой природы, – сказал Гамаш. – К тому же Тереза дала мне кое-что.

Он вытащил из кармана аккуратно сложенный лист бумаги и протянул Жерому.

Если Жером и в самом деле что-то нашел, то я должна исходить из того, что мой дом и кабинет прослушиваются. Я сказала Жерому, чтобы он собирал вещи для поездки в Ванкувер. Но не хочу, чтобы моя дочь оказалась замешана. Ваши предложения?

– Когда Оливье позвонил и сказал, что мы можем воспользоваться домом Эмили Лонгпре, я на обороте записки Терезы написал свою и попросил инспектора Лакост показать мое сообщение вашей жене.

Жером перевернул лист и увидел почерк Гамаша:

Езжайте в аэропорт к вашему рейсу, но в самолет не садитесь. Возьмите такси до молла Диз-Трент в Броссаре. Я вас там подберу. У меня есть безопасное место.

Доктор Брюнель вернул лист Гамашу. Ему запомнились первые слова из записки жены: «Если Жером и в самом деле что-то нашел…»

Его жена и Гамаш продолжили разговор, а он, потягивая вино и глядя в огонь, думал, что «если» здесь уже лишнее.

Он не сказал Терезе, но, когда она наконец уснула ночью, он сделал одну глупость. Включил компьютер и предпринял еще одну попытку. Он внедрялся все глубже и глубже в систему. Отчасти для того, чтобы посмотреть, что там обнаружится, а отчасти для того, чтобы попытаться привлечь наблюдателя. Если таковой есть. Жером хотел, чтобы тот вышел из укрытия.

И он вышел. Наблюдатель появился, но не там, где предполагал Жером. Не за его спиной, а впереди. Он зазывал Жерома.

Заманивал его в ловушку.

Жером Брюнель бросился наутек, стирая, стирая, стирая электронные следы. Но наблюдатель преследовал его. Шел за ним уверенным, быстрым, неумолимым шагом. Он прошел за Жеромом до самого его дома.

Места для «если» уже не осталось. Он обнаружил что-то. И сам был обнаружен.

– Безопасное место, – сказала Тереза. – Я не думала, что такое

существует.

– А теперь? – спросил Арман.

Она огляделась и улыбнулась.

Но Жером Брюнель не улыбался.

После итогового вечернего совещания полицейские отправлялись по домам.

Бовуар сидел за столом и клевал носом. Рот у него открылся, и каждый неглубокий вдох звучал неестественно громко. Глаза были приоткрыты, и он чувствовал, что сползает вперед.

Рейд завершился. Байкеров там не было. Бовуар чуть не разрыдался от облегчения. И разрыдался бы прямо в том сраном бункере, если бы на него никто не смотрел.

Все закончилось. И вот он опять здесь, сидит в безопасности кабинета.

Тесье прошел мимо, потом вернулся и посмотрел на него:

– Хорошо, что я тебя застал, Бовуар. Информатор, сукин сын, провел нас, но что мы тут можем поделать? Босс очень недоволен, и он назначил тебя в команду следующего рейда.

Бовуар уставился на Тесье, с трудом фокусируя на нем взгляд.

– Что?

– Партия наркотиков направляется к границе. Мы могли бы позволить перехватить их таможне или Канадской конной полиции, но Франкёр хочет отыграться за сегодняшнее поражение. Отдохни. Похоже, большое будет дело.

Бовуар дождался, когда стихнут шаги в коридоре. А когда осталась только тишина, уронил голову на руки.

И заплакал.

Глава четырнадцатая

После обеда с курицей в вине, зеленым салатом, фруктами и сладостями все трое занялись мытьем посуды. Старший инспектор по локоть в мыльной пене плескался в эмалированной раковине, а Брюнели вооружились полотенцами.

Кухня была старая, без посудомоечной машины и новомодных смесителей. Никаких навесных шкафчиков. Только полки темного дерева для тарелок над мраморной столешницей. И шкафчики темного дерева внизу.

Обеденный стол служил также и кухонным. Окна выходили в задний дворик, но снаружи стояла темнота, и гости ничего не видели, кроме своих отражений.

Здесь все отвечало своему названию. Старая кухня в старом доме в очень старой деревне. Кухня, в которой пахло беконом и выпечкой. Розмарином, тимьяном и мандаринами. И курицей в вине.

Когда они покончили с мытьем посуды, Гамаш посмотрел на часы над раковиной. Почти девять.

Тереза и Жером вернулись в гостиную. Он пошуровал угли в камине, а она нашла и включила проигрыватель. Зазвучала тихая музыка – известный скрипичный концерт.

Гамаш надел куртку и свистнул Анри.

– Вечерняя прогулка? – спросил Жером, разглядывавший корешки книг в книжном шкафу.

– Хотите составить компанию?

Гамаш пристегнул поводок к ошейнику Анри.

– Без меня, merci, – отказалась Тереза. Она сидела у огня, вид у нее был спокойный, но усталый. – Я приму душ и сразу в постель.

– А я с вами прогуляюсь, Арман, – сказал Жером и рассмеялся, увидев удивленное лицо Гамаша.

– Не позволяйте ему стоять на месте слишком долго, – крикнула Тереза им вслед. – Он похож на нижнюю половину снеговика. Мальчишки всегда пытаются поставить на него снежный шар.

– Неправда, – сказал Жером, натягивая куртку. – Всего лишь один раз и случилось. – Он закрыл за собой дверь. – Идемте. Мне будет любопытно увидеть эту деревеньку, которая вам так нравится.

– Прогулка не займет много времени.

Холод сразу же напал на них, но он не причинял ни неудобства, ни беспокойства – только освежал. Бодрил. Они были хорошо защищены от мороза. Высокий человек и низенький, похожий на колобка. Они напоминали разорванный восклицательный знак.

Сойдя по широким ступенькам с веранды, они повернули налево и двинулись по расчищенной дороге. Старший инспектор отстегнул поводок, кинул теннисный мячик, и пес прыгнул в снежный сугроб и принялся яростно откапывать драгоценную игрушку.

Гамаш с любопытством ждал реакции своего спутника на деревню. Он уже успел понять, что Жерома Брюнеля не так-то легко раскусить. Жером был городским человеком и по рождению, и по воспитанию. Медицину изучал в Монреальском университете, а еще раньше учился в парижской Сорбонне, где и познакомился с Терезой. Она тогда заканчивала диссертацию по истории искусства.

Деревенская жизнь и Жером Брюнель представляли собой разные полюса магнита.

Пройдя молча один круг, Жером остановился и уставился на три громадные сосны, подсвеченные и устремленные в небо. Пока Гамаш бросал мячик, играя с Анри, Жером разглядывал дома вокруг луга. Некоторые из них – красного кирпича, другие обшиты вагонкой, третьи – из плитняка, словно вытолкнуты из земли, на которой стояли. Явление природы. Но Жером не стал говорить о своем впечатлении – он снова повернулся к трем соснам. Запрокинув голову, осмотрел их до самых макушек, устремленных к звездам.

– Знаете, Арман, – сказал он, глядя вверх, – некоторые из них и не звезды даже, а спутники связи.

Он возвратился на грешную землю и встретился взглядом с Гамашем. Между ними в морозном воздухе клубилась дымка теплого дыхания.

– Oui, – сказал Арман.

Анри уселся у его ног, глядя на руку Гамаша в перчатке, держащую теннисный мячик, на котором намерзла собачья слюна.

– Они летают по своим орбитам, – продолжил Жером. – Принимают сигналы, посылают. Покрывают всю землю.

– Почти всю, – поправил его Гамаш.

В свете гирлянд старший инспектор увидел улыбку на лунообразном лице Жерома.

– Почти, – кивнул Жером. – Поэтому вы и привезли нас сюда, да? Не потому, что никто не догадается искать нас здесь, а потому, что деревня невидима. Они не увидят нас здесь, верно? – Он взмахнул рукой, показывая

на небо.

– Вы обратили внимание, что, едва лишь мы спустились с холма, сигнал на наших сотовых пропал? – спросил Гамаш.

– Обратил. И это касается не только сотовых?

– Абсолютно всего. Ноутбуки, смартфоны, планшеты – здесь ничего не работает. Но есть телефон и электричество, – сказал Гамаш. – Проводные.

– И Интернета нет?

– Коммутируемый доступ. Даже кабеля не проложено. Затраты интернет-компаний на прокладку кабеля не окупились бы.

Гамаш повел рукой, и Жером посмотрел вдаль – за тот малый кружок света, который являла собой деревня. В темноту.

Горы. Лес. Непроходимая чащоба.

Вот в чем состояла уникальность этого места. С точки зрения телекоммуникационной, спутниковой здесь царила полная темнота.

– Мертвая зона, – сказал Жером, переводя взгляд на Гамаша.

Старший инспектор снова кинул мячик, и Анри нырнул в сугроб, оставив на поверхности только бешено виляющий хвост.

– Extraordinaire[32], – сказал Жером.

Он опять пошел вперед, глядя вниз, на свои ноги. Он шел и думал.

Наконец он остановился:

– Они не могут нас отследить. Не могут найти. Они нас не видят и не слышат.

Объяснять, кто такие «они», не было нужды.

Гамаш кивнул в сторону бистро:

– Как насчет рюмочки на ночь?

– Вы издеваетесь? Да я целую бочку выпью!

Жером быстро покатился к бистро, словно земля наклонилась в ту сторону. Гамаш задержался на минуту, заметив, что Анри все еще не вылез из сугроба.

– Ну что ж такое! – сказал Гамаш, когда Анри высунул голову, облепленную снегом, но без мячика в зубах.

Пришлось ему самому погрузить руки в снег и выудить мячик. Потом он слепил снежок, подбросил его в воздух, и Анри, подпрыгнув, ухватил комок снега и в очередной раз удивился, когда тот растворился в его пасти.

«Никакой обучаемости», – посетовал Гамаш. Но тут же понял: Анри уже знает все, что ему нужно. Он знает, что его любят. И сам умеет любить.

– Идем, – сказал он, отдал мячик Анри и пристегнул поводок к ошейнику.

Жером занял места в дальнем углу, подальше от других клиентов.

Гамаш поздоровался с некоторыми из них, поблагодарил тех, кто помогал подготовить дом Эмили к их приезду, и уселся в кресло рядом с Жеромом.

Сразу же подошел Оливье, чтобы протереть столик и принять заказ.

– Все в порядке? – спросил Оливье.

– В идеальном, спасибо.

– Мы с женой вам очень признательны, месье, – торжественно произнес Жером. – Насколько я понимаю, благодаря вам мы получили возможность вселиться в этот домик.

– Ну, тут все помогали, – сказал Оливье.

Впрочем, судя по виду, он был польщен.

– Я надеялся увидеть Мирну, – сказал Гамаш, оглядываясь.

– Приди вы чуть пораньше, вы бы ее застали. Она обедала с Доминик, но ушла несколько минут назад. Хотите, я ей позвоню?

– Non, merci, – отказался старший инспектор. – Ce n’est pas necessaire[33].

Гамаш и Жером сделали заказ, после чего старший инспектор, извинившись, исчез на несколько минут, а когда вернулся, на столе уже стоял коньяк.

Вид у Жерома был довольный, но задумчивый.

– Вас что-то беспокоит? – спросил Гамаш, грея стакан в ладонях.

Доктор Брюнель глубоко вздохнул и закрыл глаза:

– Знаете, Арман, я не помню, когда в последний раз чувствовал себя в безопасности.

– Я вас понимаю, – сказал Гамаш. – Кажется, будто это продолжается целую вечность.

– Нет, я имею в виду не нынешнюю передрягу. Я говорю обо всей моей жизни. – Жером открыл глаза и устремил взгляд в потолок, украшенный простыми сосновыми ветками. Потом сделал глубокий-глубокий вдох, задержал воздух в легких и выдохнул. – Я думаю, что боялся бóльшую часть жизни. В школьном дворе, на экзаменах, на свиданиях. В медицинской школе. Каждый раз, когда «скорая» привозила ко мне пострадавшего, я боялся напортачить и погубить человека. Я боялся за моих детей, за мою жену. Боялся, как бы с ними чего-нибудь не случилось.

Он перевел взгляд на Гамаша.

– Да, – сказал Гамаш. – Мне знакомо это чувство.

– Знакомо?

Они посмотрели друг на друга, и Жером понял, что старший инспектор знает кое-что о страхе. Не об ужасе. Не о панике. Но о том, что

такое бояться.

– А теперь, Жером? Вы чувствуете себя в безопасности?

Жером закрыл глаза, откинулся на спинку кресла. Он долго не отвечал. Гамаш подумал, уж не уснул ли его приятель.

Старший инспектор пригубил коньяк, тоже откинулся на спинку и отпустил мысли на волю.

– У нас проблема, Арман, – сказал Жером немного погодя, по-прежнему с закрытыми глазами.

– Какая?

– Если они не могут войти, то мы не можем выйти. – Жером открыл глаза и подался вперед. – Три Сосны – прекрасная деревня, но она немного похожа на окоп у Вими[34]. Возможно, мы здесь в безопасности, однако мы пленники. И мы не можем оставаться здесь вечно.

Гамаш кивнул. Он выиграл им время, но не вечность.

– Не хочу портить вам настроение, Арман, но Франкёр и те, кто стоит за ним, рано или поздно нас найдут. И что тогда?

Что тогда? Гамаш понимал: вопрос резонный. И ответ ему не нравился. Как человек, привычный к страху, он знал, что очень опасно позволять страху брать верх. Страх искажал реальность. Поглощал ее. Создавал собственную реальность.

Гамаш подался к Жерому и, понизив голос, сказал:

– Значит, нам придется найти их первыми.

Жером, не мигая, продолжал смотреть ему в глаза:

– Это каким же образом? Телепатически? Сейчас нам здесь ничто не угрожает. Может быть, и завтра мы будем в безопасности. Может быть, несколько недель. Но как только мы приехали, часы начали тикать. И никто – ни вы, ни я, ни Тереза, ни даже Франкёр – не знает, сколько времени пройдет, прежде чем нас найдут.

Доктор Брюнель оглядел бистро, жителей деревни, неторопливо потягивающих выпивку. Некоторые из них болтали. Другие играли в шахматы или шашки. Третьи просто сидели молча.

– А теперь мы втянули в это и их, – тихо проговорил он. – Когда Франкёр найдет нас, наш покой и тишина закончатся. И их тоже.

Гамаш знал, что Жером не драматизирует ситуацию. Франкёр доказал, что для достижения своей цели готов на все. И старшего инспектора тревожило, не давало покоя то, что он так пока и не понял, в чем состояла эта цель.

Он должен держать страх на поводке, лишь чуть-чуть отпуская его. Немножко страха обостряет реакцию, но, если ты его не контролируешь, он

переходит в ужас, а ужас – в панику, а паника порождает хаос. А с наступлением хаоса начинается кошмар.

Ему да и остальным требовался покой, душевный покой и ясность мышления, которая приходит с покоем. И все это они могли обрести только здесь.

Три Сосны давали им передышку. День. Два. Неделю. Жером был прав, вечно так продолжаться не будет. Но, Господи, сделай так, чтобы им хватило времени.

– Вот в чем беда, Арман, – продолжил Жером. – То самое, что обеспечивает нам безопасность сегодня, в конечном счете сыграет против нас. Отсутствие связи. Без связи я не смогу продвинуться в своих разысканиях. А я уже подошел очень близко к разгадке, можете мне поверить.

Он опустил глаза и раскрутил коньяк в бокале луковичной формы. Пришло время сказать Арману, что он, Жером, сделал. Что нашел. И кого нашел.

Он посмотрел в умные глаза Армана. За спиной приятеля он видел веселый огонь в камине, подернутое инеем окно, елочку с подарками под ней.

Доктор Брюнель понял, что ему не хочется высовывать голову из этого уютного окопа. Ему хотелось хотя бы нынешнюю ночь прожить в мире. Пусть и придуманном. Пусть и в иллюзии мира. Ему было все равно. Он хотел прожить одну ночь без страха. Завтра он посмотрит правде в глаза и скажет им, что ему удалось найти.

– Что вам нужно для продолжения поисков? – спросил Гамаш.

– Вы знаете, что мне нужно. Высокоскоростной Интернет.

– И если я обеспечу вас таким Интернетом?

Доктор Брюнель остро взглянул на приятеля. Гамаш выглядел расслабленным. Анри лежал у его ног рядом с креслом, и Арман поглаживал пса.

– Что у вас на уме? – спросил Жером.

– У меня есть план, – ответил Гамаш.

Доктор Брюнель задумчиво кивнул:

– Он включает в себя космические корабли?

– У меня другой план, – сказал Гамаш, и Жером рассмеялся.

– Вы говорите, мы не можем остаться и не можем уехать, – продолжил Гамаш, и Жером кивнул. – Но есть еще один вариант.

– Какой же?

– Оборудовать собственную вышку.

– Вы с ума сошли? – Жером украдкой огляделся и понизил голос. – Вышки поднимаются на высоту в сотни футов. Это инженерное чудо. Вряд ли у здешних школьников получится построить такую вышку из палочек от фруктового мороженого и ершиков для бутылок.

– Может, и не из палочек, – улыбнулся Гамаш. – Но вы недалеки от истины.

Жером допил коньяк и посмотрел на Гамаша:

– Что вы задумали?

– Давайте поговорим об этом завтра. Я хочу проверить свои мысли одновременно и на Терезе. И потом, уже поздно, а мне еще нужно поговорить с Мирной Ландерс.

– С кем?

– С владелицей книжного магазина. – Гамаш кивнул на внутреннюю дверь, соединявшую бистро и магазин. – Я заскочил к ней, пока Оливье наливал нам коньяк. Она меня ждет.

– Она даст вам книжку о том, как строить вышки? – спросил Жером, надевая куртку.

– Она дружила с женщиной, которую убили.

– Ах да, я и забыл, что вы здесь на работе. Извините.

– Нет-нет. Печальный факт состоит в том, что ее убийство для меня идеальное прикрытие. Если кто спросит, то у меня есть причины находиться в Трех Соснах.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Жером отправился в дом Эмили Лонгпре и в теплую кровать рядом с Терезой, а Арман и Анри вошли в книжный магазин.

– Мирна? – позвал старший инспектор и понял, что вчера вечером почти в это же время сделал то же самое.

Но на сей раз он не принес ей известий об убийстве Констанс Уэлле. На сей раз он шел к ней с вопросами, со множеством вопросов.

Глава пятнадцатая

Мирна встречала его наверху лестницы.

– С возвращением, – сказала она.

На ней была огромная фланелевая ночная рубашка с изображениями лыжников и людей в снегоступах, резвящихся на склонах горы под названием Мирна. Рубашка доходила ей до щиколоток, где встречалась с толстыми вязаными тапочками. На плечи Мирна набросила гудзоновское одеяло[35].

– Кофе? Печенье?

– Non, merci, – сказал Гамаш и сел в удобное кресло у огня, на которое указала хозяйка.

Мирна налила себе кружку и принесла поднос с печеньем, на случай если он передумает.

У нее в доме пахло шоколадом и кофе и еще чем-то с привкусом мускуса, густым и знакомым.

– Так курица в вине – ваша работа? – спросил Гамаш.

Он-то думал, что еду приготовили Оливье и Габри.

Мирна кивнула:

– Рут помогала. А от Розы не было никакой помощи. Я чуть не сделала утку в вине.

Гамаш рассмеялся и сказал:

– Вкуснятина была необыкновенная.

– Я подумала, что вам нужно что-нибудь для поднятия настроения, – кивнула она, глядя на гостя.

Он выдержал ее взгляд, ожидая неминуемых вопросов. Почему он пришел к ней? Почему привез сюда эту пожилую пару? Почему они прячутся и от кого?

Три Сосны приняли их. Три Сосны вполне резонно могли потребовать ответы на возникшие у них вопросы. Однако Мирна просто взяла печенюшку и откусила. И Гамаш понял, что тут ему нечего опасаться – ни любопытствующих глаз, ни любопытствующих вопросов.

Он знал, что тяжелые потери не обошли Три Сосны. Потери, печаль и боль. Но Три Сосны обладали удивительной способностью залечивать раны. Именно это и предлагала деревня ему и Брюнелям. Пространство и время для заживления.

И утешение.

Но если ты прячешься или убегаешь, не жди ни спокойствия, ни утешения. Утешение прежде всего требовало мужества. Гамаш попробовал печенье, потом вытащил из кармана блокнот:

– Я подумал, вам будет интересно услышать, что нам удалось узнать про Констанс.

– Насколько я понимаю, вы пока не узнали, кто ее убил, – откликнулась Мирна.

– К сожалению, нет, – сказал старший инспектор, надевая очки и глядя в блокнот. – Бóльшую часть дня я собирал информацию о пятерняшках…

– Значит, вы полагаете, это имеет какое-то отношение к ее смерти? Тот факт, что она была одной из сестер Уэлле?

– Наверняка я не знаю, но это факт чрезвычайный, а расследуя убийства, мы всегда ищем чрезвычайное, хотя, должен признаться, нередко обнаруживаем самые банальные мотивы убийства.

Мирна рассмеялась:

– Психотерапия сталкивается с такой же проблемой. Люди обычно приходили в мой кабинет, когда у них что-то случалось. Когда кто-то умирал или предавал их. Когда предмет их любви не отвечал им взаимностью. Когда они теряли работу или разводились. Когда происходило что-то из ряда вон. Но на самом деле случившееся с ними было лишь катализатором, тогда как сама проблема почти всегда оказывалась крохотной, старой и незаметной.

Гамаш удивленно поднял брови. Точь-в-точь его работа. Убийство – катализатор, но корни уходили в какую-нибудь мелочь, невидимую невооруженным глазом, мелочь, которая зрела несколько лет, а то и десятилетий. Обида, тлевшая, пускавшая метастазы, заражавшая хозяина, пока то, что прежде было человеком, не превращалось в ходячую жажду мщения. Покрытую кожей. Внешне похожую на человека. Внешне счастливую.

Пока что-то не случалось.

Что-то произошло в жизни Констанс. Или в жизни ее убийцы. И случившееся спровоцировало убийцу. Возможно, что-то серьезное, очевидное. Но скорее всего – крохотное. Незаметное.

И потому Гамаш знал, что поиск должен быть тщательным, пристальным. Если другие следователи неслись вперед, стремясь пройти как можно дальше, то Арман Гамаш не торопился. Он понимал, что некоторые могут счесть его метод бездеятельностью. Однако он двигался медленно, сцепив руки за спиной. Садился на скамеечку в парке, смотрел куда-то вдаль. Попивал кофе в бистро или баре, слушал.

Думал.

И пока другие шумной компанией мчались вперед мимо убийцы, старший инспектор Гамаш медленно шел прямо на него. Находил его независимо от того, прятался ли тот или не скрывался. Или прикидывался таким же, как другие.

– Рассказать вам, что я узнал? – спросил Гамаш.

Мирна уселась поудобнее в большом кресле, закуталась в одеяло с Гудзоновым заливом и кивнула.

– Это собрано из разных источников, многие из них публичные, но есть и частные записки, дневники.

– Продолжайте, – подбодрила его Мирна.

– Ее родителями были Исидор Уэлле и Мари-Ариетт Пино. Они венчались в церкви Сен-Антуан сюр Ришелье в тысяча девятьсот двадцать восьмом году. Он был фермером. В год свадьбы ему исполнилось двадцать, а Мари-Ариетт – семнадцать.

Он посмотрел на Мирну. По ее виду трудно было определить, знает она это или нет. Правда, он не мог не признать, что начало вовсе не выглядело захватывающим. Захватывали последующие события.

– Сестры родились в тысяча девятьсот тридцать седьмом.

Гамаш снял очки и откинулся на спинку кресла, словно собирался здесь и поставить точку. Но они оба знали, что он не закончил и его история далека от завершения.

– Так почему такой промежуток? Почти десять лет между свадьбой и первым ребенком. Первыми детьми. Даже человек с зачаточными представлениями о жизни скажет, что они наверняка пытались родить детей. В те времена церковь и приходские священники пользовались огромным влиянием. Зачатие было долгом каждой супружеской пары. Да что говорить: единственной целью супружества и секса считалось размножение. Так почему же у Исидора и его молодой жены не появились дети?

Мирна держала в руках кружку с кофе и слушала. Она понимала: он ничего у нее не спрашивает. Пока.

– Обычным делом в те времена считалось иметь десять, двенадцать, даже двадцать детей. Моя жена родилась в семье, где было двенадцать детей, а ведь ее родители принадлежали к следующему после Уэлле поколению. Мы же говорим о сельской местности, о деревне в двадцатые годы. Рожать детей считалось священным долгом. Если пара не сумела зачать ребенка, ее чурались. Считали лишенной благодати. Может быть, даже проклятой.

Мирна кивнула. До недавнего времени такое мнение было распространенным в Квебеке, но квебекцы изменились. Изменились на памяти еще живущих поколений. И эти изменения пришли с Тихой революцией[36], которая вернула женщине ее тело, а квебекцам – их жизни. Революция попросила церковь убраться из чрева и ограничить свою деятельность алтарем. И церковь почти исполнила просьбу.

Но в фермерской среде в двадцатые – тридцатые годы? Гамаш не ошибался. С каждым новым годом бездетности Уэлле подвергались все большему и большему остракизму. На них смотрели либо с жалостью, либо с подозрением. Их избегали, словно бездетность – это зараза, которая станет проклятием для всех. Для людей, животных, земли. Все потеряет способность рожать, станет бесплодным. А причина – молодая пара Уэлле.

– Они были в отчаянии, – продолжил Гамаш. – Мари-Ариетт пишет о том, что бо́льшую часть дня проводила в церкви за молитвой. Ходила на исповеди. Каялась. Наконец спустя долгих восемь лет она отправилась в дальний путь – в Монреаль. Такое путешествие – из области Монтережи до самого Монреаля – было ужасающим для одинокой женщины. И уже в Монреале эта жена фермера, которая в жизни не покидала пределы деревни, от вокзала дошла до Ораториия Святого Иосифа[37]. Это наверняка заняло у нее бо́льшую часть дня.

Он рассказывал, глядя на Мирну. Она перестала пить кофе. Недоеденное печенье лежало на тарелке. Мирна слушала, забыв обо всем на свете. Даже Анри, пристроившийся у ног Гамаша, слушал, настроив уши-антенны на голос хозяина.

– Стоял май тысяча девятьсот тридцать шестого года, – сказал Гамаш. – Вы знаете, почему она отправилась в Ораторий Святого Иосифа?

– К брату Андре? – спросила Мирна. – Он был еще жив?

– Едва жив. Ему исполнилось девяносто, и он тяжело болел. Однако продолжал принимать паломников. К нему приезжали со всего света. Вы бывали в Оратории?

– Да, – ответила Мирна.

Ораторий являл собой величественное зрелище: огромный купол, освещаемый по ночам и видимый практически из любой точки Монреаля. Архитекторы создали длинный и широкий пешеходный бульвар от улицы до самого входа. Но церковь стояла на склоне горы. И чтобы попасть в нее, нужно было подняться по лестнице, преодолеть множество ступеней. Девяносто девять.

А внутри? К стенам от пола до потолка были прикреплены костыли и

трости. Их оставляли здесь, потому что нужда в них отпадала.

Тысячи немощных и больных паломников поднимались по этим ступеням, чтобы увидеть крохотного старика. И брат Андре исцелял их.

Ему перевалило за девяносто, и он прощался с жизнью, когда Мари-Ариетт Уэлле совершила свое паломничество. Его бы поняли, если бы он предпочел сохранять те малые силы, что у него еще оставались. Но маленький волшебник в простой черной одежде продолжал исцелять других, хотя и слабел с каждым днем.

Мари-Ариетт Уэлле одна отправилась в далекое путешествие со своей маленькой фермы, чтобы просить святого о чуде.

Гамаш рассказывал, не заглядывая в свои записи. То, что произошло потом, забыть было невозможно.

– Ораторий Святого Иосифа в те дни выглядел не так, как сегодня. Наверху стояла церковь, к которой вела длинная лестница, но купол еще не достроили. Теперь там полно туристов, однако в те дни туда приходили только паломники. Больные, умирающие, искалеченные, отчаянно нуждающиеся в помощи. Мари-Ариетт присоединилась к ним.

Он помолчал, глубоко вздохнул. Мирна перевела взгляд с умирающего огня в камине на Гамаша. Она почти наверняка знала, что последует дальше.

– У ворот, в начале длинного пешеходного бульвара, она опустилась на колени и прочла молитву «Аве Мария» в первый раз, – сказал Гамаш.

Голос его звучал тихо и тепло, но нейтрально. Не стоило нагружать эти слова собственными чувствами.

Его слова рождали образы. И он, и Мирна видели молодую женщину. Молодую по их представлениям. В возрасте по понятиям того времени.

Двадцатишестилетняя Мари-Ариетт опустилась на колени.

«Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою, – молилась она. – Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего Иисус».

Знакомые слова молитвы воспаряли к чердаку.

– Всю ночь она на коленях поднималась по лестнице и на каждой ступеньке произносила «Аве Мария», – сказал Гамаш. – Внизу Мари-Ариетт двигалась быстро. Но когда она поднялась наверх, с ее коленей сочилась кровь, пятнавшая ее лучшее платье.

«Наверное, это выглядело как менструация, – подумала Мирна. – Кровь на женском платье. И молитва о детях».

«Благословен плод чрева Твоего».

Она представила себе молодую женщину, изможденную, страдающую,

ползущую на коленях по ступеням. Молящуюся.

– К рассвету Мари-Ариетт добралась до вершины, – сказал Гамаш. – Она подняла взор и увидела стоящего в дверях брата Андре, который явно ждал ее. Он помог ей встать, и они вместе вошли в церковь и там молились. Он выслушал ее мольбы и благословил ее. После чего она ушла.

В комнате воцарилась тишина, и Мирна набрала полную грудь воздуха, радуясь тому, что долгий подъем закончился. Она ощущала боль в коленях и в собственном чреве. И еще она чувствовала веру Мари-Ариетт в то, что с помощью целомудренного священника и давно умершей девы она сможет зачать.

– И это подействовало, – сказал Гамаш. – Восемь месяцев спустя, в январе тридцать седьмого года, на следующий день после смерти брата Андре, Мари Ариетт родила пять здоровых дочек.

И хотя Мирна знала, как закончилась эта история, она слушала словно завороженная.

Она могла понять, как случившееся превратилось в чудо. В доказательство существования и доброты Бога. И Его щедрости. Почти чрезмерной, подумала Мирна.

Глава шестнадцатая

– Конечно, это назвали чудом, – сказал Гамаш, озвучивая мысли Мирны. – Первые в истории выжившие пятерняшки. Они стали сенсацией.

Старший инспектор положил на кофейный столик фотографию.

С нее смотрел Исидор Уэлле, стоявший позади детей. Небритый человек с обветренным загорелым лицом сельского труженика, с темными волосами, торчащими в разные стороны. Возникало впечатление, будто он всю ночь ерошил их своими громадными руками. Даже на зернистой фотографии были видны круги у него под глазами. Он был одет в рубашку с воротником и потрепанный пиджак, словно в последнюю минуту вырядился в лучшее, что имел.

Дочки лежали перед ним на кухонном столе – крохотные, новорожденные, завернутые в наспех принесенные простыни, кухонные полотенца и тряпки. Он смотрел на своих детей с удивлением, широко раскрыв глаза.

Фотография могла бы показаться комичной, если бы не ужас на его помятом лице. Исидор Уэлле выглядел так, будто Господь пришел к нему на обед и спалил его дом.

Мирна взяла фотографию и стала рассматривать. Прежде она ее не видела.

– Насколько я понимаю, вы нашли снимок в ее доме, – сказала она, пытаясь отрешиться от впечатления, производимого глазами Исидора.

Гамаш положил на стол еще одну фотографию.

Мирна взяла ее. Фотография была нерезкая. Отец исчез, а вместо него за младенцами стояла пожилая женщина.

– Повивальная бабка? – спросила Мирна, и Гамаш кивнул.

Плотная серьезная женщина стояла, уперев руки в бока, ее мощную грудь закрывал заляпанный фартук. Она улыбалась. Усталая и счастливая. И, как и Исидор, смотрела с удивлением, но без ужаса. Она выполнила свой долг.

Гамаш положил на стол третью черно-белую фотографию. На ней ни пожилой женщины, ни тряпок, ни кухонного стола. Все новорожденные аккуратно завернуты в теплые и чистые фланелевые одеяльца и лежат на стерильно чистом столе. За ними гордо стоит человек средних лет, весь облаченный в белое. Та самая знаменитая фотография. С нее началось знакомство мира с пятерняшками Уэлле.

– Доктор, – кивнула Мирна. – Как его звали? Бернар. Доктор Бернар.

Свидетельство славы пятерняшек: почти восемь десятилетий спустя после их рождения Мирна знала имя доктора, который их принимал. Или не принимал.

– Вы хотите сказать, что доктор Бернар вовсе не принимал пятерняшек? – спросила она, возвращаясь к фотографиям.

– Его там даже не было, – ответил Гамаш. – И если подумать, откуда он мог там взяться? В тридцать седьмом году большинство фермерских жен пользовались услугами повивальных бабок, а не докторов. И даже если они подозревали, что Мари-Ариетт носит больше чем одного младенца, никто и предположить не мог, что она носит пятерых. Была Великая депрессия, Уэлле жили в нищете, и даже если бы они знали, что врач необходим, то не смогли бы его себе позволить.

Они оба посмотрели на знаменитую фотографию. Улыбающийся доктор Бернар. Уверенный, знающий, заботливый. Идеально подходящий для той роли, которую он играл до конца жизни.

Великий человек принял чудо. Благодаря своему мастерству сделал то, что до него не удавалось ни одному другому врачу. Он впустил в мир пять младенцев. И сохранил их живыми. Он даже спас их мать.

Доктор Бернар стал доктором, услуг которого искали все женщины. Образцом компетентности. Гордостью Квебека, сумевшего подготовить врача такой квалификации и такой душевности.

«Жаль, что это была ложь», – подумал Гамаш. Он надел очки и внимательно всмотрелся в фотографию.

Потом отложил ее в сторону и вернулся к фотографии с пятерняшками и их насмерть перепуганным отцом. К первой из тысяч последующих фотографий девочек. Здесь они лежали, завернутые в тряпье, в крови, фекалиях, слизи и плодных оболочках. Фотография чуда, но и кошмара.

Первая, но одновременно и последняя фотография настоящих девочек. Спустя несколько часов после их рождения началось творение их образа. Ложь, имитация, обман.

Он перевернул фотографию. На обороте аккуратным, округлым школьным почерком были написаны имена девочек.

Мари-Виржини, Мари-Элен, Мари-Жозефин, Мари-Маргерит, Мари-Констанс.

Вероятно, их быстренько завернули в то, что оказалось под рукой у повивальной бабки и месье Уэлле, и положили на кухонном столе в том порядке, в каком они родились.

Потом Гамаш взял фотографию доктора Бернара, снятую несколько

часов спустя. На обороте кто-то написал: «М-М, М-Ж, М-В, М-К, М-Э».

Уже не полностью имена, а только инициалы. «Сегодня написали бы штрих-коды», – подумал Гамаш. Догадываясь, чьей рукой сделана надпись, он опять взглянул на доброго сельского доктора, чья жизнь в ту ночь тоже изменилась. Родился совершенно новый доктор Бернар.

Гамаш вытащил из нагрудного кармана еще одну фотографию и положил на кофейный столик. Мирна взяла ее и увидела четырех молодых женщин лет тридцати с небольшим, они стояли, обняв друг дружку за талию, и улыбались в объектив.

Она перевернула фотографию, но оборот был чист.

– Девочки? – спросила она, и Гамаш кивнул в ответ.

– Они такие разные, – удивленно проговорила Мирна. – Прически, стиль одежды, даже фигуры. – Она перевела взгляд с фотографии на Гамаша, который наблюдал за ней. – И не скажешь, что они – сестры. Вы думаете, это намеренно?

– А вы как думаете? – спросил он.

Мирна опустила глаза на фотографию, но ответ был уже готов, и она несколько раз кивнула.

– Я тоже так считаю, – произнес старший инспектор, снимая очки и усаживаясь поглубже в кресло. – Они были явно очень близки и сфотографировались так для того, чтобы дистанцироваться не друг от друга, а от публики.

– Они замаскировались, – сказала Мирна, опуская фотографию. – Превратили свои тела в костюмы, чтобы их никто не узнал. Скорее даже не в костюмы, а в доспехи. – Она постучала пальцем по фотографии. – Их здесь четверо. А где пятая?

– Умерла.

Мирна наклонила голову к Гамашу:

– Pardon?

– Виржини, – напомнил Гамаш. – Умерла лет двадцати с небольшим от роду.

– Ах да, я забыла. – Она порылась в памяти. – Какой-то несчастный случай, да? Автокатастрофа? Утонула? Не помню. Какая-то трагическая случайность.

– Она упала с лестницы в их общем доме.

Мирна немного помолчала, прежде чем вымолвить:

– За этим не скрывается нечто большее? Я что хочу сказать: в двадцать лет обычно просто так не падают с лестницы.

– Какой у вас подозрительный ум, мадам Ландерс, – заметил Гамаш. –

Констанс и Элен были свидетелями несчастного случая. Они видели, как она оступилась. Вскрытия не делали. Извещения о смерти в газеты тоже не давали. Виржини Уэлле тихо похоронили на семейном участке в Сен-Антуан сюр Ришелье. Какой-то работник из морга несколько недель спустя слил информацию. Известие о смерти вызвало скорбную общественную реакцию.

– А зачем замалчивать ее смерть? – спросила Мирна.

– Насколько я понимаю, сестры хотели оплакивать ее смерть в узком кругу.

– Да, это на них похоже, – проговорила Мирна. – Вы сказали: «Они видели, как она оступилась». По-моему, это требует уточнения. Они так сказали, но так ли было на самом деле?

Гамаш чуть заметно улыбнулся.

– Вы внимательный слушатель. – Он подался вперед, и теперь они сидели лицом к лицу, разделенные кофейным столиком, освещенные с одной стороны. – Тот, кто умеет читать полицейские отчеты и свидетельства о смерти, знает: многое содержится в том, что не сказано.

– Полиция считала, что ее могли столкнуть?

– Нет. Однако высказывалось предположение, что, хотя ее смерть – следствие несчастного случая, она не стала неожиданностью.

– Что вы имеете в виду? – спросила Мирна.

– Констанс рассказывала вам что-нибудь о своих сестрах?

– Только общие слова. Мне хотелось узнать о жизни Констанс, а не ее сестер.

– Общение с вами, видимо, приносило ей облегчение, – сказал Гамаш.

– Пожалуй. Облегчение и удивление, – согласилась Мирна. – Большинство людей интересовались пятерняшками в целом, а не отдельными личностями. Хотя, если честно, я узнала о том, что она – одна из пятерняшек, только через год после нашего знакомства.

Гамаш смотрел на нее, пытаясь скрыть улыбку.

– Не вижу ничего забавного, – сказала Мирна, но и сама улыбнулась.

– Я тоже, – кивнул Гамаш, убирая улыбку с лица. – Абсолютно ничего. Неужели вы действительно не знали, что она – одна из самых знаменитых людей в стране?

– Дело обстояло так, – сказала Мирна. – Она представилась как Констанс Пино, а о семье говорила только в ответ на мои вопросы. Мне и в голову не приходило спрашивать, а не пятерняшка ли она. Я почти ни у кого из моих клиентов этого не спрашивала. Что вы имели в виду, говоря, что смерть младшей из пятерняшек была несчастным случаем, но не стала

неожиданностью?

– Младшей? – переспросил Гамаш.

– Ну да… – Мирна замолчала и покачала головой. – Забавно. Я просто подумала, что та, которая умерла первой…

– Виржини.

– …младшая, а Констанс – старшая.

– Я думаю, это естественно. Кажется, и у меня такие же мысли.

– Так почему смерть Виржини не стала неожиданностью?

– Никакого диагноза ей не ставили, и лечения она не проходила, но, судя по всему, Виржини страдала от клинической депрессии.

Мирна медленно вдохнула полной грудью и так же медленно выдохнула.

– Они решили, что она покончила с собой?

– Никто ничего такого не говорил, но у меня создалось впечатление, что они подозревали самоубийство.

– Бедняжка, – сказала Мирна.

«Бедняжка», – подумал Гамаш и вспомнил полицейские машины на мосту Шамплейна и женщину, прыгнувшую навстречу смерти всего день назад. Прыгнувшую в затянутые ледком воды Святого Лаврентия. Насколько же ужасной должна быть проблема, чтобы человек захотел броситься в ледяную воду или в лестничный пролет, ища спасение в смерти?

«Но кто тебя обидел так, – подумал Гамаш, глядя на фотографию новорожденной Виржини на кухонном столе, плачущей рядом с сестренками, – что ран не залечить?»

– Констанс говорила что-нибудь о своем воспитании?

– Почти ничего. Она сделала большой шаг, когда призналась, что она одна из пятерняшек Уэлле, но говорить о подробностях была не готова.

– А как вы вообще поняли, кто она? – спросил Гамаш.

– Хотелось бы мне похвастаться своим удивительным прозрением, но, увы, этот поезд уже ушел.

– И к несчастью, сошел с рельсов, – заметил Гамаш.

Мирна рассмеялась:

– Очень точно. Оглядываясь назад, я понимаю, что в намеках она поднаторела, как никто другой. Она в течение года разбрасывала их по моему кабинету. Сказала, что у нее было четыре сестры. Однако я так и не догадалась, что они родились в один день. Она говорила, что ее родители были одержимы братом Андре, но ей и сестрам запретили о нем говорить, чтобы не накликать беду. Она говорила, что люди всегда хотели узнать

подробности их жизни. Но я решила, что у нее просто любопытные соседи или у нее самой крыша поехала. Мне и в голову не приходило, что она имела в виду всю Северную Америку, включая киножурналы. И что она ничуть не преувеличивает. Она, наверно, здорово злилась на меня. Мне стыдно, но должна признаться, что я ни за что бы не догадалась, если бы она просто мне не сказала.

– Жаль, что я не присутствовал при том разговоре.

– Я его никогда не забуду, можете не сомневаться. Я думала, мы снова будем говорить о вопросах открытости. Сидела с блокнотом на коленях и авторучкой, – Мирна изобразила свою позу, – а она вдруг говорит: «Девичья фамилия моей матери – Пино. А фамилия отца – Уэлле. Исидор Уэлле». Она смотрела на меня, словно ее слова имели какой-то особый смысл. И самое смешное, что они действительно имели особый смысл. Я растерялась, не понимая, к чему это она. И тогда она продолжила: «Я живу под именем Констанс Пино. И думаю о себе как о Пино, но большинство людей знают меня как Констанс Уэлле. Мы с моими четырьмя сестрами родились в один день». Стыдно признаться, но даже после этих слов мне понадобилась почти минута, чтобы их осмыслить.

– Я тоже сомневаюсь, что поверил бы, – сказал Гамаш.

Мирна покачала головой, до сих пор немного ошеломленная:

– Пятерняшки Уэлле были почти легендой. Мифом. Это было все равно как если бы женщина, которую я знала как Констанс Пино, заявила, что она – ожившая греческая богиня Гера. Или единорог.

– Вам это казалось маловероятным?

– Невероятным, даже бредовым. Однако она была такой спокойной, такой расслабленной. Почти освобожденной. Более здравого человека трудно было вообразить. Думаю, она понимала, что я пытаюсь заставить себя поверить ей, и мои попытки казались ей забавными.

– Но она тоже страдала от депрессии? Поэтому и пришла к вам?

Мирна покачала головой:

– Нет. У нее случались минуты депрессии, но у кого их не бывает?

– Тогда почему она пришла к вам?

– Мы потратили немало времени, чтобы разобраться, – признала Мирна.

– Вы говорите так, будто Констанс и сама не знала.

– Не знала. Она пришла, потому что чувствовала себя несчастной. Она хотела, чтобы я помогла ей понять, что с ней не так. Она сказала, что чувствует себя как человек, который вдруг обнаружил у себя дальтонизм, тогда как все вокруг живут в цветном мире.

– Дальтонизм не лечится, – заметил Гамаш. – Констанс удалось вылечиться?

– Сначала нам нужно было нащупать проблему. Не грохочущую медь оркестра, а колючку, впившуюся в тело.

– И вы нашли эту колючку?

– Полагаю, да. Найти ее, как и большинство проблем, не составило труда. Констанс страдала от одиночества.

Старший инспектор Гамаш обдумал эти слова. Женщина, которая никогда не оставалась одна. Ни в материнском чреве, ни в доме. У них были общие родители, общий стол, общая одежда, общее все. Они постоянно жили в обществе. Вокруг все время люди – внутри дома и снаружи. Вечно на них кто-нибудь таращился.

– Я бы сказал, что она, напротив, искала уединения, – заметил он.

– О да, они все искали уединения. Как ни странно, но именно это и делало Констанс такой одинокой. Как только у них появилась возможность, они ушли с глаз людских. Но ушли слишком далеко. Слишком уединились. Слишком изолировались. То, что поначалу работало как механизм выживания, в конечном счете обратилось против них. В своем маленьком доме, в своем приватном мире они чувствовали себя в безопасности, но страдали от одиночества. Они были одинокими детьми, а потом стали одинокими взрослыми. Другой жизни они не знали.

– Дальтонизм, – сказал Гамаш.

– Но Констанс понимала, что причина не только в этом. Она чувствовала себя в безопасности, однако оставалась несчастной. И хотела быть несчастной. – Мирна покачала головой. – Я бы худшему своему врагу не пожелала стать знаменитостью. А родителей, которые делают такое со своими детьми, нужно запирать в сумасшедший дом.

– Вы считаете, что вина лежит на родителях пятерняшек?

Мирна задумчиво ответила:

– Мне кажется, таково было мнение Констанс.

Гамаш кивнул на фотографии, лежащие на кофейном столике:

– Вы спросили, не из дома ли Констанс эти фотографии. Нет, не оттуда. В доме Констанс вообще нет никаких личных фотографий. Ни в рамочках, ни в альбомах. Я нашел их в национальном архиве. Кроме… – он взял фотографию с четырьмя молодыми женщинами, – вот этой. Констанс положила ее в чемодан и собиралась привезти сюда.

Мирна уставилась на маленькую фотографию:

– Интересно зачем?

Жером Брюнель закрыл книгу.

Занавески были задернуты, и стеганое пуховое одеяло укрывало лежащих на большой кровати. Тереза уснула за чтением. Несколько секунд он смотрел, как она дышит – глубоко, ровно. Подбородок прижат к груди, мозг отдыхает. Пребывает в покое. Наконец-то.

Он положил свою книгу на тумбочку, снял с Терезы очки и вытащил книгу из ее руки, потом поцеловал жену в лоб, вдохнув запах ночного крема, легкий и тонкий. Когда она уезжала в командировку, он размазывал ее крем по рукам и засыпал, прижав их к лицу.

– Жером? – Тереза проснулась. – Все в порядке?

– В полном, – прошептал он. – Я собирался выключить свет.

– Арман уже вернулся?

– Нет. Но я оставил огонь на крыльце и свет в гостиной.

Она поцеловала его и повернулась на бок.

Жером выключил лампу на тумбочке, натянул на себя и жену одеяло. Сквозь приоткрытое окно внутрь проникал холодный освежающий воздух, отчего теплая кровать казалась тем желанней.

– Не беспокойся, – прошептал он на ухо жене. – У Армана есть план.

– Надеюсь, без космических кораблей и путешествий во времени, – пробормотала она сквозь сон.

– У него другой план, – сказал Жером и услышал, как она хмыкнула.

А потом комната погрузилась в тишину, если не считать потрескиваний и стонов старого дома.

Арман Гамаш увидел через окно в магазине Мирны, как погас свет в верхней спальне в доме Эмили.

Он спустился в магазин следом за Мирной, которая теперь стояла в недоумении посреди прохода.

– Я уверена, она была здесь.

– Кто «она»? – Он повернулся, но Мирна уже исчезла между стеллажами.

– Книга о пятерняшках, которую написал доктор Бернар. Она стояла здесь, однако я что-то ее не вижу.

– Я не знал, что он написал книгу, – сказал Гамаш и двинулся по другому проходу, на ходу разглядывая корешки. – Хорошая книга?

– Я ее не читала, – пробормотала Мирна, занятая поиском. – Вряд ли хорошая, с учетом того, что мы про него знаем.

– Мы знаем только то, что не он принимал пятерняшек, – сказал Гамаш. – Но все же немалую часть своей жизни он посвятил им. Наверное,

знал их лучше, чем кто-либо другой.

– Сомневаюсь.

– Почему?

– Я думаю, они и сами себя толком не знали. В лучшем случае книга доктора поможет вам узнать распорядок их жизни, но не самих девочек.

– Тогда почему вы ее ищете?

– Я подумала, что и от нее может быть какая-то польза.

– Может, – согласился Гамаш. – А почему вы ее не читали?

– Доктор Бернар взял личное и сделал публичным. Он предавал их каждый день, как и их родители. Я не хотела становиться его соучастницей.

Она озадаченно положила свою большую руку на полку.

– Может быть, ее кто-то взял? – спросил Гамаш из соседнего прохода.

– У меня не библиотека. Тот, кто взял, должен был ее купить. – Мирна помолчала немного, потом опять послышался ее голос: – Эта сучка Рут.

Гамаш вдруг подумал, что таково, вероятно, и есть настоящее имя Рут. Наверняка она получила его при рождении. Он представил себе, как мог бы выглядеть обряд крещения. «Как вы называете этого младенца?» – спросил бы священник. «Сучка Рут», – ответили бы крестные родители. Вот был бы провидческий выбор!

Мирна прервала его размышления:

– Она единственная, кто считает, что у меня тут библиотека. Берет книги, возвращает, потом берет другие.

– Ну хорошо хоть возвращает, – сказал Гамаш и заработал этим неприязненный взгляд от Мирны. – Вы считаете, что книгу Бернара о пятерняшках взяла Рут?

– А кто еще?

Вопрос был хороший.

– Я спрошу ее завтра, – пообещал Гамаш, надевая куртку. – Вы знаете то стихотворение Рут, которое вы цитировали?

– «Но кто тебя обидел так»? Вы про это? – спросила Мирна.

– Оно у вас есть?

Мирна нашла тонкую книжицу, и Гамаш заплатил за нее.

– Почему Констанс перестала ходить к вам на сеансы? – спросил он.

– Мы зашли в тупик.

– Как так?

– Стало ясно, что если Констанс на самом деле хочет иметь близких друзей, то ей нужно снять с себя бронежилет и подпустить к себе кого-нибудь. Наша жизнь похожа на дом. Кого-то мы пускаем на газон перед домом, кого-то – на крыльцо, кто-то входит в прихожую или в кухню.

Добрые друзья допускаются в дом, в гостиную.

– А кому-то позволяют войти в спальню, – сказал Гамаш.

– Да, это по-настоящему близкие отношения, – согласилась Мирна.

– А Констанс?

– Ее дом был прекрасен снаружи. Привлекательный, красивый. Но запертый. Внутрь никого не допускали.

Гамаш слушал внимательно, но не сказал Мирне, что ее аналогия с домом идеальна. Констанс эмоционально забаррикадировалась внутри, и никто не пересекал порога ее каменного дома.

– Вы ей об этом сказали? – спросил он.

Мирна кивнула в ответ:

– Она поняла меня и старалась, очень старалась преодолеть себя, однако стены оказались слишком высокими и толстыми. Поэтому наши сеансы закончились. Больше я для нее ничего не могла сделать. Но мы поддерживали знакомство. – Мирна улыбнулась. – Даже взять ее нынешний приезд – я думала, может быть, она наконец раскроется. Я надеялась, что теперь, когда мертва ее последняя сестра, у нее не будет возникать ощущения, что она выдает семейные тайны.

– Но она ничего не сказала?

– Ничего.

– Хотите знать, что я думаю? – спросил он.

Мирна кивнула.

– Я думаю, она приехала, просто чтобы отвлечься. А вот когда решила вернуться, то причина была уже совсем иная.

Мирна поймала его взгляд:

– Какая причина?

Он вытащил фотографии из кармана и выбрал ту, на которой перед объективом стояли четыре женщины.

– Мне кажется, она собиралась привезти вам это. Ее самое драгоценное, самое личное владение. Я думаю, она хотела открыть двери и окна своего дома и впустить вас внутрь.

Мирна протяжно вздохнула и взяла у него фотографию.

– Спасибо вам, – тихо сказала она, глядя на снимок. – Виржини, Элен, Жозефин, Маргерит и теперь Констанс. Не осталось никого. Ушли в легенду. Что у вас?

Гамаш взял самую первую фотографию пятерняшек Уэлле, только что родившихся, выложенных, словно хлебные караваи, на кухонный стол. С их ошеломленным отцом, стоявшим за ними.

Старший инспектор перевернул фотографию и посмотрел на слова,

написанные на обороте почти наверняка рукой матери или отца. Аккуратно, тщательно. Рукой, не привычной к перу. В их жизни, не очень примечательной, это событие было достойно того, чтобы его запомнить. Они написали имена девочек в том порядке, в каком они лежали на столе.

Мари-Виржини.

Мари-Элен.

Мари-Жозефин.

Мари-Маргерит.

Мари-Констанс.

Почти наверняка в том порядке, в каком они и родились, но еще, как понял вдруг Гамаш, в том порядке, в каком они умерли.

Глава семнадцатая

Арман Гамаш проснулся от криков, воплей и коротких, резких взрывов звука.

Он сел в кровати, мгновенно перейдя от глубокого сна к полному бодрствованию. Быстро протянул руку к ящику, в котором лежал его пистолет, и замер в таком положении.

Глаза его смотрели ясно, сосредоточенно. Он оставался неподвижен и напряжен.

За занавесками уже рассвело. Наконец звук повторился. Взволнованный крик. Зов о помощи. Слова команды. Еще один удар.

Ошибиться в природе этих звуков было невозможно.

Надев халат и тапочки, Гамаш подошел к окну, отодвинул занавеску и увидел, как играют в хоккей на замерзшем пруду в середине деревенского луга.

Рядом с ним оказался Анри – он тыкался носом в стекло, принюхивался.

– Это место меня доконает, – сказал старший инспектор, обращаясь к псу.

Но он все же улыбался, глядя, как малышня на пруду неистово гоняется за шайбой. Выкрикивает друг другу инструкции. Торжествующе орет после забитой шайбы, страдальчески кричит, когда шайба попадает в сетку.

Несколько секунд он смотрел как зачарованный сквозь подернутое морозцем стекло.

День стоял солнечный. Гамаш вспомнил, что сегодня воскресенье. Солнце только взошло, но, глядя на детей, можно было подумать, что они играют уже несколько часов и могут продолжать хоть весь день, прерываясь разве что на горячий шоколад.

Он закрыл окно и распахнул занавески. Дом погрузился в тишину. Он не сразу понял, что находится не в гостинице Габри, а в доме Эмили Лонгпре.

Спальня с дощатыми полами превосходила размерами номер в гостинице. На одной из стен, оклеенных обоями с давно вышедшим из моды цветочным рисунком, располагался камин. По двум стенам шли окна, что делало комнату яркой и веселой.

Гамаш посмотрел на часы на прикроватной тумбочке и чуть не

схватился за голову – они показывали почти восемь. Он проспал. Не стал ставить будильник, понадеявшись, что проснется, как всегда, в шесть. Или что Анри не даст ему разоспаться.

Но оба заснули как убитые и все еще спали бы, если бы внизу кто-то из игроков не забил гол.

Быстро приняв душ, Гамаш спустился с Анри вниз, накормил его, включил кофейник, потом пристегнул поводок к ошейнику, собираясь прогуляться вокруг деревенского луга. На ходу они наблюдали за хоккеистами, Анри натягивал поводок – ему тоже хотелось поиграть.

– Я рада, что этот тупой зверюга на поводке. Он опасен.

Гамаш повернулся и увидел Рут с Розой на замерзшей дороге. На Розе были маленькие вязаные тапочки, и она прихрамывала, как и ее хозяйка. А Рут вышагивала вперевалку, точно утка.

Если хозяева действительно становятся похожими на своих питомцев, то у самого Гамаша в любой момент могли появиться громадные уши и игривое, чуть рассеянное выражение лица.

Но Роза для Рут значила гораздо больше, чем просто домашняя любимица, а Рут для Розы, должно быть, была поважнее других крупных двуногих.

– Анри не тупая зверюга, мадам, – возразил Гамаш.

– Я знаю, – отрезала поэтесса. – Я обращалась к Анри.

Овчарка и утка уставились друг на друга. Гамаш на всякий случай придержал поводок, но он мог не беспокоиться. Роза сделала выпад клювом, и Анри трусливо попятился и укрылся за ногами Гамаша.

Гамаш и Анри удивленно посмотрели друг на друга.

– Пасуй! – прокричала Рут хоккеистам. – Не держи шайбу!

Любой, кто находился поблизости, услышал бы и подразумеваемое «кретин» в конце фразы.

Парнишка паснул шайбу, но слишком поздно. Она исчезла в сугробе. Он посмотрел на Рут и пожал плечами.

– Ничего, Этьен, – сказала Рут. – В следующий раз не спи.

– Oui, тренер.

– Долбаные дети! Никогда не слушают, – сказала Рут, поворачиваясь к ним спиной, но прежде убедилась, что некоторые из них увидели ее с Розой, перестали играть и приветственно помахали.

– Тренер? – спросил Гамаш, шагая рядом с ней.

– По-французски это значит «идиот».

Гамаш рассмеялся, выпустив облачко пара:

– Значит, вы их и этому научили?

Изо рта Рут вылетело несколько маленьких облачков, и он предположил, что это смешинки. Или сера.

– Спасибо за вчерашнюю курицу в вине, – сказал старший инспектор. – Она была великолепна.

– Так, значит, ты ее ел? Боже мой, мне послышалось, будто наша библиотекарша сказала, что блюдо предназначено для людей, которые арендуют дом Эмили.

– Дом арендую я и мои друзья, как вам прекрасно известно.

Рут подхватила Розу и несколько шагов прошла молча.

– Ты уже знаешь, кто убил Констанс? – спросила она.

– Пока еще нет, но кое-какие мысли уже есть.

Рядом с ними продолжалась игра в хоккей, мальчишки и девчонки гонялись за шайбой, кто-то катился вперед, кто-то давал задний ход. Словно от того, что случится с маленьким резиновым диском, зависела жизнь.

Эта мысль могла показаться банальной, но Гамаш знал, что тут, на игровой площадке, учатся многому. Доверию и командной работе. Когда сделать пас, когда наступать, когда обороняться. И всегда помнить о цели, невзирая на хаос и крики вокруг.

– Почему вы взяли книгу доктора Бернара? – спросил он.

– Какую книгу?

– Сколько у вас книг доктора Бернара? – хмыкнул Гамаш. – Ту, что про пятерняшек Уэлле. Ту, что вы взяли в магазине Мирны.

– Какой еще магазин? – спросила Рут, оглядываясь. – Там же написано «библиотека».

– Там написано «librairie», что по-французски означает «вы лжете».

Рут фыркнула от смеха.

– Вы прекрасно знаете, что на французском это слово означает «книжный магазин», – сказал Гамаш.

– Чертов французский, все путает. Почему нельзя говорить ясно?

Гамаш посмотрел на нее с изумлением:

– Очень хороший вопрос, мадам.

Он говорил без раздражения. Он многому научился у Рут. И не в последнюю очередь терпению.

– Да, я взяла эту книгу. Я уже сказала, что Констанс мне поведала, кто она такая, и мне захотелось почитать про нее. Патологическое любопытство.

Гамаш знал, что у Рут есть много чего патологического, но вот любопытством она не страдает, потому что любопытство подразумевает

интерес к другим людям.

– И вы решили, что из книги доктора Бернара сможете узнать что-то?

– Ну, от нее-то мне уже ничего не узнать, верно? Так что я сделала максимум возможного. Скучная книженция. Разговор в основном об авторе. Ненавижу людей, которые считают себя центром мироздания.

Он оставил ее последнее предложение без комментариев.

– Но о родителях кое-каких гадостей ему пришлось наговорить, – продолжила Рут. – Все, конечно, в самых вежливых тонах на тот случай, если они прочтут, и я подозреваю, что они прочли. Или им кто-то прочел.

– Почему вы так говорите? – спросил Гамаш.

– Судя по тому, что он пишет, они были невежественные и глупые, как ослы. И жадные.

– На чем это основано?

– Они практически продали детей правительству, а когда деньги кончились – обиделись. Решили, что им причитается больше.

Старший инспектор Гамаш и сам обнаружил кое-какие сведения на этот счет. Родители получили большие деньги (точнее, большие для Исидора Уэлле по тем временам) под видом выкупа их фермы за сумму, в сто раз превышавшую ее реальную стоимость.

Нищий фермер купил выигрышный лотерейный билет в виде своих фантастических дочерей. И ему оставалось только продать их государству.

Еще Гамаш читал письма. Много листков, исписанных старательным почерком. Их писали на протяжении многих лет. Родители требовали возвращения дочерей, утверждали, что их обманули. Угрожали обратиться к общественности и рассказать, как правительство похитило у них детей. Исидор даже взывал к памяти брата Андре, который, и будучи мертвым, оставался символом Квебека.

Читая письма, Гамаш поражался тому, что Исидор Уэлле на самом деле хотел не возвращения девочек, а еще больше денег.

Читал он и ответные письма супругам Уэлле из недавно образованного правительственного Совета по защите детства. Хотя и написанные чрезвычайно вежливым языком, они содержали ответные угрозы.

Если Уэлле откроют рты, то правительство сделает то же самое.

А правительство могло много чего сказать. Оно тоже вспоминало брата Андре. Святой, казалось, играл в обеих командах. По крайней мере, команды на это надеялись.

В конце концов письма от Уэлле сошли на нет, но тон последних становился все более душераздирающим, более требовательным. Умоляющим. В письмах говорилось, что Уэлле имеют права и потребности.

А потом поток писем иссяк.

– Констанс не говорила вам о своих родителях? – спросил Гамаш.

Они делали уже второй круг по деревенскому лугу. Гамаш посмотрел на Анри, который держался у его ног, но не сводил глаз с Розы. На его морде появилось удивительно глупое выражение.

«Возможно ли такое? – спросил себя Гамаш. – Нет. Конечно невозможно».

Он еще раз украдкой посмотрел на Анри, который по-прежнему ронял слюну, поглядывая на Розу. Непонятно было, хочет ли пес сожрать Розу, или он влюбился в нее.

Гамаш решил не выяснять намерений Анри. Уж слишком многое тут зависело от того, как сложатся звезды.

– Неужели ты и в самом деле настолько глуп? – возмутилась Рут. – Я вчера сказала, что знаю, кто такая Констанс, но мы с ней об этом не говорили. Ты что, вообще не слушаешь?

– Ваши блистательные речи? Да кто же их может не слушать? И я тоже слушал внимательно, просто я подумал, а вдруг Констанс что-то рассказывала вам, но, увы, не рассказывала.

Рут скосила на него свои голубые глаза, слегка помутневшие, но острые. Словно нож в холодном мелком ручье.

Они остановились перед домом Эмили Лонгпре.

– Я помню, как приходил сюда к мадам Лонгпре, – сказал Гамаш. – Она была удивительной женщиной.

– Да, – ответила Рут.

Он ждал еще какого-нибудь язвительного добавления, однако такового не последовало.

– Приятно видеть, что там снова горит свет и из трубы идет дымок, – сказала Рут. – Дом слишком долго пустовал. Его построили для людей. – Она посмотрела на него. – Он хочет общества. Даже такого банального, как твое.

– Merci, – слегка поклонился Гамаш. – Вы позволите мне заглянуть к вам попозже и взять книгу?

– Какую книгу?

Гамаш с трудом сдержался, чтобы не закатить глаза.

– Книгу доктора Бернара о пятерняшках Уэлле.

– Она тебе еще нужна? Тогда лучше заплати за нее библиотекарше, если уж она решила переименовать свою библиотеку в магазин. Это не противозаконно?

– À bientôt, тренер, – сказал Гамаш и проводил взглядом Розу и Рут,

которые захромали к соседней двери.

Анри опозорился, заскулив, как щенок.

Гамаш потянул за поводок, и пес неохотно последовал за ним.

– Я-то думал, что ты влюблен в подлокотник нашего дивана, – сказал старший инспектор, когда они входили в теплый дом. – Непостоянное животное.

Тереза сидела в гостиной перед камином, читая старую газету.

– Пятилетней давности, – сказала она и сложила газету. – Но если бы я не посмотрела на дату, то решила бы, что она сегодняшняя.

– Plus ça change…[38] – начал Гамаш.

– Сколько ни меняй – все одно и то же будет, – закончила Тереза, потом задумалась. – Вы тоже так считаете?

– Нет, – сказал он.

– Вы оптимист, месье. – Она подалась к нему и шепотом призналась: – Я тоже не верю.

– Кофе? – спросил Гамаш и отправился в кухню, где налил кофе им обоим.

Тереза тоже пришла в кухню и прислонилась к мраморной столешнице.

– Чувствую себя не в своей тарелке без моего телефона, электронной почты и ноутбука, – призналась она, обхватив себя руками.

Ее голос звучал как у наркомана в завязке.

– И я тоже, – сказал Гамаш, подавая ей кружку с кофе.

– Когда вы приезжаете сюда вести следствие, как вы соединяетесь с внешним миром?

– Единственное, что мы можем, – подключиться к телефонной сети и повысить ее проходимость.

– Это такое старье, – сказала Тереза. – Но все же лучше, чем ничего. Я знаю, что в отдаленных районах вы пользуетесь также коммуникационными узлами и мобильными спутниковыми тарелками. Они здесь работают?

Он покачал головой:

– Не очень надежно. Долина расположена слишком низко.

– Или горы вокруг слишком высоки, – с улыбкой сказала Тереза. – Я предпочитаю такой взгляд.

Гамаш открыл холодильник и достал из него бекон и яйца. Тереза вынула хлеб из хлебницы и начала его нарезать, а старший инспектор тем временем выложил бекон на чугунную сковородку.

Бекон шипел и щелкал, когда Гамаш протыкал его и перемещал

кусочки по сковородке.

– Доброе утро, – сказал Жером, входя в кухню. – Я учуял запах бекона.

– Почти готово, – порадовал его Гамаш от плиты.

Он принялся разбивать яйца и выливать в сковородку, а Жером тем временем накрывал на стол.

Несколько минут спустя они сидели перед тарелками с беконом, яичницей-глазуньей и тостами.

В окне над раковиной Гамаш видел сад Эмили и лес за ним, покрытый таким ярким снегом, что он казался скорее голубым и розовым, чем белым. Трудно было найти место более идеальное, чтобы спрятаться. Не существовало более безопасной конспиративной квартиры.

Старший инспектор знал, что они в безопасности, но и отрезаны от мира.

«Как пятерняшки, – подумал он, глотнув крепкого горячего кофе. – Пусть остальной мир пребывал в бездне Великой депрессии, их вытащили оттуда и поместили в безопасное место. Им дали все, что они могли пожелать. Кроме свободы».

Гамаш посмотрел на своих друзей: они ели бекон с яйцами и намазывали домашний джем на домашний хлеб.

Они тоже имели все, что могли пожелать. Кроме свободы.

– Жером… – начал он неуверенно.

– Oui, mon ami?

– У меня к вам медицинский вопрос. – Мысль о пятерняшках напомнила ему вчерашний разговор с Мирной.

Жером опустил вилку:

– Я вас слушаю.

– Это насчет близнецов, – сказал Гамаш. – У них обычно общий плодный пузырь?

– В матке? У однояйцевых близнецов – да. У разнояйцевых – нет. У них у каждого свое собственное яйцо и собственный пузырь.

Его одолевало любопытство, но он не спросил, чем вызван вопрос Гамаша.

– А с чего вдруг такой вопрос? – не выдержала Тереза. – Счастливое объявление о вас и Рейн-Мари?

Гамаш рассмеялся:

– Как бы ни было замечательно обзавестись близнецами в наши годы, я отвечаю «нет». Меня, вообще-то, интересует многоплодная беременность.

– Многоплодная? Насколько многоплодная? – спросил Жером.

– Пятеро.

– Пятеро? Вероятно, имело место экстракорпоральное оплодотворение, – сказал Жером. – Или применялись средства от бесплодия. Близнецы из нескольких яиц почти наверняка не идентичны.

– Нет-нет, эти однояйцевые. Вернее, были однояйцевые. А вот об экстракорпоральном оплодотворении тогда и слыхом не слыхивали.

Тереза уставилась на него:

– Вы говорите о пятерняшках Уэлле?

Гамаш кивнул:

– Их, как всем известно, было пятеро. Однояйцевых. В чреве они разделились на двойняшек и находились в двух плодных пузырях. А пятая была отдельно.

– Ах, Арман, вы такой дотошный следователь, – сказал Жером. – Вы доходите до самой матки.

– Плоды никогда не попадают под подозрение, – ответил Гамаш. – В этом их большое преимущество.

– Хотя и недостатков тоже хватает. – Жером помолчал, собираясь с мыслями. – Пятерняшки Уэлле. Мы изучали их в медицинской школе. Настоящая сенсация тех времен. Сенсация не только в многоплодной и однояйцевой беременности, но и в том, что все они выжили. Удивительный человек доктор Бернар. Я как-то раз слушал его лекцию, он тогда уже достиг весьма почтенного возраста. Однако оставался проницательным и все еще гордился девочками.

Гамаш хотел возразить ему, но решил воздержаться. Незачем вываливать идола в грязи. Пока.

– Так в чем ваш вопрос, Арман?

– Я о той из пятерняшек, что была в чреве отдельно. После их появления на свет это могло иметь какое-то значение?

– Какое, к примеру?

Гамаш задумался. И в самом деле, о чем он?

– Ну, внешне она не отличалась от других сестер, но в каких-либо иных аспектах она могла быть на них не похожа?

– Ваш вопрос за пределами моей компетенции, – сказал Жером, но все же ответил: – Я думаю, так или иначе это на нее повлияло. Не обязательно в худшую сторону. Она могла стать более гибкой и независимой. Остальные, вероятно, имели естественную приязнь к той сестре, с которой находились в одном пузыре. Такая физическая, физиологическая близость на протяжении восьми месяцев не могла не сказаться, должна была связать их узами, более крепкими, чем личностные. Но та девочка, что развивалась в одиночестве? Она, вероятно, в меньшей степени зависела от остальных.

Чувствовала себя более самостоятельной.

Он вернулся к намазыванию джема на тост.

– Или нет, – пробормотал Гамаш, думая о том, какой могла быть жизнь вечного чужака в замкнутом маленьком сообществе.

Может, ей не хватало той связи, что соединяла других? Может, она чувствовала себя одинокой, видя, как они близки?

Мирна говорила об одиночестве Констанс. Возможно, этим и объяснялось ее одиночество, начавшееся еще до того, как она сделала первый вздох?

Проданная родителями, отторгаемая сестрами. Как это может сказаться на личности? Не превратит ли ее в нечто гротескное? В приятную, улыбчивую, внешне похожую на остальных сестер, но пустую внутри?

Гамашу пришлось напомнить себе, что Констанс стала жертвой, а не подозреваемой. Но он никак не мог забыть полицейского протокола, зафиксировавшего смерть первой сестры. Виржини упала с лестницы. А может быть, ее толкнули.

Сестры заключили заговор молчания. Мирна предположила, что такова была реакция на невыносимую публичность, под знаком которой прошло их детство, но старший инспектор Гамаш вдруг подумал, не объяснялось ли их молчание другой причиной. Чем-то внутренним, а не внешним.

И все же у него создалось впечатление, что семидесятисемилетняя Констанс возвращалась в Три Сосны, к Мирне, чтобы привезти не просто единственную фотографию выросших девочек, но еще и историю о том, что произошло в их доме на самом деле.

Однако Констанс убили, прежде чем она успела рассказать что-либо.

– Она, конечно, винила себя в этом, – сказал Жером.

– Вы о чем?

– Ну, она ведь убила свою сестру.

Гамаш раскрыл рот от удивления. Как Жером догадался о его подозрениях?

– Почему она оказалась одна в плодном пузыре? Их почти наверняка было шестеро – по двое на пузырь, но одиночный близнец убил и абсорбировал второго, – пояснил Жером. – Такое происходит постоянно.

– К чему ваши вопросы, Арман? – спросила Тереза.

– Официального объявления еще не сделано, но последнюю из пятерняшек, Констанс Уэлле, убили два дня назад. Она собиралась приехать сюда, в Три Сосны.

– Сюда? – спросил Жером. – Зачем?

Гамаш рассказал им. Рассказывая, он видел, что для его друзей это нечто большее, чем еще одно убийство. Они восприняли случившуюся трагедию так, словно были для убитой не посторонними.

– Трудно поверить, что ни одной не осталось, – сказала Тереза и, немного подумав, добавила: – Но они никогда не казались полностью реальными. Они напоминали мне статуи. По виду люди, а на самом деле – нет.

– Мирна Ландерс сказала, это все равно что обнаружить, что твой друг – единорог. Или греческая богиня. Гера, сошедшая на землю.

– Интересное наблюдение, – заметила Тереза. – Но как это дело попало к вам, Арман? Констанс Уэлле жила в Монреале. Почему ее убийство не расследует Монреальская полиция?

– Да, это их юрисдикция, но, когда Марк Бро понял, что тут есть связь, он передал дело мне.

– Повезло вам, – сказал Жером.

– Повезло всем нам, – возразил Гамаш. – Если бы не это, мы не оказались бы здесь.

– А отсюда возникает другая тема, – сказал Жером. – Теперь, когда мы здесь, как мы отсюда будем выходить в мир?

– Вы о моем плане? – спросил Гамаш.

Они кивнули.

Старший инспектор помолчал, собираясь с мыслями.

Жером знал, что пришло время рассказать и о его находке. Имя. Он увидел его за мгновение до того, как понял, что попался. За мгновение перед тем, как бросился наутек. Побежал назад по виртуальному коридору. Хлопая дверями, стирая следы. Унося ноги.

Он увидел имя только мельком. И может быть, прочитал неправильно. В панике он вполне мог ошибиться.

– Наша единственная надежда – выяснить, что делает Франкёр, и остановить его. Для этого нам необходим Интернет, – сказал Гамаш. – И не по телефонной сети. Нам нужен высокоскоростной.

– Да, мы это знаем, – раздраженно сказала Тереза. – Но как? Здесь нет никакого высокоскоростного Интернета.

– Мы оборудуем собственную трансляционную вышку.

Тереза Брюнель откинулась на спинку стула и уставилась на Гамаша:

– Вы не ушибли голову, Арман? Мы не можем построить собственную вышку.

– Почему? – спросил он.

– Я уже не говорю о том, что на строительство вышки уйдет не один месяц и потребуются специальные знания. Но даже если бы мы смогли ее воздвигнуть, вы ведь не думаете, что никто не заметит наше строительство?

– Да, оно было бы замечено, но я же не сказал «построим», я сказал «оборудуем».

Гамаш поднялся и подошел к кухонному окну. Он указал вдаль – в пространство за деревенским лугом, за тремя громадными соснами, за усыпанными снегом домами. На вершину холма.

– На что вы смотрите? – спросил Жером. – На холм за деревней? Да, на нем можно поставить вышку. Но для этого опять же потребуются специальные знания.

– И время, – подхватила Тереза.

– Однако вышка там уже стоит, – сказал Гамаш, и они снова повернули голову в ту сторону.

Наконец Тереза изумленно посмотрела на него.

– Вы имеете в виду деревья, – сказала она.

– C’est ça, – ответил Гамаш. – Деревья – естественные вышки. Верно, Жером?

Гамаш повернулся к толстяку, вклинившемуся между креслом и окном. Жером стоял спиной к ним и глядел вдаль.

– Может, и получится, – неуверенно сказал он. – Но нам нужно, чтобы кто-нибудь установил на дереве тарелку.

Они вернулись за стол.

– Здесь должны быть люди, которые работают с деревьями… как их называют? – Городской ум Терезы споткнулся на этом слове. – Лесорубы или как-то так. Можно попросить одного из них залезть на дерево и установить там тарелку. А на такой высоте мы могли бы найти передающую вышку в прямой видимости. И через вышку соединились бы со спутником.

– Но где нам взять спутниковую тарелку? – спросил Жером. – Обычной мы не можем воспользоваться. Нам нужна такая, которую невозможно отследить.

– Хорошо, предположим, что к Интернету мы подключились, – деловито сказала Тереза, – но у нас есть еще одна проблема. Мы не можем воспользоваться логинами полиции, чтобы войти в систему: Франкёр сразу же нас засечет. Как нам туда вклиниться?

Гамаш положил на стол лист бумаги.

– Что это? – спросила Тереза.

Однако Жером знал:
– Пароль входа. Но какой сети?
Гамаш перевернул бумагу.
– Национальная библиотека, – сказала Тереза, узнав логотип. – Национальный архив Квебека. Там ведь работает Рейн-Мари, верно?
– Oui. Вчера я искал там материалы по пятерняшкам Уэлле и вспомнил, как Рейн-Мари мне говорила, что сеть архива охватывает всю провинцию от самой крохотной библиотеки до громадных архивов университетов. Она соединена со всеми библиотеками, дотируемыми из бюджета.
– А также с архивом Квебекской полиции, – кивнула Тереза. – Оттуда можно получить доступ к файлам по всем старым делам.
– Хорошо, у нас есть пароль для входа, – сказал Жером, не отрывая глаз от листа бумаги и логотипа. – Но это пароль Рейн-Мари? Пароль, принадлежащий Рейн-Мари Гамаш, сразу их насторожит.
Он понимал, что подыскивает причину, по которой план Гамаша не сработает, поскольку знал, что ждет их по ту сторону электронной двери. Внимательные глаза. Преследование. Там его стерегут. Только и ждут, когда он сделает какую-нибудь глупость. Например, снова войдет в систему.
– Я подумал о такой опасности, – успокоил их Гамаш. – Пароль принадлежит другому человеку. Одной из хранительниц. Так что, если будет введен ее пароль, вопросов ни у кого не возникнет.
– Что ж, может, ваш план и сработает, – тихо произнесла Тереза, не желая искушать судьбу.
Гамаш поднялся со стула:
– Я зайду к Рут Зардо, а потом мне нужно в Монреаль. А вы поговорите с Кларой Морроу, – может быть, она знает кого-нибудь, кто устанавливает спутниковые тарелки.
– Арман, – сказала Тереза у дверей, когда он надевал куртку, перчатки и брал ключи от машины. – Вы, вероятно, решили первое и последнее действия задачи – соединение со спутником и пароль, но как нам связать их? Среднее действие отсутствует целиком. Нам нужны кабели и компьютеры. И кто-то, кто подключит их.
– Да, это проблема. Однако у меня есть идея и на этот счет.
Суперинтенданту Брюнель показалось, что Гамаша смущает не столько проблема, сколько способ ее решения.
Когда старший инспектор ушел, Тереза Брюнель вернулась в кухню, где сидел ее муж, глядя на свой остывший завтрак.
– Наша спячка закончилась, – объявила она, усевшись за стол.

– Да, – ответил Жером, подумав, что это очень точное описание их ситуации.

Глава восемнадцатая

– Вы мне солгали.

– Ты лепечешь, как школьница, – сказала Рут Зардо. – Оскорблен в лучших чувствах? Я знаю, что поможет. Виски?

– Сейчас десять утра.

– Я не предлагала, я спрашивала. Ты принес виски?

– Нет, конечно.

– Тогда зачем пришел?

Арман Гамаш и сам не мог вспомнить. Рут Зардо обладала странной способностью сбивать с толку, даже если перед человеком стояла ясная цель.

Они сидели у нее в кухне за белым пластиковым столом на белых пластиковых стульях, подобранных на свалке. Он бывал у нее и раньше, причем однажды – на самом странном обеде, какие ему доводилось посещать; он тогда вовсе не был уверен, что все гости останутся в живых.

Но сегодняшнее утро, хотя и со своей долей безумств, оставалось предсказуемым.

Все, кто оказывался близ орбиты Рут и тем более в стенах ее дома, но не был готов к мозгам набекрень, не мог винить в этом никого, кроме самого себя. Людей часто удивляло, что мозги набекрень оказывались у них, а не у Рут. Та оставалась язвительной и ясно мыслящей.

Роза, засунув клюв под крыло, спала в гнезде из старого одеяла на полу между Рут и теплой плитой.

– Я пришел за книгой Бернара о пятерняшках Уэлле, – сказал Гамаш. – И за правдой о Констанс Уэлле.

Рут вытянула губы, словно размышляя, чем продолжить – поцелуем или проклятием.

– «Моя мать давно умерла и покоится в другом городе, – невыразительно процитировал Гамаш, – но со мной так еще и не покончила».

Губы втянулись, разгладились. Все лицо Рут обмякло, и Гамаш даже испугался – не инсульт ли у нее. Но глаза по-прежнему смотрели проницательно.

– Что ты сказал? – спросила она.

– Почему вы это написали? – Он вытащил из сумки тоненькую книжицу и положил ее на пластиковый стол.

Рут впилась в нее глазами.

В потрепанную и надорванную обложку. Голубого цвета. Просто голубого, без всякого рисунка. С одним только названием: «Антология новой канадской поэзии».

– Я взял ее в магазине Мирны вчера вечером.

Рут перевела взгляд с книги на человека:

– Расскажи мне, что ты знаешь.

Гамаш открыл книгу и нашел то, что искал:

– «Но кто тебя обидел так, / что ран не залечить, / что ты теперь любую / попытку дружбу завязать с тобой / встречаешь, губы сжав?» Ваши слова.

– Да. И что? Я написала много слов.

– Это было ваше первое опубликованное стихотворение. И оно остается одним из самых известных.

– Я писала и получше.

– Может быть. Но мало такого же проникновенного. Вчера, когда мы разговаривали о приезде Констанс, вы сказали, что она призналась вам, кто она такая. И еще вы сказали, что больше не задавали ей никаких вопросов. Увы.

Она поймала его взгляд, и ее лицо искривилось в усталой улыбке.

– Я подумала, может, будет для тебя зацепка.

– Стихотворение называется «Увы». – Гамаш закрыл глаза и процитировал наизусть: – «И когда… снова встретимся, прощенные и простившие, / не будет ли тогда, как прежде, / слишком поздно?»

Рут держала голову прямо, словно готовилась к отражению атаки.

– Ты все знаешь?

– Да. Думаю, что и Констанс знала. Я знаю это стихотворение, потому что оно мне нравится. Она его знала, потому что любила человека, который вдохновил автора.

Гамаш снова открыл книгу и прочел посвящение:

– «Посвящается В».

Он аккуратно положил книгу на стол между ними.

– Вы посвятили «Увы» Виржини Уэлле. Стихотворение написано в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, через год после ее смерти. Почему вы его написали?

Рут молчала. Она наклонила голову и посмотрела на Розу, потом уронила тонкую, с синими прожилками руку и погладила утиную спинку.

– Я ведь с ними ровесница. Почти день в день. Как и они, я выросла во время Великой депрессии и войны. Мы перебивались с хлеба на воду, мои

родители еле выживали. Голова у них была занята другими вещами, а не нескладной, несчастной дочерью. И я стала интровертом. Жила богатой вымышленной жизнью, в которой превратилась в одну из пятерняшек. Шестую. – Она улыбнулась, ее щеки чуть порозовели. – Я знаю. Шесть пятерняшек. Бессмыслица.

Гамаш не стал заострять внимание на других логических ляпсусах.

– Они всегда казались такими счастливыми, такими беззаботными, – продолжила Рут.

Голос ее стал тихим, а на лице появилось выражение, которого Гамаш не видел прежде. Мечтательное.

Тереза Брюнель проследовала за Кларой из кухни в мастерскую.

Они прошли мимо призрачного портрета на мольберте. Незаконченная работа. «Вероятно, лицо мужчины», – подумала Тереза без особой уверенности.

Клара остановилась перед другим холстом.

– Я его только начала, – сказала она.

Терезе не терпелось увидеть картину. Она была большой почитательницей Клары.

Две женщины стояли друг подле друга. Одна растрепанная, во фланелевых штанах и свитере, другая в изящных брюках, шелковой блузке, свитере от Шанель, подпоясанная тонким кожаным ремешком. Обе держали кружки с горячим травяным чаем и смотрели на полотно.

– Что это? – спросила наконец Тереза, наклоняя голову то влево, то вправо.

– Вы хотите спросить, кто это? Мой первый портрет, написанный по памяти.

Тереза подумала, что у Клары нелады с памятью.

– Это Констанс Уэлле, – пояснила Клара.

– Вот как? – Тереза опять наклонила голову, но поняла, что, сколько ни наклоняй, изображенное на холсте никогда не будет похоже на одну из знаменитых пятерняшек. – Она, вероятно, не закончила позировать вам.

– Она и не начинала. Отказалась, – сказала Клара.

– Правда? Почему?

– Она не сказала, но, наверное, не хотела, чтобы я увидела то, что она скрывает, или чтобы рассказала о ней этим портретом слишком многое.

– Почему вы захотели ее написать? Потому что она одна из пятерняшек?

– Нет, я тогда этого не знала. Ее лицо показалось мне интересным.

– А что вас заинтересовало? Что вы в нем увидели?

– Ничего.

Суперинтендант отвернулась от полотна и уставилась на свою собеседницу:

– Pardon?

– Понимаете, Констанс была удивительная. Смешливая, дружелюбная и добрая. Замечательный гость за обедом. Она заходила ко мне раза два.

– Но? – подсказала Тереза.

– Но я чувствовала, что мне никогда не узнать ее ближе. На ней была какая-то личина, вроде лакированной маски. Она словно уже сама по себе была портретом. Нечто созданное, ненастоящее.

Некоторое время обе разглядывали красочную кляксу на холсте.

– Я хотела узнать, не знаете ли вы кого-нибудь, кто мог бы установить спутниковую тарелку? – спросила Тереза, вспомнив о своей миссии.

– Знать-то знаю, только это не поможет.

– Что вы имеете в виду?

– Спутниковые тарелки здесь не работают. Можно попробовать комнатную антенну, но сигнал очень слабый. Большинство из нас получают новости по радио. Если случается какое-то серьезное событие, мы поднимаемся в спа-гостиницу и смотрим телевизор там. Но я могу дать вам почитать хорошую книгу.

– Merci, – улыбнулась в ответ Тереза, – но, если вы все же порекомендуете мне специалиста по тарелкам, я буду вам признательна.

– Нужно позвонить.

Клара оставила Терезу в мастерской созерцать полотно и женщину, которая была не совсем реальной, а теперь умерла.

Рут крепко сжимала в руке поэтический сборник.

– В первый же день Констанс пришла ко мне. Сказала, что ей нравится моя поэзия.

Гамаш поморщился. Две вещи ни при каких обстоятельствах нельзя было говорить Рут Зардо: «У нас кончилось спиртное» и «Мне нравится ваша поэзия».

– И что вы ей ответили? – спросил он с опаской.

– А что, по-вашему, я могла ей сказать?

– Уверен, вы проявили любезность и пригласили ее в дом.

– Я пригласила ее сделать кое-что.

– И она сделала?

– Нет. – Рут не могла скрыть удивления. – Она просто сказала, стоя у

моей двери: «Спасибо».

– И что сделали вы?

– А что я могла сделать после этого? Захлопнула перед ней дверь. Она сама напросилась.

– Да уж, вас спровоцировали дальше некуда, – согласился Гамаш, и Рут посмотрела на него пронзительным, оценивающим взглядом. – Вы знали, кто она?

– Вы думаете, она сказала: «Привет, я одна из пятерняшек. Позвольте войти?» Конечно, я не знала, кто она такая. Я решила, что она старая пердунья, которой что-то от меня надо. Поэтому я от нее избавилась.

– И что сделала она?

– Вернулась. Купила бутылку «Гленливета». Явно посоветовалась с Габри там, «У геев». И Габри сказал ей, что единственный ключ, который открывает дверь в мой дом, – бутылка виски.

– Слабое звено в вашей системе безопасности.

– Она сидела там. – Рут показала на стул, на котором сидел Гамаш. – А я здесь. И мы выпивали.

– И на какой стадии она вам сказала, кто она такая?

– Она, вообще-то, не говорила. Она сказала, что у меня есть одно стихотворение. Я спросила какое, и она мне процитировала. Как и ты. Потом сказала, что Виржини именно так и чувствовала себя. Я спросила, о какой Виржини она говорит, и она ответила, что о своей сестре. О Виржини Уэлле.

– И тогда вы поняли? – спросил Гамаш.

– Господи боже, да тут даже моя долбаная утка догадалась бы.

Рут поднялась и вернулась с книгой Бернара о пятерняшках. Она бросила книгу на стол и снова села.

– Отвратительная книга, – сказала она.

Гамаш взглянул на обложку. Черно-белая фотография доктора Бернара, сидящего на стуле в окружении пятерняшек Уэлле в возрасте приблизительно восьми лет. Пятерняшки смотрели на него восторженными глазами.

Рут тоже смотрела на обложку. На пятерых девочек.

– Я притворялась, что живу в приемной семье, и ждала, что в один прекрасный день они придут и найдут меня.

– И в один прекрасный день Констанс пришла, – тихо произнес Гамаш.

Констанс Уэлле в конце своей жизни, в конце пути пришла в этот разрушающийся старый дом, к этой разрушающейся старой поэтессе. И здесь она нашла-таки собеседницу.

А Рут обрела сестру. Наконец-то.
Рут встретилась с ним взглядом и улыбнулась:
– «Не будет ли тогда, как прежде, слишком поздно?»
Увы.

Глава девятнадцатая

Старший инспектор Гамаш приехал в Монреаль и теперь, сидя за своим компьютером, читал недельные отчеты инспектора Лакост, своих агентов, полицейских отделений по всей провинции.

Стояло субботнее утро, и он был один в отделе. Отвечал на электронные письма, делал записи, отправлял соображения и предложения по поводу расследований. Звонил в отдаленные районы двум инспекторам, ведущим следствие, расспрашивал, как идут дела.

Потом он посмотрел последний дневной отчет. Это была сводка проведенных мероприятий и дел из офиса старшего суперинтенданта Франкёра. Она присылалась Гамашу не с целью информирования и определенно не из вежливости, а в качестве оскорбления.

Гамаш помедлил на иконке «открыть сообщение».

Если нажать ее, то оно будет помечено как прочтенное. За его столом на его терминале. С предварительно введенными его паролями.

Франкёр опять будет знать, что он еще раз умыл Гамаша.

Тем не менее Гамаш щелкнул мышкой, и на экране появились слова.

Он прочел то, что хотел Франкёр. И почувствовал именно то, чего Франкёр хотел добиться своим посланием.

Бессилие. Злость.

Франкёр назначил Жана Ги на очередную операцию, на сей раз – рейд по изъятию наркотиков, который вполне мог быть осуществлен Канадской конной полицией или пограничной службой. Начав читать сообщение, Гамаш сделал долгий, неторопливый, глубокий вдох. На мгновение задержал воздух в легких. Потом выпустил его. Медленно. Заставил себя перечитать все заново. Воспринять целиком.

Потом он закрыл сообщение и сохранил его.

Он сидел в своем кресле и смотрел через стекло, отделяющее его кабинет от всего офиса. От пустого офиса. С замусоленными рождественскими гирляндами. С жалкой елочкой без подарков, даже фальшивых.

Гамаш хотел развернуться в кресле спиной к этому запустению и взглянуть на город, который он любит. Но вместо этого он обдумал то, что видел и что прочел. И что чувствовал. Потом он позвонил по телефону, встал и ушел.

Наверное, ему следовало сесть в машину, но старший инспектор хотел подышать свежим воздухом. На тротуарах Монреаля лежал талый грязный снег, а улицы были полны спешащими покупателями, которые толкались и желали друг другу чего угодно, только не мира и благополучия.

Активисты Армии спасения исполняли на углах рождественские песни. Гамаш прошел мимо мальчика, который распевал сопрано «Однажды в царском городе Давида».

Но старший инспектор ничего не слышал.

Он шагал среди горожан, не встречаясь ни с кем взглядом. Погруженный в свои мысли. Наконец старший инспектор подошел к офисному зданию и нажал кнопку домофона. Лифт доставил его на последний этаж. Он прошел по пустому коридору и открыл дверь в знакомую приемную.

От ее вида, от ее запаха у него скрутило желудок, и он слегка удивился этой волне тошноты и силе воспоминаний, нахлынувших на него.

– Старший инспектор.

– Доктор Флёри.

Они обменялись рукопожатием.

– Спасибо, что согласились меня принять, – сказал Гамаш. – В особенности в субботу. Merci.

– Обычно по выходным меня здесь нет. Но сегодня я расчищал завалы перед праздниками.

– Извините, что побеспокоил, – сказал Гамаш.

Доктор Флёри посмотрел на визитера и улыбнулся:

– Я же сказал, что приму вас, Арман. Вы меня ничуть не побеспокоили.

Он провел старшего инспектора в свой кабинет – удобное светлое помещение с большими окнами, где стояли стол и два стула друг перед другом. Флёри указал на один из стульев, хотя Арман Гамаш прекрасно знал это место – провел в нем немало часов.

Доктор Флёри был психотерапевтом. Точнее, главным психотерапевтом Квебекской полиции. Но его офис располагался не в управлении полиции. Решили, что такое место подойдет лучше.

И потом, если бы доходы доктора Флёри зависели только от агентов полиции, приходящих к нему на консультации, то он жил бы впроголодь. Агенты полиции не любили признаваться, что им нужна помощь. И уж конечно они не хотели, чтобы кто-то знал, что они обращались за помощью.

Но после операции на фабрике старший инспектор Гамаш сказал себе,

что непременным условием возвращения к работе всех участвовавших агентов, получивших физические или психологические травмы, является психотерапия.

Включая и его самого.

– Я думал, вы мне не доверяете, – сказал доктор Флёри.

Старший инспектор улыбнулся:

– Вам я доверяю. Но что касается других, сомневаюсь. Были утечки обо мне, о моей личной жизни и отношениях, но главным образом утечки о той истории, после которой к вам приходили консультироваться мои агенты. Против них использовалась информация, в высшей степени личная информация, которую они доверили только вам.

Гамаш не сводил глаз с доктора Флёри. Тон его голоса был обыденным, но взгляд – жестким.

– Утечки могли произойти только из вашего офиса, – продолжал он. – Однако я никогда не обвинял вас лично. Надеюсь, вы это знаете.

– Знаю. Вы считали, что кто-то взломал мой архив.

Гамаш кивнул.

– И продолжаете так считать?

Старший инспектор выдержал взгляд психотерапевта. Они с доктором были почти ровесниками, Флёри, возможно, на год-другой моложе. Опытные мужчины. Которые многое повидали, многое слышали.

– Я знаю, вы провели тщательное расследование, – сказал старший инспектор. – И не нашли никаких указаний на то, что кто-то взламывал файлы ваших пациентов.

– Но ваше мнение не изменилось?

Гамаш улыбнулся:

– Иными словами, не параноик ли я?

– Надеюсь, что нет, – сказал Флёри. Он закинул ногу на ногу и поставил на колено открытый ноутбук. – Вот присматриваю коттедж в Лаврентидах[39].

Гамаш рассмеялся, но в желудке у него обосновалась тошнота, горьковатая, застойная лужица. Его одолевали сомнения.

– Вы все еще не уверены, Арман?

Гамаш видел озабоченность, почти наверняка искреннюю, на лице Флёри, слышал ее в его голосе.

– Недавно еще один человек назвал меня параноиком.

– И кто же?

– Тереза Брюнель. Суперинтендант Брюнель.

– Старший офицер? – спросил Флёри.

Гамаш кивнул:

– А также друг и доверенное лицо. Она решила, что я спятил. Повсюду вижу заговоры. Она, гм… – Он стрельнул глазами на свои руки, лежащие на коленях, потом снова посмотрел в лицо доктора Флёри и застенчиво улыбнулся. – Она отказалась помогать мне в расследовании и уехала на каникулы в Ванкувер.

– Вы думаете, что ее планы на Рождество прежде были как-то связаны с вами?

– Теперь вы подозреваете меня в нарциссизме?

– Я вижу в своем будущем новый навесной лодочный мотор, – пошутил Флёри. – Продолжайте, старший инспектор.

Но на этот раз Гамаш не улыбнулся. Он подался вперед:

– Что-то происходит. Я знаю, просто не могу доказать. Пока. В Квебекской полиции процветает коррупция, но дело не только в этом. Я думаю, за такими делами стоит один из старших офицеров.

На доктора Флёри слова Гамаша не произвели впечатления. Он остался невозмутимым.

– Вы все время говорите «я думаю», – сказал психотерапевт. – Но рациональны ли ваши опасения?

– Это не опасения, – возразил Гамаш.

– Но и не факты.

Гамаш молчал, видимо подыскивая слова, которые убедили бы собеседника.

– Вы опять о том слитом видео? Вы же знаете, что проводилось официальное расследование, – сказал доктор Флёри. – Вы должны принять их выводы и забыть ту историю.

– Двигаться дальше? – Гамаш услышал в своем голосе намек на обиду, слабое недовольство.

– Вы не можете контролировать такие вещи, Арман, – терпеливо напомнил ему доктор.

– Я говорю не о контроле, а об ответственности. О необходимости занять позицию.

– Рыцарь в белых доспехах? Главное – знать, атакуете ли вы реального противника или ветряную мельницу.

Старший инспектор Гамаш пристально посмотрел на Флёри, потом резко вдохнул, словно от неожиданной боли. Он уронил голову на руки и закрыл лицо. Принялся массировать лоб, ощущая пальцами грубый шрам.

Наконец Гамаш поднял голову и встретил взгляд терпеливых и добрых глаз.

«Боже мой, – подумал Гамаш. – Он ведь мне сочувствует».

– Я ничего не выдумываю, – упрямо сказал он. – Что-то происходит.

– Что?

– Не знаю, – признался старший инспектор, понимая, как неубедительно звучат его слова. – Но это происходит на самом верху. Среди высших чинов.

– И они же, как вы считаете, взломали мои файлы и похитили вашу историю болезни?

В голосе доктора прозвучали покровительственные нотки.

– Не только мою, – ответил Гамаш. – Они похитили файлы всех участников рейда. Всех тех, кто обращался к вам за помощью, кто рассказал вам все о себе. О своих страхах, опасениях. О том, чего они хотят от жизни. О том, что для них важно. О дорожной карте в их головах.

Голос его становился громче, напористее. Правая рука начала дрожать, и он ухватил ее левой и сжал.

– К вам приходил Жан Ги Бовуар. Он сидел на том месте, где сейчас сижу я, и открывал вам душу. Он не хотел, но я приказал ему. Заставил его. А теперь они все знают о нем. Знают, как проникнуть ему в голову, под кожу. Они натравили его на меня.

Тон Гамаша сменился на умоляющий. Он просил психотерапевта поверить ему. Просил хоть одного человека поверить ему.

– Значит, вы по-прежнему считаете, что мой компьютер взломали? – Обычно ровный голос Флёри дрогнул. – Если вы и в самом деле так считаете, Арман, то почему вы здесь?

Это заставило Гамаша замолчать. Они уставились друг на друга.

– Потому что больше мне не с кем поговорить, – сказал наконец старший инспектор почти шепотом. – Я не могу говорить с женой, с коллегами. Не могу сказать об этом друзьям – не хочу их втягивать. Я мог бы сказать Лакост. У меня было искушение. Но у нее семья…

Его голос смолк.

– А в прошлом, когда дела шли плохо, с кем вы говорили?

– С Жаном Ги, – прозвучало еле слышно.

– Теперь вы один.

Гамаш кивнул.

– Я не возражаю. Мне так даже предпочтительнее, – произнес он покорно.

– Арман, вы должны мне верить, когда я говорю, что мои файлы никто не похищал. Они в полной безопасности. Никто, кроме меня, не знает, о чем мы беседовали. Здесь вы в безопасности. То, что вы сейчас сказали, не

выйдет за эти двери. Я вам клянусь.

Флёри продолжал оценивать взглядом человека, сидевшего перед ним. Осунувшегося, печального. Дрожащего. Вот что скрывалось под его невозмутимой наружностью.

– Вам нужна помощь, Арман.

– Мне и в самом деле нужна помощь, но не такая, как вы думаете, – сказал Гамаш, овладев собой.

– Никакой угрозы не существует, – произнес Флёри убедительным тоном. – Вы сами создали ситуацию угрозы в своей голове, чтобы объяснить то, что вы не хотите видеть или признать.

– Мой отдел разгромлен, – сказал Гамаш, снова вспыхнув от возмущения. – Наверное, это у меня воображение разыгралось. Я создавал его годами, принимал отвергнутых другими отделами агентов и делал из них первоклассных следователей, лучших в стране. Теперь они ушли. Вероятно, это все мне кажется.

– Может быть, вы сами виноваты в том, что они ушли? – тихо предположил Флёри.

Гамаш изумленно посмотрел на доктора:

– Вот этого он и добивается – создать у всех такое впечатление.

– Кто «он»?

– Сильв… – Гамаш осекся на полуслове и уставился в окно, пытаясь взять себя в руки.

– Почему вы пришли ко мне, Арман? Чего вы хотите от меня?

– Я пришел не ради себя.

Доктор Флёри кивнул:

– Это очевидно.

– Мне нужно знать, по-прежнему ли вы наблюдаете Жана Ги Бовуара.

– Я не могу вам сказать.

– Это вовсе не вежливая просьба.

– Тот день на фабрике… – начал доктор Флёри, но Гамаш прервал его:

– К тому дню это не имеет никакого отношения.

– Нет, имеет, – возразил доктор, больше не стараясь скрыть нетерпение. – Вы почувствовали, что потеряли контроль, и ваши агенты погибли.

– Я знаю, что случилось, мне не нужно напоминать.

– Но вам нужно напомнить, что это была не ваша вина, – парировал доктор. – Однако вы не желаете этого понимать. Проявляете упрямство и самонадеянность, тогда как вам нужно просто принять случившееся. У инспектора Бовуара собственная жизнь.

– Им манипулируют, – возразил Гамаш.

– Тот же самый старший офицер?

– Прекратите говорить со мной покровительственным тоном. Я тоже из старших офицеров, у меня за спиной десятилетия следовательской работы. Я не какой-то психопат, несущий бред. Мне необходимо знать, посещает ли вас Жан Ги Бовуар. И мне нужно видеть его файлы. Я должен знать, что он вам говорит.

– Послушайте, – произнес доктор, еле сдерживаясь. Он пытался успокоиться, говорить рассудительно, но у него плохо получалось. – Вы должны позволить Жану Ги Бовуару жить его собственной жизнью. Защитить его вы не можете. Он идет своим путем, а вы – своим.

Гамаш покачал головой и посмотрел на свои руки, лежащие на коленях. Одна неподвижная, другая чуть подрагивающая. Он поднял глаза и встретился взглядом с Флёри:

– Ваши слова имели бы резон в нормальных обстоятельствах, но Жан Ги не в себе. Он находится под влиянием, им манипулируют. И он злоупотребляет лекарственными средствами.

– Своими обезболивающими?

Гамаш кивнул.

– Суперинтендант… – Он осекся.

Доктор Флёри чуть подался вперед. Гамаш еще не подходил так близко к тому, чтобы указать на своего так называемого противника.

– Тот самый старший офицер, – поправился Гамаш, – посадил его на оксикодон. Я это точно знаю. И Бовуар теперь работает у него. Я думаю, он хочет столкнуть Жана Ги в пропасть.

– Зачем?

– Чтобы добраться до меня.

Доктор Флёри сделал паузу, чтобы слова Гамаша все сказали сами за себя. Сказали о паранойе и самомнении старшего инспектора. О его бредовом состоянии.

– Я беспокоюсь за вас, Арман. Вы говорите, что инспектора Бовуара подталкивают к краю пропасти, но и вы тоже на краю. Только вы сами себя туда привели. Вы должны стать осторожнее, иначе я настоятельно порекомендую вам взять отпуск.

Он посмотрел на пистолет на поясе Гамаша.

– Когда вы начали его носить?

– Таково требование устава.

– Я не об этом спрашивал. Придя ко мне в первый раз, вы абсолютно четко заявили о своем отношении к огнестрельному оружию. Вы сказали,

что никогда его не носите, если только не чувствуете, что оно вам понадобится. Почему вы носите его сейчас?

Гамаш прищурился и встал со стула:

– Я вижу, что совершил ошибку, придя к вам. Я хотел узнать об инспекторе Бовуаре.

Гамаш пошел к двери.

– Лучше думайте о себе, – сказал ему вслед доктор Флёри. – А не о Бовуаре.

Арман Гамаш вышел из кабинета, прошагал по коридору и нажал кнопку вызова лифта. Когда кабина появилась, он вошел в нее. Глубоко дыша, прислонился к задней стене и закрыл глаза.

Выйдя на улицу, он ощутил морозный воздух на щеках и прищурил глаза от яркого солнца.

– Рождество, Рождество, – пел маленький хор на углу. – Ро-о-ожде-е-ество-о-о, Ро-о-ожде-е-ество-о-о.

Старший инспектор неспешно двинулся к управлению, сцепив руки в перчатках за спиной. Звук рождественских песен не смолкал в его ушах.

Шагая, он довольно напевал себе под нос. Он сделал то, что и собирался сделать.

В управлении старший инспектор нажал кнопку вызова лифта «вверх», но, когда лифт прибыл, он не стал входить в кабину. К тому времени как дверь лифта закрылась, Гамаш был уже на лестнице. Он шел вниз.

Он мог воспользоваться лифтом, но не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, насколько низко он спускается.

Ниже цоколя, ниже подвала, ниже уровня подземной парковки, в зону мерцающих флуоресцентных огней. Стен из шлакобетона и металлических дверей. Постоянного пульсирования света, бойлеров, обогревателей, кондиционеров. Гудения гидравлики.

Здесь располагалась хозяйственная часть здания. Место для всевозможных установок и бригад обслуживания.

И одного агента.

На пути в Монреаль Гамаш обдумывал свой следующий ход. Взвешивал последствия визита к доктору Флёри и посещения агента. Прикидывал, что случится, если он сделает это. Что случится, если не сделает.

Каков наилучший ожидаемый результат?

Каков наихудший?

И наконец, какова альтернатива? Какие у него есть варианты?

Ответив себе на все вопросы и приняв решение, старший инспектор Гамаш больше не колебался. Он резко постучал в дверь и открыл ее.

Молодой агент, чье бледное лицо отливало светло-зеленым цветом из-за ряда мониторов вокруг, повернулась. Гамаш увидел, что она удивлена.

К ней сюда никто не приходил. Именно поэтому Арман Гамаш и пришел к ней.

– Мне нужна ваша помощь, – сказал он.

Глава двадцатая

Когда Гамаш вернулся в дом Эмили, на кухонном столе его ждала записка:

Выпиваем в бистро. Ждем.

Даже Анри не было дома. Субботний вечер. Вечер свиданий.

Гамаш принял душ, переоделся в вельветовые брюки и водолазку и отправился в бистро. Когда он вошел, Тереза встала и помахала ему.

Она сидела с Жеромом, Мирной, Кларой и Габри. Анри, дремавший у огня, поднялся и замахал хвостом. Оливье принес Гамашу лакричную трубочку.

– Еще не видел человека, который так нуждался бы в хорошей трубочке, – сказал Оливье.

– Merci, patron. – Гамаш со стоном опустился на диван и поднял лакричную конфету, приветствуя общество за столом. – À votre santé.

– Судя по вашему виду, день у вас был нелегкий, – сказала Клара.

– Хороший день, на мой взгляд, – возразил старший инспектор и повернулся к Жерому: – У вас тоже?

Доктор Брюнель кивнул:

– Здесь так спокойно.

Однако он не казался таким уж спокойным.

– Виски? – предложил Оливье.

Но Гамаш покачал головой, не вполне уверенный, чего ему хочется. Потом он увидел мальчика и девочку с чашками горячего шоколада.

– Вот чего бы я выпил, patron, – сказал старший инспектор.

Оливье улыбнулся и пошел выполнять заказ.

– Какие новости из города? – спросила Мирна. – Есть какой-нибудь прогресс по делу Констанс?

– Кое-какой имеется, – ответил Гамаш. – Должен сказать, что в большинстве дел прогресс не всегда линейный.

– Это правда, – подтвердила суперинтендант Брюнель и рассказала несколько веселых историй о похищении предметов искусства, о подделках и путанице в идентификации.

Гамаш слушал вполуха, благодарный суперинтенданту за то, что она заняла всех своими рассказами и ему не нужно сознаваться, что бо́льшую часть дня он занимался чем-то другим.

Появился горячий шоколад. Поднося чашку к губам, Гамаш заметил,

что на него смотрит Мирна. Не изучает, просто смотрит с интересом.

Она взяла горсть ореховой смеси.

– А вот и Жиль, – сказала Клара. Она встала и помахала крупному рыжебородому, небрежно одетому человеку лет пятидесяти. – Я пригласила его и Одиль на обед, – сказала она старшему инспектору. – Вы тоже приглашены.

– Merci, – поблагодарил он, поднимаясь с дивана, чтобы поздороваться с вновь прибывшим.

– Давненько не виделись, – сказал Жиль, пожимая руку Гамашу. Потом сел и добавил: – Жаль было услышать про пятерняшку.

Гамаш заметил, что никто не утруждается говорить «пятерняшки Уэлле». Пять девочек утратили личную жизнь, родителей, имена. Они стали просто пятерняшками.

– Мы пока стараемся не разглашать эту информацию, – сказал старший инспектор.

– Знаете, Одиль пишет о них стихотворение, – сообщил Жиль. – Хочет опубликовать его в «Газете свиновода».

– Думаю, у нее получится, – сказал Гамаш, спрашивая себя, является ли это продвижением вверх по пищевой цепочке относительно прежних издателей Одиль. Он знал, что сборник ее стихов без всякой редактуры издала Комиссия по огородным культурам Квебека.

– Она назвала его «Пять горошин в золотом стручке», – сообщил Жиль.

Гамаш порадовался, что рядом нет Рут.

– Одиль знает свой рынок. А где она, кстати?

– В магазине. Она постарается подъехать позже.

Жиль изготавливал стильную мебель из древесины упавших деревьев, а Одиль продавала ее в их магазине. Еще она писала стихи, которые, надо признать, практически не годились для человеческого потребления, несмотря на мнение Комиссии по огородным культурам Квебека.

– Я тут слышал, – Жиль хлопнул громадной ручищей по колену Гамаша, – что вы хотите установить спутниковую тарелку. А вы знаете, что они здесь не работают?

Старший инспектор уставился на него, потом на Брюнелей, тоже слегка ошарашенных.

– Вы просили меня связаться с человеком, который устанавливает спутниковые тарелки, – напомнила Клара. – Этим Жиль и занимается.

– С каких пор? – спросил Гамаш.

– С начала экономического спада, – ответил этот большой дородный

человек. – Рынок мебели ручного изготовления обвалился, а рынок тарелок, принимающих пятьсот каналов, взлетел до недосягаемых высот. Поэтому я прирабатываю, устанавливая тарелки. Мне на руку, что я не боюсь высоты.

– Мягко говоря, – сказал Гамаш. Он повернулся к Терезе и Жерому. – Жиль прежде был лесорубом.

– Очень давно, – уточнил Жиль, глядя в стакан.

– Мне нужно поставить кастрюлю в духовку, – заявила Клара, поднимаясь с места.

Гамаш тоже встал, а за ним и остальные.

– Может быть, мы продолжим наш разговор у Клары? – сказал старший инспектор, и Жиль поднялся с дивана. – Там обстановка более приватная.

– Ну, – сказал Жиль, пока они шли к дому Клары по хрусткому снегу, – где же ваш маленький приятель?

На замерзшем пруду катались на коньках ребятишки. Габри слепил снежок и бросил его Анри, и пес прыгнул за ним через сугроб.

– Вы о Гиллигане? – спросил Гамаш небрежным тоном.

Жиль хохотнул в темноте:

– О нем самом, Шкипер[40].

– Гиллиган расследует другое дело.

– Значит, он все-таки уплыл с острова, – сказал Жиль, и Гамаш услышал улыбку в его низком голосе.

Но эти слова неприятно поразили Гамаша.

Неужели он незаметно для себя превратил знаменитый отдел по расследованию убийств в остров? Неужели, не заботясь о продвижении перспективных агентов, он лишил их свободы, изолировал от основной части их ровесников?

Ребята на пруду увидели похожий на снежок помпон на шапочке Габри и начали лепить снежки и кидать их в него, а тот не успевал уворачиваться. Снежки попадали во всех, и Анри чуть не впал в истерику от возбуждения.

– Чертовы детишки, – проворчал Габри. – Чтоб вам пропасть!

Он погрозил им кулаком, так смешно пародируя гнев, что дети чуть не описались от смеха.

Жан Ги Бовуар не мог заставить себя принять душ. Он хотел помыться, но сил у него не хватало. То же и со стиркой. Он знал, что от него пахнет, однако предпочитал не думать об этом.

Он приходил на работу, но ничего не делал. Ему просто хотелось уйти

из своей маленькой мрачной квартиры. От груд грязной одежды, от еды, гниющей в холодильнике, от неприбранной кровати, от тарелок с присохшей пищей.

И от воспоминаний о доме, который был у него прежде. И который он потерял.

Нет, не потерял. Его забрали. Украли. Это сделал Гамаш. Человек, которому он так доверял, отобрал у него все. И всех.

Бовуар поднялся на ноги и быстро пошел к лифту, а из лифта – в машину.

Тело у него болело, чувство голода сменялось тошнотой. Но он не мог заставить себя перекусить в кафетерии или в одном из ресторанов быстрого питания по пути.

Он заехал на парковку, заглушил двигатель и остался сидеть, глядя перед собой.

Теперь он почувствовал голод. Настоящий голод, аж живот подвело. И еще от него пахло. Вся машина воняла. Он чувствовал, что влажная футболка прилипла к его телу. Приросла и заплесневела, словно вторая кожа.

Он сидел в холодной темной машине и смотрел на единственное окно, в котором горел свет. Надеялся хоть мельком увидеть Анни. Хотя бы ее тень.

Было время, когда он мог усилием воли вызывать ее запах. Лимонная роща в солнечный день. Свежий цитрусовый аромат. Но теперь он не чуял ничего, кроме запаха собственного страха.

Анни Гамаш сидела в темноте, глядя в окно. Она знала: это что-то вроде болезни. Нечто такое, в чем она ни за что не призналась бы друзьям. Они пришли бы в ужас и смотрели бы на нее так, будто она спятила. А может, она и спятила.

Она вышвырнула Жана Ги из дома, когда он отказался пройти курс реабилитации. Они спорили без конца, пока слов уже не осталось. Потом они ссорились еще какое-то время. Жан Ги утверждал, что с ним все в порядке. Что все разговоры ее отца про наркозависимость – выдумки, чтобы отомстить ему за переход к суперинтенданту Франкёру.

В конце концов он ушел. Но на самом деле остался. Он все еще был внутри ее, и она не могла изгнать его оттуда. Поэтому она сидела в своей машине и смотрела на темное окно его маленькой квартиры. Надеясь увидеть там свет.

Она закрывала глаза и чувствовала его руки, его запах. Выпроводив

его из дома, она купила флакон одеколона, которым он пользовался, и обрызгала подушку рядом со своей.

Она закрывала глаза и чувствовала его под своей кожей. Где он и был, грубоватый, любящий, яркий, умный. Она видела его улыбку, слышала его смех. Чувствовала его руки. Его тело.

Теперь он ушел. Но остался. И иногда она спрашивала себя, не он ли стучится в ее сердце. И что будет, если он перестанет стучаться.

Она приезжала сюда каждый вечер. Парковала машину. И смотрела на его окно. Надеясь увидеть признаки жизни.

– Вряд ли ты впервые получаешь шарами по физиономии, – сказала Рут закиданному снежками Габри. – Так что прекрати жаловаться.

Рут уже сидела в гостиной Клары, когда появились другие гости. И она их вовсе не ждала. Наоборот, разозлилась, увидев их.

– Я надеялась на спокойный вечерок, – проворчала она, раскручивая кубики льда в своем стакане с такой силой, что там образовался настоящий вихрь из виски.

Гамаш подумал, что в один прекрасный день этот вихрь просто засосет старую поэтессу. А потом он понял, что вихрь ее уже засосал.

Анри подбежал к Розе, которая сидела на табуретке рядом с Рут. Гамаш схватил его за ошейник и оттащил, но он напрасно беспокоился. Роза зашипела на пса и отвернулась. Если бы она могла запустить в него одним из своих перьев, то запустила бы.

– Я не знала, что утки шипят, – сказала Мирна.

– А мы уверены, что это утка? – прошептал Габри.

К ним подошли как зачарованные Тереза и Жером.

– Это и есть Рут Зардо? – спросил Жером.

– То, что от нее осталось, – ответил Габри. – Она сто лет как потеряла остатки разума, а сердца у нее вообще никогда не было. Ее жизнедеятельность поддерживается благодаря току желчи. А это Роза, – сказал Габри, показывая на утку.

– Я понимаю, почему Анри потерял голову, – сказала Тереза, глядя на понурого пса. – Кто не любит хорошую утку?

Реплика этой элегантной женщины была встречена тишиной. Тереза улыбнулась и чуть-чуть приподняла брови, и Клара начала смеяться.

Кастрюля стояла в духовке, и все уже чувствовали запах курицы и розмарина. Гости наливали себе выпивку и разделялись на группки.

Тереза, Жером и Гамаш отвели Жиля в сторонку.

– Насколько я поняла, прежде вы были лесорубом? – спросила Тереза.

– Больше я этим не занимаюсь, – настороженно ответил Жиль.

– А почему?

– Какая разница? – отрезал Жиль. – По личным причинам.

Тереза продолжала смотреть на него тем особенным взглядом, с помощью которого умела выуживать правду из закаленных полицейских. Но Жиль держался.

Она повернулась к Гамашу, однако тот хранил молчание. Он знал, почему Жиль перестал быть лесорубом, но не имел права выдавать чужой секрет. Двое этих крупных мужчин переглянулись, и Жиль благодарно кивнул ему.

– Тогда позвольте спросить вас вот о чем, – зашла с другой стороны суперинтендант Брюнель. – Какое там самое высокое дерево?

– Там – это где?

– На холме над деревней, – уточнил Жером.

Жиль немного подумал:

– Наверное, белая сосна. Они вырастают до девяноста футов, а то и выше. Как восьмиэтажный дом.

– А забраться на нее можно? – спросила Тереза.

Жиль посмотрел на нее так, будто она предложила ему что-то отвратительное.

– Почему вы спрашиваете?

– Из любопытства.

– Не держите меня за идиота, мадам. Тут не простое любопытство. – Он перевел взгляд с Брюнелей на Гамаша.

– Мы бы никогда не попросили вас срубить дерево или как-то повредить ему, – сказал старший инспектор. – Мы просто хотим знать, можно ли забраться на самые высокие деревья на холме.

– Наверно, кто-то и может. Но не я, – фыркнул Жиль.

Тереза и Жером, ошеломленные реакцией бывшего лесоруба, отвернулись от него и посмотрели на Гамаша. Тот взял Жиля за руку и отвел в сторону:

– Извините, я должен был поговорить с вами об этом наедине. Нам нужно получать спутниковый сигнал в Трех Соснах…

Он поднял руку, чтобы пресечь возражения Жиля, который снова попытался сказать, что это невозможно.

– …и мы подумали, нельзя ли установить тарелку на высоком дереве и протянуть с него кабель в деревню.

Жиль по-прежнему был настроен скептически:

– Вы думаете, кто-то может забраться на девяносто футов по сосне, по

замерзшей сосне, таща с собой тарелку, а потом не только закрепить ее, но и настроить на сигнал? Вероятно, вы очень любите телевидение, месье.

Гамаш рассмеялся:

– Телевидение нам не нужно. – Он понизил голос. – Это ради Интернета. Нам нужен выход в Сеть, и мы хотим получить его… мм… так, чтобы об этом знало как можно меньше людей.

– Украсть сигнал? – спросил Жиль. – Откровенно говоря, вы будете далеко не первый, кто пытается.

– Значит, такое возможно?

Жиль вздохнул, задумчиво погрыз костяшки пальцев.

– Вы хотите превратить девяностофутовую сосну в передающую вышку, найти сигнал и проложить кабель.

– Судя по вашим словам, задача нелегкая, – с улыбкой сказал Гамаш.

Но Жиль не улыбнулся в ответ.

– Прошу прощения, patron. Я бы сделал что угодно, чтобы вам помочь, но мне кажется, то, о чем вы говорите, сделать невозможно. Предположим, я бы сумел забраться на верхушку дерева с тарелкой и закрепить ее… но ведь там сильный ветер. Тарелка будет все время колебаться.

Он посмотрел на Гамаша и убедился, что тот его понял. Это был основательный аргумент, от такого не отмахнешься.

– Сигнал невозможно будет удержать, – сказал Жиль. – Вот почему передаточные мачты делают из стали – для устойчивости. Абсолютно необходимое требование. Теоретически ваша мысль неплоха, но в реальности из нее ничего не получится.

Старший инспектор Гамаш опустил глаза в пол, оправляясь от удара. Рушился не просто какой-то план, а единственный. Запасного у него не было.

– Вы можете предложить другой способ подключения к высокоскоростному Интернету? – спросил он.

Жиль покачал головой:

– Почему бы вам не поехать в Кауансвилл или Сен-Реми? У них есть высокоскоростной Интернет.

– Мы должны оставаться здесь, – сказал Гамаш. – Где нас не смогут обнаружить.

Жиль кивнул и задумался. Гамаш не отрывал от него взгляда, надеясь, что решение найдется. Наконец Жиль снова покачал головой:

– Люди много лет пытались сделать что-то подобное. Законным образом или пиратским. Это просто невозможно. Désolé.

Гамаш поблагодарил Жиля и отошел от него, чувствуя себя

опустошенным.

– И? – спросила Тереза.

– Он говорит, ничего не получится.

– Он просто не хочет этим заниматься, – сказала суперинтендант Брюнель. – Мы найдем кого-нибудь другого.

Гамаш объяснил ей про ветер, и она неохотно приняла суровую правду. Жиль не упрямился, он всего лишь был реалистом. Гамаш заметил кое-что любопытное: если Тереза Брюнель выглядела разочарованной, то ее мужа известие о неудаче не слишком расстроило.

Старший инспектор побрел в кухню, где Клара и Габри готовили обед.

– Пахнет вкусно, – сказал он.

– Проголодались? – спросил Габри, протягивая ему тарелку с деревенским паштетом и крекерами.

– Вообще-то, я и вправду голоден, – признался старший инспектор, намазывая паштет на крекер.

Дрожжевой запах пекущегося хлеба смешивался с запахом жареной курицы и розмарина, и Гамаш вдруг понял, что после завтрака у него маковой росинки во рту не было.

– Я хочу попросить вас об одолжении. Я перевел старый файл на компакт-диск и хотел бы его посмотреть, но в доме Эмили нет DVD-плеера.

– Хотите воспользоваться моим?

Гамаш кивнул, и Клара, словно взмахнув волшебной палочкой, указала ножом в сторону гостиной:

– Плеер в комнате рядом с гостиной.

– Вы не возражаете?

– Ничуть, – ответила она. – Я вам сама все включу. Обед будет готов не раньше чем через полчаса.

Гамаш прошел за ней в маленькую комнату с диваном и креслом. На столе стоял старый телевизор с электронно-лучевой трубкой и по соседству с ним – DVD-плеер. Пока Клара нажимала кнопки, Гамаш наблюдал за ее действиями.

– А что на вашем диске? – спросил Габри. Он остановился в дверях, держа тарелку с паштетом и крекерами. – Сейчас я догадаюсь. Запись вашей пробы для программы «Канада ищет таланты»?

– Это была бы очень короткая запись, – заметил Гамаш.

– Что тут у вас происходит? – спросила Рут, проталкиваясь в комнату с Розой в одной руке и стаканом виски в другой.

– Старший инспектор ходил пробоваться на передачу «Канадский идол», – объяснил Габри. – А здесь запись.

– Ну… – начал было Гамаш, но тут же решил, что не стоит беспокоиться.

– Кажется, кто-то сказал, что вы хотите участвовать в передаче «Вы считаете, что умеете танцевать?» – спросила Мирна, втискиваясь на узкий диван между старшим инспектором и Рут.

Гамаш жалобно посмотрел на Клару. Появился Оливье и встал рядом со своим партнером. Старший инспектор вздохнул и нажал клавишу «пуск».

На крохотном экране закрутился знакомый черно-белый вихрь, сопровождаемый музыкой и внушительным голосом.

«В канадской деревне произошло маленькое чудо», – мрачно произнес диктор киножурнала. Появились первые зернистые изображения, и все в тесной телевизионной комнате Клары прильнули к экрану.

Глава двадцать первая

«Пять чудес, – продолжалось мелодраматическое повествование, словно возвещая Армагеддон. – Принятых одной холодной зимней ночью доктором Жозефом Бернаром».

На экране появился доктор Бернар в полном врачебном облачении с медицинской маской на лице. Он помахал неестественно быстро, но Гамаш знал, что таково свойство старых черно-белых пленок, на которых люди ходили нетвердыми шагами и двигались либо замедленно, либо дергано.

Перед доктором лежали пять плотно запеленатых младенцев.

«Пять девочек, родившихся у Исидора и Мари-Ариетт Уэлле».

Звучный голос с трудом произносил квебекские имена. В первый раз они были названы в киножурнале, но вскоре оказались на языке у всех и каждого. Начиналась всемирная увертюра к…

«Пять маленьких принцесс. Первые в мире выжившие пятерняшки. Виржини, Элен, Жозефин, Маргерит и Констанс».

«И Констанс», – с интересом отметил Гамаш. Она так и пройдет по жизни, болтаясь в конце предложения. «И Констанс». Вечное приложение.

В голосе неожиданно зазвучала возбужденная нотка: «А вот и счастливый отец».

В кадре возник доктор Бернар в гостиной скромного фермерского дома, перед печкой. Он протягивал крупному человеку одну из его дочерей. Словно делал особое подношение. Но не в подарок. Подержать на время.

Исидор, приведенный в порядок ради съемок и улыбающийся во весь щербатый рот, неловко держал на руках младенца. Непривычный к детям – это было заметно, – но естественный.

Хорошо знакомая рука взяла Терезу под локоть, и, невзирая на легкое сопротивление, ее оттащили от телевизора.

Жером отвел ее в дальний угол гостиной Клары, как можно дальше от остальных гостей, хотя Голос Судьбы доносился и сюда. Теперь Голос толковал о сельской жизни и практически подводил слушателей к мысли о том, что девочки родились в сарае.

Тереза вопросительно посмотрела на мужа.

Жером встал так, чтобы видеть собравшихся перед телевизором, и перевел взгляд на жену:

– Расскажи мне об Арно.

– О каком Арно?

– О Пьере Арно. Ты его знала.

Он говорил тихо, взволнованно, стреляя глазами то в гостей, то в жену.

Начни вдруг ее муж исполнять стриптиз, Тереза удивилась бы меньше. Она непонимающе уставилась на него:

– Ты имеешь в виду дело Арно? Но это сколько лет назад было.

– Я не про дело. Я хочу услышать про самого Арно. Все, что ты о нем знаешь.

Тереза по-прежнему недоумевала:

– Нелепица какая. С чего это тебе понадобился Пьер Арно?

Жером посмотрел на гостей – они все стояли спиной к ним – и еще больше понизил голос:

– А ты сама не понимаешь?

У нее упало сердце. «Арно? Нет, невозможно!»

На заднем плане высокопарный голос сообщал, что благополучному рождению девочек способствовала рука Господа. Однако рука Господа казалась такой далекой от этой маленькой комнаты, где весело потрескивал огонь в камине и стоял аромат свежей выпечки. И где повисло в воздухе ненавистное имя.

Проклятый Пьер Арно.

«Доктор Бернар обычно скромничает, когда рассказывает о своем достижении», – сообщил диктор киножурнала.

На экране появился доктор Бернар без врачебного облачения, в костюме с узким галстуком. Седые волосы аккуратно причесаны, лицо чисто выбрито, на носу очки в черной роговой оправе.

Он стоял в гостиной Уэлле, держа в руке сигарету.

«Конечно, основная тяжесть легла на мать». Он говорил по-английски с мягким квебекским акцентом, и его голос звучал на удивление высоко, особенно в сравнении с гулким голосом диктора. Он смотрел в камеру, улыбаясь своей маленькой шутке. Зрители должны были верить в одно: доктор Бернар – настоящий герой. Человек, чьи высокие профессиональные навыки могли сравниться разве что с его скромностью. Гамаш подумал не без восхищения, что доктор Бернар идеально подходил для этой роли. Обаятельный, даже эксцентричный. Надежный и уверенный.

«Меня вызвали в самый разгар бури. Дети, кажется, предпочитают рождаться в бурю. – Он улыбнулся в камеру, приглашая зрителей к доверительному общению. – Но на сей раз случай оказался особый. Пятерняшная метель».

Гамаш огляделся и увидел, как улыбаются Жиль и Габри и даже Мирна. Улыбка возникала непроизвольно – трудно было не симпатизировать этому человеку.

Но Рут, сидевшая на дальнем конце дивана, не улыбалась. Впрочем, об этом вряд ли можно было сказать наверняка.

«Время приближалось к полуночи, – продолжал доктор Бернар. – Я не знал семью Уэлле, но случай требовал немедленного вмешательства, и я взял свой медицинский саквояж и попытался как можно скорее добраться сюда».

Каким образом человек, который никогда не бывал на ферме Уэлле, расположенной на краю света, нашел ее среди ночи и в разгар метели, не уточнялось. Но вероятно, чудо распространялось и на доктора.

«Никто мне не сказал, что их пятеро. – Он тут же поправился. – Что ждут пятерняшек. Но я поручил отцу кипятить воду и стерилизовать оборудование. Искать чистое белье. К счастью, месье Уэлле привычен принимать роды у коров и лошадей на своей ферме. Он оказался очень полезен».

Великий человек делил лавры с мужем, давая понять, что от мадам Уэлле толку было не больше, чем от свиноматки. Эта ситуация вызывала у Гамаша все большее восхищение, хотя и не уважение. За всем происходящим стоял какой-то блестящий режиссер. А доктор Бернар был такой же пешкой, как младенцы и серьезный, ошарашенный Исидор Уэлле.

Доктор Бернар смотрел прямо в объектив камеры и улыбался.

– О деле Арно писали все газеты, – вполголоса сказала Тереза. – Это была настоящая сенсация. Ты уже знаешь это. Все знают.

Бесславие Пьера Арно было так же велико, как слава пятерняшек Уэлле. Он стал их полной противоположностью. Если пять девочек символизировали радость, то Пьер Арно – позор.

Если девочек послал Господь, то Пьера Арно, этого падшего ангела, изверг ад.

Тем не менее он до сих пор преследовал их. И сейчас опять вернулся. Тереза Брюнель отдала бы что угодно, лишь бы не воскрешать то имя, то дело, то время.

– Oui, oui, – сказал Жером. Он редко проявлял такое нетерпение, и почти никогда – по отношению к жене. – С тех пор прошло уже лет десять. Я хочу снова услышать эту историю, и на сей раз не ту часть, о которой писали в газетах, а ту, что вы утаили от общественности.

– Я ничего не утаивала от общественности, Жером, – резко произнесла

Тереза. – Я в то время была агентом-новичком. Может, тебе лучше спросить у Армана? Он хорошо знал Арно.

Они оба инстинктивно повернулись к собравшимся у дверей перед комнатой, в которой вещал телевизор.

– Думаешь, это будет благоразумно? – спросил Жером.

– Может быть, и нет, – ответила Тереза. Она пристально посмотрела на него. – Ты должен мне сказать, почему тебя вдруг заинтересовал Пьер Арно.

Жером с трудом перевел дыхание, словно долго тащил какую-то неимоверную тяжесть. Наконец он сказал:

– Его имя промелькнуло в моих поисках.

У Терезы Брюнель внезапно закружилась голова. Проклятый Пьер Арно!

– Ты шутишь? – Но она понимала, что он не шутит. – Именно его имя и привело в действие их систему контроля? Если так, ты должен нам сказать.

– Что я должен, Тереза, так это узнать побольше об Арно. О его прошлом. Прошу тебя. Ты уже не агент-новичок, теперь ты суперинтендант Квебекской полиции. Я же знаю, ты в курсе.

Она смерила его жестким, оценивающим взглядом.

– Пьер Арно был старшим суперинтендантом Квебекской полиции, – начала она, сдаваясь. – Это самый высокий пост, теперь его занимает Сильвен Франкёр. Я только-только поступила в полицию, когда всплыла та история. Видела Арно всего один раз.

Жером Брюнель прекрасно помнил тот день, когда его жена, старший куратор Музея изящных искусств в Монреале, пришла домой и сообщила ему, что хочет поступить в полицию провинции. Ей было около пятидесяти пяти, и для него эта новость прозвучала так же дико, как если бы она сообщила ему, что поступает в «Цирк солнца»[41]. Но он видел, что она не шутит, а если уж говорить откровенно, новость не свалилась как снег на голову. Тереза консультировала полицию по нескольким делам, связанным с кражей произведений искусства, и обнаружила в себе способности к раскрытию преступлений.

– Как ты и сказал, прошло уже больше десяти лет, – продолжила Тереза. – К тому времени Арно не первый год занимал свой пост. Он пользовался популярностью. Уважением. Ему доверяли.

– Ты говоришь, что видела его один раз. Когда? – спросил Жером.

У него был острый, аналитический взгляд. Она знала: точно таким же взглядом он смотрел в больнице, когда поступал особенно тяжелый

больной.

Сбор информации, обдумывание, анализ. Быстрый мозговой штурм и принятие решения, как действовать в конкретном случае. Здесь, в гостиной Клары, где пахло свежей выпечкой, розмарином и жареной курицей, вдруг возникло ощущение опасности. И пришло оно вместе с запачканным грязью и кровью именем Пьера Арно.

– Я видела его на лекции в академии, – вспомнила Тереза. – В группе, которую вел старший инспектор Гамаш.

– Арно пришел туда в качестве приглашенного гостя? – удивился Жером.

Тереза кивнула. К тому времени оба полицейских были знамениты: Арно – как уважаемый глава уважаемой службы, а Гамаш – как создатель и начальник самого успешного отдела по расследованию убийств в Канаде.

Тереза Брюнель сидела в битком набитой аудитории, одна из сотен курсантов, ничем не выделявшаяся среди других, разве что сединой.

По мере того как она вспоминала те события, гостиная перед ней исчезала, превращаясь в амфитеатр аудитории. Она четко видела этих двоих мужчин. Арно стоял за кафедрой. Пожилой, уверенный в себе, представительный. Невысокий и худощавый. Подтянутый. С ухоженными седыми волосами и в очках. Он вовсе не выглядел властным. И тем не менее в самой его скромности чувствовалась скрытая сила. Его власть была настолько велика, что ему не требовалось ее демонстрировать.

А рядом с ним стоял, наблюдая, старший инспектор Арман Гамаш.

Высокий, солидный. Спокойный и сдержанный. В роли преподавателя он проявлял бесконечное терпение, когда слышал глупые вопросы или видел выхлопы тестостерона. Он вел за собой примером, а не демонстрацией силы. Агент Брюнель чувствовала, что перед ней прирожденный лидер. Человек, за которым ты готов следовать.

Если бы Арно в одиночестве выступал перед аудиторией, то произвел бы на нее более сильное впечатление. Однако по ходу лекции ее глаза все чаще останавливались на спокойном человеке, стоявшем в стороне. Он слушал так внимательно. Был таким естественным.

И агент Брюнель постепенно поняла, в чем состоит истинная власть.

Пусть старший суперинтендант Арно и занимал высший командный пост, но Арман Гамаш был авторитетнее.

Она рассказала об этом Жерому. Он подумал несколько секунд и спросил:

– Арно не пытался убить Армана? Или наоборот?

Киножурнал новостей закончился изображением кроткого доктора Бернара, который держал одну из новорожденных пятерняшек, махая ее ручкой в сторону камеры.

«Пока-пока, – произнес диктор таким тоном, словно объявлял о Великой депрессии. – Я знаю, мы будем часто встречаться с тобой и твоими сестренками».

Краем глаза Гамаш увидел, как Рут подняла руку, испещренную венами.

Пока-пока.

Экран почернел, но всего на секунду – на нем появилось другое изображение, знакомое канадцам. Стилизованный черно-белый глаз, а потом выписанные по трафарету слова без малейшего намека на креативность или красоту.

Одни факты.

Национальный кинематографический комитет Канады. НКК.

Ни мрачного голоса за кадром, ни веселой музыки. Просто съемки, сделанные оператором НКК.

Они увидели очаровательный коттедж летней порой. Коттедж из сказки. Кровля в виде рыбьей чешуи, мишурная отделка. Ящики с цветами на всех окнах, веселые подсолнухи и алтей у стен залитого солнцем дома.

Маленький сад, обнесенный белым заборчиком.

Коттедж напоминал кукольный домик.

Камера взяла крупным планом входную дверь, сфокусировалась, потом дверь приоткрылась и высунулась женская голова, посмотрела в камеру, произнесла что-то вроде «Maintenant? Сейчас?».

Женщина убрала голову, и дверь закрылась. Секунду спустя дверь снова открылась, и появилась маленькая девочка в коротком платьице с оборочками и с бантом в темных волосах. В туфельках и носочках. На взгляд Гамаша, ей было лет пять-шесть. Он произвел быстрый подсчет. Начало сороковых. Военные годы.

Появилась рука и подтолкнула девочку дальше на солнце. Не то чтобы пихнула, но толкнула достаточно сильно, девочка даже споткнулась.

Потом из дома выпустили еще одну девочку.

Потом еще.

И еще.

И еще.

Девочки встали вместе, держась друг за друга, словно родились сиамскими близнецами. И выражение лица у них было одинаковое.

Страх. Смятение. Почти такое же выражение Гамаш заметил на лице

их отца, когда тот впервые смотрел на своих детей.

Девочки повернулись к двери, подошли к ней, столпились возле нее. Попытались попасть внутрь. Но дверь не открывалась.

Первая девочка взглянула в камеру. Умоляя. Плача.

Ее изображение мигнуло и исчезло. Снова появился хорошенький коттедж, но уже без девочек, с закрытой дверью.

Потом дверь снова открылась, и теперь маленькая девочка вышла сама. Затем появилась ее сестра, взяла ее за руку. И так далее. Пока не вышла последняя и дверь за ней не закрылась.

Они все одновременно повернули голову к двери. Дверь приоткрылась, из нее высунулась рука, помахала им и исчезла.

Девочки замерли на месте. Как окаменели.

Камера чуть дрогнула, когда одна из девочек посмотрела в объектив. Гамаш подумал, что оператор, вероятно, обратился к ним. Наверное, показал плюшевого мишку или конфетку. Что-нибудь, чтобы привлечь их внимание.

Одна из девочек начала плакать, другие разошлись кто куда, картинка замигала, на экране появилась чернота.

Снова и снова в комнатушке Клары они просматривали старые кадры, забыв о паштете и выпивке.

Снова и снова выходили из пряничного дома девочки, потом их зазывали назад, чтобы попробовать еще раз. Наконец первая появилась с улыбкой во весь рот, а следующая за ней радостно взяла сестренку за руку.

Потом следующая. И следующая.

И следующая.

Они вышли из коттеджа и побежали вокруг садика, вдоль белого заборчика, улыбаясь и маша руками.

Пять счастливых маленьких девочек.

Гамаш посмотрел на Мирну, Оливье, Клару, Жиля, Габри. Он посмотрел на Рут: по морщинам на ее щеках, по большим каньонам скорби текли слезы.

На экране телевизора пятерняшки Уэлле улыбались одинаковыми улыбками и одинаково махали на камеру, потом экран почернел. Гамаш знал: они только что увидели сцену, которая должна была свидетельствовать о счастливой жизни пятерняшек в пряничном домике. Девочек, вырванных из нищеты, не знающих никаких забот. Эти съемки продавались агентствам по всему миру и все еще использовались, когда вспоминали об их жизни.

Как подтверждение счастливого детства пятерняшек Уэлле.

Гамаш и другие понимали, что произошло на их глазах. Рождение мифа. А еще они увидели нечто надломленное. Разбитое. Обиженное так, что ран не залечить.

– Откуда ты знаешь? – спросила Тереза. – На процессе об этом не говорилось ни слова.

– Я обнаружил намеки на то, что между ними двумя что-то произошло. Что-то почти убийственное.

– Ты и в самом деле хочешь знать? – Она внимательно посмотрела на мужа.

– Мне необходимо знать.

– Эти сведения не должны распространиться.

Жером посмотрел на нее с усмешкой:

– Обещаю не писать об этом в моем блоге.

Тереза не рассмеялась. Даже не улыбнулась. И Жером Брюнель уже не в первый раз спросил себя, на самом ли деле он хочет знать, что произошло.

– Сядь, – велела она, и он сел рядом с ней на удобный диван.

Они сидели лицом к двери, глядя на спины других гостей.

– Пьер Арно начал успешную карьеру в одном из северных отделений Квебекской полиции, – заговорила Тереза. – В резервации индейцев-кри на побережье залива Джеймс. Повальное пьянство. Наркомания. Казенные дома – сплошной кошмар. Канализация и водоснабжение перетекают одно в другое. Уровень заболеваемости и насилия ужасающий. Сплошная выгребная яма.

– Посреди рая, – сказал Жером.

Тереза кивнула. Это, разумеется, лишь усиливало трагедию.

Район залива Джеймс славился поразительной красотой и экологической чистотой. В то время. Десятки тысяч квадратных миль первозданной жизни: чистые озера, рыба, дичь, древние леса. Там жили индейцы-кри. Там жили их боги.

Но сто лет назад они познакомились с дьяволом и заключили с ним договор.

В обмен на все, что им может понадобиться (еду, медицинское обслуживание, жилье, образование, чудеса современной жизни), у них всего лишь попросили уступить право пользования землей предков.

Но не всей. Им оставался хороший участок для охоты и рыбной ловли.

А если они откажутся подписать договор?

Тогда правительство так или иначе заберет их земли.

За сто лет до того, как агент Пьер Арно ступил с трапа гидроплана на землю резервации, состоялась встреча между великим вождем и главой министерства по делам индейцев Канады.

Договор подписали.

Сделку заключили.

Кри получили все, что можно пожелать. Кроме свободы.

Это не послужило им во благо.

– Ко времени прибытия Арно резервация представляла собой гетто сточных вод и болезней, наркомании и отчаяния, – сказала Тереза. – А жизнь их была настолько пуста, что для развлечения они прибегали к насилию и мордобою. И все же кри достойно продержались столько, сколько никто и не предполагал. Потребовалось несколько поколений, чтобы от достоинства, самоуважения, надежды не осталось и следа. Кри думали, что их жизнь уже не может быть хуже. Но они ошибались.

– И что же случилось?

– Там появился Пьер Арно.

«Здесь девочки просят отца благословить их, – сообщил голос за кадром таким тоном, словно объявлял о бомбежке Лондона. – Послушные родителю дети. Этот ритуал сохраняется в глубинке Квебека».

Он произнес «Квии-бека» и приглушил голос, чтобы не потревожить редкий вид в его естественной среде обитания.

Гамаш подался вперед, чтобы лучше видеть. Девочкам было уже лет по восемь-девять. Они находились не в пряничном коттедже, а на семейной ферме. Сквозь окна было видно, что на дворе зима.

На крючках у двери аккуратно висели их курточки, шапочки и коньки. В углу стояли пирамидкой их хоккейные клюшки. По первой съемке новорожденных девочек Гамаш узнал печурку, плетеный тряпичный коврик и мебель. Здесь почти ничего не изменилось. Словно в музее.

Девочки стояли на коленях, сжав перед собой ладони и наклонив голову, одинаково одетые, в одинаковых туфельках, с одинаковыми бантиками. Гамаш удивился, как же люди их различали, а потом подумал, что, вероятно, никто особо не утруждал себя этим. Пока они оставались впятером, подробности не имели значения.

Позади дочерей стояла на коленях Мари-Ариетт.

Впервые в киножурнале показали мать пятерняшек. Гамаш уперся локтями в колени, стараясь получше рассмотреть легендарную мать.

И тут он с удивлением понял, что видит ее не в первый раз. Именно она и выталкивала девочек из пряничного коттеджа, а потом закрывала

дверь.

Снова и снова. Пока не получилось то, что требовалось.

Он предполагал, что это делал кто-то из продюсеров НКК. Или нянька. Или учительница. Оказалось, их собственная мать.

Исидор стоял в комнате лицом к семье, простирая над ними руки. Его глаза были закрыты. Лицо спокойное, словно у зомби, ожидающего знака свыше.

Гамаш узнал этот ритуал. Новогоднее благословение отцом своих детей. Торжественная, исполненная смысла молитва, ныне редко практикуемая в Квебеке. Ему и в голову не приходило совершить этот ритуал, а Рейн-Мари, Анни и Даниель умерли бы со смеху, предложи он им что-нибудь подобное. У него вдруг мелькнула мысль о коротких праздниках и о семье в Париже. Может быть, на Новый год с детьми и внуками он предложит им что-нибудь такое. Чтобы увидеть выражение их лиц. Оно того стоит. Впрочем, мать Рейн-Мари помнила, как ребенком стояла на коленях вместе со своими братьями и сестрами в ожидании благословения.

И вот этот ритуал происходил на глазах ненасытной киноаудитории, сидящей в темном зале в мире середины сороковых годов, где пятерняшки существовали как прелюдия к новому фильму с Кларком Гейблом и Кэтрин Хепбёрн.

На том зернистом черно-белом изображении, что они видели, явно ощущались следы газового освещения. И нечто постановочное, даже разыгранное. Словно аборигены колотили по барабанам и танцевали для туристов.

Все абсолютно подлинное. Но скорее на продажу, чем для души.

Девочки, по-видимому, молились, чтобы получить отцовское благословение. А вот о чем молился их отец, Гамаш понять не мог.

«Очаровательная маленькая церемония закончилась, девочки готовятся выйти на улицу поиграть», – сказал голос за кадром, словно возвещая о трагическом рейде на Дьеп[42].

Девочки стали надевать уличную одежду, добродушно поддразнивая друг дружку, поглядывая в камеру и смеясь. Отец помог им зашнуровать коньки, раздал хоккейные клюшки.

Появилась Мари-Ариетт и надела им вязаные шерстяные шапочки. Шапочки, как заметил Гамаш, различались рисунком. На одной снежинки, на другой деревья… Шапочек оказалось на одну больше, чем нужно, и мать отбросила ее за пределы видимости объектива. Не просто отбросила. Швырнула так, будто шапочка ее укусила.

Этот саморазоблачительный жест свидетельствовал о том, что женщина на грани нервного срыва и такая мелочь, как лишняя шапочка, может стать искрой, от которой разгорится пожар. Она была раздраженной, измотанной. Усталой до бесконечности.

Она повернулась к камере и улыбнулась с выражением, от которого у старшего инспектора мурашки побежали по коже.

Одно из тех мгновений, которых ждет детектив из отдела по расследованию убийств. Маленький конфликт. Между тем, что говорится, и тем, что делается. Между тоном голоса и словами.

Между выражением лица Мари-Ариетт и ее действиями. Между улыбкой и отброшенной шапочкой.

Это была женщина раздваивавшаяся, возможно, даже раздираемая на части. Через такие трещины следователи и добирались до сути дела.

Гамаш смотрел на экран и не мог понять, как женщина, на коленях поднявшаяся по ступеням Оратория Святого Иосифа и молившаяся о даровании ей детей, дошла вот до этого.

Старший инспектор подозревал, что ее раздражение направлено на вездесущего доктора Бернара, которого она пыталась не допустить в кадр. Чтобы хоть раз побыть наедине с детьми.

И она достигла цели. Тот, кому адресовались ее жесты, так и остался за кадром.

Но Гамаш видел: это арьергардный бой. Человек, усталый до такой степени, может одерживать лишь краткосрочные победы.

«Моя мать давно умерла и покоится в другом городе, но со мной так еще и не покончила», – вспомнил Гамаш стихи Рут.

Не пройдет и пяти лет, как Мари-Ариетт умрет. А через пятнадцать лет не станет и Виржини – она, вероятно, покончит с собой. Что там говорила Мирна? Они перестанут быть пятерняшками. Превратятся в четверняшек, потом в тройняшек, затем в двойняшек. Наконец останется только одна. Единственный ребенок.

«И Констанс» превратилась в просто Констанс. А теперь не стало и ее.

Гамаш посмотрел на смеющихся девочек в зимней одежде и попытался выделить из них ту, что лежала сейчас в Монреальском морге. Но не смог.

Они были так похожи.

«Да, эти закаленные канадцы проживают долгие зимние месяцы, занимаясь подледной рыбной ловлей, катаясь на лыжах и играя в хоккей. Даже девочки», – раздался мрачный голос диктора.

Пятерняшки помахали в объектив камеры и, неловко ступая на своих

коньках, вышли из дома.

Пленка закончилась появлением Исидора, который весело помахал девочкам, потом вернулся в дом, закрыл дверь и посмотрел в камеру, но Гамаш увидел, что смотрит он чуть в сторону. Не в объектив, а в глаза кому-то находящемуся за кадром.

Жене? Доктору Бернару? Или кому-то еще?

Его взгляд искал поддержки, одобрения. И в очередной раз Гамаш спросил себя, о чем молился Исидор Уэлле и ответил ли Господь на его молитвы.

Но что-то тут было не так. Что-то в этом фильме не согласовывалось с тем, что уже успел узнать старший инспектор.

Он прикрыл рот рукой и уставился на черный экран.

– Позволь спросить у тебя кое-что, – сказала Тереза Брюнель. – Какой самый верный способ уничтожить человека?

Жером отрицательно покачал головой, не зная ответа.

– Сначала ты завоевываешь его доверие, – сказала она, не сводя с него глаз. – А потом предаешь.

– Кри верили Пьеру Арно? – спросил Жером.

– Он помог восстановить порядок. Относился к ним с уважением.

– А потом?

– А потом, когда обнародовали планы сооружения плотины и стало ясно, что вода затопит остатки принадлежащей кри территории, он убедил их согласиться.

– Как же ему это удалось? – спросил Жером.

Будучи квебекцем, он всегда относился к громадным плотинам как к предмету гордости. Да, он понимал, что они наносят ущерб природе севера, но эта цена не казалась большой. Цена, которую он лично не платил.

– Они доверяли ему. Долгие годы он убеждал их, что он им друг и союзник. А потом те, кто сомневался в нем, в его мотивах, стали исчезать.

Жером почувствовал тошноту.

– Это он их устранял?

Тереза кивнула:

– Не знаю, был ли он таким с самого начала, или кто-то его подтолкнул, но он это делал.

Жером опустил глаза и подумал об имени, которое нашел. Имени, скрытом за именем Арно. Если Арно пал низко, то тот, другой человек пал еще ниже. Лишь для того, чтобы много лет спустя его откопал Жером Брюнель.

– Когда Арман впутался в это? – спросил Жером.

– Племя выбрало старейшину, пожилую женщину, и отправило ее в Квебек-Сити просить о помощи. Она хотела сообщить кому-нибудь из властей, что исчезают молодые мужчины и женщины. Погибают. Их находили повешенными, застреленными, утопленными. Отделение Квебекской полиции утверждало, что эти смерти – следствие несчастных случаев или самоубийств. Несколько молодых индейцев-кри просто исчезли. Полиция пришла к выводу, что они убежали. Вероятно, на юг. Что их нужно искать в наркопритонах или вытрезвителях в Труа-Ривьере или Монреале.

– Она приехала в Квебек-Сити просить о помощи в их поиске? – спросил Жером.

– Нет, она приехала сообщить властям, что это ложь. Среди пропавших был ее собственный сын. Она знала, что они никуда не убегали, что причиной их смерти стали вовсе не несчастные случаи и не самоубийства.

Жером понимал, как угнетающе воздействуют на Терезу – офицера Квебекской полиции, женщину, мать – эти воспоминания. Ему тоже было больно, но они зашли слишком далеко. Они не могли остановиться посреди трясины. Должны были двигаться дальше.

– Никто ей не поверил, – сказала Тереза. – Ее выпроводили как слабоумную. Еще одна пьющая старуха из племени кри. Такому отношению к ней способствовало и то, что она не знала, где находится Национальное собрание Квебека, а потому останавливала людей, которые входили и выходили из «Шато Фронтенак».

– Из отеля? – спросил Жером.

Тереза кивнула:

– Это довольно внушительное здание, вот она и решила, что там расположены властные органы.

– Но каким образом в дело оказался втянут Арман?

– Он приехал в Квебек-Сити на конференцию в «Шато» и увидел эту женщину на скамейке перед отелем. Она была в отчаянии. Он спросил, что с ней.

– И она рассказала ему?

– Все рассказала. Арман спросил, почему она не пришла с этой информацией в полицию.

Тереза опустила глаза на свои наманикюренные пальцы.

Краем глаза Жером увидел, как начинают расходиться от телевизора люди, но не стал торопить жену. Наконец-то они достигли дна болота, дошли до последних слов, осталось их только вычерпать.

– Старейшина кри сказала, что не пошла в полицию, потому что сама полиция это и сделала. Это они убили молодых индейцев. Включая, вероятно, и ее собственного сына.

Жером пристально взглянул в ее родные глаза. Он не хотел продолжать это и оставаться в мире, где такое возможно. Он видел, что Тереза испытывает почти облегчение. Потому что верит, что конец близок и худшее позади.

Но Жером знал, что худшее еще впереди. И конец наступит не скоро.

– Что же сделал Арман?

Он увидел, что Клара идет в кухню, а Оливье направляется к ним. Но он продолжал смотреть в глаза жене.

Тереза наклонилась к нему и, перед тем как к ним подошел Оливье, прошептала:

– Он поверил ей.

Глава двадцать вторая

– Обедать! – позвала Клара.

Они уже досмотрели видео до конца. Кроме съемок НКК и киножурналов, имелось еще несколько коротких сюжетов о пятерняшках. Пятерняшки на первом причастии, на встрече с молодой королевой, делающие реверанс перед премьер-министром.

Разумеется, одновременно. И этот великий человек удовлетворенно смеялся.

Доставая кастрюлю из духовки, Клара думала о том, как странно видеть маленькой девочкой ту, которую она знала только пожилой женщиной. Но еще необычнее было видеть, как она растет. Видеть так много про нее и так мало ее самой. Видеть эти фильмы один за другим, от очаровывающих до приводящих в замешательство и обескураживающих. Еще более необычным казалось то, что она не могла определить, кто из них Констанс. Они все были Констанс. И никто.

Фильмы неожиданно закончились, когда девочкам исполнилось лет семнадцать-восемнадцать.

– Давай помогу, – сказала Мирна, забирая теплый хлеб из рук Клары.

– Что ты думаешь об этих фильмах? – спросила Клара, укладывая нарезанный Мирной багет в корзиночку.

Оливье расставлял тарелки на длинном сосновом столе, Габри тем временем перемешивал салат. Рут пыталась то ли зажечь свечи, то ли устроить пожар. Арман куда-то исчез, а с ним Тереза и ее муж Жером.

Мирна перестала нарезать хлеб и уставилась перед собой:

– Я все время вижу первую сестру, Виржини, кажется. Как она смотрит в камеру.

– Когда мать не пускает их в дом? – уточнила Клара.

Мирна кивнула и подумала: как странно, что в разговоре с Гамашем она привела аналогию с домом, сказав, что Констанс стала пленницей, запертой в эмоциональном доме.

Но что хуже, спросила себя Мирна: когда тебя запирают внутри или когда тебя не впускают?

– Они были такие маленькие, – сказала Клара и взяла нож из зависшей руки Мирны. – Может, Констанс и не помнила.

– Нет-нет, она помнила, – возразила Мирна. – Они все помнили. Если не конкретные события, то общую обстановку.

– И ни с кем не могли поделиться, – сказала Клара. – Даже с родителями. В особенности с родителями. Интересно, как это влияет на человека.

– Я знаю как, – раздался знакомый голос.

Они обе повернулись к Рут, которая чиркнула очередной спичкой. Скосив глаза, она смотрела, как горит деревянная палочка. Пламя уже готовилось лизнуть ее желтые ногти, но тут Рут дунула и загасила спичку.

– И как же? – спросила Клара.

В комнате воцарилась тишина, все глаза устремились на старую поэтессу.

– Маленькая девочка превращается в старого морехода[43].

Раздался общий вздох. Они-то и в самом деле подумали, что Рут знает ответ. Глупо. Уж кому, как не им, знать, что не стоит искать мудрости у старой пьяной пироманки.

– Альбатрос? – спросил Гамаш.

Он стоял в дверях между гостиной и кухней. «Давно ли он нас слушает?» – подумала Мирна.

Рут чиркнула еще одной спичкой, и Гамаш взглянул в ее горящие глаза, видя за этим пламенем обугленное сердце.

– Это что должно означать? – нарушил тишину Жиль. – Старый моряк и тунец?

– Тунец зовется не альбатрос, а альбакор[44], – поправил его Оливье.

– Бога ради, – рявкнула Рут и махнула рукой так, что пламя погасло. – Когда-нибудь я умру, и что тогда у вас будет с разговорами о культуре, тупоголовые?

– Touché[45], – сказала Мирна.

Рут напоследок посмотрела на Гамаша строгим взглядом и повернулась к остальным:

– «Сказание о старом мореходе»? – Увидев лишь недоуменные взгляды, она добавила: – Знаменитая поэма. Кольриджа?

Жиль наклонился к Оливье и прошептал:

– Надеюсь, она не будет декламировать поэму. Мне хватает стихов и дома.

– Верно, – сказала Рут. – Люди всегда путают творения Одиль и Кольриджа.

– По крайней мере, они оба пишут в рифму, – заметил Габри.

– Не всегда, – доверительно сообщил Жиль. – В последнем стихе у Одиль «турнепс» рифмуется с «сараем».

Рут вздохнула так тяжело, что ее последняя спичка погасла.

– Ну хорошо, я заглатываю наживку, – сказал Оливье. – С какой стороны то, что мы увидели, напоминает тебе «Сказание о старом мореходе»?

Рут огляделась:

– Неужели здесь только я и Клузо[46] получили классическое образование?

– Постойте, – сказал Габри. – Я вспомнил. Это, случайно, не старый мореход и Эллен Дедженерес[47] спасли Немо из аквариума в Австралии?

– Нет, его спасла Русалочка, – возразила Клара.

– Неужели? – повернулся к ней Габри. – Мне что-то помнится…

– Прекратите! – Рут махнула рукой, призывая их к молчанию. – Старый мореход нес свою тайну, как мертвого альбатроса на шее. Он знал, что единственный способ избавиться от альбатроса – открыть тайну другим. Снять груз с души. И вот он остановил незнакомого человека, свадебного гостя, и все ему рассказал.

– А что у него была за тайна? – спросил Жиль.

– Мореход убил в море альбатроса, – ответил Гамаш, входя в кухню и ставя на стол корзиночку с хлебом. – И за этот жестокий поступок Господь забрал жизнь у всех членов команды.

– Силы небесные! – поразился Жиль. – Я не ахти какой любитель охоты, но наказание кажется мне чересчур суровым.

– Один лишь мореход остался в живых, – сказал Гамаш. – Чтобы он жил и мучился. Когда его наконец спасли, он понял, что сможет освободиться от душевных мук, только если расскажет о случившемся.

– О том, что птичка померла? – спросил Жиль, все еще пытаясь вникнуть в суть.

– О том, что убито невинное существо, – ответил Гамаш. – И что он сам его и убил.

– Вам не кажется, что Господь тоже должен был ответить за убийство всей команды? – высказался Жиль.

– Ой, да замолчи ты, – рявкнула Рут. – Старый мореход накликал проклятие на себя и на других. Он был виноват, и перед ним стоял выбор: либо признать это, либо нести бремя вины всю жизнь. Понял?

– И все равно до меня не доходит, – пробормотал Жиль.

– Если вам трудно понять, попробуйте почитать «Королеву фей»[48], – сказала Мирна.

– «Королева гей»? – с надеждой в голосе проговорил Габри. –

Наверное, неплохое чтение перед сном.

Они расселись за обеденным столом, причем гости жульничали, лишь бы сесть подальше от Рут или от утки.

Гамаш проиграл.

А может, он и не участвовал в игре.

А может, он выиграл.

– Вы думаете, на шее у Констанс висел альбатрос? – спросил он Рут, накладывая на ее тарелку порцию курицы.

– Тебе не кажется, что это очень иронично? – спросила Рут, не поблагодарив его. – Говорить об убийстве невинной птички и одновременно трескать курицу?

Габри и Клара положили вилки. Остальные сделали вид, что не слышат слов Рут. Ведь курица была очень вкусная.

– Так какого же альбатроса носила Констанс? – спросил Оливье.

– Что ты у меня спрашиваешь, олух царя небесного? Откуда я знаю?

– Но ты думаешь, она знала какую-то тайну? – не отставала Мирна. – Что-то такое, из-за чего она чувствовала себя виноватой?

– Слушай. – Рут положила вилку и нож и уставилась на Мирну. – Будь я гадалкой, что бы я говорила людям? Я бы заглядывала им в глаза и говорила… – Она повернулась к Гамашу и своими тощими руками сделала несколько пассов перед его изумленным лицом. Потом, понизив голос, заговорила с восточноевропейским акцентом: – Ты несешь тяжелый груз. Тайну. Ты не можешь поделиться этим ни с одной живой душой. Сердце твое разрывается, но пусть все идет как идет.

Рут опустила руки, однако продолжала смотреть на Гамаша. Он ничем не выдал своих чувств, но замер, словно окаменел.

– У кого нет тайн? – тихо сказала ему Рут.

– Вы, конечно, правы, – ответил Гамаш, подбирая на вилку кусочек восхитительного куриного мяса. – У нас у всех есть тайны. И большинство из них мы уносим в могилу.

– Но некоторые тайны тяжелее других, – сказала старая поэтесса. – Они удерживают нас, замедляют нас. И мы не уносим их в могилу, потому что могила сама приходит к нам.

– Думаешь, именно это случилось с Констанс? – спросила Мирна.

Рут еще несколько мгновений смотрела в задумчивые карие глаза Гамаша, потом перевела взгляд:

– А ты так не думаешь, Мирна?

То, что Рут обратилась к ней по имени, пугало больше, чем сама мысль. Столь серьезной была эта неожиданно и подозрительно трезвая

поэтесса, что она забыла забыть имя Мирны.

– Так в чем, по-твоему, была ее тайна? – спросил Оливье.

– Я думаю, она была трансвеститкой, – произнесла Рут значительным тоном.

Оливье удивленно поднял брови, однако тут же нахмурился. Сидящий рядом с ним Габри расхохотался.

– Значит, все-таки «Королева гей», – сказал он.

– Откуда, черт побери, мне знать ее тайну? – пожала плечами Рут.

Гамаш посмотрел на Мирну. Он подозревал, что Мирна была тем самым «свадебным гостем», на плечи которого Констанс Уэлле собиралась переложить свой груз. Но ей не представилось такой возможности.

И Гамаш все больше и больше проникался мыслью: Констанс Уэлле, последнюю из пятерняшек, не случайно убили накануне ее возвращения в Три Сосны.

Кто-то хотел помешать ее возвращению в деревню.

Кто-то хотел помешать ей раскрыть душу.

Но тут его осенила еще одна мысль. Возможно, Мирна была не единственным «свадебным гостем». Возможно, Констанс раскрыла душу перед кем-то еще.

Остальная часть вечера прошла в разговорах о планах на Рождество, о меню, о предстоящем концерте.

Пока все, кроме Рут, убирали со стола, Габри принес из холодильника кулинарное творение Оливье – бисквит, прослоенный виноградом, сладким кремом, свежевзбитыми сливками и вареньем с добавкой бренди.

– Любовь, которая не осмеливается назвать себя[49], – сказал Габри, баюкая лакомство на ладонях.

– Сколько там калорий? – поинтересовалась Клара.

– Не спрашивай, – ответил Оливье.

– Не говори, – попросила Мирна.

После обеда, когда со стола было убрано и посуда вымыта, гости поднялись, облачились в теплые куртки и принялись разбирать обувь в прихожей.

Кто-то схватил Гамаша под локоть и потащил в дальний уголок кухни. Оказалось, это Жиль.

– Кажется, я знаю, как подключить вас к Интернету, – сказал бывший лесоруб, сверкая глазами.

– Правда? – спросил Гамаш, боясь поверить услышанному. – И как?

– Тут уже есть вышка. И вы про нее знаете.

Гамаш озадаченно посмотрел на него:

– Что-то я не помню. Мы сможем ее увидеть?

– Нет. В этом-то вся и прелесть, – возбужденно сказал Жиль. – Она практически невидима. Вы не сможете ее увидеть, даже если окажетесь под ней.

Гамаша это не убедило. Он, конечно, не так хорошо знал окружающий лес, как Жиль, но все же неплохо. И ему ничего не приходило в голову.

– Объясните же, о чем вы толкуете, – велел старший инспектор.

– Когда Рут заговорила об убийстве той птички, я подумал об охоте. И сразу же вспомнил о скрадке.

От удивления старший инспектор открыл рот. «Merde», – подумал он. Охотничий скрадок. Деревянная сторожка высоко на дереве в лесу. Построенная охотниками площадка из досок, где удобно сидеть и ждать, когда на тропе появится олень. А потом убить его. Современный эквивалент старого морехода и его наблюдательного поста на мачте.

Для человека, который видел слишком много смертей, скрадок был недостойным местом.

Но сегодня он мог искупить прошлые грехи.

– Скрадок, – прошептал Гамаш. Он забирался туда в первый свой приезд в Три Сосны, когда расследовал убийство мисс Джейн Нил, но с тех пор ни разу не вспомнил о нем. – Он все еще на месте?

– Думаю, да. Он не такой высокий, как передающая башня, однако он находится на вершине холма и очень устойчив. Мы наверняка сможем прикрепить к нему тарелку.

Гамаш помахал Терезе и Жерому:

– Жиль придумал, как нам установить тарелку.

– Как? – хором спросили Брюнели, и Гамаш им рассказал.

– И она будет работать? – спросил Жером.

– Вот попробуем и узнаем, – ответил Жиль, но его улыбка говорила, что он не сомневается, а может даже, абсолютно уверен. – Когда она вам нужна?

– Тарелку и другое оборудование привезут сегодня вечером, – ответил Гамаш, к удивлению Терезы и Жерома.

Жиль пошел вместе с ними к двери. Остальные уже уходили, и эти четверо стали надевать куртки, ботинки, шапки и рукавицы. Они поблагодарили Клару и ушли.

Жиль остановился у своей машины.

– Так я приеду утром, – сказал он. – À demain[50].

Они обменялись рукопожатиями, и Жиль уехал. Гамаш попросил Брюнелей:

– Вы не могли бы выгулять Анри? Мне нужно перекинуться несколькими словами с Рут.

Тереза взяла поводок:

– Не буду спрашивать, какими словами.

– Хорошо.

Сильвен Франкёр на мгновение оторвал взгляд от документа, который загрузил его заместитель, затем вернулся к компьютеру. Они находились в кабинете старшего суперинтенданта в его доме.

Пока босс читал отчет, Тесье пытался читать своего босса. Но за все годы, что он с ним работал, ему ни разу это не удалось.

Классически красивый в свои шестьдесят с небольшим, старший суперинтендант мог с улыбкой оторвать вам голову. Он мог цитировать Чосера и Тинтина[51] хоть на литературном французском, хоть на уличном жаргоне. На ланч он мог заказать poutine[52], а на обед – фуа-гра. Он был каким угодно. Для любого человека. Он был все и одновременно ничто.

Но у Франкёра тоже имелся начальник. Человек, которому он подчинялся. Однажды Тесье видел старшего суперинтенданта с его начальником. Франкёр, конечно, не представил того человека как своего босса, но поведение старшего суперинтенданта говорило само за себя. Тесье не сказал бы, что Франкёр подхалимничал, однако в поведении старшего суперинтенданта наблюдалось какое-то беспокойство. Он волновался, потому что хотел угодить этому человеку. Точно так же, как Тесье хотел угодить Франкёру.

В первые минуты это забавляло Тесье, но, когда он понял, что видит человека, перед которым трепещет самый опасный из известных ему людей, он перестал улыбаться.

Наконец Франкёр откинулся на спинку кресла, чуть покачался в нем.

– Мне нужно возвращаться к гостям. Я вижу, все прошло хорошо.

– Отлично. – Тесье сохранял спокойное выражение лица, говорил нейтральным голосом. Он научился быть зеркалом своего босса. – Мы были полностью готовы, подъехали туда в бронированной машине. К тому времени как мы добрались, Бовуар едва стоял на ногах. Я постарался, чтобы кое-что из улик оказалось у него в кармане с моими наилучшими пожеланиями.

– Подробности меня не интересуют, – сказал Франкёр.

– Извините, сэр.

Тесье знал: дело тут не в щепетильности Франкёра. Просто его это не

волновало. Важно, что его приказ исполнили, а как – дело десятое. Детали он оставлял на выбор подчиненных.

– Я хочу отправить его еще в один рейд.

– Еще в один?

– Вас что-то смущает, инспектор?

– На мой взгляд, сэр, на него не стоит тратить время. Бовуар – конченый человек. Он уже шагнул за край и теперь висит в воздухе. Он еще не упал, но ждать недолго. Назад пути для него нет, да и возвращаться ему не к чему. Он потерял все и знает это. В очередном рейде нет нужды.

– Вот как? Это то, что ты думаешь насчет Бовуара?

Его должно было насторожить спокойствие в голосе Франкёра. И уж конечно, едва заметная улыбка. Но инспектор Тесье не смотрел в лицо Франкёру.

– Насколько я понимаю, это же относится и к старшему инспектору Гамашу.

– Ты так понимаешь?

– Но вы видели здесь…

Тесье наклонился и показал на монитор компьютера. Он не обратил внимания, что старший суперинтендант не сводит с него глаз. Даже не моргает.

– Отчет психотерапевта, доктора Флёри. Гамаш настолько выбит из колеи, что сегодня приходил к нему. В субботу.

Слишком поздно он заглянул в эти ледяные глаза.

– Мы сняли информацию с компьютера доктора Флёри сегодня днем.

Он ждал какого-нибудь знака одобрения. Небольшой оттепели. Признаков жизни. Но встретил только мертвый взгляд.

– Он говорит, что Гамаш теряет контроль над собой. Почти бредит. Вы не видите?

Но, еще не успев закончить фразу, Тесье понял, что лучше бы ему застрелиться. И он застрелился бы. Франкёр видел все на десять шагов вперед по сравнению с остальными. Именно поэтому их отделяли от успеха считаные шаги.

Случилось, правда, несколько неожиданных проколов. Один из них – операция на фабрике. Раскрытый заговор с плотиной. Опять Гамаш.

Но тем приятнее был отчет доктора. Старший суперинтендант должен быть доволен. Тогда почему же он так смотрит на него? У Тесье кровь застыла в жилах, загустела, отчего сердце стало биться натужнее.

– Если Гамаш попытается обратиться к публике, можно сделать утечку этого отчета. Доверие к нему растает на глазах. Никто не поверит человеку,

который… – Тесье заглянул в отчет, отчаянно отыскивая какое-нибудь идеальное предложение в поддержку его мысли. Нашел его и прочитал: – «Страдает манией преследования, повсюду видит заговоры и козни».

Тесье прокрутил текст, быстро его читая. Он пытался создать мостик доверия между собой и Франкёром.

– «Старший инспектор Гамаш не просто сломленный человек, – читал он, – но и психически нездоровый. По возвращении с рождественских каникул я буду рекомендовать его отставку».

Тесье поднял голову и снова увидел те же ледяные глаза. Ничто не изменилось. Сказанные им слова если и дошли до адресата, то лишь наткнулись на лед. Еще более холодный. Более глубинный. Бесконечный.

– Он изолирован, – сказал Тесье. – Из его следователей осталась одна инспектор Лакост. Остальные либо перевелись по собственному желанию, либо их перевели вы. Его последний союзник из высшего состава, суперинтендант Брюнель, оставила его. Она тоже считает, что Гамаш спятил. У нас есть запись прослушки из ее кабинета. И Гамаш здесь ссылается на это. – Тесье снова прокрутил отчет психотерапевта. – Видите? Он признает, что они улетели в Ванкувер.

– Может, и улетели, но они подобрались слишком близко, – заговорил наконец Франкёр. – Муж Терезы Брюнель оказался не просто хакером-любителем. Он почти вычислил нас.

Его голос звучал обыденно, в противовес ледяному взгляду.

– Однако он не успел, – поспешил успокоить босса Тесье. – Испугался так, что в штаны наложил. Брюнель выключил компьютер и с тех пор его не включал.

– Он увидел слишком много.

– Он понятия не имеет, что увидел, сэр. Он не способен понять, что к чему.

– Зато Гамаш поймет.

Настала очередь Тесье улыбаться:

– Но доктор Брюнель ничего ему не сказал. А теперь они с суперинтендантом в Ванкувере, убрались подальше от Гамаша. Бросили его. Он остался один. Сам признался в этом психотерапевту.

– Где он?

– Расследует убийство пятерняшки. Большую часть времени проводит в маленькой деревне в Восточных кантонах, а когда он не там, его отвлекает от дел Бовуар. Слишком поздно. Ему уже не остановить то, что запущено. И потом, он даже не знает, что происходит.

Старший суперинтендант Франкёр встал. Медленно. Нарочито

медленно. И обошел вокруг стола. Тесье вскочил со стула, отступил, еще отступил, пока не уперся спиной в книжный шкаф.

Франкёр остановился в нескольких дюймах от Тесье, не сводя глаз со своего заместителя:

– Ты понимаешь, насколько высоки ставки?

Тесье кивнул.

– Ты понимаешь, что произойдет, если мы добьемся успеха?

И снова Тесье кивнул.

– А если не добьемся?

Тесье даже не приходило в голову, что их может ждать неудача, но теперь он задумался и понял, чем это им грозит.

– Вы хотите, чтобы я позаботился о Гамаше, сэр?

– Пока нет. Это может вызвать слишком много вопросов. Ты должен сделать так, чтобы доктор Брюнель и Гамаш на тысячу миль не подходили друг к другу. Понял?

– Да, сэр.

– Если увидишь, что Гамаш выходит на след, отвлеки его. Это сделать нетрудно.

По пути к машине Тесье понял, что Франкёр прав. Это действительно нетрудно сделать. Стоит чуть-чуть подтолкнуть Жана Ги Бовуара – и он упадет. Прямо на старшего инспектора Гамаша.

Глава двадцать третья

Жером и Тереза выгуливали Анри вокруг деревенского луга. Погрузившись в разговор, они пошли на второй круг. Мороз стоял трескучий, но им был очень нужен свежий воздух.

– Итак, Арман стал расследовать то, что узнал от старейшины племени кри, – сказал Жером. – И обнаружил, что она говорит правду. Что он сделал?

– Он убедился, что его доказательства неоспоримы, и представил их совету.

Жером знал, что жена говорит о совете суперинтендантов. О высшем руководстве Квебекской полиции. Тереза тоже входила теперь в совет, но в те времена она была начинающим агентом низшего звена. И не знала о землетрясении, которое грозило разрушить все, что считалось стабильным в Квебекской полиции.

«Служба, честность, справедливость». Девиз Квебекской полиции.

– Он знал, что убедить суперинтендантов будет практически невозможно, и даже если он их убедит, они захотят защитить Арно и репутацию службы. Арман поговорил с двумя членами совета, рассчитывая на их поддержку. Один его поддержал, другой – нет. И Арман заставил себя действовать. Он попросил разрешения выступить перед советом. К тому времени Арно и некоторые другие уже подозревали, о чем пойдет речь. Поначалу они отказывались.

– Что заставило их передумать?

– Арман угрожал придать огласке свои материалы.

– Ты шутишь.

Но Жером тут же понял, что в этом был резон. Конечно, Гамаш мог обратиться к общественности. Он обнаружил вещи столь ужасные, столь немыслимые, что больше не чувствовал себя связанным честью мундира. Для него важнее был Квебек, а не группка пожилых людей за полированным столом, глядящих на собственные отражения при принятии решений.

– Как прошло заседание совета? – спросил Жером.

– Арно и его непосредственные подчиненные, те, на кого Арман имел неопровержимые доказательства, согласились уйти в отставку. Они уйдут, Квебекская полиция освободит территорию кри, и все будут жить дальше.

– Арман победил, – сказал Жером.

– Нет. Он хотел большего.

Они медленно шли в свете гирлянд на трех громадных деревьях, и снег скрипел у них под ногами.

– Большего?

– Он сказал, этого недостаточно. Более чем недостаточно. Арман потребовал, чтобы Арно и других арестовали по обвинению в убийствах. Он говорил, что погибшие молодые кри заслуживают такого решения. Что их родители, возлюбленные, их сообщество заслуживают ответов и извинения. И заверения в том, что этого больше не повторится. После ожесточенных споров совет в конце концов согласился. У них не осталось выбора. На руках у Армана имелись все доказательства. Они понимали, что это может погубить Квебекскую полицию, когда все материалы станут достоянием гласности, когда самого главу полиции будут судить за убийства.

Таким было дело Арно.

Жером следил за процессом, как и все остальные квебекцы. Так начиналось его знакомство с Гамашем. Он видел в новостях, как тот каждый день в одиночестве заходит в суд. В окружении прессы. Как вежливо отвечает на невежливые вопросы.

Дает показания против своих же братьев по оружию. Четкие. Основательные. Своим убедительным, вдумчивым голосом втолковывает факты.

– Но кое-что так и не было предано огласке, – тихо сказала Тереза. – Не попало в газеты.

– И что же это?

– Позвольте приготовить вам чай, мадам? – спросил Гамаш у Рут.

Они снова сидели в ее маленькой кухне. Рут уложила Розу спать и сняла свое пальто, но Гамашу раздеться не предложила.

Он нашел пакетик с развесным чаем «Лапсан соучун» и показал его Рут. Та прищурилась:

– Это чай? Тогда мне кое-что становится понятным…

Гамаш поставил чайник на печку.

– Где у вас заварной?

– Вон там.

Когда вода закипела, Гамаш налил немного в заварной чайник, ополоснул стенки и вылил воду. Рут, развалившись в кресле, наблюдала, как Гамаш зачерпывает ложкой черный чай и кладет в поколотый и грязный заварной чайник.

– Пришло время избавиться от твоего альбатроса, – сказала Рут.

– Это эвфемизм? – спросил Гамаш, и Рут фыркнула в ответ.

Он залил чай кипятком и закрыл чайник крышкой. Потом сел за стол.

– Где Бовуар? – спросила Рут. – Только не ври мне про другое дело, которое он расследует. Что случилось?

– Все подробности я не могу вам рассказать, – ответил Гамаш. – Это не моя жизнь.

– Тогда почему ты пришел ко мне сегодня?

– Потому что я вижу – вы обеспокоены. И вы тоже его любите.

– Он здоров?

Гамаш отрицательно покачал головой.

– Мне стать его мамочкой? – спросила Рут, и Гамаш улыбнулся, глядя, как она разливает чай по кружкам.

Они посидели некоторое время молча, прихлебывая чай. Потом он рассказал ей что мог о Жане Ги. И почувствовал, как груз упал с его плеч.

Брюнели шли в тишине, если не считать ритмичного поскрипывания снега под ногами. То, что прежде раздражало, звук, нарушавший тишину, теперь успокаивал, даже приободрял. Человеческое присутствие в истории о бесчеловечности.

– Совет Квебекской полиции проголосовал за то, чтобы не арестовывать немедленно Пьера Арно и других, – сказала Тереза, – а дать им несколько дней, чтобы привели в порядок свои дела.

Жером обдумал ее последние слова:

– Ты хочешь сказать…

Тереза молчала, вынуждая мужа самому произнести это.

– …чтобы они покончили с собой?

– Арман возражал категорически, но совет проголосовал, и даже Арман понимал, что другого выхода нет. Быстрая пуля в висок. Эти люди должны были отправиться в далекий охотничий домик. А позднее там будут найдены их тела и объяснения.

– Но… – Жером опять запнулся, пытаясь обуздать скачущие мысли. – Но ведь был же процесс. Я его видел. На нем судили Арно, верно?

– Да, процесс был.

– Так что же произошло?

– Арман нарушил приказ. Он поехал в тот охотничий домик и арестовал их. Привез в Монреаль и сам подал бумаги. Обвинения в многочисленных убийствах первой степени.

Тереза остановилась. Остановился и Жером.

– Боже мой, – прошептал Жером. – Неудивительно, что руководство его ненавидит.

– Но рядовой состав от него в восторге, – сказала Тереза. – Процесс не стал позором для службы, он доказал, что справедливость существует, невзирая на разложение. Разложение внутри Квебекской полиции потрясло публику. По крайней мере, степень разложения. Но общество было поражено и высокой степенью порядочности. Если руководство втихую сплотилось вокруг Арно, низовое звено полиции заняло сторону старшего инспектора. И конечно, общество тоже.

– «Служба, честность, справедливость», – произнес Жером.

Это был девиз, который висел над рабочим столом Терезы в их доме. Она тоже верила в него.

– Oui. Для рядового состава это не просто слова. Единственный вопрос, оставшийся без ответа: почему старший суперинтендант Арно сделал то, что сделал, – сказала Тереза.

– Арно ничего не объяснил? – спросил Жером, глядя себе под ноги. Не осмеливаясь поднять глаза на жену.

– Он отказался давать показания. На протяжении всего процесса заявлял о своей невиновности. Говорил, что он жертва заговора, что подвергается линчеванию стремящимся к власти и коррумпированным старшим инспектором.

– Так и не объяснил своего поведения?

– Сказал, что тут нечего объяснять.

– И где он теперь?

– В ЗООПе, – ответила Тереза.

– Где? – вздрогнул Жером.

Тереза посмотрела на мужа и впервые за все время их разговора засмеялась:

– ЗООП – зона для особо опасных преступников, там максимальный режим безопасности.

– Ну тогда понятно, – сказал Жером. – А Франкёр?

– Он…

Тереза Брюнель внезапно замолчала. Они услышали новый звук. Приближающийся к ним из темноты.

Хруст. Хруст. Хруст.

Ни быстрый, ни медленный. Не поспешный, но и не досужий.

Два пожилых человека замерли на месте. Жером вытянулся во весь рост. Он вглядывался в ночь и старался прогнать мысль о том, что одно лишь упоминание имени могло вызвать этого человека.

А шаги продолжали приближаться. Размеренные. Уверенные.

– Вот где я совершил ошибку, – раздался из темноты голос.

– Арман, – с нервным смешком произнесла Тереза.

– Господи боже, – выдохнул Жером. – А я уже подумал, что нам понадобится собачий совочек.

– Извините, – сказал старший инспектор.

– Как прошел ваш разговор с мадам Зардо? – спросил Жером.

– Мы немного поговорили.

– О чем? – спросила Тереза. – О деле Уэлле?

– Нет. – Трое людей и собака двинулись к дому Эмили Лонгпре. – О Жане Ги. Она хотела знать, что с ним случилось.

Тереза молчала. Арман впервые упомянул имя своего инспектора, хотя, как она подозревала, думал о нем почти постоянно.

– Многого я ей не мог рассказать, но чувствовал, что кое-что обязан.

– Почему?

– Между ней и Бовуаром возникла особая неприязнь.

Тереза улыбнулась:

– Могу себе представить.

Гамаш остановился и посмотрел на Брюнеля:

– Вы обсуждали дело Арно. Почему?

Тереза и Жером переглянулись. Наконец Жером ответил:

– Извините, я должен был сразу сказать, но я слишком…

«Боялся, признай это. Боялся».

– …боялся, – договорил он. – Во время последнего поиска я наткнулся на его имя. Оно оказалось в очень глубоко запрятанном файле.

– Об убийствах на земле племени кри? – спросил Гамаш.

– Нет. Файл более поздний.

– И вы ничего не сказали? – Голос Армана был ясный, спокойный и темный, как ночь.

– Я нашел его имя перед самым нашим приездом сюда. Я думал, что все кончено. Что мы побудем здесь какое-то время, заляжем на дно, чтобы Франкёр и другие решили, что мы не представляем для них угрозы.

– А что потом? – спросил Гамаш.

Он не сердился – любопытствовал. Даже испытывал сочувствие. Как часто он желал того же? Подать прошение об отставке и уехать. Они с Рейн-Мари найдут маленький домик в коммуне Сен-Поль-де-Ванс во Франции. Подальше от Квебека. От Франкёра.

Разве недостаточно он поработал? Разве недостаточно поработала Рейн-Мари?

Хватит, теперь настал черед других.

Но не настал. Это все еще был его черед.

А еще он втянул в это дело Брюнелей. И ни он, ни они не могли пока сбросить с плеч тот груз, который взвалили на себя.

– Это были дурацкие мечты, – устало признал Жером. – Я принимал желаемое за действительное.

– Что говорилось в тех файлах о Пьере Арно? – спросил Гамаш.

– Я не успел их прочитать.

Даже в темноте Жером почувствовал на себе пронизывающий взгляд Гамаша.

– А Франкёр? – спросил старший инспектор. – Он там упоминался?

– Одни намеки, – ответил Жером. – Будь у меня Интернет, я мог бы копнуть глубже.

Гамаш кивнул в сторону дороги. Вокруг деревенского луга медленно проехала машина и остановилась перед ними. Старый, побитый, ржавый пикап «шевроле» с дешевыми зимними покрышками. Дверь со скрипом открылась, и вышел водитель. Мужчина или женщина – определить невозможно.

Анри, который до сих пор не издал ни звука, низко зарычал.

– Надеюсь, оно того стоит, – произнес голос.

Женский. Раздражительный. Молодой.

Тереза Брюнель повернулась к Гамашу.

– Не может быть, – прошептала она.

– У меня не было выхода, Тереза.

– С таким же успехом вы могли приставить мне пистолет к виску, – сказала она. – Это было бы не так больно.

Она ухватила старшего инспектора за руку, отвела его на несколько шагов в сторону от пикапа и взволнованно прошептала ему в лицо:

– Вы же знаете, она одна из тех, кого мы подозреваем в работе на Франкёра, в распространении видео о рейде. Она имела все возможности. Она имела доступ, все необходимые средства. Да и характер у нее подходящий. – Тереза бросила взгляд на фигуру, похожую на черную дыру в веселом рождественском свете. – Она почти наверняка работает на Франкёра. Что вы наделали, Арман?

– Я должен был пойти на риск, – настойчиво сказал Гамаш. – Если она работает на Франкёра, мы проиграли, но мы так или иначе проиграли – с ней или без нее. Она могла быть одной из тех немногих, кто распространил видео, но еще она одна из тех немногих, кто может обеспечить нам Интернет.

Два старших офицера Квебекской полиции сердито смотрели друг на друга.

– Вы сами знаете, Тереза, – не отступал Гамаш, – у меня не было выбора.

– У вас был выбор, Арман, – прошипела Тереза. – Прежде всего, вы могли посоветоваться со мной. С нами.

– Вы с ней не работали. А я работал, – возразил Гамаш.

– И вы умеете заглядывать людям в душу? Да, Арман? Поэтому Жан Ги теперь там, где он есть? Поэтому мы прячемся здесь и наша единственная надежда – одна из ваших бывших агентов, а вы даже не знаете, предана она вам или нет?

Ответом на ее слова было молчание. Молчание и долгий, долгий выдох.

– Извините, – сказал наконец Гамаш и прошел мимо Терезы Брюнель к дороге.

– Я могу чем-то помочь? – неловко спросил Жером.

Он слышал обвинения Терезы. И подозревал, что молодая женщина тоже их слышала.

– Идите в дом, Жером, – велел Гамаш. – Я разберусь.

– Она не имела это в виду, вы же знаете.

– Имела, – возразил Гамаш. – И была права.

Когда Брюнели ушли в дом, он повернулся к новоприбывшей:

– Вы слышали?

– Слышала. У нее паранойя в жопе.

– Не говорите со мной таким языком, агент Николь. Вы будете уважительно относиться ко мне и Брюнелям.

– Значит, вот кто это, – сказала она, вглядываясь в ночь. – Суперинтендант Брюнель. Я и не думала. Веселенькая компания. Она меня не любит.

– Она вам не доверяет.

– А вы, сэр?

– Я ведь пригласил вас сюда, верно?

– Да, но у вас не оставалось выбора.

Стояла такая темнота, что Гамаш не мог разглядеть ее лица, но он не сомневался, что на нем появилась ухмылка. И он спросил себя, насколько крупную ошибку он, возможно, совершил.

Глава двадцать четвертая

На следующее утро все они вчетвером устанавливали оборудование, привезенное агентом Николь из Монреаля. Они перенесли его из дома Эмили наверх, в старое здание школы.

Оливье сунул Гамашу ключ, но вопросов задавать не стал. А Гамаш не стал ничего объяснять. Он открыл дверь и ощутил запах застоялого воздуха. Словно эта маленькая школа держала его долгие годы. Здесь было пыльно, пахло мелом и учебниками. И стоял жуткий холод. В центре комнаты расположилась черная пузатая печка, на стенах висели карты и графики. Математика, естественные науки, орфография. В передней части комнаты главное место занимала большая доска.

Большинство столов для учеников отсутствовало, но два стояли у стены.

Гамаш посмотрел на них и кивнул.

Появился Жиль и помог им перенести кабели, терминалы, мониторы и клавиатуры.

– Какое старье, – заметил он. – Вы уверены, что оно будет работать?

– Оно работает, – отрезала Николь, сверля взглядом седеющего Жиля. – Я вас знаю. Мы встречались, когда я была здесь в прошлый раз. Вы разговариваете с деревьями.

– Он разговаривает с деревьями? – пробормотала Тереза, проходя мимо Гамаша с коробкой запасных частей. – Два ноль в вашу пользу, старший инспектор. Кто следующий? Ганнибал Лектер?

В течение часа все оборудование было перемещено из дома Эмили Лонгпре в здание старой школы. Агент Николь оказалась более полезной, чем могли надеяться все они, особенно Гамаш. И от этого он только почувствовал себя еще более неловко. Она всего лишь раз оспорила его приказ.

– В самом деле? – хмуро сказала она, когда старший инспектор сказал ей, что нужно делать. – Такой у вас план?

– Вы можете предложить что-нибудь получше, агент Николь?

– Установить всю технику в гостиной Эмили Лонгпре. Так будет удобнее.

– Для вас – да, – объяснил Гамаш. – Но чем меньше расстояние, на которое нам придется тянуть кабели, тем лучше. Вы это знаете.

Она неохотно согласилась, понимая, что в его словах есть резон.

Других причин он ей не назвал. Если их обнаружат, если проследят источник их сигнала, если Франкёр, Тесье и другие появятся на гребне холма, он не хотел, чтобы целью их атаки стал дом посреди Трех Сосен. Школа стояла хоть и неподалеку, но все же в стороне.

Если им повезет, то дело будут решать мгновения и миллиметры.

– Вы должны знать, что из этого может ничего не получиться, – сказала Николь, залезая под старый учительский стол.

Школа перестала существовать несколько лет назад. Теперь дети из Трех Сосен не ходили на учебу пешком и не бегали домой на ланч. Теперь их каждый день возили автобусом в Сен-Реми. Прогресс шагал широкими шагами.

Когда оборудование было установлено, Жиль вышел из школы. Сквозь заляпанное окно Гамаш наблюдал, как рыжебородый лесоруб поднимается на холм со снегоступами в руках, направляясь на поиски скрадка в лесу. В последний раз Жиль и Гамаш видели это охотничье сооружение довольно давно, и Гамаш молился и надеялся, что оно еще сохранилось.

Он отвернулся от окна, привлеченный позвякиванием металла о металл. Суперинтендант Брюнель заправляла в печку старые газеты и щепки, пытаясь развести огонь. Температура внутри школы была как в морозилке.

Пока агент Николь и Жером Брюнель подключали оборудование, старший инспектор Гамаш подошел к карте Квебека, висевшей на стене. Глядя на нее, он улыбнулся. Кто-то поставил крохотную точку к югу от Монреаля. Недалеко от границы с Вермонтом. Рядом с петляющей речушкой Белла-Белла. Возле точки было написано одно слово: «Дом».

Единственная существующая карта, на которой обозначены Три Сосны.

Суперинтендант Брюнель уже положила в печку поленья. Гамаш слышал, как потрескивает сухое дерево, и чувствовал сладковатый запах дымка. Скоро – если Тереза Брюнель не оставит своего занятия – печка будет излучать тепло и они смогут снять куртки и варежки. Но пока речи об этом не шло. Зима воцарилась в старом здании и не собиралась легко отдавать свои владения.

Гамаш подошел к Терезе:

– Вам помочь?

Она затолкала в топку еще одно полено и подтолкнула его кочергой, глядя, как занимается огнем дерево.

– У вас все в порядке?

Она оторвала глаза от печки и посмотрела в другой конец комнаты.

Жером сидел за столом, устанавливал мониторы, клавиатуры, тонкие металлические коробки. Из-под стола виднелась пятая точка агента Николь, подключавшей соединения.

Тереза сверкнула глазами на Гамаша.

– Нет, у меня не все в порядке. Это безумие, Арман, – сказала она вполголоса. – Даже если она не работает на Франкёра, она переменчива. Вы же знаете. Она лжет и манипулирует людьми. Она работала на вас, и вы ее уволили.

– Я перевел ее в подвал.

– А должны были уволить.

– За что? За самоуверенность и грубость? Если считать такие качества неприемлемыми для агента полиции, тогда всех придется уволить. Да, она трудная личность, однако посмотрите на нее.

Они оба посмотрели на агента Николь. Но увидели только ее зад в воздухе, словно у терьера, отрывающего закопанную кость.

– Что ж, наверное, сейчас не лучший момент для вынесения суждений, – с улыбкой сказал Гамаш, но Тереза не нашла в этом ничего смешного. – Я отправил ее в подвал, и она там мониторит информационный обмен. Я хотел таким образом научить ее слушать.

– И у вас получилось?

– Не совсем, – признал он. – Но произошло кое-что другое.

Он снова посмотрел на агента Николь. Теперь она сидела под столом по-турецки, осторожно разделяя пучок проводов. Растрепанная, неухоженная, в одежде не по размеру. Свитер на ней был слишком уж в обтяжку. Джинсы того покроя, что она носила, ей не годились, волосы выглядели грязноватыми. Но работала она ловко и умело.

– За долгие часы прослушивания агент Николь выработала уникальные навыки, – продолжил Гамаш. – Не вербальные, а электронные. Она провела многие часы, оттачивая свое мастерство по сбору информации.

– Шпионила, – уточнила смысл его слов Тереза. – Занималась взломом. Вы прекрасно понимаете, что все ваши аргументы говорят о ее возможном сотрудничестве с Франкёром.

– Oui, – сказал Гамаш. – Увидим. Вы же знаете, отдел по расследованию киберпреступлений подозревал и ее.

– И как?

– Версию отвергли, сочтя Николь неуравновешенной. Не думаю, что Франкёр стал бы работать с человеком, которого он не может контролировать.

– Поэтому вы и вызвали ее сюда?

– Не в качестве остроумного собеседника, а вот по этой причине…

Он показал поленом на Николь, и суперинтендант Брюнель взглянула в ту сторону. И снова увидела неловкого молодого агента, расположившегося под столом. Николь безмолвно, аккуратно распутывала клубок проводов и подсоединяла их.

Тереза снова посмотрела на Гамаша неуступчивым взглядом.

– Может быть, агент Иветт Николь и знает свою работу, но у меня все равно остается вопрос, который вы ей не задали: в чем состоит ее работа? Ее настоящая работа?

У старшего инспектора Гамаша не было ответа.

– Мы оба знаем, что она, вероятно, работает на Франкёра. Он отдал ей приказ, и она исполнила его. Нашла видео, отредактировала и выложила в Сеть. Чтобы навредить вам. Вы же знаете, что не весь мир вас любит.

Гамаш кивнул:

– У меня тоже такое впечатление.

И опять Тереза не улыбнулась.

– Те самые ее качества, которые видите вы, известны и Франкёру. За одним исключением. – Суперинтендант Брюнель подалась к Гамашу, и он ощутил запах ее тонкой туалетной воды и слабый аромат мяты в ее дыхании. – Он знает, что она – социопат. Без всякой совести. Она сделает что угодно, если ей это нравится. Или причинит вред кому угодно. В особенности вам. Сильвен Франкёр видит это в ней. Культивирует. Использует. А что видите вы?

Они оба посмотрели на бледную молодую женщину с кабелем в руках и с тем же самым выражением на лице, какое было у Рут, когда та вчера вечером зажигала спички.

– Вы видите еще одну душу, которую хотите спасти. Вы приняли решение и вызвали ее сюда, не посоветовавшись с нами. Самостоятельно. Ваша гордыня, вполне вероятно, будет стоить нам…

Тереза Брюнель не закончила предложения – не было нужды. Они оба знали, какой может быть цена.

Она с такой силой захлопнула чугунную дверцу печки, что Иветт Николь подпрыгнула и ударилась головой о столешницу.

Из-под учительского стола донеслись ругательства, каких, вероятно, еще не слышала эта маленькая деревенская школа.

Но Тереза тоже их не слышала. Как и Гамаш. Суперинтендант Брюнель вышла из дома, громко хлопнув дверью прямо перед носом Гамаша, который двинулся за ней.

– Тереза, – окликнул он ее, догнав на расчищенной тропинке. – Постойте.

Она остановилась, но не повернулась к нему. Не хотела смотреть ему в лицо.

– Клянусь вам, Арман, если бы я могла вас уволить, я бы уволила. – Она повернулась к нему. Такой рассерженной он ее еще не видел. – Вы высокомерны, эгоистичны. Вы считаете, что можете заглядывать в человеческую душу, но вы так же ущербны, как и все остальные. И посмотрите, что вы наделали.

– Извините, Тереза, я должен был посоветоваться с вами и Жеромом.

– Так почему же вы не сделали этого?

Он ответил не сразу:

– Я боялся, что вы не согласитесь.

Она уставилась на него, все еще сердитая. Но его прямодушие застало ее врасплох.

– Я знаю, что агент Николь переменчива, – продолжил Гамаш. – Я знаю, что она, возможно, работает на Франкёра, и не исключено, что это она распространила видео.

– Господи, Арман, вы когда-нибудь слушаете себя? – спросила Тереза. – «Я знаю, я знаю, я знаю».

– Я пытаюсь сказать, что у меня не было выбора. Может быть, она работает на него, но если нет, то она наша единственная надежда. Ее никто не хватится. Никто никогда не спускается в тот подвал. Да, она эмоционально незрелая, грубая, непокорная, однако в ее деле – в поиске информации – ей нет равных. Они с Жеромом будут непобедимой командой.

– Если она нас не прикончит.

– Oui.

– И вы решили, будто мы с Жеромом так глупы, что, выслушав ваши объяснения, не придем к тому же заключению?

– Извините, – повторил Гамаш. – Я должен был вам сообщить.

Он огляделся вокруг, острым взглядом осмотрел дорогу, ведущую из деревни. Тереза сделала то же самое.

– Если она работает на Франкёра, – сказала Тереза, – то он уже на пути сюда. Она наверняка сообщила ему, что мы заодно, и поведала, чем мы занимаемся. И подсказала, где нас найти. А если еще не успела, то скоро сообщит.

Гамаш кивнул, продолжая смотреть на вершину холма – не появится ли там шеренга черных машин и не остановится ли, словно овечий помет

на белом снегу.

Но ничего такого не произошло. По крайней мере, пока.

– Мы должны исходить из худшего. Предположим, он уже выяснил, что мы с Жеромом не улетели в Ванкувер, – сказала Тереза. – Не отвернулись от вас. – Судя по тону, она жалела о своем решении. – И ему известно, что все мы обосновались в Трех Соснах и пытаемся собрать информацию на него. – Она снова посмотрела на Гамаша оценивающим взглядом. – Как мы можем вам доверять, Гамаш? Как мы можем быть уверены, что вы не сделаете еще чего-нибудь, не посоветовавшись с нами?

– А разве я единственный, кто утаивает сведения? – спросил он более резко, чем хотел. – Пьер Арно.

Он как будто швырнул в нее это имя.

– И что более неприемлемо? Что более опасно? – спросил он. – Агент, который то ли работает, то ли не работает на Франкёра, или серийный убийца? Убийца-психопат, который знает механизмы Квебекской полиции лучше, чем кто-либо другой? Так что, участвует Арно во всем этом?

Он посмотрел на Терезу, и ее щеки зарделись. Она коротко кивнула:

– Жером считает, что да. Он не знает, каким образом, но, если им удастся заставить эту штуку работать, он выяснит.

– И как долго он утаивал это имя от вас? От меня? Вы не считаете, что нам полезно было бы его знать?

Гамаш говорил все громче, хотя и пытался сбавить обороты.

– Oui, – согласилась Тереза. – Это было бы полезно.

Гамаш коротко кивнул:

– Давайте поставим точку. Его ошибка не извиняет мою. Я был не прав. Обещаю в будущем советоваться с вами и Жеромом во всем. – Он протянул ей руку в перчатке. – Мы не можем себе позволить ссориться.

Она посмотрела на его руку. Протянула свою. Но не улыбнулась в ответ.

– Почему вы не арестовали Франкёра вместе с Арно и остальными? – спросила она, отпуская его руку.

– У меня не хватало доказательств. Я пытался, но предъявить ничего не мог. Он был заместителем Арно. Трудно себе представить, что Франкёр не участвовал в убийствах в племени кри. Или, по меньшей мере, не знал о них. Но мне не удалось найти никаких подтверждений.

– Однако против старшего суперинтенданта Арно вы нашли доказательства? – спросила Тереза.

Она затронула больное место старшего инспектора. Как он мог найти убийственные прямые улики против старшего суперинтенданта, но не

против его заместителя?

Это волновало его тогда. Волновало и теперь. Даже сильнее, чем прежде.

Это наводило его на мысль, что он не только не выкорчевал порчу из полиции, но даже не обнаружил ее источника.

Это наводило на мысль, что у Сильвена Франкёра имелся высокий покровитель, который прикрывал его. Но не прикрыл Арно. Отдал Арно на растерзание волкам.

Возможно ли такое?

– Oui, – сказал Гамаш. – Выявить это было трудно, тогда как свидетельства против Арно лежали на поверхности.

– Он всегда утверждал, что невиновен, Арман. Вы не думаете…

– Что он и в самом деле не виновен? – закончил ее вопрос Гамаш и покачал головой. – Нет. У меня нет ни малейших сомнений.

Но, подумал Гамаш, может быть, Пьер Арно не настолько виновен, как ему, Гамашу, кажется. Или есть кто-то другой, на ком лежит еще большая вина. Кто-то, пока остающийся на свободе.

– Почему старший суперинтендант Арно стал преступником? – спросила Тереза. – Об этом не говорилось ни в суде, ни в конфиденциальных документах. В начале своей карьеры он вроде бы уважал кри, даже восхищался ими. А тридцать лет спустя оказался замешан в их убийствах. И без всяких видимых причин.

– Ну, как вам известно, сам он не убивал, – сказал Гамаш. – Он создал атмосферу, которая поощряла убийства. Даже вознаграждала их.

– Он сделал даже больше, как доказало ваше расследование, – подхватила Тереза. – Я видела документы, свидетельствующие о том, что он подстрекал к убийствам, даже отдавал приказы убивать. Доказательства были неопровержимыми. Но вот что так и осталось невыясненным: почему высший и явно первоклассный офицер полиции пошел на это.

– Вы правы, – согласился Гамаш. – Судя по собранным уликам, убитые молодые люди даже не были преступниками. Напротив, никакого криминального прошлого за ними не числилось.

Зачем убивать невинных людей в месте, наводненном преступниками?

– Мне нужно посетить Арно, – сказал он.

– В ЗООПе? Ни в коем случае. Они поймут, что наши поиски вывели нас на его имя. – Она внимательно посмотрела на него. – Это приказ, старший инспектор. Вы никуда не поедете. Ясно?

– Ясно. Я никуда не поеду.

Но она продолжала вглядываться в знакомое лицо, усталое и

немолодое. В его глазах видна была работа мысли. Пока ее муж и эта вызывающая беспокойство девица-полицейский налаживали выход в Интернет, Арман тоже не терял времени даром. Его мозг трудился. Просеивал старые файлы, имена, события. Пытался найти связь, которую когда-то давно пропустил.

На вершине холма появился человек и помахал им.

Жиль. У него был очень довольный вид.

– Вот она.

Жиль положил руку на грубую кору дерева. Они находились в лесу над деревней. Жиль принес снегоступы для всех, и теперь Тереза, Жером, Николь и Гамаш стояли рядом с ним, утонув в снегу всего на несколько дюймов.

– Разве она не великолепна?

Все запрокинули голову, и шапочка Жерома свалилась в снег.

– Это дерево – она? – переспросила Николь.

Жиль предпочел проигнорировать сарказм в ее голосе.

– Она, – подтвердил он.

– И думать не хочется, как он пришел к такому заключению, – сказала Николь, даже не понижая голоса.

Гамаш сурово посмотрел на нее.

– У нее высота не меньше трехсот футов. Белая сосна. Старая, – продолжал Жиль. – Не один век прожила на свете. В штате Нью-Йорк есть одна, которой, как говорят, почти пятьсот лет. Три сосны, что на деревенском лугу, видели первых лоялистов, бежавших сюда во время Американской революции. А эта… – он повернулся к дереву, прикоснулся носом и бородой к крапчатой коре, и его голос звучал тихо и мягко, – была, наверное, семечком, когда сюда прибыли первые европейцы.

Лесоруб повернулся к ним – на его носу и бороде остались кусочки коры.

– Вы знаете, как аборигены называли белую сосну?

– Этель? – предположила Николь.

– Дерево мира.

– Так что мы здесь делаем? – спросила Николь.

Жиль показал наверх, и они снова подняли голову. На сей раз шапочка упала с головы Гамаша. Он поднял ее и отряхнул о ногу, сбивая мягкий снег.

Там, в двадцати футах от земли, на дереве мира находился охотничий скрадок. Предназначенный для убийства. Скрадок был хилый и сгнивший,

словно само дерево наказывало его.

Но он оставался на своем месте.

– Чем вам помочь? – спросил Гамаш.

– Помогите мне поднять туда тарелку, – ответил Жиль.

Гамаш побледнел.

– Я думаю, у нас есть решение этой проблемы, – заговорил Жером. – И вы, насколько я понимаю, не собираетесь выполнять монтажные работы.

Гамаш отрицательно покачал головой.

– Тогда я предлагаю вам с Терезой отойти в сторону и не мешать, – сказал Жером.

– Изгнанные в бистро, – сказал Гамаш, и на этот раз Тереза Брюнель улыбнулась.

Глава двадцать пятая

Перед Терезой Брюнель и старшим инспектором появились кружки с горячим сидром.

Клара, сидевшая с подругой у огня, помахала им, но, поблагодарив ее за вчерашний обед, полицейские уселись в относительном уединении перед эркерным окном. На стеклах нарос иней, но деревню все еще было хорошо видно, и они в неловком молчании минуту-другую смотрели, что происходит за окном. Тереза помешала сидр коричной палочкой, пригубила.

Вкус сидра отдавал Рождеством, катанием на коньках и долгими зимними вечерами в деревне. Они с Жеромом никогда не пили сидр в Монреале, и теперь она задумалась почему.

– Все будет хорошо, Арман? – спросила она наконец.

В ее голосе не слышалось ни слабости, ни страха. Он звучал сильно и четко. И с любопытством.

Гамаш тоже помешал сидр. Поднял голову, посмотрел на нее темно-карими глазами, и она в очередной раз удивилась их необыкновенному спокойствию. И чему-то еще. Тому, что она заметила в том заполненном студенческом амфитеатре много лет назад.

Даже с расстояния она видела доброту в его глазах. Свойство, которое кое-кто ошибочно принимал за слабость.

Но в его глазах была не только доброта. У Армана Гамаша сложилась репутация снайпера. Он смотрел и ждал, терпеливо прицеливался. Он почти никогда не стрелял, ни метафорически, ни в буквальном смысле. Но если стрелял, то почти всегда попадал в цель.

Однако десять лет назад он промахнулся. Попал в Арно, а не во Франкёра.

И теперь Франкёр собрал армию и планировал какую-то страшную бойню. Вопрос состоял в том, осталась ли у старшего инспектора пуля и попадет ли он в цель на этот раз.

– Oui, Тереза, – ответил Гамаш. Он улыбнулся, и вокруг его глаз собрались морщинки. – Все будет хорошо, и все, что ни будет, будет хорошо.

– Юлиана Норвичская, – сказала она, узнав слова.

Сквозь схваченное морозцем окно она видела, как Николь и Жиль несут оборудование вверх по склону и в лес. Суперинтендант Брюнель

снова посмотрела на собеседника, отметила кобуру с пистолетом на его поясе. Арман Гамаш делал то, что считал необходимым. Но не прежде, чем необходимость наступала.

– Все будет хорошо, – повторила она и вернулась к чтению.

Гамаш передал ей документы о пятерняшках Уэлле, найденные им в национальном архиве. При этом он сказал Терезе, что ему что-то не дает покоя после просмотра фильмов предыдущим вечером.

– Интересно, что именно? – спросила Тереза. Она просмотрела компакт-диск сегодня утром на старом ноутбуке, привезенном Николь. – Эти несчастные девочки. Знаете, я ведь когда-то им завидовала. Каждая маленькая девочка хотела быть или принцессой Елизаветой, или одной из пятерняшек.

И они устроились поудобнее. Суперинтендант Брюнель – с документами о девочках, а старший инспектор Гамаш – с книгой доктора Бернара. Час спустя Тереза отложила досье.

– Ну? – спросил Гамаш, сняв очки.

– Здесь так и стараются выставить родителей в невыгодном свете, – сказала она.

– И здесь тоже, – кивнул Гамаш, положив большую руку на книгу. – Вас ничто не удивило?

– Откровенно говоря, удивило. Дом.

– Продолжайте.

По ее лицу он понял: ее беспокоит то же, что и его.

– Судя по документам, Исидор Уэлле вскоре после рождения пятерняшек продал семейную ферму правительству. Получил на сделке громадную прибыль.

– Фактически он получил плату за девочек, – сказал старший инспектор.

– Квебекское правительство взяло их под свое попечительство, и Уэлле могли жить беззаботной жизнью, не кормя те рты, которые все равно не могли прокормить. – Тереза с неудовольствием положила на стол картонную папку. – Они хотят создать у нас впечатление, будто Уэлле были такие бедные и невежественные, что не могли позаботиться о дочках и в любом случае не имели другого выхода, кроме как отдать дочерей на попечение властей.

Гамаш кивнул. В документах не говорилось, что в то время вовсю бушевала Великая депрессия, все семьи боролись за выживание. Экономический кризис, причиной которого никак не могли быть Уэлле. Но, судя по документам, они сами были виноваты в своем бедственном

положении. А доброхотное правительство спасло не только родителей, но и их дочерей.

– Они оказывали Уэлле услугу, – сказал Гамаш. – Снимали груз обязанностей с их плеч. Мадам Уэлле родила не только пятерняшек, но и выход для них из депрессии. В книге доктора Бернара говорится о том же. Язык, конечно, приглажен. Никто не хотел выглядеть критиком родителей, но образ невежественного квебекского фермера в те времена продать было несложно.

– Однако правительство не заплатило ни гроша, – сказала Тереза. – Если судить по фильму. Это bénédiction paternelle[53] имело место, когда девочкам было почти по десять, а Уэлле все еще жили в своем старом доме. Они его не продали.

Гамаш постучал по картонной папке очками:

– Это ложь. Официальные документы сфабрикованы.

– Зачем?

– Чтобы придать пятерняшкам непрезентабельный вид, если они решат обратиться к общественности.

Неожиданно письма Исидора Уэлле предстали перед ним в ином свете. То, что выдавалось за попрошайничество, выманивание денег, попытку надавить на жалость, на самом деле оказалось констатацией факта.

Правительство похитило у супругов Уэлле их детей. А Уэлле хотели их вернуть. Да, они были бедны, о чем и писал Исидор, но все же могли дать девочкам то, что им необходимо.

Гамаш вспомнил старую ферму, вспомнил, как Исидор прикручивает коньки к обуви девочек, вспомнил измученную Мари-Ариетт, которая надевает девочкам шапочки.

Не просто какие-то шапочки. Каждой – свою. И все разные.

А потом в раздражении зашвыривает лишнюю куда-то за границы кадра.

Это привлекло внимание Гамаша. Жест озлобления затмил собою нежность предыдущих мгновений, когда она обращалась с девочками, как с любимыми чадами. Сама связала для них шапочки. Чтобы защитить от сурового мира.

– Извините меня.

Он встал и слегка поклонился Терезе, потом надел куртку и вышел в зимний день.

Тереза Брюнель следила из своего кресла, как он огибает деревенский луг, направляясь к гостинице Габри. А потом исчезает за дверью.

– Да, шеф, – сказала инспектор Лакост. – У меня.

Гамаш слышал, как она постукивает по клавишам. Он позвонил ей на сотовый и застал дома в этот воскресный день.

– Сейчас, мне нужна одна минутка.

Голос ее звучал приглушенно, и он представил, как она плечом прижимает трубку к уху, одновременно работая на ноутбуке. Пытается найти нужный файл.

– Не спеши, – сказал он и сел на кровать.

Он находился в гостиничном номере, который считал своим. И номер так и оставался за ним. Он его оплачивал и даже оставил тут несколько личных вещей.

На тот случай, если кто-то станет интересоваться.

А если ему требовалось позвонить в Монреаль или Париж, он приходил сюда. Если он не ошибался, их разговор прослушают. А он не хотел, чтобы прослушка замыкалась на дом Лонгпре.

– Нашла, – сказала Лакост. Она начала читать, и голос ее снова обрел четкость. – В доме Маргерит… так, секундочку… две пары перчаток. Несколько теплых варежек. Четыре зимних шарфа. И да, вот оно. Две шапочки. Одна теплая, покупная, другая домашней вязки.

Гамаш напрягся:

– Домашней вязки. Ты можешь ее описать?

Он затаил дыхание. Лакост ведь не смотрела на реальную шапочку, которая все еще оставалась в маленьком домике. Она читала записи, сделанные ее же рукой.

– Красная, – прочла она. – С изображением сосен. Внутри пришита метка с двумя буквами: ММ.

– Мари-Маргерит. Что-нибудь еще?

– О шапочке? Извините, шеф, больше ничего нет.

– А в других спальнях? У Констанс и Жозефин тоже были вязаные шапочки?

Еще одна пауза, удары по клавиатуре.

– Да, у Жозефин зеленая со снежинками. Внутри метка с буквами МЖ. На той, что в комнате Констанс, изображен олень…

– И метка с буквами МК.

– Как вы догадались?

Гамаш хохотнул. Лакост принялась описывать две другие шапочки, найденные в коридорной кладовке, на них были пришиты метки с буквами МВ и МЭ.

Найдены все.

– А почему это важно, шеф?

– Может, и не важно. Но шапочки вязала их мать. Похоже, кроме шапочек, у них от детства ничего не осталось. Единственные сувениры.

«Память о матери, – подумал Гамаш. – О том, что она заботилась о них. О том, что они не только пятерняшки, но и отдельные личности».

– Тут есть еще кое-что, patron.

– Что?

Он настолько сосредоточился на своем открытии, что не сразу уловил мрачную интонацию ее голоса. Предупреждающий звоночек перед ударом. Он стал вставать, чтобы подготовиться к худшему.

Но опоздал.

– Инспектора Бовуара отправили в очередной рейд. Вы меня застали, потому что я мониторю эту информацию. Плохо дело.

Старший инспектор Гамаш почувствовал, как щеки его покраснели, а потом кровь отхлынула от них. Воздух вокруг него как будто исчез, он словно оказался во флоатинг-камере[54]. Все чувства мгновенно отказали ему, и он повис в невесомости. А потом стал падать.

Еще мгновение – и дыхание вернулось к нему, а затем и ощущения. Он стал острее воспринимать мир. Все стало резким, громким, ярким.

– Подробности, – потребовал Гамаш.

Он взял себя в руки, собрался. Вот только правая рука по-прежнему плохо его слушалась. И тогда он крепко сжал ее в кулак.

– Информация последней минуты. Возглавляет группу сам Мартен Тесье. Участвуют всего четыре агента, судя по моим данным.

– Объект рейда?

Голос его звучал резко, властно. Оценивающе.

– Подпольная лаборатория на Южном побережье. Вероятно, в Бушервиле, судя по их маршруту.

Наступила пауза.

– Инспектор? – позвал Гамаш.

– Извините, шеф, похоже, это Броссар. Но они проехали по мосту Жака Картье.

– Мост не имеет значения, – раздраженно сказал он. – Рейд уже начался?

– Да. Им оказывают сопротивление. Идет стрельба.

Гамаш прижал телефон к уху, словно пытаясь приблизиться к месту схватки.

– Только что вызвали «скорую». Медики уже в пути. Один из

полицейских ранен.

Лакост, привычная к составлению отчетов, старалась передать одну сухую информацию. И ей почти удалось.

– Полицейский ранен, – повторила она.

Те самые слова, которые она кричала снова и снова, когда упали Бовуар, а потом и шеф. На той фабрике.

«Полицейский ранен».

– Господи боже, – услышала она голос в телефоне.

Это было очень похоже на мольбу.

Краем глаза Гамаш заметил движение и повернулся. В открытой двери стояла агент Николь. Вечная ухмылка исчезла с ее губ, когда она увидела лицо старшего инспектора.

Гамаш смотрел на нее несколько мгновений, потом протянул руку и хлопнул дверью с такой силой, что на стенах затряслись фотографии.

– Шеф? – раздался в трубке голос Лакост. – Что там у вас? Что это было?

Звук напоминал пистолетный выстрел.

– Дверь хлопнула, – ответил он и повернулся к двери спиной. Сквозь щель в не до конца задернутых занавесках проникал неяркий свет, с улицы доносились резкие хлопки и смех. Он и к окну повернулся спиной, уставился в стену. – Что происходит?

– Там, похоже, творится неразбериха, – ответила Лакост. – Я пытаюсь разобраться в том, что у них проходит по связи.

Гамаш придержал язык и стал ждать, чувствуя, как растет в нем ярость. Чувствуя почти непреодолимое желание шарахнуть кулаком по стене, тем более что пальцы уже сложились в кулак и ждали, когда ими воспользуются. Молотить, молотить, молотить, пока стена не начнет кровоточить.

Но он лишь крепче взял себя в руки.

Идиоты. Отправиться в рейд без подготовки.

Шеф знал, в чем состояла цель, назначение этого рейда. Простая и садистская. Вывести из строя Бовуара и выбить из колеи Гамаша. Довести до белого каления. А то и что похуже.

«Полицейский ранен».

Он сам кричал эти слова, держа Жана Ги. Прижимал бинт к его ране, чтобы остановить кровь. Он видел боль и ужас в глазах своего инспектора. Видел кровь на рубашке Бовуара. Видел свои руки в крови.

И он переживал все заново здесь, в мирной, тихой комнате. Ощущал теплую, липкую кровь на своих руках.

– Извините, шеф, связь оборвалась.

Гамаш несколько мгновений смотрел в стену. Связь оборвалась. Что это может означать?

Он старался не делать худших выводов, которые сводились к тому, что все ранены или убиты, а потому на связь выходить некому.

Нет, он заставил себя выкинуть это из головы. Держаться только фактов. Он знал, каким катастрофичным может быть разыгравшееся воображение, подстегиваемое страхом.

Гамаш отринул тревожные мысли. Время еще есть – пусть поступят последние новости. И потом, если уж что случилось, то случилось.

Все кончено, и он ничего не сможет изменить.

Он закрыл глаза, пытаясь не представлять Жана Ги. Не представлять того испуганного раненого у него на руках. Или того больного и истощенного, каким он был в последние недели и месяцы. И тем более того Жана Ги, что сидел в гостиной у Гамаша, пил пиво и смеялся.

Труднее всего было избавиться от этого образа.

Гамаш открыл глаза.

– Продолжай следить, пожалуйста, – сказал он. – Я буду в бистро или в книжном.

– Шеф? – неуверенно произнесла Лакост.

– Все будет в порядке, – сказал он спокойно, собранно.

– Oui. – Голос ее прозвучал не очень убежденно, но больше не дрожал.

«Все будет хорошо», – повторил Гамаш, решительно шагая по деревенскому лугу.

Но он сомневался, что так оно и будет.

Мирна Ландерс сидела на диване у себя на чердаке и смотрела телевизор.

На экране замерла улыбающаяся маленькая девочка, отец зашнуровывал ей коньки, а ее сестры, уже на коньках, ждали ее.

На голове у нее была шапочка с оленем.

Мирна не знала, смеяться ей или плакать.

Она улыбнулась.

– Вид у нее радостный, правда? – сказала Мирна.

Гамаш и Тереза Брюнель кивнули. Она тоже.

Теперь, когда Гамаш знал, кто есть кто, ему захотелось посмотреть фильм еще раз.

Из-за спины маленькой Констанс выглядывали Маргерит и Жозефин, им не терпелось скорее на улицу. Каждую девочку можно было узнать по

шапочке. Сосны для Маргерит, снежинки для Жозефин. Мари-Констанс, судя по ее виду, могла просидеть там весь день, лишь бы только отец завязывал ей шнурки. На ее шапочке скакал олень.

Элен и Виржини, нахмурившись, стояли у двери. Тоже в вязаных шапочках.

По просьбе Гамаша Мирна еще раз нажала клавишу обратной перемотки, и они вернулись к началу. И снова Исидор стоял с распростертыми руками, давая дочерям bénédiction paternelle.

Но теперь они знали, кто из маленьких девочек, получающих отцовское благословение, Констанс, – они проследили ее от кадров с коньками назад, назад, назад до самого начала. Она стояла на коленях в конце ряда.

«И Констанс», – подумал Гамаш.

– Это поможет найти того, кто убил Констанс? – спросила Мирна.

– Не уверен, – признал старший инспектор. – Но по крайней мере, мы знаем, кто из девочек есть кто.

– Мирна, – начала Тереза, – Арман сказал мне, что, когда вы узнали, кто такая Констанс, вы почувствовали себя так, будто среди ваших клиентов появилась Гера.

Мирна посмотрела на Терезу и снова на экран:

– Да.

– Гера, – повторила Тереза. – Одна из греческих богинь.

Мирна улыбнулась:

– Да.

– Почему?

Мирна поставила проигрыватель на «паузу» и повернулась к гостям.

– Почему? – Она задумалась. – Когда Констанс сказала мне, что она – одна из пятерняшек Уэлле, для меня это было, как если бы она сказала мне, что она греческая богиня. Персонаж из мифа. Я пошутила, только и всего.

– Ясно, – сказала Тереза. – Но почему именно Гера?

– А почему бы и нет? – Мирна явно растерялась. – Я не понимаю, о чем вы спрашиваете.

– Ладно, бог с ним.

– Что у вас на уме, Тереза? – спросил Гамаш.

– Можете смеяться, но, работая куратором в Музее изящных искусств, я видела много классических картин, – сказала Тереза. – Многие написаны по мифологическим сюжетам. Рисовать греческих богинь особенно любили викторианские художники. Я всегда подозревала, что это предлог для написания обнаженных женщин, часто борющихся со змеями. Приемлемая

форма порнографии.

– Вы отвлеклись от темы, – заметил Гамаш, и Тереза улыбнулась:

– Я познакомилась со всевозможными богами и богинями. Но художников той эпохи больше всего интересовали две богини.

– Позвольте высказать предположение, – вмешалась Мирна. – Афродита?

Суперинтендант Брюнель кивнула:

– Богиня любви и проституток, если вы не знаете. И для удобства она не особенно заботилась об одежде.

– А другая? – спросила Мирна, хотя все они знали ответ.

– Гера.

– Тоже обнаженная? – спросила Мирна.

– Нет, викторианские художники любили ее из-за драматической судьбы, и она отвечала их осторожным представлениям о сильной женщине. Она была злобной и завистливой.

Они повернулись к экрану, на котором застыло лицо маленькой молящейся Констанс.

Мирна посмотрела на Терезу:

– Вы думаете, она была злобной и завистливой?

– Не я назвала ее Герой.

– Да это же просто имя – единственная богиня, которая пришла мне в голову. С таким же успехом я могла ее назвать Афиной или Афродитой.

– Но не назвали, – не отступала суперинтендант Брюнель.

Две женщины сверлили друг друга глазами.

– Я знала Констанс, – сказала Мирна. – Сначала она пришла ко мне как клиент, потом стала моим другом. Она никогда не казалась мне злобной или завистливой.

– Но вы говорили, что она была человеком закрытым, – вмешался Гамаш. – Вы знаете, что она скрывала?

– Вы хотите судить жертву убийства? – спросила Мирна.

– Нет, – ответил Гамаш. – Это не суд. Но чем лучше мы будем знать Констанс, тем быстрее найдем того, кто выигрывал от ее смерти. И по какой причине.

Мирна немного подумала.

– Прошу прощения. Констанс была такой скрытной, что я чувствую потребность защитить ее.

Она нажала клавишу «воспроизведение», и снова Констанс, помолившись, встала, потом шутливо потолкалась с сестрами в очереди к отцу, который зашнуровывал на них коньки.

Но теперь все перед телевизором спрашивали себя, насколько шутливой была их толкотня.

Они видели радость на лице Констанс, когда отец зашнуровывал ей коньки, стоя перед ней на коленях, а ее сестры парами стояли сзади. Наблюдали.

Зазвонил телефон Мирны, и Гамаш заметно напрягся. Обе женщины посмотрели на него.

Мирна сняла трубку, затем протянула ее Гамашу:

– Изабель Лакост.

– Merci, – сказал он, поспешно подошел и схватил трубку, сохранившую тепло руки Мирны. Он отвернулся от обеих женщин и заговорил по телефону: – Bonjour.

Голос его звучал ровно, спина была прямая, голова поднята.

Тереза и Мирна следили за ним. Они увидели, как его широкие плечи чуть опустились, хотя голова осталась высоко поднятой.

– Merci, – произнес он и медленно положил трубку.

Потом повернулся.

И улыбнулся с облегчением:

– Хорошие новости. Но к следствию это не имеет отношения.

Он снова сел рядом с ними. Обе женщины отвели взгляд, сделав вид, что не заметили его увлажнившихся глаз.

Глава двадцать шестая

– Нам нужно идти.

Гамаш внезапно встал, и обе женщины удивленно посмотрели на него. Минуту назад он пребывал в расслабленном, почти восторженном состоянии, потом что-то изменилось, и его радость обратилась в злость.

Мирна остановила компакт-диск. С экрана на них смотрели пять счастливых девочек, явно зачарованных тем, что происходит на чердаке у Мирны.

– Что такое? – спросила Тереза, когда они надели куртки и спустились в магазин. – Кто вам звонил?

– Merci, Мирна. – Гамаш остановился у двери и выдавил улыбку.

Мирна внимательно посмотрела на него:

– Что случилось?

Гамаш покачал головой:

– Извините. Когда-нибудь я вам скажу.

– Но не сегодня?

– Не сегодня.

Дверь за ними закрылась, и они вышли на мороз. Солнце еще не село, но наступили самые короткие дни в году, и света оставалось всего ничего.

– Мне вы должны сказать, – заявила Тереза, когда они быстро зашагали вокруг деревенского луга.

Мимо Рут, сидящей на скамье. Мимо семей, катающихся на замерзшем пруду. Мимо трех древних сосен.

Тереза Брюнель не просила – она приказывала.

– Бовуара сегодня отправили в очередной рейд.

Тереза Брюнель переварила новость. Лицо Гамаша в профиль было мрачным.

– Это необходимо остановить, – сказал он.

Они пошли вверх по холму, и Терезе пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать. На краю леса они нашли оставленные ими в сугробе снегоступы, надели их и пошли по следам, хотя снегоступы им теперь практически не требовались. Тропинка была утрамбована и легко различима.

«Не слишком ли легко?» – подумала Тереза Брюнель. Однако другого пути все равно не было.

Приближаясь, они увидели Жиля, который как будто парил в воздухе на высоте двадцати футов и в пяти футах от ствола дерева. В лесу

становилось темно, но, подойдя еще ближе, Тереза увидела платформу, приколоченную к дереву мира.

Жером стоял у основания дерева и смотрел вверх. Он бросил на них взгляд, потом снова запрокинул голову. И только теперь суперинтендант Брюнель увидела, что Жиль там наверху не один. Николь стояла на платформе в двух футах от Жиля, который искал точное положение спутниковой тарелки на деревянной подставке.

– Есть? – спросил Жиль непослушными от мороза губами.

Его рыжая борода побелела, обвисла сосульками, словно слова замерзли и прилипли к лицу.

– Близко. – Николь разглядывала что-то зажатое в ее варежках.

Жиль чуть повернул тарелку.

– Так. Стоп, – сказала Николь.

Все, включая Терезу и Армана, замерли. Они ждали. И ждали. Жиль медленно, очень медленно отпустил тарелку.

– Остался? – спросил он.

Ожидание, ожидание.

– Да, – ответила Николь.

– Дайте-ка взгляну. – Он протянул руку в перчатке.

– Направление точно на спутник. Все в порядке.

– Дайте его мне. Я хочу сам убедиться, – резко сказал лесоруб; кусачий мороз подстегивал его нетерпение.

Николь передала ему то, что держала в руке, и он внимательно посмотрел на прибор.

– Хорошо, – сказал он наконец, и невидимые для него три выдохнутых облачка внизу растворились в воздухе.

Вернувшись на твердую землю, Жиль улыбнулся. Поблескивающая кристаллами льда борода делала его похожим на Санта-Клауса, а когда он улыбнулся, несколько кристалликов раскололись.

– Отличная работа, – сказал Жером.

Он притопывал, чтобы не замерзнуть, и лицо его посинело от холода.

Иветт Николь стояла в нескольких футах от основной команды, отделенная от нее чем-то похожим на длинную черную пуповину – кабелем для передачи сигнала.

«Тереза, Жером, Жиль, Арман и Николь», – подумал Гамаш, глядя на угрюмого молодого агента. «И Николь». Прикрепленная тонкой нитью к их варианту пятерняшек.

«И Николь». Как легко было бы отсечь ее.

– Мы подключены? – спросил Гамаш у Жиля, и тот кивнул в ответ.

– Мы нашли спутник, – ответил он онемевшими от мороза губами.

– А остальное?

Жиль пожал плечами.

– И что это должно означать? – спросила Тереза. – Мы сможем работать или нет?

Он повернулся к ней:

– Смотря что за работа, мадам. Я так и не знаю, зачем мы здесь, но уверен в одном: не для того, чтобы смотреть последний эпизод «Выживших».

Последовало напряженное молчание.

– Может, вы лучше объясните это Жилю в школе, – произнес Гамаш деловым тоном, словно предлагал горячий шоколад после катания на санках. – Я надеюсь, вы готовы заглянуть внутрь.

Старший инспектор повернулся к Николь, стоящей поодаль:

– А мы с вами можем закончить то, что начато.

Четкие, холодные, прозрачные как лед слова.

«Он хочет, чтобы мы оставили их вдвоем, – подумала Тереза. – Отделяет ее от стаи».

Эта полуулыбка на губах Армана, этот его жесткий голос поселили тревогу в ее сердце. Между тем, что говорил Арман, и тем, что он имел в виду, существовал громадный темный провал. И Тереза Брюнель не завидовала молодой девице-агенту, которой сейчас предстояло узнать, что хранил старший инспектор в самых дальних тайниках своей души.

– Я тоже могу остаться, – сказала Тереза. – Я еще не замерзла.

– Нет, – возразил Гамаш. – Вам лучше уйти.

Тереза почувствовала холодок в груди.

– У вас есть работа, – тихо сказал он. – И у меня тоже.

– И что же это за работа, Арман? У меня, как и у Жиля, есть вопросы.

– Я просто вношу свой малый вклад в установление критически важного подключения.

Только и всего.

Тереза Брюнель посмотрела на Гамаша, потом на агента Николь, которая распутывала петлю в замерзшем кабеле, как будто ничего не слышала. Как будто. Тереза задержала взгляд на этой угрюмой, вздорной, но умной молодой женщине. Арман отправил ее в подвал управления Квебекской полиции, чтобы она научилась слушать.

Возможно, у нее это получилось лучше, чем они думали.

Суперинтендант Брюнель приняла решение. Она повернулась спиной к Арману и молодому агенту и повела мужа и лесоруба прочь.

Когда затих скрип снега под ногами и в лесу наступила тишина, Гамаш обратился к Иветт Николь:

– Что вы делали в гостинице?

– И вам тоже bonjour, – сказала она, не поднимая глаз. – Хорошая работа, Николь. Молодец, Николь. Спасибо, что приехала в эту дыру и морозила задницу, помогая нам, Николь.

– Что вы делали в гостинице?

Николь подняла голову и почувствовала: та малость тепла, что еще у нее оставалась, улетучилась.

– А вы что там делали? – спросила она.

Он чуть наклонил голову набок и прищурился:

– Вы меня допрашиваете?

Николь широко распахнула глаза и выронила кабель.

– Вы работаете на Франкёра? – Эти слова выскользнули из его рта, словно кубики льда.

Николь потеряла дар речи, только смогла отрицательно покачать головой.

Гамаш расстегнул молнию на куртке, распахнул полы, так что стал виден пистолет.

Под взглядом Николь он снял теплые перчатки, и его правая рука потянулась к пистолету.

– Вы работаете на Франкёра? – повторил он, еще понизив голос.

Она возмущенно замотала головой и выпалила:

– Нет!

– Что вы делали в гостинице?

– Искала вас, – сумела выдавить она.

– Зачем?

– Я была в школе, готовила кабель для подключения, увидела, что вы идете в гостиницу, и пошла за вами.

– Зачем?

Конспирологическая теория возникла у него не сразу. Поначалу ему показалось, что он должен извиниться перед Николь за то, что захлопнул перед ней дверь. Но потом он задумался: а что она делала в гостинице?

Не пришла ли она туда по той же причине, что и он, – чтобы потихоньку позвонить? Если так, то кому? Предположения на этот счет у него имелись.

– Почему вы пришли в гостиницу, Иветт?

– Поговорить с вами.

– Вы могли поговорить со мной в доме Эмили. В школе. Зачем вы

пришли в гостиницу, Иветт?

– Поговорить с вами, – повторила она еле слышным голосом. – С глазу на глаз.

– О чем?

Она помедлила.

– Сказать, что у вас ничего не получится. – Она показала рукой на скрадок и спутниковую тарелку. – Даже если вы выйдете в Интернет, на сайт Квебекской полиции вам не попасть.

– А кто сказал, что нам это нужно?

– Я же не идиотка, старший инспектор. Вы попросили меня достать неотслеживаемое спутниковое оборудование. Вы не создаете армию интернет-ботов. Если бы вы собирались войти через переднюю дверь, то сделали бы это из своего кабинета или из дома. Значит, тут что-то другое. Вы пригласили меня, чтобы помочь вам войти в систему со стороны. У нас ничего не получится.

– Почему? – невольно заинтересовался Гамаш.

– Потому что, если все это дерьмо и поможет вам подключиться и даже работать некоторое время анонимно, для доступа к самым тайным файлам вам потребуется код. Если вы введете собственный код, то сразу же выдадите себя. И суперинтендант Брюнель тоже. Вы это знаете.

– Что вам известно о наших действиях?

– Не много. До вчерашнего дня, когда вы попросили меня о помощи, – вообще ничего.

Они уставились друг на друга.

– Вы пригласили меня сюда, сэр. Я к вам ни с чем не обращалась. Но когда вы попросили о помощи, я согласилась. А теперь вы относитесь ко мне как к врагу?

Гамаш не собрался поддаваться на ее уловки. Он знал, что причины ее появления здесь были куда более основательными. Преданность не ему, а кое-кому другому. Она пришла в гостиницу, чтобы позвонить Франкёру, и если бы его не отвлекла опасность, грозившая Жану Ги, то он бы ее застукал.

– Я вас пригласил, потому что у нас не оставалось выбора. Но это не означает, что я вам доверяю, агент Николь.

– Что я должна сделать, чтобы завоевать ваше доверие?

– Сказать, зачем вы пришли в гостиницу.

– Я хотела предупредить вас, что без паролей ничего не получится.

– Вы лжете.

– Нет.

Гамаш знал, что она лжет. Не было никакой необходимости говорить ему о пароле втихую.

– Что вы сказали Франкёру?

– Ничего, – взмолилась она. – Я бы никогда ничего такого не сделала.

Гамаш сердито посмотрел на нее. Как только компьютер включат, как только они подсоединятся через спутник к Интернету, как только Жером откроет ту дверь и шагнет внутрь, на них объявят охоту и непременно найдут их. Когда – вопрос времени. Их единственная надежда – вот эта обиженная на весь мир девица-агент, дрожащая от холода, страха и негодования, реальных или притворных.

Время для спасения Бовуара истекало, как истекало и время для того, чтобы выяснить, в чем состоит цель Франкёра. А цель эта была гораздо более серьезной, чем уничтожить Гамаша и Бовуара.

Цель, к которой шли много лет и которая только сейчас вызрела. Процесс мог закончиться сегодня. Завтра. Вскоре. А Гамаш так и не знал, что это за цель.

Он чувствовал себя тугодумом, недоумком. Словно перед его мысленным взором проплывали всевозможные вещдоки, улики, но один элемент отсутствовал. Что-то, что соединило бы их все. Что-то, что он упустил или еще не обнаружил.

Теперь он знал: это как-то связано с Пьером Арно. Но в чем состояла их цель?

Гамаш был готов завыть от бессилия.

Какую роль играла эта жалкая молодая женщина? Была ли она гвоздем в их гроб или их спасением? И почему одно почти не отличалось от другого?

Гамаш натянул на себя куртку, застегнул молнию холодными пальцами, почти не почувствовавшими бегунка. Он надел перчатки и подобрал тяжелый кабель, лежащий у его ног.

На глазах Николь старший инспектор Гамаш набросил толстый кабель себе на плечо и пошел, таща его через лес, по самому короткому пути до школы.

Он сделал несколько шагов и вдруг почувствовал, что кабель стал легче. По его следам двинулись снегоступы агента Иветт Николь, которая взяла на себя часть груза.

Она шла следом, тяжело дыша от усилий и от облегчения.

Он ее поймал. Он мог даже подозревать ее. Но правды от нее так и не добился.

В здании школы Тереза Брюнель усадила Жерома и Жиля перед печкой. Печка излучала тепло, и мужчины, скинув свои тяжелые куртки, шапки, рукавицы и ботинки, сели, вытянув ноги поближе к огню, но так, чтобы не загореться.

В комнате пахло влажным деревом и дымком. Здесь уже стало тепло, но Жиль и Жером никак не могли согреться.

Подбросив еще дровишек в огонь, Тереза пошла в дом Эмили, чтобы забрать Анри, потом в магазин, где купила молока, кофе и пастилы. И теперь горячий шоколад побулькивал в чайнике на плите, а его аромат соединялся с запахом дымка. Она разлила шоколад по кружкам и положила на каждую по двум большим мягким кускам пастилы.

Но кружка так тряслась в руках Жиля, что Терезе пришлось забрать ее у лесоруба.

– Вы спрашивали, для чего все это, – сказала она.

Жиль кивнул. Пока он слушал, его зубы отбивали чечеточную дробь, а руки то тянулись к горячей плите, то обхватывали тело. Льдинки на его бороде растаяли, и на свитере образовалось влажное пятно.

Закончив говорить, Тереза протянула ему горячий шоколад, пастила в котором уже растаяла, образовав наверху белую пену. Жиль прижал кружку к груди, словно маленький мальчик, который слушает страшную сказку и пытается выглядеть храбрым.

Жером хранил молчание, пока его жена рассказывала, что они ищут и почему. Доктор Брюнель сгибал и разгибал ноги в коленях, чтобы восстановить кровоснабжение. Булавочки и иголочки впивались ему в пятки, свидетельствуя о восстановлении циркуляции.

Солнце уже почти скрылось за темным лесом, в котором все еще оставались Арман Гамаш и агент Николь. Тереза включила свет и посмотрела на ряд мониторов, установленных сегодня утром ее мужем.

«Что, если они не заработают?»

Она подумала, что их скаутский отряд никуда не годится. Они не только не подготовили запасной план на случай неудачи, но еще и собирались использовать украденное оборудование для взлома полицейской системы. Если бы существовали опознавательные знаки для жульничества, то они могли бы покрыть себя ими с ног до головы.

На деревянном крыльце раздались тяжелые шаги. Тереза открыла дверь и увидела Армана, который тяжело дышал от усталости.

– У вас все в порядке? – спросила она, хотя оба они понимали, что на самом деле она спрашивает: «Вы один?»

– В полном, – выдохнул он.

Его лицо покраснело от напряжения и жгучего холода. Он уронил кабель на крыльцо и вошел в дом, а за ним мгновение спустя появилась агент Николь. Лицо ее утратило прежнюю бледность. Теперь оно покрылось белыми и красными пятнами. Она напоминала канадский флаг.

Тереза выдохнула, только сейчас поняв, как сильно она волновалась.

– Неужели я чую запах шоколада? – спросил Гамаш замерзшими губами.

К нему подбежал Анри, и старший инспектор опустился на колено и принялся тискать пса. Не столько из любви, сколько из желания согреться.

Новоприбывшим освободили место у тепла.

Тереза налила им горячего шоколада, Гамаш и Николь сняли куртки, и все пятеро молча уселись вокруг печки. Первые несколько минут Гамаша и Николь трясло от холода. Руки у них дрожали, а по телу время от времени проходила судорога: лютая зима, словно некий бестелесный дух, покидала их тела.

В помещении маленькой школы стояла тишина, только скреблись ножки стульев по деревянному полу, потрескивал огонь и постанывал Анри, разлегшийся у ног Гамаша.

Арман Гамаш почувствовал, что его одолевает дремота. Его носки высохли и чуть затвердели, кружка горячего шоколада отогрела руки, тепло от печки обволакивало тело. И хотя их ситуация по-прежнему оставалась непростой, Гамаш заметил, как тяжелеют веки.

Ах, если бы несколько минут, несколько мгновений отдыха…

Но его ждала работа.

Он поставил кружку и подался вперед, сцепив руки. Оглядел кружок, собравшийся у печки в маленькой школе. Пять человек. Пятерняшки. Тереза, Жером, Жиль, Арман и Николь.

«И Николь», – снова подумал он. Висящая на ниточке. Посторонняя.

– Что дальше? – спросил он.

Глава двадцать седьмая

– Дальше? – переспросил Жером.

Он и не предполагал, что они сумеют продвинуться так далеко. И сейчас, глядя на ряд мониторов у стены, он знал, что должно произойти.

Под его толстым свитером заструился ручеек пота, словно его шарообразное тело начало плакать. Если Три Сосны считать окопом, то он собирался поднять голову над бруствером. Арман дал им оружие, но то была лишь заостренная палочка против автомата.

Жером отошел от теплой печки и, оказавшись в углу комнаты, снова почувствовал холод. Два старых, видавших виды компьютера стояли бок о бок на учительском столе, еще один – на столе, который они подтащили туда. Над ними висел приклеенный к стене алфавит с картинками, изображающими шмелей и бабочек, уточек и розы. Ниже висело изображение нотного стана с нотами.

Он медленно промурлыкал себе под нос мелодию, глядя на ноты.

– Почему вы это напеваете? – спросил Гамаш.

Жером слегка вздрогнул. Он не подозревал, что Гамаш так близко, и даже не замечал, что мурлычет себе под нос.

– Потому что вот оно. – Жером показал на ноты. – До-ре-ми – верхняя строка, а ниже – песня.

Он пропел еще несколько тактов, и, к его удивлению, Арман тоже тихо, неторопливо запел:

– «Что нам делать с пьяным моряком…»

Жером взглянул на друга. Гамаш смотрел на ноты и улыбался. Потом перевел взгляд на Жерома:

– «…рано утр-р-ром».

Жером улыбнулся, искренне удивившись, и почувствовал, как часть его опасений ушла вместе с мелодией и глупыми словами из уст его серьезного друга.

– Старая шанти[55], – объяснил Гамаш и снова всмотрелся в ноты. – Я забыл, что мисс Джейн Нил здесь учительствовала, а потом школу закрыли, и она ушла на пенсию.

– Вы ее знали?

Гамаш вспомнил осенние листья на земле, вспомнил, как опустился на колени перед ее телом и закрыл ее голубые глаза. Это было несколько лет назад. А казалось – целую жизнь.

– Я поймал ее убийцу.

Гамаш снова посмотрел на стену с азбукой и нотами.

– «Раз-два, ухнем…» – прошептал он и почувствовал спокойствие оттого, что находится в помещении, где мисс Джейн Нил занималась любимым делом – учила детей, которых обожала.

– Нам нужно провести сюда кабель, – сказал Жером.

И в течение нескольких минут, пока Жиль сверлил отверстие в стене, чтобы протащить кабель, Жером и Николь под столами разбирали провода, расставляли металлические коробки.

Гамаш наблюдал за всем этим, думая о том, что день для них начался на расстоянии в тридцать пять тысяч километров от ближайшего спутника связи, а теперь им оставались сантиметры до выхода в Интернет.

– Вам удалось найти взаимопонимание? – спросила Тереза, подойдя к нему и кивнув в сторону молодого агента.

Ее муж и Николь втиснулись под стол, стараясь не толкать друг друга локтями. По крайней мере, доктор Брюнель старался не толкать Николь, которая, похоже, не упускала ни малейшей возможности сунуть свой костлявый локоть в бок доктору Брюнелю.

– К сожалению, нет, – прошептал Гамаш.

– Но вы вернулись вдвоем, старший инспектор. Это уже что-то.

Гамаш мрачно ухмыльнулся, хотя и оценил юмор Терезы:

– В некотором роде победа. Не пристрелил бесстрастной рукой собственного агента.

– Что ж, мы все одерживаем победы там, где возможно, – улыбнулась она. – Я не уверена, что Жером отказался бы от такой возможности.

Двое под столом уже открыто толкали друг друга.

Отверстие в стене наконец появилось, и Жиль просунул в него кабель. Жером ухватил его и потащил.

– Я возьму.

Не успел Жером и глазом моргнуть, как Николь выхватила кабель из его рук и начала подсоединять к первой из металлических коробок.

– Постойте. – Он потянул кабель на себя. – Вы не можете его подключить.

Он ухватил кабель обеими руками и попытался обуздать внезапно охватившую его панику.

– Конечно смогу. – Николь уже готова была выхватить кабель из рук Жерома, но тут вмешалась суперинтендант Брюнель.

– Агент Николь, вылезайте оттуда, – скомандовала она.

– Но…

– Делайте, что вам говорят, – сказала она, словно обращаясь к капризному ребенку.

Николь и Жером вылезли из-под стола, Жером все еще держал в руках черный кабель. Они услышали шипение у себя за спиной – это Жиль заливал пеной просверленное отверстие.

– В чем проблема? – спросил Гамаш.

– Мы не можем его подсоединить, – ответил Жером.

– Нет, мож…

Старший инспектор поднял руку, призывая Николь к молчанию.

– Почему не можем? – спросил он у Жерома.

Они проделали такую работу. Что им может препятствовать теперь?

– Потому что мы не знаем, что случится, когда мы подключимся.

– Разве это не…

Но Гамаш опять поднял руку, останавливая Николь. Она замолчала, еле сдерживая раздражение.

– Почему? – снова спросил Гамаш нейтральным голосом, оценивая ситуацию.

– Я знаю, это может показаться излишней предосторожностью, но, как только мы подключимся, у нас появится возможность выйти в мир. Но тогда и мир сможет выходить на нас. У меня в руке, – он поднял кабель, – шоссе с двусторонним движением.

Вид у агента Николь был такой, будто она сейчас взорвется. Старший инспектор Гамаш повернулся к ней и кивнул.

– Но система обесточена. – Дамбу прорвало, и слова буквально хлынули из нее. – Это все равно что подключиться к веревке. Мы должны подсоединить кабель к компьютерам, а потом включить электричество. Мы должны убедиться, что у нас все работает. Чего тут ждать?

Гамаш почувствовал холодок из открывшейся двери, повернулся и увидел Жиля, шагнувшего в сгустившуюся атмосферу. Жиль закрыл дверь, снял шапочку, рукавицы и куртку и встал у двери, словно охраняя ее.

Гамаш повернулся к Терезе:

– Что вы думаете?

– Нам нужно подождать. – Увидев, что Николь снова открыла рот, Тереза пресекла любые возражения. Глядя в глаза молодого агента, она сказала: – Вы только что появились, а мы живем с этим недели, месяцы. Мы рискнули нашей карьерой, нашей дружбой, нашими домами, а может быть, и чем-то большим. Если мой муж говорит, что нужно подождать, мы будем ждать. Вы понимаете?

Николь уступила, всем своим видом демонстрируя недовольство.

Они вышли из школы, Гамаш повесил замок на дверь и запер его, а ключ положил в нагрудный карман. Жиль присоединился к нему, и они вместе прошли в темноте недолгий путь до дома Эмили.

– Вы понимаете, что молодая женщина права? – тихо спросил Жиль, глядя на заснеженную тропу.

– Права в том, что нам нужно опробовать систему? – тоже шепотом сказал Гамаш. – Oui, я знаю.

Он посмотрел на шагающую впереди Николь и Жерома с Терезой, идущих следом за ней.

И задал себе вопрос: а чего на самом деле боится Жером?

Пообедав тушеной говядиной, они взяли кофе и перешли в гостиную, где в камине уже были заготовлены дрова.

Тереза чиркнула спичкой и подожгла газету, та вспыхнула, ярко занялась. Женщина повернулась к комнате. Гамаш и Жиль сидели на одном из диванов, а Жером – напротив них. Николь в углу решала головоломку.

Тереза зажгла елочную гирлянду и присоединилась к мужу.

– Жаль, что я не догадалась купить подарки, – сказала она, глядя на елку. – Арман, у вас задумчивый вид.

Гамаш проследил за направлением ее взгляда – под елку. Что-то шевельнулось в его голове, какая-то маленькая мысль, связанная с деревьями, Рождеством или подарками. Мысль, рожденная словами Терезы, но прямой вопрос спугнул ее. Гамаш нахмурился, продолжая смотреть на рождественскую елку в углу комнаты. Под ней ничего не было. Ни одного подарка.

– Арман?

Он тряхнул головой и повернулся к ней:

– Извините, задумался.

– Вы, вероятно, устали, – обратился Жером к Жилю.

Жиль кивнул:

– Давненько я не забирался на деревья.

– Вы и вправду слышите, как они разговаривают? – спросил Жером.

Лесоруб посмотрел на толстяка напротив. На человека, который в жгучий мороз стоял под деревом, ободряя его, хотя мог уйти. Жиль кивнул.

– И что они говорят? – спросил Жером.

– Я думаю, вам лучше не знать, о чем они болтают, – сказал Жиль с улыбкой. – И потом, я главным образом слышу только звуки. Шепоток. И всякое такое.

Брюнели посмотрели на него, ожидая большего. Гамаш держал кружку

с кофе и слушал. Он знал историю Жиля.

– Вы их всегда слышали? – спросила наконец Тереза.

Агент Николь в углу оторвалась от головоломки.

Жиль отрицательно покачал головой:

– Я работал лесорубом. Спилил сотни деревьев моей бензопилой. Но как-то раз, спиливая старый дуб, я услышал его крик.

Его слова были встречены молчанием. Жиль смотрел в огонь, на горящее дерево.

– Поначалу я не обращал внимания на такие крики. Думал, мне кажется. Но дальше – больше, и я начал слышать не только свои деревья, я слышал, как кричат они все.

Он немного помолчал.

– Это было ужасно, – прошептал он.

– И что же вы сделали? – спросил Жером.

– Что я мог сделать? Я перестал пилить деревья и потребовал, чтобы моя бригада тоже перестала. – Он взглянул на свои огромные, грубые руки. – Они, конечно, решили, что я спятил. Я бы тоже так решил, если бы не слышал их голосов.

Жиль посмотрел в глаза Жерому:

– Какое-то время я мог жить, отрицая это, но когда узнал наверняка, то не мог отказаться от своего знания. Вы меня понимаете?

Жером кивнул. Он понимал.

– Жиль теперь делает замечательную мебель из упавших деревьев, – вступил в разговор Гамаш. – Мы с Рейн-Мари купили несколько его изделий.

Жиль улыбнулся:

– На жизнь этого, однако, не хватает.

– Да, если уж зашла речь о деньгах… – начал было Гамаш.

Жиль остановил его взглядом.

– Больше ни слова, – предупредил он.

– Désolé, – сказал Гамаш. – Извините.

– Я рад, что помог вам. Могу остаться, если хотите. Тогда я буду рядом, если понадобится моя помощь.

– Спасибо, – сказал Гамаш, поднимаясь. – Мы позвоним, если что.

– Я приеду завтра утром. Буду нужен – ищите меня в бистро.

Надев куртку и уже взявшись за дверную ручку, Жиль оглянулся:

– Знаете, почему воры ходят по ночам?

– Вы называете нас ворами? – не без удивления спросила Тереза.

– А вы – нет?

Арман закрыл дверь и посмотрел на коллег:

– Нам нужно принять кое-какие решения, mes amis[56].

Жером Брюнель задернул занавеску и вернулся на свое место у огня.

Уже приближалась полночь, но они обрели второе или третье дыхание. Они варили кофе, добавляли дрова в камин, выгуливали Анри, который теперь спал, свернувшись у огня.

– Bon, – сказал Гамаш, подавшись вперед и заглядывая в их лица. – Что будем делать дальше?

– Мы не готовы к подключению, – заявил Жером.

– Вы говорите, что не готовы, – возразила Николь. – Но чего вы ждете?

– Второго шанса у нас не будет, – отрезал Жером. – Когда я оперировал пациентов, я не думал: «Ну, если не получится, то переделаю». Нет. Одна попытка, и больше ничего. Мы должны быть уверены, что готовы.

– Мы готовы, – гнула свое Николь. – Больше ничего не случится. Никакого нового оборудования не появится. Никакой помощи не будет. У вас есть все, что у вас может быть. Точка.

– Почему вы так нетерпеливы? – спросил Жером.

– А почему вы так терпеливы? – ответила она вопросом.

– Хватит, – сказал Гамаш. – Чем мы можем помочь, Жером? Что вам еще нужно?

– Я должен выяснить все об аппаратуре, которую привезла Николь. – Он посмотрел на молодого агента. – Зачем нам два компьютера?

– Один для меня, – ответила Николь. Она решила говорить с ними, как с Анри. – Я буду зашифровывать канал, которым мы воспользуемся, чтобы войти на сайт Квебекской полиции. Если кто-то засечет ваш сигнал, им придется взламывать шифр. Таким образом мы выиграем время.

Последний аргумент все поняли, даже Анри, но им нужно было поразмыслить о шифровке.

– Вы хотите сказать, – проговорила Тереза, медленно включая мозг в технический разговор, – что, когда Жером станет набирать что-то на клавиатуре, оно будет кодироваться? А потом код будет шифроваться?

– Именно, – кивнула Николь. – Еще до того, как сигнал покинет комнату.

Она замолчала и еще теснее обхватила себя руками, словно стальными лентами.

– Что такое? – спросил Гамаш.

– Они все равно вас найдут. – Голос ее звучал мягко. Без всякого торжества. – Моя программа только усложняет для них ваше обнаружение,

но не делает его невозможным. Они знают, что делают. Они нас найдут.

От старшего инспектора не ускользнуло, что в мгновение ока «вас» превратилось в «нас». Более важных превращений он в последние дни не слышал.

– Они узнают, кто мы? – спросил он и заметил, что хватка рук молодого агента на собственном теле ослабла.

Николь чуть наклонилась вперед:

– Интересный вопрос. Я намеренно создала шифровальную программу, которая выглядит корявой, бесхитростной.

– Намеренно? – спросил Жером, не уверенный, что это вообще делалось с какой-то целью. – Кто бы стал такое делать? Бога ради, зачем нам нужна «корявая» программа? Нам нужна лучшая.

Он посмотрел на Гамаша, и старший инспектор увидел в глазах друга легкую панику.

Николь не ответила. Либо потому, что наконец поняла огромную силу молчания, либо потому, что почувствовала себя оскорбленной. Гамаш подозревал второе, но молчание дало ему время поразмыслить об очень хорошем вопросе Жерома.

Зачем делать программу, которая кажется бесхитростной?

– Чтобы сбить их со следа, – сказал он наконец, посмотрев на раздраженное лицо Николь. – Они увидят нас, но не примут всерьез.

– C’est ça, – подтвердила Николь, немного расслабившись. – Именно. Они будут ждать серьезно подготовленную атаку.

– Все равно что выходить с каменным топором на ядерную войну, – сказал Гамаш.

– Да, – кивнула Николь. – Если нас обнаружат, то не воспримут всерьез.

– И действительно, кто будет опасаться камня? – подхватила Тереза.

Если забыть об истории Давида и Голиафа, то реальность состояла в том, что никто не рассматривал камень как оружие. Она посмотрела на Жерома, думая, что он отнесется к этому с пренебрежением, но, к своему удивлению, увидела, что он восхищен.

– Нам не придется никого убивать, – сказал он. – Всего лишь незаметно проскользнуть мимо часовых.

– На то и расчет, – сказала Николь и с облегчением вздохнула. – Не знаю, получится ли, но попытаться стоит.

– Господи Исусе, – заметила Тереза. – Это все равно что жить с греческим хором.

– Мои программы затруднят наше обнаружение, но нам необходим

пароль, чтобы войти в систему, а как только вы залогинитесь, они вас засекут.

– А что может им помешать обнаружить нас? – спросил Гамаш.

– Я уже говорила. Другой пароль. Такой, что не привлечет их внимания. Но и это будет работать лишь какое-то время. Как только мы выйдем на файл, который они пытаются защитить, они все поймут. Начнут нас искать и найдут.

– И сколько времени им потребуется на поиски?

Николь задумалась, надув тонкие губы:

– На этом этапе ухищрения не помогут. Тут имеет значение только скорость. Войти, получить что нужно и выйти. Вряд ли у нас будет полдня. Вероятно, меньше.

– Полдня с того момента, как мы войдем в первый защищенный файл? – спросил Гамаш.

– Нет, – ответил Жером. Он отвечал Гамашу, но смотрел на Николь. – Николь имеет в виду двенадцать часов от нашей первой попытки.

– Может быть, меньше, – сказала Николь.

– Двенадцати часов должно хватить, как ты думаешь? – спросила Тереза.

– В прошлый раз не хватило, – ответил Жером. – У нас были месяцы, однако мы так и не нашли того, что искали.

– Но тогда у вас не было меня, – заявила Николь.

Они посмотрели на нее, дивясь несокрушимой уверенности и заблуждениям молодости.

– Так когда мы начнем? – спросила Николь.

– Сегодня ночью.

– Но, Арман… – начала Тереза, однако пальцы Жерома почти до боли сжали ее руку.

– Жиль правильно сказал, – уверенно проговорил Гамаш. – Воры действуют по ночам не без причины. Меньше свидетелей. Мы должны войти и убраться, пока все еще будут спать.

– Ну наконец-то, – сказала Николь и встала.

– Нам нужно больше времени, – возразила Тереза.

– У нас его нет.

Гамаш взглянул на часы. Они показывали почти час ночи.

– Жером, у вас есть час, чтобы собрать все ваши записки. Вы знаете, в каком месте в прошлый раз возник тревожный флажок. Если вы сумеете быстро добраться туда, то мы еще до завтрака получим всю нужную информацию и отключимся.

– Вы правы, – сказал Жером, отпуская руку жены.
– Поспите немного, – велел Гамаш агенту Николь. – Мы разбудим вас через час.
Он отправился в кухню и услышал, как за его спиной закрылась дверь.
– Что вы делаете, Арман? – спросила Тереза.
– Варю кофе.
Он стоял к ней спиной, отсчитывая ложки кофе, загружаемые в машину.
– Посмотрите на меня, – сказала она.
Рука Гамаша замерла, ложка зависла над кофеприемником, несколько зерен упало на стол.
Он опустил ложку в банку с кофе и повернулся.
Тереза Брюнель смотрела на него немигающим взглядом:
– Жером едва не падает. Он весь день был на ногах.
– Как и все мы, – сказал Гамаш. – Я не говорю, что это легко…
– Вы хотите сказать, что мы с Жеромом ищем легких путей?
– Тогда чего вы ищете? Вы хотите, чтобы я сказал, что мы все можем отправиться спать и забыть о том, что происходит? Мы уже близки к концу. У нас в кои-то веки появился шанс. Давайте же не упустим его.
– Боже мой, – сказала Тереза, внимательно глядя на него. – Вы спешите не ради нас, а ради Жана Ги Бовуара. Вы думаете, он не переживет еще одного рейда. Поэтому вы подгоняете нас, подгоняете Жерома.
– Бовуар тут ни при чем. – Гамаш оперся о мраморную столешницу и схватился за нее руками.
– Конечно при чем. Вы всеми нами пожертвуете, чтобы его спасти.
– Никогда! – повысил голос Гамаш.
– Именно это вы и делаете.
– Я несколько лет работал над этим делом, – сказал Гамаш, подходя к ней. – Начал задолго до операции на фабрике. Задолго до того, как Жан Ги Бовуар попал в беду. Я пожертвовал всем, чтобы довести работу до конца. Она закончится сегодня ночью. Жерому осталось только копнуть чуть поглубже. Нам всем нужно потерпеть еще немного.
– Ваши аргументы не выдерживают критики.
– Нет, это ваши аргументы шатки, – вскипел Гамаш. – Вы что, не видите, как испуган Жером? Его обуял страх. Вот что лишает его энергии. Чем дольше мы будем ждать, тем хуже.
– Вы говорите, что торопитесь из-за заботы о Жероме? – недоверчиво спросила Тереза.
– Я тороплюсь, потому что еще один день – и он сломается, – ответил

Гамаш. – И тогда проиграем мы все, включая и его. Вы, может, этого не видите, а я вижу.

– Ломается вовсе не он, – возразила она. – Не он плакал сегодня.

Гамаш посмотрел на нее так, словно она его ударила.

– Жером может сделать и сделает то, что нужно, сегодня ночью. Он пройдет прежним путем и добудет информацию, которая даст нам возможность остановить Франкёра и то, что он задумал. – Гамаш говорил тихим голосом, но глаза его горели. – Жером согласен. Наконец-то у него появился стержень.

Он открыл дверь и вышел, отправился в свою комнату и уставился в стену – ждал, когда прекратится дрожь в руке.

Жером поднялся в два часа ночи.

Арман разбудил Николь, и они вместе спустились по лестнице. Он не смотрел на Терезу, а она не смотрела на него.

Николь пришла растрепанная и надела куртку.

– Готов? – спросил Гамаш у Жерома.

– Готов.

Гамаш позвал Анри, и они тихо вышли из дома. Словно воры в ночи.

Глава двадцать восьмая

Николь шла впереди – единственная, кому не терпелось поскорее добраться до школы. Но Гамаш знал, что она напрасно так спешит, потому что ключ лежал у него в кармане.

Жером держал Терезу за руку, на обоих были пуховые черные куртки и пуховые варежки. Они напоминали Микки и Минни Маус на прогулке.

Старший инспектор Гамаш обогнал суперинтенданта Брюнель и отпер замок на дверях школы. Он придержал дверь, пропуская всех, но сам не вошел, отпустил ручку – и дверь закрылась.

Сквозь заиндевевшее окно он увидел, как зажегся внутри свет, услышал металлическое позвякивание – с печки сняли верхнюю крышку, чтобы загрузить поленья на еще тлеющие угли.

Но снаружи царила тишина.

Он запрокинул голову и посмотрел в ночное небо. Может быть, одна из этих ярких точек и не звезда вовсе, а спутник, который вскоре перенесет их из деревни в другие места?

Гамаш вернулся на землю. Обвел взглядом дома. Гостиницу Габри, пекарню. Универмаг месье Беливо. Магазин Мирны. Бистро. Место, где он много раз великолепно обедал и вел жаркие дискуссии. Он и Жан Ги. Лакост. Даже Николь.

Столько лет прошло.

Вот сейчас он прикажет сделать последнее подсоединение, и пути назад уже не будет. Как справедливо указала Николь, рано или поздно их обнаружат. И выяснят местонахождение.

И тогда никакое количество лесорубов, охотников, жителей деревни, впавших в старческое слабоумие поэтесс, знаменитых художников и владельцев гостиниц не смогут воспрепятствовать тому, что произойдет. С Тремя Соснами. Со всеми жителями деревни.

Арман Гамаш повернулся спиной к спящим домам и вошел внутрь школы.

Жером Брюнель сидел перед одним из мониторов, Тереза стояла у него за спиной. Иветт Николь сидела рядом с доктором Брюнелем перед своим монитором с клавиатурой, слегка ссутулившись, словно у нее вырос вдовий горбик.

Все повернулись к Гамашу.

Старший инспектор не колебался. По его кивку Иветт Николь залезла

под стол.

– О’кей? – спросила она.

– Oui, – ответил он резким, решительным голосом.

После небольшой паузы они услышали щелчок.

– Готово, – сказала Николь, вылезая из-под стола.

Гамаш встретился взглядом с Жеромом и кивнул.

Жером протянул руку, с удивлением увидел, что его пальцы не дрожат, и нажал кнопку питания. Засветились огоньки, послышалось тихое пощелкивание, и экраны ожили.

Гамаш вытащил из кармана аккуратно сложенный лист бумаги, разгладил его и положил перед Жеромом.

Агент Николь посмотрела на листок. На логотип. На строку с буквами и цифрами. Потом перевела взгляд на старшего инспектора.

– Национальный архив, – прошептала она. – Господи, может, это и сработает.

– Итак, все подключено, мы в Сети, – сказал Жером. – Работают все программы и подпрограммы шифрования. Как только я залогинюсь, время пойдет.

Доктор Брюнель принялся медленно, внимательно набирать пароль, а Гамаш отвернулся и стал изучать карту на стене. Карта была военная, подробная. Но даже на ней не увидел бы он того места, где они сейчас находились, если бы много лет назад чья-то детская рука не поставила здесь точку и не написала четкими, аккуратными буквами: «Дом».

Гамаш смотрел на карту и представлял себе церковь Святого Томаса, стоящую неподалеку. Изготовленное после Великой войны витражное стекло, на котором маршировали молодые солдаты. Не бравые. На их лицах застыло выражение страха. И все же они шли вперед.

Ниже был список тех, кто не вернулся домой. А под именами начертано: «Они были нашими детьми».

Гамаш слышал, как Жером набирает последовательность букв и цифр. Потом – ничего. Тишина.

Пароль набран. Осталось только одно.

Палец Жерома Брюнеля завис над клавишей «ввод».

Наконец он стал опускать его.

– Non, – сказал Гамаш и ухватил Жерома за запястье, остановив палец в миллиметре от клавиши.

Все уставились на эту клавишу, не осмеливаясь дышать, не зная, коснулся ее Жером или еще нет.

– Что вы делаете? – спросил Жером.

– Я совершил ошибку, ускоряя события, – ответил Гамаш. – Вы устали. Мы все устали. Если мы хотим чего-то добиться, то должны быть во всеоружии. Отдохнуть. Ставки в игре слишком высоки.

Он снова посмотрел на карту на стене. Нашел почти невидимую точку.

– Мы вернемся завтра ночью и начнем все заново, – сказал он.

У Жерома Брюнеля был вид приговоренного к казни, которому объявили о помиловании. Он еще не понял, что это: проявление великодушия или шутка. Через мгновение плечи его обмякли, и он вздохнул.

Собрав остатки сил, он стер пароль и вернул Гамашу листок бумаги. Убирая его в карман, Гамаш поймал взгляд Терезы. И кивнул.

– Вы можете нас отключить? – спросил Жером, обращаясь к Николь.

Она хотела возразить, но передумала: она тоже слишком устала и не была готова к сопротивлению. В который уже раз она соскользнула со стула и полезла под стол.

Они отсоединили кабель, выключили свет, вышли, и Гамаш запер дверь, надеясь, что не совершил ошибку. Что не дал Франкёру отсрочку на те самые двадцать четыре часа, которые требуются ему для реализации своего плана.

Направляясь к дому Эмили Лонгпре, Гамаш догнал на тропинке Терезу:

– Вы были правы, я…

Тереза подняла свою лапку Минни-Маус, и Гамаш замолчал.

– Мы оба были не правы. Вы боялись остановиться, а я боялась продолжать.

– Вы думаете, завтра у нас будет меньше страха? – спросил он.

– Не меньше страха, – сказала она, – но, возможно, больше мужества.

Вернувшись в теплый дом, они сразу же улеглись и заснули, как только голова коснулась подушки. Прежде чем провалиться в сон, Гамаш услышал удовлетворенное ворчание Анри и потрескивание в стенах, какое обычно слышишь в собственном доме.

Гамаш открыл глаза и обнаружил, что смотрит прямо в морду Анри. Неизвестно, сколько времени просидел пес, положив голову с мокрым носом на кровать, в нескольких дюймах от лица хозяина.

Но стоило Арману открыть глаза, все тело Анри пришло в движение.

День начался. Гамаш посмотрел на часы на прикроватной тумбочке.

Почти девять. Он спал шесть часов, а чувствовал себя так, будто проспал в два раза больше. Отдохнувший и свежий, он вполне осознал, что

ночью принял правильное решение. Сегодня они отдохнут, а к ночи вернутся в школу, и тогда им уже не придется бороться с усталостью, замешательством и друг с другом.

Одеваясь, Гамаш слышал скрежет лопат. Он отодвинул занавеску: вся деревня была засыпана снегом и с неба продолжали падать снежные хлопья. Они ложились на ветви гигантских сосен, на деревья в лесу, на дома.

Стоял полный штиль, и снег падал вертикально. Мягко и неумолимо.

Гамаш увидел Клару и Габри – они расчищали дорожки перед своими домами. Он сначала услышал, а потом и увидел снегоуборщик Билли Уильямса – тот спустился с холма в деревню, проехал мимо маленькой церкви, мимо школы. Обогнул деревенский луг.

Родители с лопатами катались на коньках по пруду, расчищая снег, а дети с хоккейными клюшками нетерпеливо ерзали на самодельных скамейках.

Гамаш спустился в кухню и обнаружил, что встал первым.

Пока Анри ел, Гамаш поставил вариться кофе и разжег камин в гостиной. Потом отправился на прогулку с Анри.

– Приходите на завтрак в бистро, – окликнул его Габри. На нем была шапочка с громадным помпоном, а в руках – лопата. – Оливье сделает вам блинчики с голубикой и кленовым сиропом от месье Паже.

– А бекон? – спросил Гамаш, уже понимая, что сдается.

– Bien sûr[57], – ответил Габри. – Кто же ест блинчики без бекона?

– Я скоро приду.

Гамаш поспешил домой, написал записку остальным и вместе с Анри отправился в бистро. Старший инспектор уселся у камина и только-только успел пригубить кофе с молоком, как к нему подошла Мирна:

– Не возражаете против компании?

Не дожидаясь ответа, она уселась в кресло с другой стороны камина и махнула рукой, чтобы ей принесли кофе.

– Я собирался к вам в магазин после завтрака, – сказал старший инспектор. – Хочу купить подарки.

– Для Рейн-Мари?

– Нет, для всех вас. В знак благодарности.

– Знаете, это не обязательно, – сказала Мирна.

Габри принес ей кофе и подтащил стул для себя.

– О чем мы говорим? – спросил он.

– О подарках, – ответила Мирна.

– Мне? – обрадовался он.

– А кому же еще? – усмехнулась Мирна. – Мы ведь только о тебе и думаем.

– Вот что нас объединяет, ma chére, – сказал Габри.

– О чем мы говорим? – спросил Оливье, ставя перед Мирной и Гамашем две тарелки с блинчиками с голубикой и беконом, копченным в кленовом соке.

– Обо мне, – ответил Габри. – Обо мне, обо мне, обо мне.

– О, прекрасно, – сказал Оливье, подтаскивая еще один стул. – Мы уже тридцать секунд обсуждаем этот предмет. Столько всего, вероятно, случилось.

– Вообще-то, я хотел спросить кое о чем у вас двоих, – сказал Гамаш.

Мирна передала ему кувшинчик с кленовым сиропом.

– Oui? – произнес Оливье.

– Вы открывали подарки Констанс? – спросил старший инспектор.

– Нет, мы положили их под елку. Хотите, чтобы мы их открыли?

– Нет. Я и так знаю, что она вам подарила.

– Что? – спросил Габри. – Машину? Лошадку?

– Я вам не скажу, но, по-моему, там нечто такое, чем вы можете воспользоваться.

– Намордники? – предположил Оливье.

– О чем мы говорим? – спросила Клара, подтаскивая стул.

Щеки у нее были красные, на носу висела капля, и Гамаш, Габри, Мирна и Оливье одновременно и вовремя предложили ей салфетку.

– О подарках, – ответил Оливье. – От Констанс.

– Неужели мы говорим не о тебе? – спросила Клара у Габри.

– Я знаю. Осквернение природы. Но если откровенно, мы говорили о подарках, которые мне вручила Констанс.

– Нам, – поправил его Оливье.

– Она и мне сделала подарок, – сказала Клара, повернувшись к Гамашу. – Вы сами мне его привезли.

– Вы его открыли?

– Стыдно признаться, но открыла, – сказала Клара и украла кусочек бекона с тарелки Мирны.

– Вот почему я держу твои подарки под своей елкой до утра Рождества, – сказала Мирна, отодвигая тарелку подальше от Клары.

– А что Констанс тебе подарила? – спросил Габри.

– Вот что.

Клара размотала свой шарф и протянула Мирне, и та взяла его, восторгаясь яркой и веселой зеленью.

– А это что? Хоккейные клюшки? – Мирна показала на узор на концах шарфа.

– Кисточки, – ответила Клара. – Я сама не сразу сообразила.

Мирна вернула шарф Кларе.

– Давайте посмотрим наши подарки, – сказал Габри.

Он ринулся прочь, и к тому времени, как он вернулся, Мирна и Гамаш закончили завтракать и пили уже по второй чашке кофе с молоком. Габри протянул один из пакетов Оливье, а второй оставил себе. Они были одинаковые, оба завернуты в красную бумагу, обвязанную ленточкой.

Габри снял обертку со своего подарка.

– Варежки! – воскликнул он, словно увидел машину и лошадку в одном великолепном подарке.

Он примерил их.

– И даже по руке. Для такой большой руки, как у меня, трудно подыскать варежки. А вы знаете, что говорят о больших руках?..

Никто не стал уточнять.

Оливье примерил свои варежки. Они тоже пришлись ему впору.

На каждой варежке был вывязан ярко-желтый полумесяц.

– Как вы думаете, что означает этот рисунок? – спросила Клара.

Все задумались.

– Она знала, что ты лунатик? – спросила Мирна у Габри.

– Кто ж об этом не знает! – сказал Габри. – Но тут полумесяцы.

– Даже не полумесяцы, – уточнила Клара. – Лунные серпы.

Габри рассмеялся:

– Я бы с серпами был поосторожнее.

– Верная мысль, – подхватил Оливье.

– Но по-моему, – продолжил Габри, – это рогалики. Или бананы.

– Кисточки для Клары и бананы для геев, – подытожила Мирна. – Идеально.

Гамаш наблюдал, как они разглядывают свои подарки. Та мысль, что ускользнула от него вчера, прилетела, словно снежинка, и опустилась рядом.

Он повернулся к Мирне:

– А вам она не сделала подарка?

– Одного ее приезда было более чем достаточно, – ответила Мирна.

Гамаш покачал головой:

– Мы нашли эти подарки в ее чемодане, но для вас она ничего не приготовила. Почему? Я не могу понять, почему Констанс везла подарки для всех, кроме вас.

– Я и не ждала никакого подарка.

– И все-таки, – сказал Гамаш. – Если она везла подарки остальным, то должна была везти и вам. Разве нет?

Вникнув в его рассуждения, Мирна кивнула.

– Может быть, Мирне предназначалась та фотография, которую Констанс положила в чемодан, – предположила Клара. – С четырьмя сестрами.

– Возможно, но почему она тогда не была завернута, как другие подарки? Возвращение на Рождество не входило в первоначальный план Констанс, верно? – спросил он.

Мирна снова кивнула.

– Значит, приехав, она еще не предполагала, что вернется, – сказал Гамаш, и все посмотрели на него, как на идиота: это уже и так все поняли, зачем же повторять?

– Верно, – согласилась Мирна.

Гамаш встал:

– Вы можете пройти со мной?

Он обращался к Мирне, но все собравшиеся повалили за ними в дверь, соединяющую бистро с магазином. Рут была уже там – засовывала книги в свою огромную сумку, днище которой давно приняло очертания бутылки для виски. Рядом с Рут стояла Роза и смотрела на появившуюся толпу.

Анри остановился как вкопанный и лег. Потом перекатился на спину.

– А ну-ка вставай, несчастный, – сказал Гамаш, но Анри лишь смотрел на него снизу вверх, помахивая хвостом.

– Боже мой, – прошептал Габри театральным шепотом. – Только представьте себе их детей – большеухих и большеногих!

– Что вам надо? – спросила Рут.

– Это мой магазин, – заявила Мирна.

– Не магазин, а библиотека. – Рут рывком закрыла сумку.

– Идиотка, – пробормотали обе.

Гамаш подошел к большой елке.

– Вы можете их посмотреть? – Он показал на подарки под деревом.

– Но я знаю, что там. Я сама их заворачивала. Они для всех присутствующих и Констанс.

«И Констанс», – подумал Гамаш. Все по-прежнему, даже в смерти.

– И все-таки проверьте, пожалуйста.

Мирна опустилась на колени и принялась перебирать завернутые подарки. Наконец в ее руках оказался подарок, завернутый в ярко-красную бумагу и обвязанный ленточкой.

– Прочитайте, пожалуйста, открытку, – попросил Гамаш.

Мирна не без труда поднялась на ноги и открыла маленький кармашек.

– «Мирне, – прочитала она. – Ключ от моего дома. С любовью, Констанс».

– Что это значит? – спросил Габри, переводя взгляд с одного лица на другое.

Наконец его глаза остановились на Гамаше.

Но старший инспектор смотрел только на подарок.

– Откройте его, пожалуйста, – попросил он.

Глава двадцать девятая

Мирна принесла рождественский подарок и уселась в кресло у окна.

Все, вытянув шею, наблюдали, как она развязывает его. Только Рут оставалась на прежнем месте и глядела в окно на бесконечный снег.

– Что она тебе подарила? – нетерпеливо спросил Оливье. – Покажи.

– Тоже варежки, – предположила Клара.

– Нет, по-моему, это вязаная шапочка, – возразил Габри.

Мирна подняла подарок. Он был голубого цвета, и это действительно оказалась шапочка. С рисунком.

– А что за рисунок? – спросила Клара.

Ей показалось, что она видит летучих мышей, но какой может быть смысл в летучих мышах?

– Это ангелы, – догадался Оливье.

Все собрались в кружок.

– Какая красота, – сказал Габри, отступая. – Ты была ее ангелом-хранителем.

– Замечательно.

Мирна держала шапочку в руках, восхищаясь ею, но в то же время пытаясь скрыть разочарование. Ей хотелось верить, что этот рождественский подарок волшебным образом раскроет тайну Констанс. Расскажет о ее скрытой жизни. Впустит наконец Мирну в дом Констанс.

Жест был замечательный, но не отпирал никакого замка.

– Откуда вы узнали про подарок? – спросила Клара у Гамаша.

– Я не знал, – признался он. – Просто мне казалось невероятным, что она сделала подарок вам, но не сделала Мирне. Потом я понял, что если она собиралась что-то подарить Мирне, то уже привезла подарок – ведь она не планировала возвращаться сюда.

– Ну что ж, тайна разгадана, – сказал Габри. – Я направляюсь в бистро. Вы идете, Мегре?

– После вас, мисс Марпл, – расшаркался Оливье.

Рут, проворчав что-то, встала. Она уставилась на пакет, потом на Гамаша. Он кивнул ей, а она – ему. Только после этого они с Розой ушли.

– Между вами двумя, кажется, появилась телепатическая связь, – сказала Клара, глядя на старую поэтессу, которая медленно шла по заснеженной тропинке с уткой в руках. – Не хотела бы я, чтобы она копалась в моей голове.

– Ее нет в моей голове, – заверил ее Гамаш. – Но я часто думаю о Рут. Вы знаете, что ее стихотворение «Увы» было написано после смерти Виржини Уэлле и посвящено ей?

– Нет, – ответила Мирна. Держа шапочку в руке, она смотрела на Рут, которая остановилась, чтобы дать хоккеистам указания или словесную трепку. – Ведь это благодаря ему Рут стала знаменитой?

Гамаш кивнул:

– Думаю, после этого она так и не пришла в себя.

– Из-за того, что стала знаменитой?

– Из-за того, что чувствовала себя виноватой, – объяснил Гамаш. – Из-за того, что она заработала на чьей-то беде.

– «Но кто тебя обидел так, / что ран не залечить, / что ты теперь любую / попытку дружбу завязать с тобой / встречаешь, губы сжав?»

Мирна прошептала слова стихотворения, глядя на Розу и Рут, которые, опустив голову, шли сквозь снег к дому.

– У нас у всех есть свои альбатросы, – сказала она.

– Или утка, – заметила Клара и присела возле кресла подруги. – Ты как, ничего?

Мирна кивнула.

– Хочешь побыть одна?

– Всего несколько минут.

Клара поднялась, поцеловала Мирну в затылок и вышла.

Но Арман Гамаш остался. Он дождался, когда закроется дверь в бистро, потом сел на стул, освобожденный Рут, и взглянул на Мирну.

– Что-то не так? – спросил он.

Мирна надела шапочку. Вязаная вещица сидела на ее голове, как голубой пузырь. Мирна сняла шапочку и передала старшему инспектору. Гамаш внимательно разглядел ее и положил себе на колено.

– Ее связали не для вас, да?

– Да. И она не новая.

Гамаш заметил, что шерсть потертая, немного выцветшая. Увидел он и еще кое-что. Внутри шапочки была пришита маленькая метка. Гамаш надел очки и поднес шапочку к глазам, так что грубая шерсть чуть не коснулась его носа.

Надпись практически не читалась – маленькие буквы почти совсем затерлись.

Гамаш снял очки и протянул шапочку Мирне:

– Как вы думаете, что тут написано?

Она посмотрела, прищурилась и наконец сказала:

– «МА».

Старший инспектор кивнул, бессознательно вертя в руках очки.

– «МА», – повторил он и посмотрел в окно затуманенным взглядом – пытался увидеть то, чего там не было.

Идею, мысль. Цель.

Зачем кому-то понадобилось пришивать буквы МА к шапочке?

Он знал, что подобные же метки пришиты и к другим шапочкам, найденным в доме Констанс. На шапочке Констанс был изображен олень, а на метке стояли буквы МК. Мари-Констанс.

На шапочке Маргерит была метка «ММ» – Мари-Маргерит.

У Жозефин – «МЖ».

Гамаш посмотрел на шапочку в своей руке. МА.

– Может быть, это шапочка их матери, – предположила Мирна. – Наверное, так. Она связала по шапочке всем дочкам и одну для себя.

– Но шапочка слишком маленькая, – возразил старший инспектор.

– Люди в те времена были низкорослые, – сказала Мирна, и Гамаш кивнул.

Справедливое замечание. В особенности относительно женщин. Квебекцы и по сей день оставались миниатюрными. Гамаш снова посмотрел на шапочку. Могла ли она прийтись впору взрослой женщине?

Не исключено.

У Констанс были причины хранить ее как единственное напоминание о матери. Существовала всего одна фотография дома пятерняшек. Однако у них имелось нечто гораздо более ценное. Шапочки, связанные руками матери.

Каждой по шапочке и одна для себя.

А что она вшила внутрь? Не свои же инициалы. Нет, конечно. Когда родились девочки, она перестала быть Мари-Ариетт и стала мамой. Ма.

Может быть, они все-таки нашли ключ к Констанс. А может быть, даря шапочку Мирне, Констанс давала ей понять, что расстается с прошлым. С тем, что терзало ее душу.

Знали ли Констанс и ее сестры, что родители вовсе не продали их государству, что девочки фактически оказались экспроприированными?

Может быть, Констанс в конце концов поняла, что мать ее любила? Не этого ли альбатроса она всю жизнь носила на шее? Не какое-то ужасное зло, а ужас, пришедший с пониманием (слишком запоздалым), что никакого зла в ее отношении никто не совершил? Что ее любили?

«Но кто тебя обидел так, что ран не залечить?»

Может быть, ответ на загадку пятерняшек и Рут был прост.

Все, что с ними произошло, они сделали сами.

Рут – написав свое стихотворение и приняв на себя бремя вины в том, в чем не была виновата. А пятерняшки – поверив лжи и не признав родительской любви.

Старший инспектор снова посмотрел на шапочку, покрутил ее в руках, пригляделся к рисунку.

– Как шапочка может быть ключом к ее дому? – спросил он. – Изображение ангела вам о чем-нибудь говорит?

Мирна посмотрела в окно на деревенский луг, на игроков в хоккей и отрицательно покачала головой.

– Возможно, оно ничего и не значит, – сказал старший инспектор. – Почему олень, или сосны, или снежинки? Все это просто веселые символы зимы и Рождества, которые мадам Уэлле вывязала на шапочках своих дочерей.

Мирна кивнула. Она мяла в руках шапочку и смотрела на счастливых ребятишек на замерзшем пруду.

– Констанс говорила, что они с сестрами любили хоккей. Они составляли команду и играли против других детей в деревне. Хоккей был любимым видом спорта брата Андре.

– Я не знал, – удивился Гамаш.

– Я думаю, они все купились на веру в то, что брат Андре – их ангел-хранитель. Отсюда и шапочка, – сказала Мирна.

Гамаш кивнул. В архивных документах было много упоминаний о брате Андре. Обе стороны взывали к благодатной памяти, которую оставил по себе святой.

– Но зачем ей понадобилось дарить мне шапочку? – спросила Мирна. – Чтобы рассказать о брате Андре? Неужели шапочка и есть ключ к ее дому? Не понимаю.

– Может быть, она хотела от нее избавиться, – сказал Гамаш, вставая. – Может быть, это и есть цель – порвать с легендой.

Может быть, может быть, может быть. Нет, так следствие не ведут. И время истекало. Если преступление не будет раскрыто к тому времени, когда Брюнели, Николь и он сам вернутся в школу, то оно не будет раскрыто никогда.

По крайней мере, не будет раскрыто Гамашем.

– Мне нужно еще раз посмотреть компакт-диск, – сказал он и направился на чердак Мирны.

– Вот, – сказал Гамаш, показывая на экран. – Видите?

Но он опять промедлил и нажал кнопку «пауза» на миг позже, чем нужно.

Отмотал назад и попытался еще раз. И еще раз. Мирна сидела рядом с ним на диване. Он снова и снова просматривал те же двадцать секунд записи. Старая пленка на старой ферме.

Девочки смеются и поддразнивают друг дружку. Констанс сидит на скамейке, отец зашнуровывает ей коньки. Другие девочки у двери балансируют на коньках, ждут уже с клюшками в руках.

Потом в кадре появляется мать и начинает раздавать шапочки. Но среди них оказывается одна лишняя, которую мать выбрасывает из кадра.

Снова и снова старший инспектор Гамаш просматривал этот кадр. Лишняя шапочка оставалась на экране считаные мгновения, перед тем как вылететь из руки Мари-Ариетт за границы кадра.

Они прильнули к экрану.

Но определить сумели лишь то, что шапочка светлая. В черно-белом изображении цвет не виден. Зато теперь они разглядели рисунок. Нечеткий, расплывчатый, но угадываемый.

– Ангелы, – сказала Мирна. – Та самая шапочка. – Она взглянула на шапочку, которую держала в руке. – Шапочка ее матери.

Но Гамаш смотрел не на остановленную в полете шапочку, а на лицо Мари-Ариетт. Что вывело ее из себя?

– Вы позволите воспользоваться вашим телефоном?

Мирна поднесла ему аппарат, и Гамаш набрал номер.

– Я проверила свидетельство о смерти, шеф, – ответила на его вопрос инспектор Лакост. – Они все точно мертвы. Виржини, Элен, Жозефин, Маргерит. И теперь Констанс. Пятерняшек Уэлле больше нет.

– Ты уверена?

Шеф редко сомневался в результатах ее поисков, поэтому она помедлила, прежде чем ответить:

– Я знаю, мы думали, будто одна из них еще жива. Но я нашла свидетельства о смерти и записи о захоронении. Все они упокоились на одном кладбище близ их дома. У нас есть доказательства.

– У нас имелось доказательство того, что всех девочек принял доктор Бернар, – напомнил ей Гамаш. – Доказательство того, что Исидор и Мари-Ариетт продали девочек правительству Квебека. Доказательство того, что Виржини умерла в результате случайного падения, но теперь мы подозреваем, что все было совсем не так.

Инспектор Лакост поняла его мысль.

– Они были очень скрытными людьми, – медленно проговорила она,

обдумывая слова Гамаша. – Я полагаю, это возможно.

– Они были не просто скрытными, а патологически скрытными. Видимо, им было что скрывать. – Старший инспектор немного помолчал. – Если все они мертвы, то возможно ли, что за их смертями стоит нечто большее, чем нам известно?

– Как с Виржини? – спросила Лакост. Мысль ее работала, пытаясь попасть в русло его рассуждений.

– Если они солгали об одной смерти, то могли солгать и об остальных.

– Но зачем?

– Зачем люди лгут нам? – спросил он.

– Чтобы скрыть преступление, – ответила Лакост.

– Чтобы скрыть убийство.

– Вы думаете, они были убиты? – спросила она, не сумев скрыть удивление. – Все?

– Мы знаем, что Констанс убили. И что Виржини умерла от несчастного случая. Но что нам на самом деле известно о смерти Виржини? – спросил старший инспектор. – Официально считается, что она умерла вследствие падения с лестницы. Мы имеем показания Элен и Констанс. Однако отчет доктора и первоначальные полицейские протоколы свидетельствуют о другом.

– Oui. О самоубийстве.

– Но возможно, и это было не так.

– Вы думаете, ее убили Элен и Констанс?

– Я думаю, мы приближаемся к истине.

Гамашу показалось, что они наконец вломились в дом Уэлле. Они с Лакост блуждали в темноте, но он чувствовал, что еще немного – и тайна этой несчастной семьи будет раскрыта.

– Я пересмотрю свои записи, – сказала Лакост, – и покопаюсь в старых документах, нет ли там хотя бы намека на то, что сестры умерли неестественной смертью.

– Хорошо. А я проверю приходские записи.

Он имел в виду записи о рождении и смерти. Старший инспектор знал: он найдет сделанную аккуратным почерком священника запись о рождении пятерняшек. Но вот сколько там будет записей о смерти?

Старший инспектор Гамаш приехал прямо в криминалистическую лабораторию Квебекской полиции, оставил там шапочку и распорядился, чтобы к концу дня ему представили данные экспертизы.

– К концу дня? – переспросил эксперт.

Но старшего инспектора уже и след простыл.

Гамаш поднялся в свой отдел и успел к самому началу летучки. Ее проводила инспектор Лакост, но присутствовать соизволили лишь несколько агентов. Когда вошел старший инспектор, Лакост встала. Агенты поначалу остались сидеть. Но, увидев его суровое лицо, тоже поднялись.

– Где остальные? – резко спросил Гамаш.

– На заданиях, – ответил один из агентов. – Сэр.

– Я спрашиваю у инспектора Лакост. – Он повернулся к ней.

– Им было сообщено о летучке, но они не явились.

– Мне нужны их имена, – сказал Гамаш и уже собрался уходить, но вдруг остановился и обвел взглядом застывших агентов.

Несколько секунд он смотрел на них, потом как будто обмяк.

– Идите по домам, – наконец сказал он.

Этого они не ожидали – на их лицах проступили удивление и неуверенность. Лакост тоже была поражена, но постаралась не показать этого.

– По домам? – переспросил один из агентов.

– Уходите, – приказал старший инспектор. – Делайте что хотите, только чтобы вас здесь не было.

Агенты переглянулись, ухмыляясь.

Он повернулся к ним спиной и пошел к двери.

– А наши дела?

Гамаш остановился. Вопрос был задан молодым агентом, которому он пытался помочь несколько дней назад.

– Ваши дела продвинутся хоть немного, если вы останетесь?

Вопрос был риторический.

Он знал: эти агенты, торжествуя, разнесут по всему управлению новость о том, что со старшим инспектором Гамашем покончено. Что он сдался.

И сейчас оказал им очень большую услугу, подтвердив это. Фактически остановив работу отдела.

– Считайте это рождественским подарком.

Они даже не пытались скрыть радость. Заговор удался. Они поставили великого старшего инспектора Гамаша на колени.

– Идите по домам, – повторил он усталым голосом. – Я тоже скоро ухожу.

Он вышел из отдела с прямой спиной, высоко подняв голову. Но шел медленно. Раненый лев, который хочет прожить еще один день.

– Шеф? – услышал он за спиной голос инспектора Лакост.

– В мой кабинет, пожалуйста.

Они вошли в его кабинет, Гамаш закрыл дверь и жестом пригласил ее сесть.

– Есть что-нибудь новое по делу Уэлле? – спросил он.

– Я еще раз поговорила с соседкой, хотела узнать, бывали ли у сестер гости. Она сказала мне то же, что и первым следователям. Никто к ним не приходил.

– Кроме нее самой, насколько я помню.

– Один раз она к ним заходила, – подтвердила Лакост. – Выпить лимонаду.

– Ей не казалось странным, что ее никогда не приглашали внутрь?

– Нет. Она сказала, что по прошествии нескольких лет привыкаешь ко всяким чудачествам. Некоторые соседи чересчур любопытные, некоторые любят вечеринки, некоторые ведут спокойную жизнь. Район старый, люди живут там десятилетиями, и сестры прожили там много лет. Ни у кого это не вызывало вопросов.

Гамаш кивнул и немного помолчал, играя с авторучкой.

– Ты должна знать, что я подаю в отставку.

– В отставку? Вы уверены?

Лакост вгляделась в его лицо, прислушалась к интонациям голоса. Неужели он серьезно?

– Я напишу прошение об отставке и подам его сегодня вечером или завтра. Оно вступит в силу немедленно по подаче. – Он выпрямился на стуле и несколько мгновений разглядывал свои руки, заметив, что дрожь исчезла. – Ты долго проработала со мной, инспектор.

– Да, сэр. Насколько я помню, вы нашли меня на мусорной свалке.

– Ты пробивалась тем, что найдешь в мусорных бачках. – Он улыбнулся.

Эти слова были не очень далеки от истины. Старший инспектор Гамаш взял ее к себе из отдела тяжких преступлений в тот день, когда она собиралась увольняться. Не потому, что не умела работать. Не потому, что напортачила. А потому, что она была другая. Коллеги застали ее на месте особо жестокого преступления, совершенного против ребенка, – она стояла, склонив голову и закрыв глаза.

Изабель Лакост совершила ошибку, сказав правду, когда ее спросили, что она там делала.

Она медитировала, посылала мысли жертве, заверяла ее в том, что та не будет забыта. С этого времени другие агенты превратили жизнь Изабель Лакост в настоящий ад. Наконец ее терпение кончилось. Она поняла: ей

пора уходить.

И она была права. Она только не знала, куда ей идти.

Старший инспектор Гамаш услышал про медитацию и захотел встретиться с молодым агентом, посмешищем для всей Квебекской полиции. Когда она пришла в кабинет своего босса с рапортом об увольнении, то навстречу ей из большого кресла поднялся совсем другой человек. Она сразу же узнала его. Видела старшего инспектора Гамаша в академии и по телевизору. Читала о нем в газетах. Один раз она оказалась с ним в кабине лифта, так близко, что ощутила запах его одеколона. Аромат был такой привлекательный, такой мощный, что она почувствовала притяжение к этому человеку и чуть не вышла вместе с ним из лифта.

Когда она явилась в кабинет своего босса, старший инспектор Гамаш поднялся из кресла и слегка поклонился. Поклонился ей. В нем было что-то старомодное. Что-то нездешнее.

Он протянул руку и представился: «Арман Гамаш».

Она пожала протянутую руку, чувствуя легкое головокружение. Она не очень понимала, что происходит.

С тех пор они были вместе.

Не в буквальном смысле, а профессионально, эмоционально. Она бы пошла за ним, куда бы он ни позвал.

А сейчас он говорил ей, что подает в отставку.

Лакост не могла сказать, что это стало для нее полной неожиданностью. Напротив, она ожидала этого уже некоторое время. С тех пор как отдел начали расформировывать, а агентов – переводить в другие службы. С тех пор как атмосфера в управлении пропиталась гнилью и горечью от происходящего в полиции разложения.

– Спасибо за все, что вы сделали для меня, – сказал Гамаш, потом встал и улыбнулся. – Я отправлю вам по электронной почте копию рапорта об отставке. Вы сможете разослать его?

– Да, сэр.

– Как только получите. Пожалуйста.

– Конечно.

Она вместе с ним дошла до дверей кабинета. Он протянул ей руку, как и при первой встрече:

– Ни одного дня не проходит, чтобы я не гордился вами, инспектор Лакост.

Рукопожатие оказалось крепким. Ни следа той усталости, которую он демонстрировал другим агентам. Ни поражения, ни покорности. Гамаш был полон решимости. Он задержал ее руку и пристально посмотрел в

глаза:

– Доверяйте своим чувствам. Вы меня понимаете?

Лакост кивнула.

Он открыл дверь и вышел не оглядываясь. Медленно, но без колебаний ушел из отдела, который сам же и создал, а сегодня уничтожил.

Глава тридцатая

– Думаю, вам будет интересно посмотреть, сэр.

Тесье догнал старшего суперинтенданта Франкёра в лифте и приказал всем остальным выйти. Двери закрылись, и Тесье передал Франкёру лист бумаги.

Тот быстро просмотрел его.

– Когда это было записано?

– Час назад.

– И он всех отправил по домам? – Франкёр хотел возвратить бумагу Тесье, но передумал. Сложил и сунул в карман.

– Инспектор Лакост все еще там. Они, кажется, заняты делом Уэлле, но все остальные разошлись.

Франкёр смотрел прямо перед собой и видел собственное нечеткое отражение в обшарпанном и помятом металле двери.

– Он спекся, – сказал Тесье.

– Не будь дураком, – отрезал Франкёр. – Судя по файлам, которые ты снял с компьютера психотерапевта, Гамаш все еще думает, что мы его прослушиваем.

– Но ему никто не верит.

– Он сам верит, и правильно делает. Тебе не кажется, что он специально подсунул нам это? – Франкёр постучал по бумаге с распечаткой у себя кармане. – Хочет, чтобы мы знали о его планах подать в отставку.

Тесье задумался.

– Зачем?

Франкёр смотрел перед собой. На дверь. Он помнил ее новой, когда нержавеющая сталь сверкала и отражала не хуже зеркала. Он глубоко вздохнул, откинул назад голову, закрыл глаза.

Что затеял Гамаш? Что у него на уме?

Вроде бы надо радоваться, но что-то не давало Франкёру покоя. Они уже почти подошли к цели. А теперь вот это.

«Что ты задумал, Арман?»

Приходской священник встретил его с ключами от старой каменной церкви.

Давно прошли те дни, когда церкви не запирались. Те дни исчезли вместе с чашами для причастия, распятиями и всем остальным, что можно

украсть или испортить. Церкви стали холодными и пустыми. Правда, не все, что с ними произошло, можно списать на вандалов.

Гамаш отряхнул снег с куртки, снял шапку и прошел за священником. Потрепанный шарф и тяжелое пальто скрывали римский воротничок отца Антуана. Священник спешил, вовсе не обрадованный тем, что его оторвали от ланча и теплого очага в этот снежный день.

Он был старый, сутулый. Лет восьмидесяти, как показалось Гамашу. Лицо пухлое, с синеватыми прожилками вен на носу и щеках, с усталыми глазами. Измученными в ожидании чуда от этой скудной земли. Впрочем, одно чудо на его памяти здесь все же случилось. Пятерняшки Уэлле. Но наверное, подумал Гамаш, одно чудо хуже, чем вообще никаких чудес. Господь пришел один раз. И больше не вернулся.

Отец Антуан знал, что возможно, а что пройдет мимо.

– Вам какую нужно? – спросил отец Антуан, когда они вошли в его кабинет в дальнем углу церкви.

– Начиная с тысяча девятьсот тридцатых годов, – ответил старший инспектор.

Он предварительно позвонил и переговорил с отцом Антуаном, но священник, видимо, так и не понял, что от него требуется.

В кабинете повсюду лежали книги и папки. Наверное, в былые времена кабинет был удобным, даже уютным. Тут стояли два стула, книжные шкафы, имелся камин. Однако теперь помещение выглядело запущенным. Заполненным, но пустым.

– Это должно быть здесь. – Священник указал на шкаф у окна, положил на стол ключ и вышел.

– Merci, mon père[58], – сказал ему вслед Гамаш, закрыл дверь, включил лампу на столе, снял куртку и принялся за работу.

Старший суперинтендант Франкёр передал бумагу своему компаньону по ланчу. Тот прочитал ее и положил на стол возле фарфоровой тарелки с теплой булочкой. Рядом с ножом чистого серебра лежал завиток из сливочного масла.

– И что, по-вашему, это значит? – спросил собеседник Франкёра.

Голос его, как обычно, был теплым, дружелюбным, ровным. Он никогда не звучал взволнованно, и очень редко – сердито.

Франкёр с трудом сдержал улыбку. Этого человека, в отличие от Тесье, не обманула неловкая попытка Гамаша сбить их с толку.

– Он подозревает, что его кабинет на прослушке, – сказал Франкёр. Он был голоден, но не осмеливался отвлекать внимание своего собеседника. –

Это, – он кивнул на бумагу, лежащую на льняной скатерти, – предназначалось для нас.

– Я согласен. Но что дальше? Он подает в отставку или нет? Что он хочет до нас донести? Что это? – Человек постучал пальцем по бумаге. – Признание поражения или обман?

– Откровенно говоря, сэр, я думаю, это не имеет значения.

Собеседник Франкёра посмотрел на него заинтересованным взглядом. Любопытным.

– Продолжайте.

– Мы очень близки к цели. Поначалу казалось, что разобраться с той женщиной будет нелегко…

– Под «разобраться» вы имеете в виду сбросить Одри Вильнёв с моста Шамплейна, – перебил его человек. – Проблема, которую вы с Тесье и создали.

Франкёр позволил себе слегка улыбнуться:

– Нет, сэр. Проблему создала она сама, выйдя за рамки своих полномочий.

Он промолчал о том, что она вообще не должна была найти эту информацию. Однако нашла. Знание может быть не только силой, оно еще и взрывоопасно.

– Мы не допустили утечки информации, – сказал Франкёр. – Она никому ничего не успела сказать.

– Но что-то она все же сказала, – заметил его собеседник. – Нам еще повезло, что она пошла к своему начальнику, который сразу же сообщил нам. Все могло закончиться катастрофой.

Использование этого слова показалось Франкёру занятным и ироничным в свете грядущих событий.

– И мы уверены, что она не рассказала никому другому?

– Сейчас это уже вышло бы наружу, – ответил Франкёр.

– Не слишком утешительно.

– Она даже толком не поняла, что нашла, – сказал Франкёр.

– Нет, Сильвен. Поняла, но не могла поверить в это.

Вместо гнева Франкёр увидел на лице своего собеседника удовлетворение. И сам испытал легкое возбуждение.

Они рассчитывали на две вещи: на свою способность скрывать происходящее и на то, что, даже если их планы окажутся раскрыты, к ним отнесутся как к чему-то немыслимому. Невероятному.

– На файлах Одри Вильнёв были тут же записаны другие, ее машина вычищена, дом обыскан, – сказал Франкёр. – Все, что хоть отдаленно могло

быть связано с нашим делом, исчезло.

– Кроме нее самой. Ее тело было обнаружено. Тесье и его люди не сумели добросить его до воды. Нужно очень постараться, чтобы промахнуться по такой крупной мишени, как Святой Лаврентий. У них что, проблемы с прицеливанием?

Франкёр огляделся. Они были одни в зале, только телохранители сгрудились у дверей. Увидеть их никто не мог. Записать разговор – тоже. Никто не мог их подслушать. И все же Франкёр понизил голос. Не до шепота – иначе это было бы слишком похоже на заговор, – но до благоразумного уровня.

– Все обернулось наилучшим образом, – сказал Франкёр. – Ее смерть считается самоубийством, но тот факт, что тело обнаружили под мостом, позволил Тесье и его людям тоже спуститься туда. И никто их ни о чем не спросил. Это знак свыше.

Собеседник Франкёра поднял брови и улыбнулся.

Это было привлекательное, почти мальчишеское выражение. Его лицо носило слишком сильный отпечаток его характера и его пороков, чтобы проявлять искренние чувства. В его голосе слышалась некоторая грубоватость, отчего сказанные им слова всегда звучали веско. Его костюмы, хотя и скроенные на заказ, сидели на нем чуть небрежно, отчего он выглядел одновременно и как руководитель высшего уровня, и как человек из народа.

Один из нас – для всех нас.

Сильвен Франкёр мало кем восхищался. Лишь немногие из тех, кого он встречал, не вызывали у него отвращения. И этот человек принадлежал к числу немногих. Они знали друг друга больше тридцати лет. Познакомились молодыми людьми, и каждый поднялся в своей области.

Компаньон Франкёра по ланчу разрезал пополам и намазал маслом теплую булочку.

Франкёр знал, что восхождение его собеседника не было легким. Но оно состоялось. От незаметного работника на плотине залива Джеймс до одного из самых влиятельных людей в Квебеке.

В первую очередь он стремился к власти. К созданию рычагов влияния. Использованию их. Изъятию у других.

– Вы хотите сказать, что Господь на нашей стороне? – спросил его собеседник, явно забавляясь.

– И везение, – добавил Франкёр. – Усердная работа, терпение, план. И везение.

– Так, значит, везение навело Гамаша на то, чем мы занимаемся?

Везение предотвратило в прошлом году разрушение плотины? – Разговор принял новый оборот. Прежде теплый голос зазвучал жестко. – Мы работали над этим много лет, Сильвен. Несколько десятилетий. А вы все провалили.

Франкёр понимал, что следующие несколько минут будут критическими. Он не должен проявлять слабость, но и в противоборство вступать нельзя. Поэтому он улыбнулся, взял свою булочку и разломил ее пополам.

– Вы, конечно, правы. Однако, по-моему, мы и тут получили знак свыше. Плотина как цель всегда вызывала сомнения. У нас не было уверенности, что она обрушится. К тому же, если бы план удался, энергетика региона понесла бы такие потери, что ее пришлось бы восстанавливать долгие годы. Так гораздо лучше.

Он посмотрел на окно высотой во всю стену, за которым падал снежок.

– Я убежден: нынешний план гораздо лучше, чем первоначальный. У него громадное преимущество в том, что все произойдет на виду. Не бог знает где, а прямо здесь, в центре одного из крупнейших городов Северной Америки. Подумайте о визуальном эффекте.

Возникла пауза. Оба представили, как это будет.

В их воображении это был не акт разрушения, а акт творения. Они будут творить ярость, гнев непреодолимой силы. Взрыв котла. И это приведет к призыву действовать. А для действий понадобится лидер.

– А Гамаш?

– Его можно списать со счетов, – ответил Франкёр.

– Не лгите мне, Сильвен.

– Он изолирован. Его отдел в руинах. Он лично уничтожил его сегодня. Союзников у него не осталось, а друзья от него отвернулись.

– Гамаш жив. – Собеседник Франкёра подался вперед и понизил голос. Но не для того, чтобы скрывать то, что собирался сказать, а чтобы не осталось сомнений в его словах. – Вы убили так много людей, Сильвен. Почему вы медлите с Гамашем?

– Я не медлю. Поверьте мне, я только и мечтаю о том, как бы от него избавиться. Но даже те люди, которые больше не лояльны к нему, станут задавать вопросы, если его труп вдруг выловят в Святом Лаврентии или если его собьет машина. Мы уничтожили его карьеру, его отдел. Мы уничтожили доверие к нему и сломили его дух. Убивать его нет нужды. По крайней мере, пока он не подошел слишком близко. Но он никуда не подойдет. Я его отвлек.

– Как?

– Я довел человека, который ему небезразличен, до края. Гамаш отчаянно хочет спасти…

– Жана Ги Бовуара?

Франкёр замолчал, удивленный тем, что его собеседнику известно имя инспектора. Но тут ему пришла в голову еще одна мысль: не следит ли его собеседник за ним, пока он следит за Гамашем?

«Это не имеет значения, – подумал Франкёр. – Мне скрывать нечего».

И все же он насторожился. Его внутренний часовой заступил на пост. Франкёр знал, на что способен он сам. Даже гордился этим. Считал себя полководцем, который не уклоняется от трудных решений. От отправки людей на смерть или от приказов убивать других, что было неприятно, но необходимо.

Как Черчилль, позволивший бомбить Ковентри. Принесший в жертву немногих ради большинства. Франкёр ложился спать с мыслью о том, что он будет не первым полководцем на таком пути. Ради большего блага.

Человек, сидящий напротив него, пригубил красное вино, глядя на Франкёра поверх бокала. Франкёр знал, на что способен он сам. И знал, на что способен его собеседник и что он уже сделал.

Сильвен Франкёр насторожился еще больше.

Арман Гамаш нашел толстые, в кожаных переплетах регистрационные книги прихода именно там, где показал священник. Он вытащил две из пыльной стопки и одну из них, относящуюся к 1930-м годам, положил на стол перед собой.

В кабинете было холодно и сыро, и он снова надел куртку. А еще он был голоден. Стараясь не замечать урчания в животе, он надел очки и принялся листать книгу с ее рождениями и смертями.

Франкёр вонзил нож в мягкое тесто с запеченным в нем лососем и увидел многослойную рыбную начинку розоватого цвета и свежую зелень. С теста стекали лимонный сок и эстрагонное масло.

Он подцепил вилкой кусочек рыбы. Его собеседник тем временем поглощал тушеную баранью ножку с чесноком и розмарином. Между ними на столе стояла тарелочка с зеленой стручковой фасолью и шпинатом.

– Вы не ответили на мой вопрос, Сильвен.

– Какой?

– Старший инспектор и в самом деле подает в отставку? Он выкидывает белый флаг или пытается задурить нам голову?

Франкёр снова опустил глаза на аккуратно сложенный лист бумаги на

столе – расшифровку сегодняшнего разговора в отделе Гамаша.

– Я начал говорить, что, на мой взгляд, это не имеет значения.

Его собеседник положил вилку и прикоснулся льняной салфеткой к губам. Ему удавалось выдавать изнеженные манеры за мужественность.

– Но вы не объяснили, что имеете в виду.

– Я имею в виду, что он опоздал. Мы абсолютно готовы. Нам нужна только команда от вас.

Вилка Франкёра остановилась над тарелкой, взгляд устремился на собеседника.

Если приказ будет отдан сейчас, то от того, что задумывалось десятилетия назад, их отделяют всего лишь минуты. То, что началось с разговора шепотком двух молодых идеалистов, заканчивалось здесь. Тридцать лет спустя. Их волосы за это время поседели, на руках появились пигментные пятна, а на лицах – морщины. Они теперь пользовались серебряными приборами и льняными салфетками, пили красное вино и вкушали великолепную еду. И закончиться все должно было не шепотком, а громким взрывом.

– Скоро, Сильвен. Осталось всего несколько часов, возможно, день. Мы придерживаемся плана.

Старший суперинтендант Франкёр, как и его собеседник, знал, что власть получают те, кто проявляет терпение. Ему нужно лишь еще немного второго, чтобы добиться первого.

Они все были здесь.

Мари-Виржини.

Мари-Элен.

Мари-Жозефин.

Мари-Маргерит.

И Мари-Констанс.

Он нашел запись об их рождении. Длинная череда имен под фамилией Уэлле. И он нашел записи об их смертях. Исидор, Мари-Ариетт и их дети. Констанс, конечно, еще не успела попасть в скорбный список, но скоро и ее имя появится. Рождение, потом смерть. И книгу можно будет закрыть.

Гамаш откинулся на спинку стула. Несмотря на царивший здесь беспорядок, комната производила успокаивающее действие. Он знал, что причиной тому тишина и запах старых книг.

Старший инспектор положил на место тяжелые книги и вышел из церкви. Его путь к дому священника пролегал мимо кладбища. Поле старых серых камней было частично усыпано снегом, что тоже

успокаивало. Снег шел весь день и продолжался сейчас. Не сильный, но непрекращающийся. Большие мягкие хлопья падали почти вертикально вниз.

– Какого черта! – громко сказал себе Гамаш и сошел с дорожки, тут же утонув в снегу и набрав полные ботинки.

Он с трудом продвигался вперед от надгробия к надгробию, иногда проваливаясь по колено. Наконец он нашел их.

Исидор и Мари-Ариетт. Бок о бок. Их имена навечно запечатлены в камне. Мари-Ариетт умерла такой молодой, по крайней мере по сегодняшним меркам. Немного не дожила до сорока. Исидор умер глубоким стариком. Немного не дожил до девяноста. Пятнадцать лет назад.

Старший инспектор попытался счистить снег с надгробий, чтобы прочесть остальные имена и даты, но снега было слишком много. Он огляделся, потом вернулся на дорожку тем же путем, каким пришел.

Увидев приближающегося священника, Гамаш окликнул его.

– Нашли, что искали? – спросил отец Антуан.

Голос его теперь звучал более дружелюбно. Вероятно, священник больше страдал от низкого содержания сахара в крови, чем от дурного характера или хронического разочарования в Господе, который зашвырнул его сюда и забыл о его существовании.

– Вроде бы нашел, – сказал Гамаш. – Хотел посмотреть на могилы, но там слишком много снега.

– Я принесу лопату.

Через несколько минут отец Антуан вернулся с лопатой, и Гамаш расчистил дорожку к надгробию, потом скинул снег и с надгробия.

Мари-Виржини.

Мари-Элен.

Мари-Жозефин.

Мари-Маргерит.

И Мари-Констанс. Дата ее рождения уже была выбита, но дата смерти пока отсутствовала. Предполагалось, что ее похоронят вместе с сестрами. В смерти как в жизни.

– Позвольте спросить, mon père, – сказал Гамаш.

– Oui?

– Можно ли сфальсифицировать похороны? И запись в книге?

Этот вопрос ошеломил отца Антуана.

– Сфальсифицировать? Зачем?

– Я не знаю точно зачем, но мне хочется знать, возможно ли такое.

Священник задумался.

– Мы не делаем запись о захоронении, если не видим свидетельство о смерти. Если же свидетельство фальшивое, тогда, наверное, и запись будет неверна. Но похороны? С похоронами куда труднее, non? Ну, то есть кого-то так или иначе нужно похоронить.

– А гроб мог быть пустым?

– Маловероятно. Из похоронной конторы вряд ли привезли бы пустой гроб.

Гамаш улыбнулся:

– Пожалуй, вы правы. Однако они могли и не знать, кто лежит в гробу. А если вы не знаете умершего, то вас нетрудно обмануть.

– То есть вы предполагаете, что в гробу кто-то лежал, но не тот, кто указан в свидетельстве о смерти?

На лице отца Антуана появилось скептическое выражение. И Гамаш мог его понять.

Однако в жизни пятерняшек Уэлле было столько фальши, так почему бы не сфальсифицировать и их смерть? Но с какой целью? И кто из них может еще оставаться в живых?

Гамаш покачал головой. Безусловно, самый разумный ответ был и самым простым. Они все уже умерли. И вопрос не в том, мертвы ли они, а в том, не убили ли их.

Он посмотрел на соседние надгробия. Слева тоже лежали Уэлле. Семья Исидора. Справа – Пино. Семья Мари-Ариетт. Первое имя всех мужчин Пино было Марк. Гамаш наклонился ближе и не удивился, увидев, что первые имена всех девочек – Мари.

Он снова перевел взгляд на надгробие Мари-Ариетт.

«Моя мать давно умерла и покоится в другом городе, но со мной так еще и не покончила».

Что же за незаконченное дело оставалось между матерью и дочерьми?

– В последнее время кто-нибудь интересовался пятерняшками? – спросил Гамаш, когда они гуськом возвращались по расчищенной им узкой дорожке.

– Нет. Большинство людей их давным-давно забыли.

– А вы давно здесь священником?

– Около двадцати лет. Когда я приехал, пятерняшек здесь уже не было.

Значит, этот усталый священник ничего не получил от чуда. Кроме мертвых тел.

– А они приезжали сюда когда-нибудь?

– Нет.

– И все же они похоронены здесь.

– А где им еще упокоиться? В конце все возвращаются домой.

Гамаш подумал, что так оно, вероятно, и есть.

– А родители? Их вы знали?

– Я знал Исидора. Он прожил долгую жизнь. Так больше ни на ком и не женился. Всегда надеялся, что девочки вернутся, будут присматривать за ним в старости.

– Но они так и не вернулись.

– Только на его похороны. А потом уже на свои.

Священник взял у Гамаша старые ключи, и на этом они расстались. Однако до возвращения в Монреаль Гамаш должен был сделать кое-что еще.

Несколько минут спустя старший инспектор Гамаш заехал на парковку и заглушил двигатель. Он посмотрел на высокие стены, на пики ограды, на завитки колючей проволоки поверху. Охранники с вышек наблюдали за ним с винтовками наперевес.

Они могли не беспокоиться. Старший инспектор не имел намерения выходить из машины, хотя ему и хотелось.

Церковь находилась всего в нескольких километрах от ЗООПа, тюрьмы, в которой содержался сейчас Пьер Арно. Куда посадил его Гамаш.

Поговорив со священником и посмотрев книги, он собирался ехать прямо в Монреаль. Но вместо этого сидел здесь, преодолевая соблазн. Привлеченный сюда Пьером Арно.

Их разделяло лишь несколько метров, а Арно знал все ответы на вопросы Гамаша.

Старший инспектор все больше и больше убеждался в том, что именно Арно заварил всю эту кашу. Но он знал, что Арно не в силах остановить начатое. Это должны сделать Гамаш и его команда.

Хотя искушение увидеть Арно было велико, он не мог нарушить слово, данное Терезе. Он завел двигатель, включил передачу и поехал. Но не в Монреаль, а в другом направлении – назад к церкви. Он снова остановил машину у дома священника и постучал в дверь.

– Опять вы, – сказал священник, впрочем без особого огорчения.

– Désolé, mon père, – сказал Гамаш. – Скажите, Исидор до самой смерти жил в собственном доме?

– Да.

– Готовил еду, убирал, рубил дрова – все сам?

– Старое поколение, – улыбнулся священник. – Самодостаточное. Он гордился этим. Никогда не просил о помощи.

– Но старикам всегда помогали, – заметил Гамаш. – По крайней мере,

так было в прошлом. Члены семьи присматривали за родителями и дедами.

– Верно.

– Так кто же приглядывал за Исидором, если не его дети?

– Ему помогал один из его шуринов.

– Он все еще здесь? Могу я с ним поговорить?

– Нет. После смерти Исидора он уехал. Насколько мне известно, старый месье Уэлле в благодарность оставил ему ферму. Кому еще было ее оставлять?

– Но он сейчас не живет на ферме?

– Не живет. Продал ее и уехал в Монреаль, кажется.

– Нет ли у вас его адреса? Я бы хотел поговорить с ним об Исидоре, Мари-Ариетт и девочках. Он ведь должен был их знать, верно? Так же как и их мать. – Гамаш затаил дыхание.

– О да. Она ведь его сестра. А девочкам он приходился дядей. Адреса его у меня нет, – сказал отец Антуан, – но его зовут Андре. Андре Пино. Теперь он и сам уже старый.

– А сколько ему сейчас?

Отец Антуан задумался.

– Не могу точно сказать. Можем посмотреть по приходским книгам, если хотите, но я бы сказал, ему далеко за семьдесят. Он родился последним в семье, через много лет после сестры. У Пино была огромная семья. Добрые католики.

– Вы уверены, что он жив?

– Не уверен, но здесь его нет. – Священник окинул взглядом кладбище. – А куда еще он мог бы вернуться?

Домой. Но не на ферму, а в могилу.

Глава тридцать первая

Эксперт протянул Гамашу отчет и шапочку:

– Готово.

– Есть что-нибудь?

– На шапочке обнаружены три существенных контакта. Не считая, конечно, вашей собственной ДНК.

Он неодобрительно посмотрел на Гамаша, который загрязнил вещественное доказательство.

– А кто остальные?

– Ну, я бы сказал, что шапочка побывала в руках более чем у трех человек. Я нашел следы ДНК целой группы людей и по крайней мере одного животного. Возможно, случайный контакт, имевший место много лет назад. Ее взяли, возможно, даже носили. Но недолго. Она принадлежала кому-то еще.

– Кому?

– Я к этому и веду.

Эксперт смерил Гамаша раздраженным взглядом. Старший инспектор жестом велел ему продолжать.

– Так вот, как я уже говорил, имели место три существенных контакта. Один из них посторонний, а два других – родственники.

Гамаш подумал, что посторонний, скорее всего, Мирна, которая держала шапочку и даже пыталась ее надеть.

– Одно из совпадений относится к жертве.

– Констанс Уэлле, – сказал Гамаш. Его это не удивило, но для полной уверенности требовалось подтверждение. – А другое?

– Вот тут-то и начинается самое интересное и трудное.

– Вы сказали, что они родственники, – поторопил его Гамаш, надеясь избежать долгой и несомненно увлекательной лекции.

– Так оно и есть. Но другая ДНК старая.

– Насколько старая?

– Я бы сказал, несколько десятков лет. Точнее определить нельзя, но родство тут несомненное. Может, брат и сестра.

Гамаш опустил взгляд на ангелов:

– Брат и сестра? А родитель и его ребенок?

Эксперт немного подумал и кивнул:

– Тоже возможно.

– Мать и дочь, – пробормотал Гамаш себе под нос.

Значит, они не ошиблись. Буквы «МА» подразумевали «ма». Мари-Ариетт связала шесть шапочек. По шапочке для дочек и одну для себя.

– Нет, – возразил эксперт. – Не мать и дочь, а отец и дочь. Старая ДНК почти наверняка мужская.

– Pardon?

– С полной уверенностью я вам, конечно, не могу сказать, – ответил эксперт. – Я пишу об этом в отчете. Эта ДНК взята с волоса. Я бы сказал, что много лет назад шапочка принадлежала мужчине.

Гамаш вернулся в свой кабинет.

В отделе никого не осталось. Даже Лакост ушла. Он позвонил ей из машины от дома священника и попросил найти Андре Пино. Теперь больше, чем когда-либо прежде, Гамаш хотел поговорить с человеком, который знал Мари-Ариетт. Но, помимо этого, Пино знал также Исидора и девочек.

Отец и дочь, сказал эксперт.

Гамаш представил себе Исидора с распростертыми руками, благословляющего детей. Выражение самоотречения на его лице. Может быть, он не благословлял, а просил у них прощения?

«И когда мы снова встретимся, прощенные и простившие…»

Не потому ли ни одна из них не вышла замуж? Не потому ли они вернулись только для того, чтобы убедиться, что он мертв?

Не потому ли Виржини покончила с собой?

Не потому ли они ненавидели мать? Не за то, что она сделала, а за то, чего не сумела сделать? И правда ли, что государство, такое надменное и бесцеремонное, на самом деле спасло девочек, забрав их из мрачного фермерского дома?

Гамаш помнил радость на лице Констанс в тот момент, когда отец зашнуровывал на ней коньки. Старший инспектор принял это за чистую монету, но теперь его одолели сомнения. Он расследовал немало дел, связанных с насилием над детьми, и знал: оказавшись в одной комнате с обоими родителями, ребенок почти наверняка бросится в объятия насильника.

Попытка ребенка подольститься. Не такое ли выражение он видел на лице маленькой Констанс? Не истинную радость, а деланую, вызванную отчаянием и жизненным опытом?

Гамаш посмотрел на шапочку. Ключ к их дому. Впрочем, не стоило делать поспешных умозаключений, которые могут оказаться далекими от

истины. И все же… не эту ли тайну скрывала от всех Констанс? Тайну, с которой она хотела наконец покончить?

Но это не объясняло убийства. Или объясняло. Неужели он пропустил что-то существенное или не уловил важной связи?

Гамаш все яснее понимал, что необходимо поговорить с дядюшкой пятерняшек.

Лакост сообщила ему по электронной почте, что, кажется, нашла дядюшку. Может, это и не тот Пино – фамилия-то распространенная, однако возраст совпадает, и он переехал в маленькую квартирку как раз четырнадцать лет назад. Время переезда соответствует времени смерти Исидора и продажи фермы. Лакост спросила, не хочет ли Гамаш, чтобы она поговорила с Пино, но он отправил ее домой. Отдохнуть. Он сам поговорит с Пино по пути в Три Сосны.

На его столе лежало оставленное Лакост досье, включая адрес месье Пино в восточной части Монреаля.

Гамаш медленно развернул кресло спиной к пустому и темному отделу и посмотрел в окно. Солнце садилось. Он взглянул на часы – 4:17. Время захода. Но все равно каждый день казалось, что солнце садится слишком рано.

Он сидел, легонько покачиваясь в кресле и глядя на Монреаль. Такой беспорядочно застроенный. Искони такой. Но еще и динамичный. Живой и суматошный.

Ему доставляло удовольствие смотреть на Монреаль.

Он размышлял, не сделать ли одну вещь, которая может обернуться ужасной глупостью. Мысль была далеко не рациональная, но ведь и родилась она не в голове.

Старший инспектор собрал бумаги и вышел, не оглянувшись. Он не стал запирать дверь своего кабинета, даже закрывать ее не стал. Нет нужды. Он сомневался, что вернется.

В лифте он нажал кнопку «вверх», а не «вниз». Доехав до нужного этажа, вышел из кабины и уверенно зашагал по коридору. В отличие от его отдела тут находилось немало людей. Он шел, и агенты смотрели на него со своих кресел. Некоторые потянулись к телефонной трубке.

Но старший инспектор не обращал на них внимания. Он шел прямо к цели. Дойдя до места, он не постучал – открыл дверь и решительно закрыл ее за собой.

– Жан Ги.

Бовуар, сидевший за своим столом, поднял голову, и у Гамаша сжалось сердце. Жан Ги шел на дно. Он совсем опустился.

– Идем со мной, – попросил Гамаш.

Он полагал, что его голос будет звучать как обычно, и удивился, услышав шепот, едва различимые слова.

– Уходите, – сказал Бовуар, тоже очень тихо, и повернулся спиной к старшему инспектору.

– Идем со мной, – повторил Гамаш. – Прошу тебя, Жан Ги. Еще не поздно.

– Зачем? Чтобы вы еще какое-то время поиграли со мной? – Бовуар обратил на Гамаша злобный взгляд. – Еще больше меня унизили? Идите вы в жопу.

– Они украли файлы у психотерапевта, – сказал Гамаш, приближаясь к этому молодому человеку, сильно постаревшему за последнее время. – Они знают наши слабые места. Твои, мои. Лакост. Всех.

– Они? Кто такие «они»? Постойте, не говорите мне. Они – значит не вы. И больше ничто не имеет значения, верно? Великий Арман Гамаш непорочен. Вся вина лежит на «них». Всегда на «них». Так вот, забирайте вашу долбаную идеальную жизнь, ваш идеальный послужной список и выметайтесь отсюда. Я для вас – кусок говна, прилипший к подошве. Я недостаточно хорош для вашего отдела. Для вашей дочери. И я недостаточно хорош, чтобы меня спасать.

Последние слова Бовуар произнес едва слышно. Горло его сжалось, и слова вышли с трудом. Бовуар поднялся. Его исхудавшее тело сотрясалось.

– Я пытался… – начал Гамаш.

– Вы меня бросили. Оставили умирать на той фабрике.

Гамаш открыл рот, но что он мог сказать? Что он спас Бовуара? Оттащил его в безопасный угол. Остановил кровотечение. Позвал помощь.

Что в том не было его вины?

Пока Арман Гамаш жив, он будет видеть не рану Жана Ги, а его лицо. Страх в его глазах. Страх смерти. Такой внезапной. Такой неожиданной. Эти глаза умоляли Гамаша хотя бы не оставлять его одного. Умоляли остаться.

Он цеплялся за руки Гамаша, и старший инспектор по сей день чувствовал его потные теплые ладони. Жан Ги не произнес тогда ни слова, но его глаза кричали.

Арман Гамаш поцеловал Жана Ги в лоб, пригладил его растрепанные волосы. Прошептал на ухо успокоительные слова. И ушел. Чтобы помочь остальным. Он был их командиром. Он привел их сюда, где их ждала засада. Он не мог оставаться с одним раненым агентом, как бы ни любил его.

Его и самого ранили в тот день. Он чуть не умер. Тогда с ним рядом была Изабель Лакост. Она смотрела ему в глаза, держала за руку и слышала его шепот: «Рейн-Мари».

Она его не бросила. Он познал невыразимую мудрость поговорки «На миру и смерть красна». А потом он понял, какое, вероятно, невыразимое одиночество чувствовал Бовуар.

Арман Гамаш знал, что изменился. На бетонный пол упал один человек, а подняли уже другого. Но еще он знал, что Жан Ги Бовуар так и не смог подняться. Он остался привязанным к окровавленному полу фабрики своей болью и болеутоляющими средствами, своей зависимостью и узами отчаяния.

Гамаш снова заглянул в его глаза.

Теперь они были пустыми. Даже гнев казался всего лишь отголоском прежнего. В них не осталось никаких чувств. Только сумрак.

– Идем со мной, – сказал Гамаш. – Позволь мне помочь тебе. Еще не поздно. Прошу тебя.

– Анни выгнала меня, потому что вы ей сказали.

– Ты знаешь ее, Жан Ги. Лучше, чем когда-либо смогу узнать я. Ты знаешь, ее ни к чему нельзя принудить. Это почти убило ее, но то, что она сделала, она сделала из любви к тебе. Она отказалась от тебя, потому что хотела, чтобы ты обратился за помощью и избавился от пагубной привычки.

– Я принимаю болеутоляющие, – отрезал Бовуар. Это тоже был их старый спор. Мрачный танец двоих мужчин. – По предписанию врача.

– А это? – Гамаш поднял пузырек с транквилизаторами со стола Бовуара.

– Это мое. – Бовуар выбил пузырек из руки Гамаша, и таблетки рассыпались по столу. – Вы забрали у меня все и оставили мне только это. – Жан Ги схватил пузырек и швырнул его в Гамаша. – Вот оно. Все, что у меня есть. А теперь вы и это хотите забрать.

Бовуар был изможден, его трясло. Но он не отступал перед более сильным физически человеком.

– Вы знали, что другие агенты называли меня вашей сукой, потому что я вечно лебезил перед вами?

– Никто тебя так не называл. Тебя все уважали.

– Называли. Называли. Но больше не называют! Я был вашей сукой. Лизал вам задницу, юлил. Надо мной смеялись. А после той операции вы всем рассказывали, что я трус…

– Никогда!

– Говорили, что я сломался. Что от меня никакого толку…

– Никогда!

– Отправили меня к психиатру, потом на реабилитацию, словно я какой-то слабак. Вы унижали меня.

Все это время он теснил Гамаша назад. С каждой фразой делал шаг вперед. И снова вперед. Пока старший инспектор не уперся спиной в тонкую стену кабинета Бовуара.

А когда идти было уже некуда, Жан Ги Бовуар залез под пиджак Гамаша и вытащил его пистолет.

А старший инспектор, хотя и мог его остановить, ничего не сделал.

– Вы оставили меня умирать, потом сделали посмешищем.

Гамаш почувствовал, как ствол «глока» упирается ему в живот, и сделал резкий вдох, когда Бовуар нажал еще сильнее.

– Я отстранил тебя лишь временно, – с трудом выдавил из себя Гамаш. – Я приказал тебе вернуться на реабилитацию, чтобы тебе помочь.

– Анни меня бросила, – сказал Бовуар, и его глаза наполнились слезами.

– Она тебя любит, но она не смогла бы жить с наркоманом. Ты наркоман, Жан Ги.

Бовуар еще сильнее вжал пистолет в живот Гамаша. Тот уже еле дышал, но не сопротивлялся.

– Она любит тебя, – повторил он хрипло. – Ты должен обратиться за помощью.

– Вы оставили меня умирать, – произнес Бовуар срывающимся голосом. – На полу. На этом грязном долбаном полу.

Навалившись на Гамаша, Бовуар заплакал. Он ощущал небритым лицом ткань пиджака Гамаша, вдыхал запах сандалового дерева. И розовой воды.

– Я пришел за тобой, Жан Ги. – Губы Гамаша шевелились у самого уха Бовуара, слова были едва слышны. – Идем со мной.

Рука Бовуара сместилась, палец на спусковом крючке напрягся. Но Гамаш по-прежнему не сопротивлялся, не отбивался от Бовуара.

«И когда мы снова встретимся, прощенные и простившие…»

– Мне очень жаль, – сказал Гамаш. – Я бы отдал жизнь, чтобы спасти тебя.

«Не будет ли тогда, как прежде, слишком поздно?»

– Слишком поздно, – приглушенно произнес Бовуар в плечо Гамашу.

– Я тебя люблю, – прошептал Гамаш.

Жан Ги отпрыгнул назад и взмахнул пистолетом, ударив Гамаша по

щеке. Тот покачнулся и ухватился за стену, чтобы не упасть. Повернувшись, Гамаш увидел, что Бовуар навел на него «глок» и его рука ходит из стороны в сторону.

Гамаш знал, что по другую сторону двери находятся агенты, которые могли бы войти. Остановить происходящее. Но они ничего этого не сделали.

Он выпрямился и вытянул вперед руку, залитую его собственной кровью.

– Я мог бы вас убить, – сказал Бовуар.

– Oui. И может быть, я заслужил это.

– Никто бы не стал меня винить. Никто бы меня не арестовал.

И Гамаш знал, что это правда. Он только думал, что если его когда-нибудь убьют, то не в управлении Квебекской полиции и не рукой Жана Ги Бовуара.

– Я знаю, – тихо произнес старший инспектор. Он сделал шаг к Бовуару, и тот не отступил. – Как же ты, наверное, одинок.

Он смотрел в глаза Жана Ги, и сердце его обливалось кровью из-за того мальчишки, которого он оставил.

– Я мог бы вас убить, – повторил Бовуар еще тише.

– Да.

Арман Гамаш стоял лицом к лицу с Жаном Ги. Пистолет почти касался его белой рубашки, забрызганной кровью.

Гамаш протянул вперед правую руку, которая больше не дрожала, и ощутил холод металла.

Он обхватил своей рукой руку Жана Ги. Она была холодная, как пистолет. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и наконец Жан Ги отпустил пистолет.

– Оставьте меня, – сказал он безжизненным голосом.

– Идем со мной.

– Уходите.

Гамаш убрал пистолет в кобуру и пошел к двери. Остановился:

– Мне жаль.

Бовуар стоял посреди кабинета, такой усталый, что даже не было сил отвернуться.

Старший инспектор Гамаш покинул кабинет и прошел мимо группы агентов – некоторым из них он читал лекции в академии.

Арман Гамаш всегда придерживался старомодных убеждений. Он верил, что свет победит тьму. Что доброта сильнее жестокости, что великодушие существует даже в самых жутких местах. Он верил, что зло

не всесильно. Но, глядя на этих молодых мужчин и женщин, которые могли предвидеть, что его разговор с Бовуаром закончится трагедией, и ничего не предприняли, чтобы предотвратить такой исход, старший инспектор Гамаш спрашивал себя, не ошибался ли он прежде.

Может быть, темнота иногда одерживает победу. Может быть, зло всесильно.

Он прошел по коридору к лифту, нажал кнопку «вниз» и в уединении кабины закрыл лицо руками.

– Вы уверены, что вам не нужен врач?

Андре Пино стоял у дверей ванной комнаты, сложив руки на широкой груди.

– Нет, все будет в порядке.

Гамаш плеснул еще воды себе в лицо, чувствуя, как она жалит рану. Вокруг водостока завихрилась розоватая жидкость, потом исчезла. Он посмотрел в зеркало и увидел свое отражение: рваная рана на скуле, свежий синяк.

Ничего, заживет.

– Вы говорите, поскользнулись на льду? – Месье Пино подал Гамашу чистое полотенце, и старший инспектор приложил его к лицу. – Я тоже так поскальзывался. Главным образом в барах после хорошей выпивки. Другие ребята тоже поскальзывались. По всему городу. Иногда нас арестовывали за это.

Гамаш улыбнулся и поморщился. Снова улыбнулся.

– Лед – штука предательская, – согласился старший инспектор.

– Maudit tabarnac[59], ваша правда, – сказал Пино, направляясь по коридору в кухню. – Пиво?

– Non, merci.

– Кофе?

Предложение было сделано без энтузиазма.

– Пожалуй, стаканчик воды.

Попроси Гамаш разрешения воспользоваться туалетом, Пино и то проявил бы больше воодушевления. Но он налил в стакан воду, достал кубики льда. Один кинул в воду, а остальные завернул в полотенце. И то и другое дал старшему инспектору.

Гамаш поменял личное полотенце на полотенце со льдом, прижал его к лицу и сразу же почувствовал себя лучше. У Андре Пино явно имелся опыт в таких делах.

Старик открыл банку пива, подтащил стул и сел рядом с Гамашем за

стол с ламинированной столешницей.

– Так что, patron, – сказал он, – вы хотели поговорить об Исидоре и Мари-Ариетт? Или о девочках?

Позвонив в дверь, Гамаш представился и объяснил, что хочет задать несколько вопросов о месье и мадам Уэлле. Его авторитет был несколько подорван тем фактом, что он выглядел так, будто только что подрался в баре.

Однако Андре Пино, похоже, не находил в этом ничего необычного. Гамаш в машине пытался привести себя в порядок, но безуспешно. Если бы время не поджимало, он поехал бы домой переодеться.

Теперь, сидя в кухне с наполовину онемевшим лицом и прихлебывая холодную воду, он снова начинал чувствовать себя компетентным и уверенным.

Месье Пино развалился на стуле, выпятив грудь и живот. Крепкий, энергичный, многое повидавший. Ему, вероятно, перевалило за семьдесят, но он выглядел человеком без возраста, почти бессмертным. Гамаш не представлял, кто или что могло бы его свалить.

Старший инспектор повидал немало квебекцев, подобных Пино. Жилистые мужчины и женщины, рожденные для присмотра за фермой, лесом, животными и самими собой. Сильные, крепкие, самодостаточные. Племя, ныне почти вытесненное изнеженными горожанами.

К счастью, людей вроде Андре Пино это не волновало. А если и волновало, то они поскальзывались на льду так, что с ними падал и горожанин.

– Вы помните пятерняшек? – спросил Гамаш и положил пакет со льдом на стол.

– Забыть их трудно, но я видел-то их всего ничего. Они жили в парке аттракционов – правительство построило его для них в Монреале. Но они приезжали на Рождество и на недельку-другую летом.

– Наверное, здорово, когда у тебя есть свои собственные местные знаменитости.

– Пожалуй. Правда, никто не считал их местными. В городе продавались сувениры от пятерняшек Уэлле, их именами называли мотели и кафе. Столовая «Пятерняшка» и всякое такое. Но местными они быть перестали. Совсем.

– А друзья у них были? Соседские ребята, с которыми они гуляли?

– Гуляли? – усмехнулся Пино. – Девочки не гуляли. Они жили по расписанию. На них посмотришь – настоящие английские принцессы.

– Значит, никаких друзей?

– Только те, которым киношники платили для съемок.

– А девочки знали?

– Что их друзей покупают? Вероятно.

Гамаш вспомнил, что говорила Мирна о Констанс. Что той не хватало общества. Не сестер – они-то всегда рядом, – а хотя бы одного друга, которого не нужно покупать. Даже Мирне Констанс платила за сеансы. Правда, потом Констанс перестала платить, а Мирна ее не бросила.

– И какие они были?

– Нормальные, по-моему. Держались друг за дружку.

– Заносчивые? – спросил Гамаш.

Пино заерзал на стуле:

– Не могу сказать.

– Вам они нравились?

Этот вопрос привел Пино в замешательство.

– Вы, вероятно, были ровесниками… – попробовал еще раз Гамаш.

– Я чуть помладше. – Пино усмехнулся. – Я не такой старый, как может показаться.

– Вы с ними играли?

– В хоккей иногда. Когда девочки приезжали зимой на Рождество, Исидор подбирал команду. Все хотели быть Ракетой Ришаром[60], – сказал Пино. – Даже девочки.

Гамаш заметил в нем небольшую перемену.

– Вы ведь любили Исидора, да?

Андре хмыкнул:

– Он был такая бестия. Его словно из земли вытащили, как здоровенный грязный старый пень. Ручищи громадные.

Пино положил собственные немалые руки на стол, посмотрел на них и улыбнулся. Как и у Исидора, улыбка у него была щербатой, но искренней. Он покачал головой:

– Неразговорчивый был. Удивлюсь, если насчитаю, что за последние десять лет он сказал мне больше пяти слов.

– Насколько я понимаю, вы жили с ним.

– Кто вам сказал?

– Приходской священник.

– Антуан? Вот ведь старая кумушка, всегда сплетничает. Он и мальчишкой таким же был. Играл вратарем, знаете ли. Из-за лени – чтобы не бегать. Сидел в воротах, как паук в паутине. У нас от него мурашки по коже бегали. А теперь заправляет в той церкви и дерет с туристов денежки за показ места, где крестили пятерняшек. Даже могилу Уэлле им

показывает. Правда, теперь-то мало кто ими интересуется.

– Они так и не приезжали навестить отца, когда повзрослели?

– Антуан и об этом вам рассказал?

Гамаш кивнул.

– Что ж, он прав. Но все было нормально. Мы с Исидором вполне справлялись. Он, знаете ли, в день своей смерти корову доил. Ему почти девяносто стукнуло, и он прямо там и скопытился. – Пино рассмеялся, поняв, что сказал. – Скопытился у коровьих копыт. – Он отхлебнул пива и улыбнулся. – Надеюсь, долголетие у нас семейное. Я бы тоже хотел так помереть.

Он оглядел маленькую аккуратную кухню и вспомнил, где находится. И как, скорее всего, умрет. Хотя Гамаш подозревал, что скопытиться у коровьих копыт не так забавно, как может показаться.

– Вы помогали ему на ферме? – спросил Гамаш.

Пино кивнул:

– А еще наводил чистоту и готовил. Исидор неплохо управлялся со всякими уличными работами, а в доме убираться ненавидел. Но любил, чтобы был порядок.

Гамаш уже успел понять, что Андре Пино тоже привержен порядку. Ему стало любопытно, сказались ли тут годы жизни с Исидором, или же аккуратность свойственна Андре от природы.

– К счастью для меня, он больше всего любил консервированные макароны. Такие в виде буковок. И хот-доги. А по вечерам мы играли в карты или сидели на крыльце.

– Но не разговаривали?

– Ни словечка. Он смотрел на поле. И я тоже. Иногда я уезжал в городок выпить в баре, а когда возвращался, он все там же и сидел.

– О чем же он думал?

Пино вытянул губы и взглянул в окно. Видеть там было нечего, кроме голой кирпичной стены соседнего дома.

– Он думал о девочках. – Андре снова перевел взгляд на Гамаша. – Самый счастливый день в его жизни – день их рождения, но, пожалуй, он так и не оправился от того шока.

Гамаш вспомнил фотографию молодого Исидора Уэлле, который полными ужаса глазами смотрит на пятерых своих дочерей, завернутых в простыни, тряпки и грязные полотенца.

Да, это было потрясение.

Но несколько дней спустя появился другой Исидор, отмытый, как и его дочери. Отчищенный для съемок. Одну девочку он неумело, немного

неуверенно, но очень нежно, надежно держал в своих загорелых, хватких руках. Словно хотел защитить. С фотографии смотрел грубоватый фермер, не обученный притворяться.

Исидор Уэлле любил дочерей.

– Почему же девочки не приезжали к нему, когда стали старше? – спросил Гамаш.

– Откуда мне знать? Это вы у них спросите.

«У них?» – подумал Гамаш.

– Не могу.

– Ну, если вы хотели узнать у меня их адрес, то я его не знаю. Не видел и не слышал их много лет.

И тут до Андре Пино что-то дошло. Его стул медленно проскрежетал по линолеуму, когда Андре оттолкнулся от стола. От старшего инспектора.

– А почему вы здесь?

– Несколько дней назад умерла Констанс, – сказал Гамаш, не сводя глаз с Пино.

Но он так и не увидел никакой реакции. Старик просто принял к сведению его слова.

– Мне очень жаль.

Но Гамаш сомневался, что это так. Новость, конечно, не порадовала его, но особого горя он не испытал. Старшему инспектору показалось, что Андре Пино было все равно.

– И сколько же их осталось? – спросил Пино.

– Ни одной.

– Ни одной? – удивился он, снова придвинулся к столу и взял пиво. – Вот, значит, и все.

– Все?

– Последняя ушла. Не осталось больше пятерняшек.

– Вас это, кажется, не слишком расстраивает.

– Слушайте, я уверен, что они были очень милые девочки, но, насколько мне известно, стоило им родиться, как на Исидора и Мари-Ариетт обрушилась целая гора дерьма.

– Так ведь их мать сама вымолила их, – напомнил ему Гамаш. – Вся эта история с братом Андре.

– Что вы об этом знаете? – спросил Пино.

– Ну, тут нет никакой тайны, верно? – сказал Гамаш. – Ваша сестра посетила брата Андре в Оратории. Она на коленях поднялась по ступеням, чтобы помолиться о даровании детей и просить его вмешательства. Девочки родились на следующий день после смерти брата Андре. Самая

громкая часть их истории.

– Да, я знаю, – кивнул Пино. – Дети Чуда. Можно подумать, что сам Иисус Христос их и родил. Мари-Ариетт была всего лишь женой бедного фермера, которая хотела иметь детей. Но я вам скажу кое-что. – Пино подался своим мощным телом к Гамашу. – Если это сделал Господь, то Он ее, видать, ненавидел.

– Вы читали книгу доктора Бернара? – спросил Гамаш.

Он предполагал, что Пино рассердится, однако тот просто покачал головой:

– Слышал я о ней. Все слышали. Там ложь на лжи. Изобразил Исидора и Мари-Ариетт тупыми фермерами, слишком глупыми, чтобы воспитывать собственных детей. Бернар прознал о ее поездке к брату Андре и сделал из этого голливудскую историю. Рассказал киножурналистам, репортерам. Написал книгу. Мари-Ариетт не единственная ездила в Ораторию за благословением брата Андре. Люди до сих пор ездят. Но что-то никто не рассказывает, как другие поднимаются по тем дурацким ступеням на коленях.

– Другие не рожают пятерняшек.

– Значит, им везет.

– Вы не любили девочек?

– Я их не знал. Когда они приезжали домой, там появлялись камеры, няньки, доктор ихний и еще куча всякого народа. Поначалу было забавно, но потом стало… – Он искал подходящее слово. – Merde. И все их жизни превратились в merde.

– А Мари-Ариетт и Исидор тоже так считали?

– Откуда мне знать? Я мальчишкой был. Но я знаю, что Исидор и Мари-Ариетт хорошие, порядочные люди. Пробивались как могли. Мари-Ариетт больше всего в жизни хотела стать матерью, а они ей не позволили. Они забрали у нее девочек. У Исидора. В книге Бернара сказано, что они продали детей правительству. Вранье. Однако люди верили. Вот что ее убило. Мою сестру. Она умерла от стыда.

– А Исидор?

– Он еще больше замкнулся. Улыбаться перестал. Все шептались у него за спиной. Показывали на него пальцем. После ее смерти он далеко от дома не уходил.

– Почему девочки не приезжали к нему, когда стали старше? – спросил Гамаш.

Он уже задавал этот вопрос и получил отпор, но стоило попытаться еще раз.

– Их там не ждали. Чего бы они стали приезжать?

– Но Исидор хотел, чтобы они приехали и ухаживали за ним, – возразил Гамаш.

Пино зашелся от смеха:

– Кто вам такое сказал?

– Священник. Отец Антуан.

– Да откуда ему знать? Исидор больше не хотел видеть девочек. После смерти Мари-Ариетт. Он винил их в том, что она умерла.

– А у вас никакой связи с племянницами не было?

– Я им написал о смерти отца. Они приехали на похороны. Пятнадцать лет назад. С тех пор я их не видел.

– Исидор оставил ферму вам. Не девочкам, – сказал Гамаш.

– Верно. Он не хотел больше иметь с ними ничего общего.

Гамаш вытащил из кармана шапочку и положил на стол. И впервые за все время их общения на лице Пино появилась искренняя улыбка.

– Вы ее узнаете.

Пино взял шапочку:

– Где вы ее нашли?

– Констанс подарила ее подруге на Рождество.

– Странный подарок. Чья-то чужая шапочка.

– Она сказала, что шапочка – ключ к ее дому. Что, по-вашему, она могла иметь в виду?

Пино рассмотрел шапочку, потом положил ее на стол.

– Моя сестра связала шапочки для всех девочек. Я не знаю, кому она принадлежит. Если ее подарила Констанс, наверно, ее и шапочка. Вы так не думаете?

– А почему она назвала шапочку ключом к ее дому?

– Câlice[61], не знаю.

– Эта шапочка не принадлежала Констанс, – сказал Гамаш, постучав пальцем по шапочке.

– Тогда, наверно, кому-то еще из девочек.

– Вы никогда не видели ее на Исидоре?

– Вы, вероятно, ударились о лед сильнее, чем думаете, – ухмыльнулся Пино. – С тех пор уже шестьдесят лет прошло. Я не помню, что я сам носил, а уж что Исидор – и подавно. Запомнил только, что он и зимой и летом носил ковбойки и от них воняло по́том. Есть еще вопросы?

– Как девочки называли мать? – спросил Гамаш, вставая.

– Tabarnac, – выругался Пино. – У вас с головой все в порядке?

– А что?

– Вы начали задавать глупые вопросы. Как девочки называли свою мать?

– И?

– Откуда мне знать? Как все люди называют своих матерей?

Гамаш ждал ответа.

– Мама, конечно, – ответил Андре.

Они и двух шагов не прошли, как Пино остановился:

– Постойте. Вы сказали, что Констанс умерла, но к чему все эти вопросы? Почему вы мне их задаете?

Гамаш все время ждал, когда же Пино додумается до этого вопроса. Старику понадобилось немало времени; впрочем, его ведь отвлекали глупыми вопросами.

– Смерть Констанс не была естественной.

– А как она умерла? – остро взглянул Пино на Гамаша.

– Ее убили. Я работаю в отделе по расследованию убийств.

– Maudit tabarnac, – пробормотал старик.

– Вам не приходит в голову, кто бы мог ее убить? – спросил Гамаш.

Андре Пино задумался, потом покачал головой.

Перед тем как выйти из кухни, Гамаш обратил внимание на обед, ждущий Пино на кухонном столе.

Консервированные макароны в форме буковок алфавита и хот-доги.

Глава тридцать вторая

На мосту Шамплейна мигали огоньки снегоуборщиков.

В час пик машины ехали бампер к бамперу, и в зеркале заднего вида Гамаш видел громадный снегоуборочный плуг, тоже застрявший в пробке.

Оставалось только ползти вместе со всеми. Рана на лице у Гамаша пульсировала, но он старался не обращать на это внимания. Труднее было не вспоминать о том, как это случилось. Он заставил себя вернуться мыслями к разговору с Андре Пино, единственным живым человеком, знавшим пятерняшек и их родителей. Он создал в представлении Гамаша образ горечи, утраты и крайней нищеты.

Дом Уэлле должен был заполниться орущими детьми. Но вместо этого там остались только Мари-Ариетт и Исидор. И сам дом, где царили недомолвки и легенды. О чуде, дарованном, а потом проданном. О девочках, спасенных от жестокой нищеты и жадных родителей.

Был создан миф. Чтобы продавать билеты и фильмы и еду в столовой «Пятерняшки». Чтобы продавать книги и открытки. Продавать образ Квебека как просвещенной, прогрессивной, богобоязненной, богоугодной страны.

Страны, где Бог ходит среди людей, исполняя желания тех, кто ползет на окровавленных коленях.

Эта мысль всколыхнула что-то в голове у Гамаша, наблюдавшего за тем, как нетерпеливые водители пытаются переезжать из полосы в полосу, полагая, что смогут вырваться немного вперед в этом сплошном потоке. Словно чудо, припасенное для другой полосы, вдруг произойдет и все машины впереди исчезнут.

Гамаш смотрел на дорогу и думал о чудесах и мифах. И о том, как Мирна описывала ему тот момент, когда Констанс впервые призналась ей, что она вовсе не Пино, а одна из пятерняшек Уэлле.

Мирна сказала, что перед ней как будто материализовалась греческая богиня. Гера. А позднее Тереза Брюнель указала, что Гера не просто какая-то богиня, а главная. Могущественная и завистливая.

Мирна возразила, сказав, что назвала первое имя, пришедшее ей в голову. С тем же успехом она могла назвать Афину или Афродиту. Вот только она не сделала этого. Мирна назвала величественную и мстительную Геру.

Гамашу не давал покоя вопрос, хотела ли Констанс рассказать Мирне о

том, что с ней сделали. Может быть, ее отец. Или о том, что сделала она или все они с кем-то другим.

Констанс хранила тайну. Это было очевидно. И Гамаш не сомневался, что она наконец собиралась поделиться своей тайной, бросить альбатроса к ногам Мирны.

Что, если Констанс Уэлле прежде поделилась с кем-то еще? С кем-то, кому она доверяла? Но с кем? Кого, кроме Мирны, могла Констанс считать человеком, достойным доверия?

Судя по всему, такого человека не существовало. Дядюшка Андре не видел их много лет и вообще не казался их большим поклонником. Соседей сестры держали на почтительном расстоянии. Священник, отец Антуан, если бы Констанс почувствовала склонность к исповеди или задушевной беседе ради спасения души, скорее всего, воспринял бы ее как товар, и не более того. Ничего человеческого или божественного.

Гамаш мысленно вернулся к самому началу дела. Он снова и снова обдумывал его. И неизменно возникал вопрос: действительно ли Мари-Констанс Уэлле была последней из сестер? Или же одна из них избежала смерти? Сфабриковала свою смерть, изменила имя. Зажила собственной жизнью.

Сделать это в пятидесятые – шестидесятые годы было гораздо проще. Даже в семидесятые. До появления компьютеров, до возникновения жестких требований к документации.

А если одна из пятерняшек все еще оставалась жива, то могла ли она убить сестру, чтобы заставить ее замолчать? Чтобы сохранить свою тайну?

Но что это была за тайна? Что одна из сестер все еще жива? Что она сфабриковала свою смерть?

Глядя на стоп-сигналы машины впереди, заливающие его лицо красным светом, Гамаш вспомнил, о чем говорил отец Антуан. Им пришлось бы похоронить кого-то другого.

Может быть, в этом и состояла тайна? Не в том, что одна из сестер оставалась живой, а в том, что похоронили кого-то другого?

Старший инспектор совсем забыл, что находится на мосту, в нескольких метрах от края, а далеко внизу течет полузамерзшая река. Его ум теперь занимала другая загадка. Он снова вернулся к делу и стал искать пожилую женщину. Лет восьмидесяти. Нескольких пожилых мужчин он знал: священник отец Антуан, дядюшка Андре Пино. Но ни одной женщины, кроме Рут.

Пару мгновений Гамаш забавлялся мыслью, что Рут и в самом деле пропавшая пятерняшка. Не воображаемая сестра, как заявляла поэтесса, а

настоящая. Возможно, это объясняло, почему Констанс посетила Рут, завязала что-то вроде дружбы с озлобленной старухой, которая написала глубокомысленное стихотворение – на смерть кого? Виржини Уэлле.

Возможно ли такое? Может ли Рут Зардо быть Виржини, которая не упала с лестницы, а прокопала кроличью нору и вышла в Трех Соснах?

Хотя мысль понравилась Гамашу, пришлось ее отвергнуть. Жизнь Рут Зардо, невзирая на все ее ворчливые требования не вмешиваться в ее личные дела, вообще-то, была довольно прозрачной. Ее семья переехала в Три Сосны, когда Рут была ребенком. Хотя арест Рут и мог стать забавным действом, Гамаш скрепя сердце заставил себя отказаться от неожиданной идеи.

Внезапно его посетила другая мысль. На периферии дела Констанс имелась еще одна пожилая женщина. Та, которая жила вместе с мужем в соседнем доме и которую как-то раз пригласили на веранду выпить стакан лимонада. Которая дружила (насколько это было возможно) с очень замкнутыми сестрами.

Не могла ли она быть Виржини? Или даже Элен? Бежавшей от жизни пятерняшек Уэлле? Покинувшей их общую жизнь через могилу?

И тут он понял: кроме слов соседки, утверждавшей, что дальше веранды ее не приглашали, у них нет никаких подтверждений этого. Может быть, она была больше чем соседкой. Возможно, сестры не случайно переехали в соседний дом.

Наконец Гамаш преодолел мост. Он повернул на первом же съезде и припарковался на обочине, чтобы позвонить Лакост.

– Данные вскрытия подтверждают причину смерти, – ответила она из дома. – Возможно, их подделали, но мы оба понимаем, что это гораздо труднее, чем кажется.

– Доктор Бернар мог бы такое устроить, – сказал Гамаш. – И мы знаем, что образ пятерняшек Уэлле поддерживался всей мощью правительства. Вот тебе возможное объяснение, почему свидетельство о смерти имеет такой туманный характер: говорится о несчастном случае, но есть намек и на самоубийство.

– Но зачем им соглашаться на такое?

Это был хороший вопрос. Гамаш посмотрел на засохший сэндвич с сыром, лежащий на соседнем сиденье. Белый хлеб чуть подвял под целлофаном. Снег скапливался на лобовом стекле, и старший инспектор включил дворники, чтобы его смахнуть.

Зачем Виржини могло понадобиться фабриковать собственную смерть и почему Бернар и правительство стали бы помогать ей в таком деле?

– Я думаю, можно понять побудительные причины Виржини, – сказал Гамаш. – Похоже, публичная жизнь повредила ей больше, чем остальным сестрам.

Лакост задумчиво произнесла:

– А соседка, если это и в самом деле Виржини, она замужем. Может быть, Виржини знала: единственная надежда жить нормальной жизнью – это начать все заново, с чистого листа. Другим человеком.

– Как ее зовут?

Он услышал, как Лакост щелкает по клавишам в поисках нужного файла.

– Аннетт Мишо.

– Если она Виржини, то Бернар и правительство должны были ей помочь, – сказал Гамаш, размышляя вслух. – Почему? Возможно, не по доброй воле. Вероятно, у Виржини имелся на них какой-то компромат. И она грозила предать его гласности.

Он снова вспомнил маленькую девочку, выглядывающую из дверей своего дома. Ее несчастное лицо перед камерой, лицо, умоляющее о помощи.

Если он прав, то Виржини Уэлле, одна пятая часть чуда, возможно, была также убийцей. Даже двойным убийцей. Одно убийство она совершила много лет назад, чтобы бежать, а другое – несколько дней назад, чтобы сохранить свою тайну.

– Я поговорю с ней сегодня еще раз, patron, – сказала Лакост.

Гамаш услышал в трубке вопли и смех маленьких детей Лакост и посмотрел на часы на приборном щитке. Половина седьмого. Неделя до Рождества. Сквозь очищенный от снега полумесяц на лобовом стекле он видел освещенную фигуру пластмассового снеговика и бегущие огоньки перед заправкой.

– Я сам, – сказал он. – К тому же мне ехать ближе. Я только что пересек мост.

– Вечер будет долгим, шеф, – заметила Лакост. – Позвольте мне.

– Вечер будет долгим для нас обоих, – сказал Гамаш. – Я сообщу тебе, что удастся узнать. А ты пока попытайся собрать побольше информации о мадам Мишо и ее муже.

Он отключился и повернул назад, в сторону Монреаля. К забитому машинами мосту. Медленно двигаясь по мосту в город, он думал о Виржини, которая, может быть, и бежала, но всего лишь в соседний дом.

Гамаш съехал с моста, некоторое время петлял по узеньким дорожкам и наконец оказался у дома Уэлле. У темного дома. У черной дыры в

веселом квартале, готовящемся к Рождеству.

Он остановил машину возле дома Мишо. Тропинка была расчищена, одно из деревьев в переднем дворике украшено яркими рождественскими лампочками. В доме горел свет, хотя занавески были задернуты. Дом казался теплым, притягательным.

Дом, как и все другие на улице. Один среди равных.

Не этого ли так хотели знаменитые пятерняшки? Не известности, а общества? Быть нормальными? И если так, если он нашел давно потерянную пятерняшку, то она воплотила свою мечту в жизнь. Даже решилась на убийство ради мечты.

Гамаш позвонил, и дверь ему открыл человек лет восьмидесяти. Открыл без малейших колебаний, не думая, что человек по другую сторону может желать ему зла.

– Oui?

На месье Мишо были кардиган и серые фланелевые брюки. Выглядел он аккуратно и по-домашнему. Седые усы опрятно подстрижены, в глазах ни тени подозрения. Напротив, он смотрел на Гамаша так, словно ожидал от него лучшего, а никак не худшего.

– Месье Мишо?

– Oui?

– Я один из полицейских, расследующих то, что случилось в соседнем доме, – сказал Гамаш, показывая удостоверение. – Вы позволите мне войти?

– Да ведь вы ранены.

Этот голос прозвучал из-за спины месье Мишо. Старик отступил, и на передний план вышла его жена.

– Входите, – сказала Аннетт Мишо Гамашу.

Старший инспектор, забывший о своем лице и окровавленной рубашке, смутился. Двое пожилых людей сочувственно смотрели на него. Сочувственно по отношению к нему, а не к себе.

– Чем мы можем вам помочь? – спросил месье Мишо, пока его жена вела их по коридору в гостиную. Елка стояла украшенная, с включенной гирляндой. Под ней лежало несколько подарков в обертке, а на каминной полке висели два носка. – Может, вам нужен бинт?

– Нет-нет, со мной все в порядке, merci, – заверил его Гамаш.

Мадам Мишо предложила взять его куртку, и он снял ее и отдал хозяйке.

Мадам Мишо была невысокая и пухлая, в домашнем платье, теплых носках и тапочках.

В доме пахло обедом, и Гамаш подумал о засохшем сэндвиче с сыром в холодной машине.

Мишо сели бок о бок на диване и выжидательно уставились на старшего инспектора.

Трудно было представить людей, менее похожих на убийц. Но Гамаш за свою долгую карьеру арестовал множество убийц, казавшихся невинными овечками. И он знал, что сильное, ужасное чувство, приводящее к последнему удару, может жить в ком угодно. Даже в таких милых людях. Даже в этом милом доме с запахом жаркого.

– Вы давно здесь живете? – спросил он.

– О, уже пятьдесят лет, – ответил месье Мишо. – Мы купили этот дом, когда поженились в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году.

– В пятьдесят девятом, Альбер, – поправила его мадам.

Виржини Уэлле умерла 25 июля 1958 года. А Аннетт Мишо поселилась здесь в 1959 году.

– И детей у вас нет?

– Нет, – ответил месье.

Гамаш кивнул:

– А когда сюда приехали ваши соседки, сестры Пино?

– Тому уже двадцать три года, – сказал месье Мишо.

– Как точно, – с улыбкой заметил Гамаш.

– Мы, разумеется, думали о них, – сказала мадам. – Вспоминали.

– И что вы вспоминали?

– Они были идеальные соседи, – ответила она. – Тихие. Замкнутые. Как и мы.

«Как и мы», – подумал Гамаш, глядя на нее. Она и в самом деле подходила по возрасту и телосложению. Он не спрашивал, годится ли ее темперамент для убийства. Темперамент не имел значения. Большинство убийц сами удивлялись тому, что совершили. Неожиданной вспышке страсти, неожиданному удару. Неожиданному переходу от добра ко злу.

Планировала ли она убийство, или оно произошло неожиданно для нее и Констанс? Может быть, она пошла в соседний дом и там узнала, что Констанс намеревается вернуться в деревню и рассказать все Мирне. Не из вредности, не для того, чтобы напакостить сестре, а чтобы освободиться наконец.

Виржини освободилась с помощью преступления, Констанс собиралась освободиться с помощью правды.

– Вы дружили с ними? – спросил Гамаш.

– Скорее, были в дружеских отношениях, – ответила мадам Мишо.

– Но, насколько я понимаю, они приглашали вас выпить, посидеть.

– Один раз. На лимонад. Вряд ли этого достаточно для дружбы.

Ее глаза, по-прежнему теплые, были весьма зоркими. Как и ее мозг.

Гамаш наклонился вперед и полностью сосредоточился на мадам Мишо.

– Вы знали, что они пятерняшки Уэлле?

Оба Мишо вздрогнули. Брови месье Мишо в удивлении взлетели вверх. Но брови мадам Мишо опустились. Его выражение отражало эмоции, а ее – работу мысли.

– Пятерняшки Уэлле? – повторила она. – Пятерняшки Уэлле? – На сей раз акцент был сделан на слове «пятерняшки».

Гамаш кивнул.

– Но это невозможно, – сказал Альбер.

– Почему? – спросил Гамаш.

Мишо пробормотал что-то невнятное, его мысли опережали слова. Он повернулся к жене:

– Ты знала?

– Нет, конечно. Я бы тебе сказала.

Гамаш откинулся на спинку стула, глядя, как они переваривают информацию. Они казались искренне ошеломленными, вот только чем: новостью об Уэлле или той новостью, что Гамаш знает?

– И вы ничего такого не подозревали? – спросил он.

Они отрицательно покачали головой, все еще не в силах произнести хоть слово. Для их поколения такая новость была равносильна сообщению, что с ними соседствуют марсиане. Нечто знакомое и в то же время чуждое.

– Я видел их как-то раз, – сказал месье Мишо. – Мать возила нас в их дом. Они выходили в начале каждого часа и прохаживались вдоль ограды, махали людям. Удивительно. Покажи месье, что у тебя есть.

Мадам Мишо поднялась, и мужчины тоже встали. Минуту спустя она вернулась:

– Вот. Мои родители купили это в сувенирном магазине.

Она протянула Гамашу пресс-папье с фотографией, запечатлевшей хорошенький маленький коттедж и пять сестер перед ним.

– Мои родители тоже водили меня взглянуть на них. Сразу после войны. Я думаю, мой отец повидал столько ужасов, что ему хотелось увидеть что-то вселяющее надежду.

Рассмотрев фотографию, Гамаш вернул пресс-папье.

– Они и вправду жили в соседнем доме? – спросил месье Мишо, осознав наконец слова Гамаша. – И мы знали пятерняшек?

Он перевел взгляд на жену. Ее что-то беспокоило. В отличие от мужа она помнила цель визита Гамаша.

– Она ведь умерла не потому, что была пятерняшкой? – спросила она.

– Мы не знаем.

– Но это же было так давно, – сказала она, глядя ему в глаза.

– Что было давно? – спросил Гамаш, не отводя взгляда. – Они могли вырасти, могли изменить имена, но они все равно навсегда остались бы пятерняшками. Их судьбу ничто не могло изменить.

Месье Мишо пробормотал:

– Не могу поверить. Пятерняшки.

Арман Гамаш покинул их уютный дом. Его куртка пропиталась ароматом жаркого, и этот запах преследовал его до самой машины.

Он вернулся на мост Шамплейна, трафик к исходу часа пик стал пожиже. У Гамаша не было уверенности, что он приблизился к разгадке. Может быть, он создает собственный миф? Пропавшая пятерняшка? Восставшая из мертвых? Еще одно чудо.

– Где он теперь? – спросил Франкёр.

– На мосту Шамплейна, – ответил Тесье. – Направляется на юг. Думаю, возвращается в деревню.

Франкёр откинулся на спинку кресла и уставился на Тесье, но инспектор знал этот взгляд. На самом деле старший суперинтендант не видел его – он обдумывал что-то свое.

– Почему Гамаш все время туда возвращается? Что там есть такого?

– Судя по делу убитой пятерняшки, у нее там жила подружка.

Франкёр кивнул, но рассеянно. Он думал.

– Мы уверены, что это Гамаш? – спросил Франкёр.

– Он. Мы отслеживаем его сотовый и машину. Отсюда он отправился на встречу с одним человеком по имени… – Тесье посмотрел в свои записи, – Андре Пино. Потом он звонил Изабель Лакост, расшифровка разговора у меня здесь. После этого вернулся в дом, где произошло убийство, и разговаривал с соседями. Недавно уехал. Похоже, он полностью сосредоточен на деле пятерняшки.

Франкёр вытянул губы трубочкой и кивнул. Они находились в его кабинете, при закрытых дверях. Время подходило к восьми, но Франкёр еще не собирался домой. Он должен был убедиться, что все в состоянии готовности. Что они ничего не упустили. Что все случайности предусмотрены. Единственным пятнышком на чистом горизонте оставался Арман Гамаш. Но Тесье только что сказал, что это пятнышко исчезло в той

деревне, в черной дыре.

Франкёр знал, что должен бы испытывать облегчение, но у него в желудке обосновалось какое-то тошнотное ощущение. Должно быть, он настолько привык к своей связке с Гамашем, к постоянной борьбе, что не мог поверить в ее окончание.

Франкёр хотел верить в это. Однако Сильвен Франкёр был осторожным человеком, и хотя все свидетельствовало об одном, его внутренний голос говорил нечто другое.

Если бы Арман Гамаш действительно шагнул через край, то это произошло бы помимо его воли. Он до последнего старался бы удержаться, повсюду остались бы следы его ногтей. Франкёр чувствовал тут какую-то хитрость. Он только не знал какую.

«Все равно уже слишком поздно», – напомнил он себе. Но беспокойство не покидало его.

– Здесь, в управлении, он заходил к Жану Ги Бовуару, – сказал Тесье.

Франкёр подался вперед:

– И?..

Когда Тесье рассказал ему о том, что произошло, Франкёр успокоился.

Вот они, следы ногтей. Идеальная конструкция. Гамаш подтолкнул Бовуара, а Бовуар подтолкнул Гамаша.

И оба наконец-то полетели в пропасть.

– Бовуар не доставит нам никаких проблем, – сказал Тесье. – Теперь он сделает все, что мы ему скажем.

– Хорошо.

Франкёру от Бовуара требовалась всего одна вещь.

– Есть еще кое-что, сэр.

– Что?

– Гамаш ездил в ЗООП, – сообщил Тесье.

Лицо Франкёра посерело.

– Почему, черт побери, ты не сказал об этом в первую очередь?

– Да ничего не случилось, – поспешил успокоить его Тесье. – Он не вышел из машины.

– Ты уверен? – Франкёр сверлил Тесье глазами.

– Абсолютно. У нас есть записи с камер наблюдения. Он просто сидел и смотрел. Поблизости похоронены Уэлле, – объяснил Тесье. – Он ездил в тот район. Поэтому и оказался там.

– Он ездил в ЗООП, потому что знает, – сказал Франкёр.

Его глаза заметались, словно следуя за мыслями в попытке проследить за быстро перемещающимся врагом.

– Merde, – прошептал он, потом перевел взгляд на Тесье. – Кто еще знает о его поездке?

– Никто.

– Говори мне правду, Тесье. Без вранья. Кому еще ты сказал?

– Никому. Послушайте, это не имеет значения. Он даже из машины не выходил. Не вызывал директора. Никому не звонил. Просто сидел. Что он может знать?

– Он знает об участии Арно! – закричал Франкёр, потом взял себя в руки и глубоко вздохнул. – Он просчитал связь. Не знаю как, но просчитал.

– Возможно, он подозревает, – сказал Тесье, – но, даже если он знает об Арно, всего ему знать не дано.

Франкёр опять устремил вдаль беспокойный взгляд.

«Где ты, Арман? Ты ведь не сдался до конца, да? Что там происходит в твоей голове?»

Но тут Франкёра осенило. Возможно, провал плана взорвать плотину, смерть Одри Вильнёв и даже тот факт, что люди Тесье промахнулись, бросая ее тело, – возможно, это тоже знак свыше.

Это означает, что, даже если Гамаш вычислил участие Арно, дальше он не пошел. Тесье прав. Одного Арно недостаточно. Пусть Гамаш подозревает об участии Арно, но всей картины он все равно не представляет.

Гамаш остановился перед правильной дверью, но пока не подобрал к ней ключа. Теперь время на их стороне. А у Гамаша оно истекает.

– Найди его, – велел Франкёр.

Тесье не ответил, и Франкёр посмотрел на него. Тесье оторвал взгляд от своего смартфона:

– Не получится.

– Что значит «не получится»?

Голос Франкёра звучал тихо, он полностью владел собой. Паника прошла.

– Мы его видели, – заверил своего босса Тесье. – Но потом сигнал исчез. Я думаю, это хороший знак, – поспешно добавил он.

– Каким образом потеря сигнала от старшего инспектора Гамаша за считаные часы до начала может быть хорошим знаком, притом что он явно обнаружил связь Арно с планом?

– Сигнал не отключили – он исчез, значит Гамаш находится в районе, который не покрывается спутниками. В той деревне.

То есть он не запутывает следы.

– Как называется деревня? – спросил Франкёр.

– Три Сосны.

– Ты уверен, что Гамаш там?

Тесье кивнул.

– Хорошо. Продолжай наблюдение.

Если он там, он все равно что мертв. Мертв и похоронен в деревне, с которой даже связи нет. Оттуда Гамаш не может им угрожать.

– Как только он покинет эту деревню, немедленно извести меня.

– Да, сэр.

– И никому не говори про ЗООП.

– Да, сэр.

Франкёр проводил Тесье взглядом. Гамаш подобрался близко. Очень близко. До правды ему оставалось несколько метров. Но он остановился и дальше не пошел. А теперь они загнали его в угол, в какую-то забытую богом деревеньку.

– Наверное, вам было больно, – сказал Жером Брюнель, закончив обследовать глаза и рану Гамаша. – Сотрясения нет.

– Жаль, – сказала Тереза, которая сидела за кухонным столом и наблюдала за ними. – Вбить немного здравого смысла в его голову не помешало бы. Какого черта вам понадобилось выяснять отношения с инспектором Бовуаром? В особенности сейчас?

– Трудно объяснить.

– Попробуйте.

– Послушайте, Тереза, разве это сейчас важно?

– Он знает, что вы делаете? Что мы делаем?

– Он не знает даже, что сам делает, – сказал Гамаш. – От него не может исходить никакой угрозы.

Тереза Брюнель хотела сказать что-то, но, посмотрев на выражение его лица и на синяки, передумала.

Николь спала наверху. Они уже поели, но оставили кое-что и для Гамаша. Он принес в гостиную поднос с супом, свежим багетом, паштетом и сыром и сел у огня. Жером и Тереза присоединились к нему.

– Может, разбудить ее? – спросил Гамаш.

– Агента Николь? – с тревогой в голосе спросил Жером. – Да я ее только-только уговорил лечь. Давайте насладимся покоем.

Заправляя в рот очередную ложку чечевичного супа, Гамаш подумал: как странно, что никто не называет Николь по имени. Иветт. Все звали ее либо Николь, либо агент Николь.

Не личность и уж конечно не женщина. Всего лишь агент – не больше.

Когда с обедом и посудой было покончено, они сели за чай в гостиной. Если обычно они выпивали по бокалу вина за обедом или коньячок после, то сегодня никто даже не вспомнил об этом.

Не такая ждала их ночь.

Жером посмотрел на часы.

– Почти девять. Я, пожалуй, попытаюсь поспать немного. А ты, Тереза?

– Сейчас приду.

Они проводили взглядом Жерома, который поднялся в спальню, потом Тереза повернулась к Арману:

– Почему вы ходили к Бовуару?

Гамаш вздохнул:

– Должен был попробовать. Еще раз.

Несколько долгих секунд она смотрела на него.

– Вы хотите сказать, в последний раз? Думаете, другого шанса у вас не будет?

Гамаш не ответил. Тереза почесывала Анри за ушами и на загривке, а пес постанывал от удовольствия и улыбался.

– Вы правильно поступили, – сказала она. – Чтобы не осталось никаких сожалений.

– А у вас? У вас есть сожаления?

– Я сожалею, что втянула в это Жерома.

– Его втянул я. Не вы, – сказал Гамаш.

– Но я могла бы сказать свое «нет», – возразила Тереза.

– Наверное, никто из нас не предполагал, что мы придем к такому результату.

Суперинтендант Брюнель оглядела гостиную с ее выцветшими чехлами, удобными креслами и диванами. С книгами, виниловыми пластинками и старыми журналами. С камином и окнами, выходящими с одной стороны в темный задний сад, а с другой – на деревенский луг.

И на три громадные сосны с рождественскими гирляндами, раскачивающимися на ветру.

– Если уж все неизбежно должно прийти к этому, то мы нашли неплохое место, чтобы его дождаться.

Гамаш улыбнулся:

– Вы правы. Но мы, конечно, не ждем сложа руки. Мы принимаем меры, чтобы дать им отпор. Точнее, меры принимает Жером. А я всего лишь мускулы нашей операции.

– Так и есть, mon beau[62], – сказала Тереза самым своим

покровительственным тоном.

Гамаш пристально посмотрел на нее:

– Жером в порядке?

– Вы хотите знать, готов ли он? – спросила Тереза.

– Oui.

– Он нас не подведет. Он знает: все зависит от него.

– И от агента Николь, – добавил Гамаш.

– Oui. – Однако в ее голосе не было уверенности.

Гамаш понял, что даже тонущие не спешат хвататься за спасательный круг, если его бросает Николь. И он не мог их винить. Он и сам не спешил.

Он не забыл, что она появилась в гостинице Габри, когда ей нечего было там делать. Нечего с их точки зрения. Но она явно преследовала какие-то свои цели.

Нет, Арман Гамаш не забыл этого.

Когда Тереза Брюнель ушла наверх, Гамаш подложил еще полено в камин, приготовил кофе и отправился на улицу выгуливать Анри.

Пес мчался вперед, пытаясь поймать снежки, которые бросал ему Гамаш. Стояла идеальная зимняя ночь. Не слишком холодная. Безветренная. Снег продолжал падать, но ослабел. И Гамаш подумал, что до полуночи снегопад прекратится вовсе.

Он откинул голову назад, открыл рот и ощутил на языке крупные снежинки. Не слишком твердые. Не слишком мягкие.

Такие, как надо.

Он закрыл глаза и почувствовал, как снежинки падают на веки. Словно крохотные поцелуи. Так целовали его Даниель и Анни, когда были детьми. И так целовал их он.

Гамаш открыл глаза и продолжил медленную прогулку по чудной маленькой деревне. Еще один круг. И еще. Проходя мимо домов, он заглядывал в окна, проливавшие медовый свет на снег. Увидел пишущую Рут, склонившуюся над белым пластиковым столом. Роза сидела на столе, смотрела. Может быть, даже диктовала.

Идя по кругу, он увидел Клару – она читала у камина, свернувшись в уголке дивана и накинув на ноги одеяло.

Увидел Мирну, которая ходила туда-сюда перед окнами на своем чердаке – готовила чай, потом наливала себе.

Он услышал смех из бистро и увидел там рождественскую елку в углу, подсвеченную и веселую. Посетители доедали поздний обед, выпивали. Разговаривали о прошедшем дне.

Он увидел Габри в гостинице – тот заворачивал рождественские

подарки. Окно, вероятно, было чуть-чуть приоткрыто, потому что он слышал, как Габри своим чистым тенором напевал «Гуронскую рождественскую песню». Видимо, репетировал для рождественской службы в маленькой церкви.

Гамаш шел и тоже напевал себе под нос.

Время от времени к нему возвращалась мысль об убийстве Констанс Уэлле. Но он прогонял ее. Приходили мысли об Арно и Франкёре. Но он и их гнал.

Он думал о Рейн-Мари. И об Анни. И о Даниеле. И о том, какой он счастливый человек.

А потом он вместе с Анри вернулся в дом Эмили.

Пока все спали, Арман смотрел на огонь и думал. Снова и снова перебирал в голове подробности дела Уэлле.

А около одиннадцати часов вечера он начал делать записи. Сидел, исписывая страницу за страницей.

Огонь в камине погас, но Гамаш даже не заметил.

Наконец он разложил все, что написал, по конвертам, надел куртку, ботинки, шапочку и варежки. Попытался разбудить Анри, но пес храпел, отдувался и ловил во сне снежки.

Поэтому Арман ушел один. Дома Трех Сосен уже погрузились во тьму. Все спали. Гирлянды на трех громадных соснах погасли. Снег прекратился. На небе горело множество звезд. Гамаш опустил два конверта в почтовый ящик и вернулся в дом Эмили. Он сожалел только об одном – что не получилось купить рождественские подарки для жителей деревни. Но он надеялся, что они его поймут.

Через час Жером и Тереза, спустившись в гостиную, увидели спящего в кресле Армана. Анри похрапывал у его ног. В пальцах Гамаш сжимал авторучку, а на полу лежал адресованный Рейн-Мари конверт, соскользнувший с подлокотника.

– Арман! – Тереза прикоснулась к его руке. – Просыпайтесь.

Гамаш резко проснулся и выпрямился, чуть не ударив Терезу головой. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Николь, громко топая, спустилась по лестнице, не то чтобы взъерошенная, но слегка растрепанная.

– Время, – сказала Тереза.

Она почти торжествовала. Явно чувствовала облегчение.

Ожидание закончилось.

Глава тридцать третья

Агент Николь залезла под стол на четвереньках. Взяв кабель, она подключила его к металлической коробке:

– Готовы?

Тереза посмотрела на Армана Гамаша, Арман Гамаш – на Жерома Брюнеля. Доктор Брюнель не колебался ни мгновения.

– Готов, – сказал он.

– Теперь вы точно уверены? – раздался нетерпеливый голос. – Может быть, сначала подумаете за чашечкой горячего шоколада.

– Да подключайтесь, бога ради! – рявкнул Жером.

И она подключилась. Послышался щелчок, и из-под стола появилась ее голова:

– Все в порядке.

Николь вылезла и села рядом с доктором Брюнелем. Перед ними стояла аппаратура, какую и представить себе не могла Джейн Нил – последняя учительница, сидевшая за этим столом. Мониторы, терминалы, клавиатуры.

Гамаш снова положил перед Жеромом бумажку с паролем, тот набрал его и замер – осталось нажать последнюю клавишу.

– После этого возврата уже не будет, Арман.

– Я знаю. Жмите.

И Жером Брюнель нажал клавишу «ввод».

И… ничего не произошло.

– Старое оборудование, – немного нервно сказала Николь. – Должно пройти несколько секунд.

– Вы обещали, что скорость будет быстрее некуда, – заметил Жером с ноткой паники в голосе. – Оно должно работать быстро.

– Будет работать, – пробормотала Николь, быстро ударяя по клавишам.

На экране что-то замельтешило.

– Оно не работает, – констатировал Жером.

– Черт, – взвыла Николь, отрываясь от стола. – Вот кусок дерьма!

– Вы же сами его привезли, – сказал Жером.

– Да, а вы вчера ночью отказались его протестировать.

– Стойте, – сказал Гамаш, поднимая руку. – Подумайте. Почему оно не работает?

Николь нырнула под стол, вытащила и снова вставила спутниковый

кабель.

– Есть что-нибудь? – спросила она.

– Ничего, – ответил Жером, и Николь вернулась за стол.

Они оба уставились на свои мониторы.

– В чем может быть проблема? – повторил Гамаш.

– Tabarnac, – выругалась Николь. – Да в чем угодно. Это вам не картофельная шелуха.

– Успокойтесь и попытайтесь мне объяснить.

– Хорошо. – Она швырнула авторучку на стол. – Может быть, плохое соединение. Дефект кабеля. Белка могла его перегрызть…

– Вполне вероятные причины, – сказал Гамаш. – А вы что думаете? – спросил он у Жерома.

– Я думаю, дело в тарелке. Все остальное прекрасно работает. Если хочешь разложить пасьянс – сколько угодно. Проблемы начинаются, когда ты пытаешься подсоединиться.

Гамаш кивнул:

– Нам что, нужна новая тарелка?

Он надеялся, молился, что ответ будет…

– Нет. Это вряд ли, – сказал Жером. – По-моему, ее засыпало снегом.

– Ты что, шутишь? – удивилась Тереза.

– Возможно, он прав, – сказала Николь. – Метель могла намести снег на тарелку, вот почему мы не получаем сигнала.

– Вчера не было метели, – возразил старший инспектор.

– Верно, – ответил Жером, – но снег шел сильный, а если Жиль поставил тарелку чашей вверх, то снега там могло накопиться много.

Гамаш покачал головой. Если бы не серьезность ситуации, то он увидел бы в этом поэзию: современнейшие технологии парализованы обычными снежинками.

– Позвоните Жилю, – попросил он Терезу. – Скажите, я жду его возле тарелки.

Он оделся, взял фонарик и пошел в темноту.

Найти путь в лесу оказалось труднее, чем он предполагал: снег полностью засыпал тропинку. Гамаш порыскал лучом фонарика по снегу, надеясь, что он идет верным путем. Наконец он обнаружил то, что стало теперь лишь едва заметными контурами на плоском снежном одеяле. Тропинка. Он надеялся, что тропинка. И двинулся по ней.

И опять снег набился ему в ботинки, носки стали влажными. Гамаш тащился по глубокому снегу, и луч фонарика натыкался то на стволы деревьев, то на снежные холмики, которые весной превратятся в кусты.

Наконец Гамаш добрался до старой сосны с деревянными ступеньками, приколоченными к стволу. Дыхание у него перехватило, но только на миг. Теперь каждая минута была на счету.

Если ты ночной вор, то и действовать должен ночью. А ночь уходила прочь. Еще несколько часов – и люди начнут просыпаться. Отправляться на работу. Садиться за мониторы. Включать компьютеры. И тогда гораздо больше глаз увидят, что они тут делают.

Старший инспектор посмотрел вверх. Ему показалось, что мостки закружились и стали подниматься все выше и выше. Он опустил голову и оперся рукой о грубую кору ствола, чтобы не качало.

Выключив фонарик, он сунул его в карман, вздохнул поглубже и ухватился за первую ступеньку. Начал подниматься. Быстро. Стараясь опережать мысли. Быстрее, быстрее, прежде чем он потеряет решимость и прежде чем страх, который он выдохнул, вернется к нему в эту холодную, темную ночь.

Несколько лет назад он уже поднимался на скрадок. И даже тогда его охватывал ужас, хотя стоял солнечный осенний день. Ему и в страшном сне не снилось, что он будет снова подниматься по этим хилым ступенькам, когда они обледенеют и покроются снегом. Да еще ночью.

Ухватиться за следующую ступеньку. Переставить выше ноги. Потом за следующую ступеньку. И еще одну.

Но страх нашел его и вцепился ему в спину. И в мозг.

«Дыши, дыши», – командовал себе Гамаш. И натужно вдыхал воздух.

Он не отваживался останавливаться. Не отваживался смотреть вверх. Но наконец понял, что ему придется это сделать. Наверное, он почти добрался. Гамаш остановился и поднял голову.

От деревянных мостков его все еще отделяли шесть ступенек. Он чуть не зарыдал. Почувствовал, как закружилась голова, как кровь отхлынула от рук и ног.

– Поднимайся, поднимайся, – прошептал он в корявую кору.

Звук собственного голоса успокоил его, и Гамаш потянулся к следующей ступеньке, почти не веря, что решился. Он начал напевать себе под нос последнюю песню, которую слышал, – «Гуронскую рождественскую».

Начал петь вполголоса.

– «Хор птиц на зиму улетел под солнце теплых стран», – выдохнул он в ствол.

Он скорее декламировал, чем пел, но песня хотя бы занимала его обезумевший мозг.

– «Взамен нам Гитчи Маниту[63] хор ангелов прислал».

Его рука ударилась о старые деревянные мостки, и он без колебаний пролез в дыру и лег на живот. Зарылся щекой в снег, обхватил ствол правой рукой. Тяжелое дыхание отгоняло от его рта снежинки, образуя крохотные вихри. Опасаясь гипервентиляции легких, Гамаш замедлил дыхание, потом поднялся на колени и пригнулся пониже, словно опасаясь, как бы что-то из-за края мостков не ухватило его и не сбросило вниз.

Но Гамаш знал, что враг не за мостками, а на мостках.

Он вытащил фонарик из кармана и включил. Тарелка была закреплена на небольшой треноге, которую Жиль привинтил к доскам скрадка.

И она смотрела вверх.

– О господи, – сказал Гамаш.

И у него мелькнула мысль: а так ли уж страшен план Франкёра? Может, они и не должны его останавливать. Может, им лучше отправиться по кроватям и залезть под одеяло.

– «Хор птиц на зиму улетел под солнце теплых стран», – пропел он и пополз на коленях вперед.

У него возникло ощущение, что мостки наклоняются и сам он начинает сползать к краю, но он закрыл глаза и прогнал головокружение.

– «Хор птиц на зиму улетел под солнце теплых стран», – повторил он.

«Очисти тарелку от снега и слезай».

– Арман.

Возле дерева стояла Тереза.

– Oui, – отозвался он и направил луч фонарика в ее сторону.

– Как вы там?

– В порядке, – сказал он и отполз подальше от края.

Ударился спиной о ствол, ухватился за него. Не из страха упасть, а из опасения, что страх, который держал его в своих когтях, пока он карабкался по ступенькам, в конечном счете поглотит его. И потащит к краю.

Гамаш боялся, что страх вынудит его броситься вниз.

Он еще сильнее прижался спиной к стволу.

– Я позвонила Жилю, но он раньше чем через полчаса не сможет приехать, – донесся до него из темноты ее голос.

Старший инспектор отругал себя. Ну почему он не попросил Жиля остаться с ними на такой пожарный случай? Жиль сам предлагал это вчера вечером, но Гамаш отправил его домой. А теперь до его приезда оставалось полчаса, а у них каждая минута была на счету.

Каждая минута на счету.

Эти слова прорвались сквозь вопль в его мозгу. Сквозь страх, сквозь

утешительную песенку.

Каждая минута на счету.

Отпустив дерево, Гамаш воткнул фонарик в снег, направив луч на тарелку, и пополз на четвереньках со всей скоростью, на какую был способен.

У деревянного ограждения он встал и посмотрел на спутниковую тарелку. Она была заполнена снегом. Он бросил перчатки на мостки и быстро, но осторожно принялся выгребать снег из чаши. Стараясь не сбить направление. Не сместить принимающее устройство в самом центре тарелки.

Закончив с этим, он отошел от края, вернулся к стволу и обхватил его руками, благодаря Господа за то, что его никто не видит. Но если откровенно, в этот момент старший инспектор Гамаш вовсе не заботился о своей репутации. Он не собирался отпускать дерево.

– Тереза! – крикнул он и услышал страх в собственном голосе.

– Я здесь. Вы уверены, что с вами все в порядке?

– Я убрал снег с тарелки.

– Агент Николь на дороге, – сказала Тереза. – Когда Жером подключится, она мигнет фонариком.

Продолжая держаться за дерево, Гамаш повернул голову и поверх деревьев уставился на дорогу. Там была одна лишь темнота.

– «Хор птиц на зиму улетел под солнце теплых стран», – прошептал он себе под нос.

«Господи, прошу Тебя, Господи».

– «Хор птиц на зиму улетел под солнце теплых стран…»

И тут он увидел.

Вспышку света. Потом темноту. Потом опять вспышку.

Они подключились. Началось.

– Работает? – спросила Тереза, как только они открыли дверь старой школы.

– Идеально, – ответил Жером почти счастливым голосом. Он набрал несколько инструкций, замелькали изображения, исчезли, появились новые. – Даже лучше, чем я предполагал.

Гамаш посмотрел на часы. Двадцать минут второго.

Отсчет времени пошел.

– Нихренасе, – сказала Николь, глядя круглыми блестящими глазами. – Работает.

Старший инспектор постарался не обращать внимания на удивление в

ее голосе.

– Что теперь? – спросила Тереза.

– Мы в Национальном архиве, – сообщил Жером. – Мы с агентом Николь решили разделиться. Удвоить наши шансы найти что-нибудь.

– Я собираюсь зайти с терминала школьной библиотеки в Байе-де-Шалёр, – сказала Николь. Увидев, что они удивлены, она опустила глаза и пробормотала: – Я так уже делала. Лучший способ шпионить.

Откровение Николь поразило Жерома и Терезу, но оставило равнодушным Гамаша. Она родилась для тени. Для действий на грани закона. Она была прирожденным шпионом.

– А я войду в систему через хранилище вещдоков Квебекской полиции в Шеффервилле, – сказал Жером.

– Квебекской полиции? – спросила Тереза, заглядывая через его плечо. – Ты уверен?

– Нет, – признался он. – Но наше единственное преимущество – в храбрости. Если они обнаружат нас где-то в одном из отдаленных отделений Квебекской полиции, это может их надолго сбить с толку, а мы тем временем успеем исчезнуть.

– Вы так думаете? – спросил Гамаш.

– Вас это сбило с толку.

Гамаш улыбнулся:

– Верно.

Тереза тоже улыбнулась:

– Тогда давай начинай. И не забывай играть без правил.

Тереза и Гамаш принесли теплые одеяла из дома Эмили, и они пригодились – их повесили на окна. Чье-то пребывание в старой школе все равно скрыть было невозможно, но, по крайней мере, никто не мог увидеть, чем они занимаются.

Приехал Жиль, привез дрова. Закинул несколько поленьев в печку, которая стала излучать гораздо больше тепла.

Следующие два часа Жером и Николь работали практически молча. Время от времени они обменивались словами и фразами вроде «четыреста восемнадцатые, файервол, симметричные ключи шифрования».

Но по большей части они работали тихо, и в старой школе слышались лишь стук клавиатуры и потрескивание печки.

Гамаш, Жиль и Анри сходили в дом Эмили и принесли оттуда яйца, бекон, хлеб и кофе. Они приготовили еду на печке, и помещение наполнилось запахами бекона, дымка и кофе.

Но Жером настолько погрузился в работу, что, казалось, ничего этого и

не замечал. Они с Николь говорили о пакетах и шифровании. О портах и слоях.

Когда перед ними поставили завтрак, они и глазом не повели. Оба погрузились в свой мир систем предотвращения вторжений и контрмер.

Гамаш налил себе кофе и прислонился к старой карте у окна, наблюдая. Сопротивляясь искушению встать у них за спиной.

Ему это немного напомнило комнаты его преподавателей в Кембридже. Высокие стопки бумаг. Ноутбуки, записи, кружки холодного чая и недоеденные слойки. Печка для тепла и запах сохнущей шерсти.

Жиль сидел у дверей школы на стуле, который уже начали называть «его» стулом. Он съел свой завтрак, а когда закончил, налил себе еще кружку кофе и приставил стул вплотную к двери. Теперь он функционировал как щеколда.

Гамаш посмотрел на часы. Двадцать пять минут пятого. У него возникло желание пройтись по комнате, но он чувствовал, что его прогулка может вызвать раздражение. Ему до смерти хотелось спросить, как продвигаются дела, но он понимал, что только помешает им. А потому он позвал Анри, надел куртку и засунул руки глубоко в карманы. В панике он оставил перчатки на мостках рядом со спутниковой тарелкой, но ни за что не полез бы туда снова.

Жиль и Тереза отправились прогуляться вместе с ним.

– Все идет хорошо, – сказала Тереза.

– Да, – отозвался Гамаш.

Ночь стояла темная, холодная, ясная, трескучая. И тихая.

– Как воры в ночи, да? – сказал он Жилю.

Лесоруб рассмеялся:

– Надеюсь, я вас не оскорбил.

– Ничуть, – ответила Тереза. – Естественное восхождение по карьерной лестнице. Сорбонна, старший куратор Музея изящных искусств, суперинтендант Квебекской полиции и, наконец, апогей: ночной вор. – Она посмотрела на Гамаша. – И все благодаря вам.

– Рад услужить, мадам, – торжественно поклонился Гамаш.

Они сели на скамью, глядя на здание школы, откуда сквозь щели в занавешенных окнах просачивался свет. Старший инспектор спрашивал себя, знает ли тихий лесоруб, сидящий рядом с ним, что случится, если их ждет неудача. И что случится, если они найдут то, что ищут.

Можно не сомневаться, что в любом случае начнется ад. И придет сюда.

Но пока здесь царили мир и спокойствие.

Они вернулись в школу. Анри по дороге ловил снежки, которые тут же таяли у него во рту, но он никогда не уставал, никогда не сдавался.

Час спустя Жером и Николь в первый раз подняли тревогу.

Глава тридцать четвертая

Сильвена Франкёра разбудил телефон, и он схватил трубку еще до второго звонка.

– Что? – спросил он, мгновенно встревожившись.

– Сэр, говорит Шарпантье. Обнаружен взлом.

Франкёр приподнялся на локте, другой рукой махнул жене – спи, мол, дальше.

– И что это значит?

– Я мониторю активность в Сети. Кто-то сумел выйти на файл ограниченного пользования.

Франкёр включил свет, надел очки и посмотрел на часы на прикроватной тумбочке. Яркие красные цифры показывали 5:43. Он сел.

– Насколько это серьезно?

– Не знаю. Может быть что угодно. Согласно инструкции, я позвонил инспектору Тесье, а он велел, чтобы я известил вас.

– Хорошо. А теперь объясни, что ты видел.

– Ну, это сложно.

– Попытайся.

Шарпантье удивился, услышав столько угрозы в одном слове. Он попытался. Наилучшим образом.

– Понимаете, файервол не показывает, что было совершено неавторизованное подключение, но…

– Что «но»?

– Просто кто-то открывал этот файл, и я не знаю кто. Пользователь находился в Сети, значит у него имелся пароль. Может быть, кто-то из отдела, но я не уверен.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, имел ли место взлом?

– Я говорю, что кто-то открывал файл, но мы не знаем, то ли кто-то из наших, то ли кто-то посторонний. Как тревожная сигнализация в доме. Поначалу трудно сказать, то ли это грабитель, то ли енот.

– Енот? Ты всерьез сравниваешь современнейшую систему безопасности Квебекской полиции стоимостью в миллионы долларов с домашней сигнализацией?

– Прошу прощения, сэр, но, если бы система не была самой современной, мы бы вообще ничего не узнали. Большинство систем и программ не замечают таких вещей. А наша настолько чувствительная, что

мы иногда обнаруживаем вещи, на которые можно не обращать внимания. Они не представляют угрозы.

– Вроде енота?

– Вот именно, – сказал агент, явно жалея, что привел такое сравнение. Оно работало с Тесье, но старший суперинтендант Франкёр оказался животным совсем другого рода. – И если мы обнаруживаем постороннего, мы не можем сразу же сказать, пришел ли он с определенной целью, или к нам пробрался хакер, который ищет скандальной информации, или кто-то просто зашел в систему по ошибке. Мы работаем над этим.

– По ошибке?

Систему установили в прошлом году. Пригласили самых продвинутых программистов и интернет-архитекторов, чтобы создать систему, которая не может быть взломана. А теперь агент говорит ему, что какой-то идиот мог забрести туда по ошибке?

– Такое случается чаще, чем можно себе представить, – несчастным голосом сказал Шарпантье. – Не думаю, что это что-то серьезное, но мы работаем с проблемой по аварийной схеме. На всякий случай. К тому же раскрытый файл вовсе не кажется таким уж важным.

– О каком файле мы говорим?

– Что-то о расписании ремонтных работ на Двадцатой автостраде.

Франкёр уставился на занавески на окне спальни. Они чуть шевелились – в комнату проникал холодный воздух.

Файл казался таким тривиальным, таким далеким от всего, что может угрожать их плану, но Франкёр знал его истинную цену. Его истинное содержание. А тут выясняется, что кто-то сует в него нос.

– Выясните и перезвоните мне, – приказал он.

– Да, сэр.

– Что там? – спросила мадам Франкёр, глядя на мужа, удаляющегося в ванную.

– Ничего, просто маленькая проблема по работе. Спи.

– А ты встаешь?

– Ложиться не имеет смысла, – сказал он. – Я все равно проснулся, а будильник так или иначе должен скоро зазвонить.

Но звоночек для старшего суперинтенданта Франкёра уже прозвучал.

– Они нас засекли, – сказал Жером. – Я тут задел тревожный маячок.

– Где? – спросил Гамаш, придвигая стул к монитору.

Жером ему показал.

– Файлы по строительству? – спросил Гамаш и посмотрел на Терезу. –

Зачем Квебекской полиции файлы о дорожном строительстве? Я уже не говорю о том, зачем их секретить?

– Не вижу никаких оснований для засекречивания. Не наша юрисдикция. Дороги – да, но не их ремонт. И уж конечно никто бы не стал их засекречивать.

– Они, вероятно, ищут нас, – сказала Николь спокойным голосом.

Простая констатация факта.

– Это было ожидаемо, – произнес Жером так же спокойно.

Они увидели, как на его мониторе открываются и закрываются файлы. Появляются и исчезают.

– Прекратите работать на клавиатуре, – сказала Николь.

Жером поднял руки.

Гамаш уставился на монитор. Он почти что видел, как появляются строчки кодов, растут, потом сжимаются.

– Они вас обнаружили? – спросил Жером у Николь.

– Нет, я в другом файле. Он тоже касается строительства, но старый. Вряд ли он важен.

– Постойте, – сказал Гамаш, подтаскивая стул к ее монитору. – Покажите-ка мне.

– Сэр, снова Шарпантье.

– Oui, – сказал Франкёр.

Он принял душ, оделся и собирался уезжать из дома. Шел седьмой час.

– Ложная тревога.

– Ты уверен?

– Совершенно. Я все проверил. Провел целый ряд тестов и не обнаружил неавторизованного входа в нашу сеть. Я уже говорил – такое случается довольно часто. Призрак в машине. Извините, что побеспокоил вас.

– Ты правильно сделал. – Франкёр почувствовал облегчение, но не расслабился. – Поставь больше агентов, чтобы мониторить ситуацию.

– Новая смена начинается в восемь…

– А я говорю – немедленно.

Голос прозвучал резко, и Шарпантье ответил сразу же:

– Слушаюсь, сэр.

Франкёр повесил трубку и набрал номер Тесье.

– Это рапорты передачи смен, – сказал Гамаш. – Компания называется «Акведук». Рапорты тридцатилетней давности. Почему вы их открыли?

– Шла по следу. В другом файле проскочило одно имя, и оно вывело меня сюда.

– Какое имя? – спросил Гамаш.

– Пьер Арно.

– Покажите мне. – Гамаш придвинулся, и Николь начала прокручивать файл. Гамаш надел очки и стал просматривать страницы. На них было много имен. Расписание работ, отчеты об исследовании грунта и странички под названием «грузы». – Я не вижу здесь никакого Арно.

– И я тоже, – кивнула Николь. – Но его имя связано с этим файлом.

– Может, это другой Пьер Арно, – подал голос Жером. – Такое имя встречается довольно часто.

Гамаш хмыкнул, давая понять, что он услышал, но его внимание было поглощено файлом. Никаких упоминаний Арно он там не заметил.

– Каким образом его имя может быть связано с файлом, если оно в нем не появляется? – спросил Гамаш.

– Оно может быть скрыто, – объяснила Николь. – Или в случае сторонней ссылки. Например, ваше имя может быть прикреплено к файлу об облысении или лакричных трубочках.

Гамаш покосился на Жерома, который фыркнул со смеху.

И тем не менее он понял. Имя Арно не обязательно должно появляться в файле, а просто может быть каким-то образом связано с ним. Где-то здесь эта связь должна существовать.

– Продолжайте, – сказал старший инспектор и встал.

– Шарпантье – высококлассный специалист, – по телефону заверил Тесье Франкёра. Он тоже оделся и был готов выехать на работу. Надевая носки, он понял, что с тех пор, как он снял их вчера перед сном, все изменилось. Его мир. Весь мир. И определенно Квебек. – Если он говорит, что ничего не случилось, значит так оно и есть.

– Нет. – Старший суперинтендант хотел почувствовать убежденность, уверенность. Но ничего такого он не ощущал. – Что-то тут не так. Позвони Ламбер. Вызови ее.

– Слушаюсь, сэр.

Тесье повесил трубку и набрал номер старшего инспектора Ламбер, главы отдела по борьбе с киберпреступностью.

Гамаш пошевелил угли новым поленом, освободив побольше места, потом засунул полено и закрыл чугунную дверцу.

– Агент Николь, – сказал он, поразмыслив, – вы можете найти эту

компанию?
– Какую компанию?
– «Акведук». – Он подошел к ней. – Ту, где вы выявили Пьера Арно.
– Но он там так и не обнаружился. Может, это какой-то другой Арно или случайный контакт. Что-то несущественное.
– Не исключено, но я прошу вас найти все, что можно, об «Акведуке».
Он склонился над ней, одной рукой опершись о стол, а другой – о спинку стула.
Николь недовольно фыркнула. Изображение на экране исчезло. Несколько кликов – и появились изображения старых римских мостов и водопроводных систем. Акведуки.
– Вы удовлетворены? – спросила она.
– Крутите, – велел Гамаш, разглядывая список ссылок на «Акведук».
Обнаружилась компания, которая изучала жизнеспособность. Обнаружилась музыкальная группа с таким названием.
Они просмотрели несколько страниц, но чем дальше, тем менее релевантной становилась информация.
– Могу я вернуться к поиску? – спросила Николь, уставшая от непрофессионалов.
Гамаш смотрел на экран, все еще испытывая беспокойство. Но все же он кивнул.

Вызвали всю смену, и теперь за всеми столами и мониторами в отделе по киберпреступности сидели агенты.
– Но, мадам, – обратился к своему боссу Шарпантье, – это был призрак. Я таких встречал тысячи, как и вы. Я все тщательно проверил для вящей уверенности. Провел все тесты. И ничего.
Ламбер перевела взгляд со старшего смены на старшего суперинтенданта.
В отличие от Шарпантье старший инспектор Ламбер знала, насколько критическими будут следующие несколько часов. Файерволы, защиты, программы, в создании которых она сама принимала участие, должны быть непробиваемыми. Такими они и были.
Но озабоченность Франкёра передалась и ей. И теперь ее одолевали сомнения.
– Я все проверю сама, сэр, – сказала она Франкёру.
Он поймал ее взгляд и удерживал его так долго, так напряженно, что Тесье и Шарпантье переглянулись.
Наконец Франкёр кивнул:

– Я хочу, чтобы ваши люди не только стояли на страже, вы меня понимаете? Я хочу, чтобы они искали.

– Искали что? – раздраженно спросил Шарпантье.

– Шпионов, – отрезал Франкёр. – Я хочу, чтобы вы нашли тех, кто там может орудовать. Если кто-то пытается проникнуть в систему, я хочу, чтобы вы их нашли, будь то енот, призрак или армия вампиров. Ясно?

– Ясно, сэр, – ответил Шарпантье.

Гамаш снова возник у локтя Николь.

– Я ошибся, – сказал он ей прямо в ухо.

– В чем?

Она даже не посмотрела на него, продолжая заниматься тем, чем занималась.

– Вы сами сказали, что файл старый. А значит, «Акведук» – старая компания. Возможно, ее уже не существует. Вы можете посмотреть в архивах?

– Но если ее не существует, то какое она имеет значение? – спросила Николь. – Старый файл, старая компания, старые новости.

– У старых грехов длинные тени, – возразил Гамаш. – А это старый грех.

– Опять какая-то долбаная цитата, – проворчала себе под нос Николь. – Что она хоть означает?

– То, что началось три десятилетия назад и было мелочью, могло вырасти, – сказал старший инспектор, не глядя на агента Николь, но читая ее экран. – В нечто…

Он взглянул в лицо Николь, такое унылое, такое подавленное.

– …большое, – сказал он наконец.

Однако на самом деле он хотел сказать «чудовищное».

– Мы нашли тень, – Гамаш снова посмотрел на экран, – пришло время найти и сам грех.

– И все же я не понимаю, – пробормотала она.

Но Гамаш подозревал, что агент Иветт Николь лукавит. Она хорошо знает про старые грехи. И про длинные тени.

– Мне потребуется несколько минут, – сказала она.

Гамаш подошел к суперинтенданту Брюнель, которая стояла у окна и смотрела на мужа, явно испытывая желание заглянуть ему через плечо.

– Как дела у Жерома?

– По-моему, отлично, – сказала она. – Я думаю, его потрясло то, что он задел маячок. Это случилось раньше, чем он предполагал. Но он уже

пришел в себя.

Гамаш посмотрел на двоих сидящих за компьютерами. Время приближалось к семи тридцати утра. Они начали работу шесть часов назад.

Он подошел к Жерому:

– Не хотите немного размяться?

Доктор Брюнель ответил не сразу. Он не отрывал взгляда от экрана, провожая глазами строку программы.

– Merci, Арман. Через несколько минут, – рассеянно ответил он.

– Нашла, – сказала Николь. – «Ле сервис акведук», – прочитала она, и Гамаш с Терезой склонились над ее плечом. – Вы были правы. Это старая компания. Похоже, она обанкротилась.

– А чем занималась?

– В основном проектированием, кажется, – ответила она.

– Дороги? – спросила Тереза, вспомнив о маячке, задетом Жеромом: файл с расписанием дорожных работ.

Николь какое-то время искала информацию.

– Нет. Похоже, канализационные системы, главным образом в отдаленных районах. Это было в те дни, когда правительство выделяло деньги на очистку рек, загрязненных отбросами.

– Очистные системы, – сказал Гамаш.

– Вроде того, – ответила Николь, глядя на экран. – Но посмотрите сюда. – Она показала на отчет. – Изменилось правительство. Контракты были отозваны. Компания обанкротилась. Конец истории.

– Подождите! – резко сказал Жером. – Перестаньте делать то, что делаете.

Гамаш и Тереза замерли, словно движение могло выдать их. Потом Гамаш шагнул к Жерому.

– Что случилось?

– Они ведут активный поиск, – ответил тот. – Не просто защищают файлы. Теперь они ищут нас.

– Мы что, задели еще один маячок? – спросила Тереза.

– Не знаю, – сказал Жером и бросил взгляд на Николь, которая проверила свой компьютер и отрицательно покачала головой.

Доктор Брюнель вернулся к своему монитору. Его пухлые руки зависли над клавиатурой, готовые действовать, если возникнет необходимость.

– Они используют новую программу. Я такой прежде не видел.

Все замерли.

Гамаш уставился на экран. Он не удивился бы, увидев, что из угла

монитора вылезает призрак. Собирает части текста, файлы, документы, ищет… Ищет их.

Он затаил дыхание, не смея шевельнуться. На всякий случай. Он понимал, что его поведение иррационально, но не хотел рисковать.

– Они нас не найдут, – сказала Николь, и Гамаш восхитился ее бравадой.

Она говорила шепотом, и Гамаш порадовался этому. Одно дело показная храбрость, но если ты скрываешься, то должен соблюдать тишину и не шевелиться – таковы правила. Он не испытывал на сей счет никаких иллюзий. Они именно скрывались.

Жиль, видимо, чувствовал то же самое. Он тихо наклонил свой стул вперед и уперся ногами в пол, но остался на месте, охраняя дверь, словно их преследователи могли вот-вот ворваться.

– Они знают, что мы вломились в систему? – спросила Тереза.

Жером не ответил.

– Жером, – снова заговорила Тереза. Она тоже понизила голос до взволнованного шепота. – Ответь мне.

– Они наверняка видели наш сигнал.

– Что это значит? – спросил Гамаш.

– Это значит, что им известно: что-то происходит, – ответила Николь. – Но шифровка выдержит.

Однако впервые ее голос прозвучал не очень уверенно, словно она говорила сама с собой. Убеждала себя.

И тут Гамаш понял. Охотник и его псы принюхивались. Они уловили запах и теперь пытались понять его природу. И вообще, не мерещится ли им.

– Кто бы ни был на другой стороне, это не какой-то обычный хакер, – заметил Жером. – Не нетерпеливый подросток, а опытный следователь.

– И что мы будем делать дальше? – спросила Тереза Брюнель.

– Мы не можем просто сидеть здесь, – сказал Жером. Он повернулся к Николь. – Вы действительно считаете, что ваша шифровка нас защитит?

Она открыла рот, но он остановил ее. У него был огромный опыт контактов с самоуверенными молодыми врачами во время обходов в больнице, и он сразу мог определить человека, который предпочтет привлекательную ложь неприятной правде.

– Только честно, – предупредил он, не сводя с нее взгляда.

– Не знаю, – откровенно сказала она. – Но почему бы нам не верить, что так оно и есть?

Жером рассмеялся, встал со стула и посмотрел на жену:

– Значит, ответ на твой вопрос такой: шифровка выстоит и у нас все в порядке.

– Она этого не сказала, – заметила Тереза, идя за мужем к кофейнику на печке.

– Не сказала, – согласился он, наливая себе кружку. – Но Николь права. Почему бы нам не верить, что так оно и есть? От этого ничего не изменится. И если уж на то пошло, я думаю, они не догадываются, какую цель мы преследуем, даже если и знают, что мы здесь. Нам ничто не угрожает.

Гамаш остановился возле Николь:

– Вы, наверное, устали. Не хотите тоже сделать перерыв? Побрызгайте водой на лицо.

Она не ответила, и он взглянул на нее внимательнее.

Глаза ее были широко раскрыты.

– Что такое? – спросил он.

– Ах, merde, – вполголоса проговорила она. – Ах, merde.

– Что?

Гамаш посмотрел на экран. На нем появилось сообщение: «Неавторизованный вход».

– Они нас засекли.

Глава тридцать пятая

– Я нашла кое-что, – сообщила по телефону старший инспектор Ламбер. – Вам лучше спуститься.

Не прошло и двух минут, как в отделе появились старший суперинтендант Франкёр и инспектор Тесье. У монитора Ламбер собрались агенты, но, увидев, кто вошел в комнату, разбежались по своим местам.

– Выйти всем, – приказал Тесье, и они подчинились.

Он закрыл дверь и встал перед ней.

Шарпантье сидел у другого терминала спиной к боссу и с молниеносной скоростью молотил по клавиатуре.

Франкёр склонился над монитором старшего инспектора Ламбер:

– Покажите мне.

– Жером! – позвала Тереза Брюнель, присоединившись к старшему инспектору Гамашу и Николь.

– Покажите мне, – велел Гамаш.

– Когда я открыла старый файл по фирме «Акведук», это, вероятно, задело тревожный маячок, – сказала Николь, очень бледная.

Подошел Жером, взглянул на монитор Николь и протянул руки к ее клавиатуре.

– Быстро, – сказал он, поспешно набирая короткие команды. – Нужно выйти из файла.

Сообщение об ошибке исчезло с экрана.

– Вы не просто задели маячок, вы вступили на минное поле. Господи боже!

– Может быть, они не видели это сообщение, – медленно проговорила Николь, уставившись на экран.

Они ждали и ждали, глядя на монитор, на котором бушевали помехи. Гамаш понял, что вопреки здравому смыслу ждет: вдруг на экране появится живое существо. Какая-нибудь тень, фигура.

– Мы должны вернуться к файлу «Акведука», – сказал он.

– Вы сошли с ума, – всполошился Жером. – Как раз там и включилась тревога. Это тот самый файл, которого мы должны избегать.

Гамаш подтянул стул и сел рядом с пожилым доктором. Взглянул ему в глаза:

– Я знаю. Поэтому мы и должны туда вернуться. То, что они хотят

скрыть, находится в этом файле.

Жером открыл рот и снова закрыл, пытаясь сформулировать рациональный аргумент против немыслимого предложения – намеренно вернуться в ловушку.

– Простите, Жером, но именно это мы и искали. Их уязвимое место. И мы нашли его в «Акведуке». Оно где-то там.

– Но вы говорите о документе тридцатилетней давности, – возразила Тереза. – Компании «Акведук» больше не существует. Что мы можем там найти?

Все четверо посмотрели на экран. На нем, похожий на сердцебиение, пульсировал курсор. Словно что-то живое. И ждущее.

Потом Жером Брюнель подался вперед и принялся стучать по клавиатуре.

– «Акведук»? – Франкёр отпрянул, словно от удара. – Сотрите файлы!

Старший инспектор Ламбер посмотрела на него с удивлением, но одного взгляда на старшего суперинтенданта ей хватило. Она принялась стирать файлы.

– Кто там? – спросил Франкёр. – Вы знаете?

– Слушайте, я могу либо стирать файлы, либо выслеживать шпиона, но не все одновременно, – сказала Ламбер, чьи пальцы летали над клавиатурой.

– Шпионом займусь я, – вызвался Шарпантье из другого конца кабинета.

– Займись этим, – велел Франкёр. – Нам нужно знать, кто там.

– Это Гамаш, – сказал Тесье. – Больше некому.

– Вряд ли это старший инспектор Гамаш, – возразила Ламбер, не прекращая работу. – Он, как и все старшие офицеры, знаком с компьютерами, но он не специалист. Это не он.

– И потом, он в какой-то деревне в Восточных кантонах, – сказал Тесье, наблюдая за их работой. – Там нет Интернета.

– Кто бы это ни был, Интернет у него высокоскоростной и очень широкополосный.

– Боже милостивый. – Франкёр повернулся к Тесье. – Гамаш был подсадной уткой.

– Так кто же это? – спросил Тесье.

– Черт, – сказала Николь. – Кто-то стирает файлы.

Она посмотрела на Жерома, тот – на Терезу, а Тереза – на Гамаша.

– Нам нужны эти файлы, – сказал Гамаш. – Скачайте их.

– Он нас найдет, – предупредил его Жером.

– Он нас уже нашел, – сказал Гамаш. – Скачайте их.

– Не он, а она, – вставила Николь, которая тоже умела быстро реагировать. – Я знаю, кто там работает. Старший инспектор Ламбер. Вряд ли кто другой.

– Почему вы так думаете? – спросила Тереза.

– Потому что она лучшая. Она меня обучала.

– Арман, тут стирается вся папка, – сказал Жером. – Отвлеките их.

– Хорошо, – сказала Николь. – Шифровка держится. Я вижу, Ламбер запуталась. Нет, постойте. Что-то изменилось. Это уже не Ламбер. Тут есть кто-то еще. Их двое.

Гамаш подошел к Жерому:

– Вы можете сохранить эти файлы?

– Возможно, но я не знаю, какие из них важные.

Гамаш задумался на секунду, вцепившись в спинку стула, на котором сидел Жером.

– Забудьте про эти файлы. Все началось тридцать или больше лет назад с «Акведука». Каким-то образом в плане участвовал Арно. Компания разорилась, но, может быть, не исчезла. Может быть, изменила название.

Жером посмотрел на него:

– Если я выйду, то файлы по «Акведуку» не сохранить. Они их сотрут – и следов не останется.

– Бог с ними. Выходите. Узнайте, что сталось с «Акведуком».

– Они пытаются скачать файлы, – сказала Ламбер. – Они знают, что мы делаем.

– Это не какой-то сторонний хакер, – заметил Франкёр.

– Я не знаю, кто это, – сказала Ламбер. – Шарпантье, а ты?

После паузы раздался голос Шарпантье:

– Не могу сказать. У него нет правильной регистрации. Он похож на призрака.

– Прекрати нести чушь, – сказал Франкёр. – Никакой это не призрак, а человек, он сидит за терминалом и работает.

Старший суперинтендант отвел Тесье в сторону.

– Я хочу, чтобы ты выяснил, кто это делает. – Он понизил голос, но смысл его слов и его ярость были очевидны. – Найди, где они. Если не Гамаш, то кто? Найди их, останови и уничтожь все свидетельства.

Тесье вышел, ничуть не сомневаясь в сути приказаний Франкёра.

– Вы в порядке? – спросил Гамаш у Николь.

У нее было напряженное лицо, но она коротко кивнула в ответ. Двадцать минут она петляла, как лиса, оставляя один ложный след за другим.

Гамаш пристально посмотрел на нее и вернулся к другому столу.

«Акведук» обанкротился, но, как это нередко случается, возродился под другим именем. Одна компания превратилась в другую. Теперь она занималась уже не канализацией и водопроводами, а дорогами и строительными материалами.

Старший инспектор сел и продолжил чтение с экрана, стараясь понять, зачем старшему суперинтенданту Квебекской полиции засекречивать такие файлы. Пока они казались Гамашу не просто безвредными, но и скучными. Все про строительные материалы, образцы грунта, стальную арматуру и испытания на прочность.

И вдруг у него родилась идея. Подозрение.

– Вы можете вернуться туда, где в первый раз сработала тревога?

– Тот файл не имеет никакого отношения к интересующей вас компании, – сказал Жером. – Там речь шла о расписании ремонта Двадцатой автострады.

Но Гамаш смотрел на экран, ожидая, когда доктор Брюнель исполнит его просьбу. И тот исполнил. Или попытался исполнить.

– Он исчез, Арман. Его здесь больше нет.

– Я вынуждена отключиться, сэр, – сказала Николь чрезвычайно учтивым тоном. – Я слишком долго оставалась в Сети. Меня вот-вот обнаружат.

– Почти поймал, – сообщил Шарпантье. – Еще несколько секунд. Давай же, давай. – Его пальцы летали по клавиатуре. – Попался, говнюк.

– Девяносто процентов файлов уничтожено, – сказала Ламбер со своего места. – Деваться ему почти некуда. Ты его поймал?

Ответом ей был только быстрый стук клавиш.

– Ты его поймал, Шарпантье?

– Черт!

Стук по клавиатуре прекратился. Ламбер получила свой ответ.

– Я вышла, – сказала Николь и впервые за несколько часов откинулась на спинку стула. – Была на волосок. Они меня почти ухватили.

– Вы уверены, что не ухватили? – спросил Жером.

Николь дернулась вперед, ударила по нескольким клавишам и глубоко вздохнула:

– Да. Не успели. Слава богу.

Доктор Брюнель обвел взглядом жену, Гамаша, Николь. Потом снова посмотрел на Терезу:

– И что теперь?

– И что теперь? – спросил Шарпантье.

Он злился. Не любил, когда ему утирали нос, а тот, кто находился на другой стороне, именно так с ним и поступил.

Он был очень близко. Так близко, что на мгновение ему показалось, будто он ухватил своего противника. Но в последний момент – пшик, и тот исчез.

– Теперь мы позовем остальных и будем искать снова, – сказала старший инспектор Ламбер.

– Вы думаете, он все еще в системе?

– Он не получил того, что искал. – Она вернулась к своему монитору. – Поэтому да, я считаю, он все еще здесь.

Шарпантье встал и вышел из ее кабинета, чтобы передать приказ остальным агентам, специалистам по киберпоиску, вернуться к работе. Найти человека, который взломал их систему. Ворвался в их дом.

Он закрыл дверь, спрашивая себя, откуда старший инспектор Ламбер знает, что искал шпион. И что это за такая важная информация, ради которой шпион готов рискнуть всем, лишь бы ее найти.

– Теперь мы сделаем перерыв, – сказал Гамаш, вставая.

Мышцы у него затекли, и он понял, что в течение нескольких часов держал их в напряжении.

– Но они примутся искать нас еще упорнее, – заметила Николь.

– Пусть ищут. Вам нужно отдохнуть. Прогуляйтесь, чтобы в голове прояснилось.

Николь и Жером не спешили выполнять его приказ. Гамаш посмотрел на Жиля, потом снова на них:

– Вы вынуждаете меня сделать то, чего я не хочу делать. Жиль в свободное от работы время дает уроки йоги. Если через тридцать секунд вы не встанете и не пойдете к двери, я прикажу вам взять у него урок. Я слышал, его «собака мордой вниз»[64] очень зрелищна.

Жиль встал, потянулся и вышел вперед.

– Я мог бы поработать с чакрами, – подтвердил он.

Жером и Николь поднялись с места, надели куртки и вышли за дверь.

– Спасибо, что подыграли, – сказал старший инспектор Жилю.

– Что значит «подыграл»? Я и в самом деле даю уроки йоги. Хотите посмотреть?

Жиль встал на одну ногу и медленно обвил другой ногой первую, а руки поднял.

Гамаш поднял брови и подошел к Терезе, которая тоже наблюдала за Жилем.

– Я жду «собаку мордой вниз», – сообщила она ему, надевая куртку. – Вы идете?

– Нет. Я хочу еще почитать.

Суперинтендант Брюнель проследила за его взглядом, направленным на терминалы.

– Осторожнее, Арман.

Он улыбнулся:

– Не волнуйтесь. Постараюсь не пролить кофе на клавиатуру. Я хочу просмотреть кое-что из того, что уже нашел Жером.

Тереза вышла, взяв с собой Анри, а Гамаш подтащил стул к компьютеру и начал читать. Десять минут спустя он почувствовал чью-то руку у себя на плече. Это был Жером.

– Могу я подключиться?

– Вы вернулись.

– Мы уже несколько минут как вернулись, но не хотели вам мешать. Обнаружили что-нибудь?

– Почему они стерли тот файл, Жером? Не «Акведук», хотя и это интересный вопрос. Я имею в виду тот первый, что вы нашли. Расписание строительных работ на автостраде. Бессмыслица какая-то.

– Может, они стирают все, что мы просматривали, – предположила Николь.

– Почему они не стерли их раньше? – спросила Тереза.

Николь пожала плечами:

– Не знаю.

– Вам нужно вернуться, – сказал Жером, обращаясь к Николь. – Насколько близко они к вам подобрались? Адрес засекли?

– Адрес школы в Байе-де-Шалёр? – спросила Николь. – Не думаю, но я его все равно поменяю. В Гранби есть зоопарк с большим архивом. Я войду оттуда.

– Bon, – сказал старший инспектор. – Готовы?

– Готов, – ответил Жером.

Николь уселась перед своим терминалом, и Гамаш обратился к суперинтенданту Брюнель:

– Я думаю, тот первый файл содержал важную информацию. Может быть, даже жизненно важную, и, когда Жером его обнаружил, они запаниковали.

– Но это какая-то бессмыслица, – сказала суперинтендант Брюнель. – Я знаю полномочия Квебекской полиции. И вы тоже. Мы патрулируем мосты и дороги, но не ремонтируем их. С какой стати расписание работ оказалось в файлах полиции, да еще в засекреченном виде?

– А значит, можно предположить, что этот файл не имел никакого отношения к официальным, разрешенным видам деятельности полиции. – Гамаш наконец-то завладел ее вниманием. – Что происходит, когда требуется отремонтировать автостраду?

– Объявляется тендер, я думаю, – сказала Тереза.

– А что потом?

– Компании подают заявки. К чему вы ведете, Арман?

– Вы правы, – сказал Гамаш. – Квебекская полиция не ремонтирует дороги, но она среди прочего проверяет результаты тендера на предмет мошенничества.

Два старших офицера Квебекской полиции уставились друг на друга.

Полиция расследовала дела о коррупции. А строительная промышленность в этом смысле была главным объектом подозрений.

Почти все отделы Квебекской полиции в то или иное время занимались расследованием коррупционных схем в строительстве. От сообщений об откатах до проверок результатов тендеров и участия организованной преступности. От устрашений до убийств. Сам Гамаш проводил расследование исчезновения и предполагаемого убийства высокопоставленного профсоюзного деятеля и управляющего строительной компанией.

– Так в этом все дело? – спросила Тереза, не сводя глаз с Гамаша. – Франкёр погряз в коррупции?

– Не только он один, – сказал Гамаш. – Квебекская полиция в целом.

Строительная промышленность являла собой мощную и коррумпированную громадину. А теперь, при тайном пособничестве Квебекской полиции, она стала неподконтрольной никому. Всемогущей.

На кону стояли контракты в миллиарды долларов. Строительные компании не останавливались ни перед чем, чтобы эти контракты достались им, чтобы удержать их, запугать любого, кто бросит им вызов.

Если где-то в Квебеке и был старый грех и длинная, темная тень от

него, то искать это следовало в строительной промышленности.

– Merde, – вполголоса произнесла суперинтендант Брюнель.

Она понимала, что они потревожили не просто собачью кучку, а целую гору дерьма.

– Пожалуйста, вернитесь туда, Жером, – тихо сказал Гамаш.

Он подался вперед, уперев локти в колени. Наконец-то они имели представление о том, что ищут.

– Куда конкретно?

– Контракты на строительство. Крупные. Недавно заключенные.

– Хорошо.

Доктор Брюнель развернулся, его пальцы забегали по клавиатуре. Рядом с ним, за другим терминалом, приступила к работе Николь.

– Нет, погодите, – сказал Гамаш, прикоснувшись к руке Жерома. – Не новое строительство. – Он задумался на секунду. – Ищите контракты на ремонт.

– D’accord, – сказал Жером и начал поиск.

– Здравствуйте. Извините, что беспокою. Я вас не разбудил?

– Кто говорит? – спросил сонный голос на другом конце телефонной линии.

– Меня зовут Мартен Тесье, я работаю в Квебекской полиции.

– Это насчет моей матери? – Женский голос внезапно стал настороженным. – У нас пять часов утра. Что случилось?

– Вы думаете, я звоню насчет вашей матери? – спросил Тесье дружелюбным, спокойным голосом.

– Она работает в Квебекской полиции, – сказала женщина, полностью проснувшись. – Когда она приехала, то сказала, что кто-нибудь может позвонить.

– Значит, суперинтендант Брюнель с вами, в Ванкувере? – спросил Тесье.

– Разве вы не поэтому звоните? Вы работаете со старшим инспектором Гамашем?

Тесье не знал, как ему ответить на этот вопрос, не знал, что могла рассказать своей дочери суперинтендант Брюнель.

– Да. Он попросил меня позвонить ей. Могу я с ней поговорить?

– Она сказала, что не хочет с ним разговаривать. Прекратите нас доставать. Они приехали совершенно без сил. Передайте вашему боссу, чтобы он оставил их в покое.

Моник Брюнель отключилась, но продолжала сжимать трубку в руке.

Мартен Тесье посмотрел на трубку в своей руке.

Ну и что с этим делать? Он должен был узнать, действительно ли Брюнели находятся в Ванкувере. По крайней мере, их сотовые улетели.

Он проследил за их движением. Они улетели в Ванкувер, к своей дочери. Последние несколько дней ездили по Ванкуверу, заходили в магазины и рестораны. В концертный зал.

Но кто там путешествовал по городу – люди или телефоны?

Тесье был уверен, что они улетели в Ванкувер, но сейчас его уверенность поколебалась.

Брюнели расстались с прежним другом и коллегой, назвав Гамаша неадекватным. Но кто-то засек активность в том самом месте, где Жером Брюнель прервал поиск. А может быть, вовсе и не прервал.

Когда дочка Брюнелей сняла трубку, в ее голосе несомненно прозвучала озабоченность.

Она спросила: «Это насчет моей матери?»

Не сказала: «Слушаю вас». Поинтересовалась: «Вы хотите поговорить с моей матерью?»

Нет. Такие слова мог произнести человек, который не знает, что происходит с его матерью. Такой вопрос не задают, когда мать спит в нескольких футах от тебя.

Тесье позвонил коллеге в Ванкувер.

– Подождите, – сказал Гамаш. Он сидел, наклонившись вперед и глядя на экран через очки. – Назад, пожалуйста.

Жером вернулся назад.

– Что там, Арман? – спросила Тереза Брюнель.

Гамаш побледнел. Она никогда не видела его таким. Видела рассерженным, обиженным, удивленным. Но за все годы совместной работы она не видела его таким потрясенным.

– Господи Исусе, – прошептал Гамаш. – Невероятно.

Он попросил Жерома вывести на экран другие файлы, на первый взгляд ничем между собой не связанные. Одни из них – очень старые, другие – недавние. Одни с дальнего севера, другие из монреальского центра.

Но все они так или иначе были связаны со строительством. С ремонтными работами. На дорогах, мостах и в туннелях.

Наконец старший инспектор откинулся на спинку стула и уставился перед собой. На экране был отчет о недавних контрактах по ремонту дорог,

но Гамаш, казалось, смотрел сквозь слова, пытаясь проникнуть в более глубокий смысл.

– Одна женщина покончила с собой несколько дней назад, – сказал он наконец. – Прыгнула с моста Шамплейна. Вы можете ее найти? Дело для Монреальской полиции расследовал Марк Бро.

Жером не стал спрашивать, зачем это нужно Гамашу. Он быстро нашел информацию о самоубийце в файлах Монреальской полиции.

– Ее имя Одри Вильнёв. Тридцати восьми лет. Тело найдено под мостом. Дело закрыто два дня назад. Самоубийство.

– Личная информация? – спросил Гамаш, вглядываясь в экран.

– Муж – учитель. Две дочери. Живут в Папино, на востоке Монреаля.

– А где она работала?

Жером прокрутил файл.

– Тут не сказано.

– Должно быть сказано, – проговорил Гамаш.

Он подался вперед, задев Жерома. Прокрутил файл вверх-вниз. Просмотрел полицейский протокол.

– Может быть, она не работала, – сказал Жером.

– Тогда так бы и написали, – возразила Тереза.

Она тоже наклонилась к экрану, вчитываясь в протокол.

– Одри Вильнёв работала где-то в системе транспорта, – сказал Гамаш. – Мне говорил Марк Бро. Это было в протоколе, а теперь исчезло. Кто-то стер.

– Она прыгнула с моста? – спросила Тереза.

– А что, если Одри Вильнёв не бросилась с моста? – Гамаш отвернулся от экрана и посмотрел на них. – Что, если ее сбросили?

– Зачем?

– А зачем место ее работы убрали из файла? – сказал Гамаш. – Она что-то узнала.

– Что? – спросил Жером. – Все это немного натянуто, вам не кажется? От отчаявшейся женщины – к убийству!

– Вы можете вернуться? – попросил Гамаш, игнорируя его замечание. – К тому, что мы искали прежде?

На экране появились файлы с контрактами на строительство. Сотни миллионов долларов за один только последний год.

– Что, если все это ложь? – спросил он. – Что, если работы по контрактам так и не были выполнены?

– То есть компании брали деньги, а дороги не ремонтировали? – подхватила Тереза. – Вы думаете, Одри Вильнёв работала в одной из таких

компаний и поняла, что происходит? Может быть, она их шантажировала?

– Все гораздо хуже, – сказал Гамаш, смертельно побледнев. – Ремонтные работы вообще никогда не производились.

Он замолчал, чтобы все поняли суть его слов. В пространстве старой школы стали материализовываться образы. Образы эстакад над городом, туннелей под землей. Мостов. Громадных мощных пролетов, по которым ежедневно проезжают десятки тысяч машин.

Ни один из объектов не ремонтировался на протяжении, вероятно, десятилетий. Деньги просто отправлялись в карманы владельцев, профсоюза, организованной преступности и тех, чей долг состоял в том, чтобы предотвращать коррупцию. Квебекской полиции. Миллиарды долларов. И теперь многие километры дорог, туннелей и мостов грозили обрушиться.

– Я их засекла, – сказала Ламбер.

– Кто они? – спросил Франкёр.

Он вернулся в свой кабинет и подсоединился к поиску на собственном компьютере.

– Я пока не знаю, но они вошли через отделение Квебекской полиции в Шеффервилле.

– Они находятся в Шеффервилле?

– Нет. Tabarnac. Они используют архив. Библиотечную сеть.

– И это значит?..

– Они могут находиться где угодно. Но теперь мы их засекли. И найти их – вопрос времени.

– У нас нет этого времени, – сказал Франкёр.

– Вам придется его найти.

– Мы можем от них оторваться? – спросила Тереза.

Ее муж отрицательно покачал головой.

– Тогда не обращайте на них внимания, – сказал Гамаш. – Мы должны двигаться вперед. Просмотреть файлы по строительству. Копайте как можно глубже. Они что-то планируют. Речь идет не о каждодневной коррупции, а о конкретном событии.

Забыв о соображениях безопасности, Жером пустился в поиск.

– Остановите его! – закричал Франкёр в трубку.

На его компьютере появилось имя, мигнуло и тут же исчезло. Но он его видел. И они тоже.

Одри Вильнёв.

Франкёр в ужасе смотрел, как на экране один за другим появляются файлы. По строительству. По контрактам на ремонт.

– Я не могу его остановить, – сказала Ламбер. – Сначала я должна найти, где он, откуда работает.

Франкёр бессильно смотрел, как один за другим открываются файлы, отходят в сторону и шпион продвигается все глубже. Рыщет, а потом несется дальше.

Он взглянул на часы. Почти десять утра. Почти дошли.

Но и шпион тоже почти дошел.

И вдруг неожиданно бешеный онлайн-поиск прекратился. Курсор замигал на экране, словно примерз к нему.

– Боже мой, – проговорил Франкёр, широко раскрыв глаза.

Гамаш и Тереза смотрели на экран. И на имя, которое там появилось. Имя, спрятанное на самом глубоком уровне. Под всеми законными делами. Под сфальсифицированными документами. Под вещами неоспоримыми и липовыми. Под густым слоем merde.

Старший инспектор Гамаш повернулся к Жерому Брюнелю, который тоже смотрел на экран. Смотрел не с тем удивлением, какое чувствовали его жена и его друг, а с другой ошеломляющей эмоцией.

С чувством вины.

– Вы знали, – прошептал Гамаш, с трудом шевеля губами.

Кровь отхлынула от лица Жерома, дыхание его участилось. Губы побелели.

Он знал. Знал уже несколько дней. С того момента, когда он задел один из маячков, после чего им и пришлось прятаться. Он привез свой секрет в Три Сосны. Таскал за собой повсюду – в школу, в бистро, в постель.

– Я знал.

Слова были едва слышны, но они заполнили собой все помещение.

– Жером… – проговорила Тереза, даже не понимая, что потрясло ее больше: то, что они узнали, или то, что они узнали о ее муже.

– Я виноват, – сказал Жером. Он с усилием оттолкнул стул от стола, и тот проскрежетал по деревянному полу, как мелок по классной доске. – Я должен был сказать сразу.

Он взглянул им в глаза и понял, что его слова очень слабо выражают то, что он должен был сделать – и не сделал. Но они уже снова смотрели на терминал и на курсор, мигающий перед именем.

Жорж Ренар. Премьер-министр Квебека.

– Они знают, – сказал Франкёр. Он только что рассказал все по телефону своему боссу. – Мы должны поспешить с реализацией плана. Начать немедленно.

Жорж Ренар ответил не сразу.

– Мы не можем начать, – заговорил он наконец. Голос его звучал спокойно. – Вы же понимаете, что вы не единственный участник. Если Гамаш настолько близко, остановите его.

– Мы все еще ищем шпиона, – напомнил Франкёр, стараясь контролировать собственный голос и дыхание, говорить убедительно и разумно.

– Шпион уже перестал быть критическим фактором, Сильвен. Он явно работает с Гамашем. Сливает ему информацию. Если старший инспектор – единственный, кто может связать все это воедино, то наплюйте на шпиона и найдите Гамаша. А потом будет достаточно времени, чтобы разобраться с остальными. Вы сказали, он в какой-то деревне в Восточных кантонах?

– Да, в Трех Соснах.

– Остановите его.

– Сколько времени им понадобится, чтобы найти нас? – спросил Гамаш, направляясь к двери.

Жиль опустил передние ножки стула на пол, и они глухо стукнулись о доски. Он встал и отодвинул стул в сторону.

– Час или два, – ответил Жером. – Арман…

– Я знаю, Жером. – Гамаш снял куртку с крючка у двери. – Мы все были небезупречны. Вряд ли это имеет какое-то значение. Сейчас нам нужно сосредоточиться и двигаться вперед.

– Мы должны уехать? – спросила Тереза, глядя, как Гамаш надевает куртку.

– Уезжать нам некуда.

Он произнес это тихо, но твердо, чтобы они не питали ложных надежд. Если придется принять бой, то это произойдет здесь.

– Теперь мы знаем, кто в этом участвует, – сказал старший инспектор. – Но пока нам неизвестно, что они запланировали.

– Вы думаете, дело не ограничивается прикрытием жульничества на сотни миллионов долларов? – спросила Тереза.

– Думаю, да, – ответил Гамаш. – Деньги всего лишь удачный сопутствующий фактор. Деньгами они хотят заткнуть рот партнерам. Но настоящая цель в чем-то другом. Они работали над этим многие годы.

Началось все с Пьера Арно, а заканчивается премьером.

– Мы проверим, что можно найти на Ренара, – сказал Жером.

– Нет. Забудьте о Ренаре, – приказал Гамаш. – Ключ теперь – Одри Вильнёв. Она узнала что-то, и ее убили. Выясните о ней, что можно. Где работала, над чем. Что могла обнаружить.

– А мы не можем просто позвонить Марку Бро? – спросил Жером. – Он расследовал ее смерть. У него должна быть информация.

– И кто-то редактировал его отчеты, – сказала Тереза, покачав головой. – Мы не знаем, кому можно доверять.

Гамаш вытащил из кармана ключи от машины.

– Куда вы собираетесь? – спросила Тереза. – Вы ведь нас не оставите?

Гамаш посмотрел ей в глаза. Такое же выражение он видел в глазах Бовуара в тот день на фабрике. Когда оставил его.

– Мне нужно уехать.

Он сунул руку под пиджак, вытащил свой пистолет и протянул им.

Тереза Брюнель помотала головой:

– Я взяла свое оружие…

– Оружие? – изумился Жером.

– А ты думал, что я работаю в полицейском кафетерии? – усмехнулась Тереза. – У меня в нем никогда не возникало нужды. Надеюсь, и не возникнет. Но при необходимости я им воспользуюсь.

Гамаш посмотрел в дальний угол комнаты, где за терминалом работала агент Николь.

– Агент Николь, прошу вас со мной в машину.

Она продолжала сидеть спиной к ним.

– Агент Николь.

Вместо того чтобы повысить голос, старший инспектор понизил его. Этот звук пронесся по всему помещению и опустился на маленькую женскую спину. Все видели, как она напряглась.

И тогда Николь встала.

Гамаш потеребил Анри за уши и открыл дверь.

– Постойте, Арман, – сказала Тереза. – Вы куда?

– В ЗООП. Поговорить с Пьером Арно.

Тереза хотела было возразить, но поняла, что это уже не имеет значения. Они теперь играли в открытую. Теперь была важна только скорость.

Гамаш дожидался Николь снаружи, на крыльце школы.

Габри, направлявшийся в бистро, помахал ему, но не подошел. Время приближалось к одиннадцати, и солнце сверкало на белом снегу. Казалось,

будто деревню усыпали драгоценными камнями.

– Что вы хотите? – спросила Николь, выйдя наконец на улицу и закрыв за собой дверь.

Она показалась Гамашу очень похожей на первую пятерняшку, вытолкнутую в этот мир против ее воли. Старший инспектор спустился по ступеням и пошел по тропинке к машине. Не глядя на Николь, он сказал:

– Я хочу знать, что вы делали в тот день в гостинице.

– Я вам уже сказала.

– Вы мне солгали. У нас мало времени. – Он посмотрел на нее. – В тот день в лесу я поверил вам, хотя и знал, что вы солгали. Знаете почему?

Николь сверкнула глазами, ее худое лицо покраснело.

– Потому что у вас не было выбора?

– Потому что у вас, как бы вы себя ни вели, доброе сердце. Странная голова, – улыбнулся Гамаш, – но доброе сердце. Однако сейчас я должен знать. Зачем вы пришли в гостиницу?

Николь шла рядом с ним, опустив голову и глядя на собственные ботинки.

Они остановились возле машины Гамаша.

– Я пошла за вами, чтобы сказать кое-что. Но вы так разозлились. Хлопнули дверью перед моим носом. И я не смогла.

– Скажите сейчас, – попросил он тихим голосом.

– То видео слила я.

Облачка ее слов рассеялись, едва успев появиться.

Старший инспектор широко открыл глаза и какое-то время переваривал эту информацию.

– Почему? – спросил он наконец.

Слезы оставляли теплые следы на лице Николь, и чем сильнее она пыталась их остановить, тем обильнее они текли.

– Простите. Я не хотела ничего плохого. Мне было так погано…

У нее перехватило горло.

– …Моя вина… – с трудом выдавила она. – Я сказала вам, что их шестеро. Я слышала только…

И она зарыдала.

Арман Гамаш обнял ее и прижал к себе. Она тяжело дышала, сотрясаясь всем телом. И рыдала. Она плакала и плакала, пока ничего не осталось. Ни звуков, ни слез, ни слов. Пока ноги ее не ослабели. И все это время Гамаш продолжал прижимать ее к себе.

Когда она отстранилась, все ее лицо было в слезах, нос распух. Гамаш расстегнул куртку, достал носовой платок и протянул агенту Николь.

– Я сказала вам, что на фабрике шесть террористов, – произнесла она наконец сквозь икоту. – Я слышала только четырех, но добавила еще. На всякий случай. Вы меня так учили. Из осторожности. Я думала, что достаточно осторожна. Но там их было… – Слезы снова потекли из ее глаз, но теперь они текли свободно, и она не делала попыток их остановить. – Но там их было больше.

– Ты не виновата, Иветт, – сказал Гамаш. – Никто не винит тебя в случившемся.

И он знал, что это правда. Он вспомнил те мгновения на фабрике. Те, которые не может запечатлеть никакое видео. Арман Гамаш вспомнил не только то, что он видел или слышал, но и то, что он чувствовал, когда его молодые агенты падали, сраженные пулями.

Вспомнил, как он держал Жана Ги. Как звал медиков. Как поцеловал его на прощание.

«Я тебя люблю», – прошептал он на ухо Жану Ги, прежде чем оставить его на холодном, залитом кровью бетонном полу.

Образы могут тускнеть, но чувства – никогда.

– Ты не виновата, – повторил он.

– И вы тоже, сэр, – сказала Николь. – Я хотела, чтобы люди знали. Но я не переставала думать… Их семьи… другие полицейские. Я хотела сделать это…

Она посмотрела на него, надеясь, что он поймет.

– Ради меня? – спросил Гамаш.

Она кивнула:

– Я боялась, что вину возложат на вас. Я хотела, чтобы все знали: вы не виноваты. Простите меня.

Он взял Николь за липкую руку и заглянул в ее маленькое лицо, все в пятнах, мокрое от слез и соплей.

– Все в порядке, – прошептал он. – Мы все совершаем ошибки. А то, что сделала ты, может быть, и не ошибка вовсе.

– О чем вы?

– Если бы ты не распространила то видео, мы бы никогда не узнали, чем занят суперинтендант Франкёр. Может оказаться, что это дар Божий.

– Ни хрена себе дар Божий, – сказала Николь. – Сэр.

– Да-да. – Гамаш улыбнулся и сел в машину. – Пока меня нет, я хочу, чтобы ты поискала информацию о премьере Ренаре. О его происхождении, о его жизни. Не обнаружится ли у него связей с Пьером Арно или со старшим суперинтендантом Франкёром.

– Слушаюсь, сэр. Знаете, скорее всего, они отслеживают вашу машину

и ваш сотовый. Может, вы оставите сотовый здесь и воспользуетесь чьей-нибудь машиной?

– Ничего со мной не случится, – сказал он. – Дай мне знать, если что-нибудь найдешь.

– Когда получите сообщение из зоопарка, будете знать, от кого оно.

Старшего инспектора это вполне устраивало. Он выехал из деревни, понимая, что за холмом его сразу же обнаружат, и рассчитывая на это.

Глава тридцать шестая

Второй раз за два дня Арман Гамаш заезжал на парковку тюрьмы. Но на сей раз он вышел из машины и захлопнул дверь. Он хотел, чтобы ни у кого не осталось сомнений в его приезде. Он хотел, чтобы его видели, и хотел войти внутрь. У входа он предъявил удостоверение.

– Мне необходимо увидеть одного из ваших заключенных.

Раздался звук зуммера, и старшего инспектора впустили, но не дальше комнаты ожидания. Из бокового помещения вышел дежурный.

– Старший инспектор? Я – капитан Монетт, старший надзиратель. Меня не известили о вашем приезде.

– Я и сам узнал о нем только полчаса назад, – сказал Гамаш дружелюбным голосом, разглядывая удивительно молодого человека, стоящего перед ним.

Судя по виду, Монетту не было и тридцати. Он отличался крепким телосложением. Типичный лайнбекер[65].

– Возникли вопросы в связи с делом, которое я расследую, – пояснил Гамаш, – и мне необходимо встретиться с одним из ваших заключенных. Он содержится в зоне для особо опасных преступников, насколько я знаю.

Брови Монетта взметнулись.

– Вам придется оставить оружие здесь.

Гамаш предполагал такое развитие событий, хотя и надеялся, что высокое звание избавит его от этого. Не избавило. Старший инспектор достал свой «глок» из кобуры, огляделся. Из каждого угла пустой комнаты на него смотрели видеокамеры.

Может быть, тревога уже объявлена? Если так, то через минуту он узнает.

Гамаш положил пистолет на стол. Охранник выдал ему расписку.

Капитан Монетт жестом пригласил Гамаша следовать за ним по коридору.

– Какого заключенного вы хотите увидеть?

– Пьера Арно.

Старший надзиратель остановился:

– Это заключенный с особым статусом.

Гамаш улыбнулся:

– Да, я знаю. Извините, сэр, но у меня очень мало времени.

– Я обязан доложить директору тюрьмы.

– Нет, не обязаны, – возразил Гамаш. – Если вы считаете, что это необходимо, – бога ради, но большинство старших надзирателей имеют полномочия разрешать посещение заключенных, тем более следователям. Может быть, вам, – Гамаш смерил взглядом молодого человека, – не дали таких полномочий?

На лице Монетта появилось жесткое выражение.

– У меня есть право действовать по своему усмотрению.

– Так почему же вы не пользуетесь этим правом? – спросил Гамаш вроде бы из простого любопытства, однако более резким тоном и слегка прищурившись.

Капитан явно почувствовал неловкость. Не опасение, а неуверенность в своих действиях, и Гамаш понял, что молодой человек, вероятно, работает здесь недавно.

– На самом деле это обычное дело, – сказал старший инспектор, чуть смягчая интонацию.

Он надеялся, что это прозвучало не покровительственно, а убедительно.

«Ну же, давай», – подумал Гамаш, считая в уме минуты. Еще немного – и начнется тревога. Он хотел, чтобы его проследили до ЗООПа, но не поймали здесь.

Монетт посмотрел на него и кивнул. Не сказав ни слова, он зашагал по коридору.

Двери открывались перед ними и закрывались у них за спиной, по мере того как они все дальше уходили в особую зону. И пока они шли, старший инспектор размышлял о том, что же случилось с предшественником капитана и почему охрана самых опасных преступников Канады поручена такому молодому и неопытному человеку.

Наконец они вошли в комнату для свиданий, и Монетт оставил Гамаша одного.

Старший инспектор огляделся. Снова за ним отовсюду следили видеокамеры. Это ничуть не беспокоило Гамаша, поскольку видеокамеры входили в его план.

Он расположился напротив двери и приготовился впервые за много лет встретиться лицом к лицу с Пьером Арно.

Наконец дверь открылась. Первым вошел капитан Монетт, а следом – пожилой человек в оранжевой тюремной форме в сопровождении еще одного охранника.

Старший инспектор посмотрел на заключенного. Потом на старшего надзирателя:

– Кто это?

– Пьер Арно.

– Но это не Пьер Арно. – Гамаш подошел к заключенному. – Кто вы?

– Он – Пьер Арно, – твердо сказал Монетт. – Тюрьма меняет людей. Он провел здесь десять лет. Это он.

– Я говорю вам, что это не Пьер Арно, – сказал Гамаш, не вполне успешно подавляя закипающий гнев. – Я много лет проработал с Пьером Арно. Я арестовал этого человека и давал показания на его процессе. Кто вы?

– Пьер Арно, – ответил заключенный, глядя перед собой.

На подбородке у него росла седая щетина, взлохмаченные волосы торчали во все стороны. На взгляд Гамаша, заключенному было лет семьдесят пять. Возраст приблизительно тот же, и то же телосложение.

Но человек другой.

– Как давно вы здесь работаете? – спросил Гамаш у старшего надзирателя.

– Шесть месяцев.

– А вы? – Он посмотрел на сопровождающего, удивленного тем, что его о чем-то спрашивают.

– Четыре месяца, сэр. Я слушал ваши лекции в академии, но меня исключили. Устроился на работу сюда.

– Идите со мной, – сказал Гамаш молодому тюремщику. – Проводите меня к выходу.

– Вы уходите? – спросил старший надзиратель.

Гамаш оглянулся:

– Отправляйтесь к вашему директору. Скажите ему, что я был здесь. Скажите ему, что я знаю.

– Что знаете?

– Он поймет. А если вы не понимаете, о чем я говорю, если вы в этом не участвуете… – Гамаш окинул старшего надзирателя изучающим взглядом, – то мой вам совет: быстро идите в кабинет директора и арестуйте его.

Старший надзиратель уставился на Гамаша, совершенно сбитый с толку.

– Идите! – крикнул Гамаш, и старший надзиратель развернулся и вышел.

– Не вы. – Гамаш ухватил младшего тюремщика за руку. – Заприте его здесь, – он показал на заключенного, – и ступайте за мной.

Молодой тюремщик исполнил приказ и двинулся следом за Гамашем

по коридору.

– Что происходит, сэр? – спросил тюремщик, стараясь не отставать от Гамаша.

– Вы провели здесь четыре месяца, старший надзиратель – шесть. А другие надзиратели?

– Большинство из нас появились здесь в последние полгода.

– Значит, капитан Монетт, вероятно, не участвует в этом, – тихо сказал Гамаш.

Задумавшись, он быстро дошел до выхода.

У последней двери Гамаш повернулся к молодому надзирателю, у которого был встревоженный вид.

– Странные вещи должны вот-вот случиться, сынок. Если Монетт в этом участвует или если он не сможет арестовать директора, вы получите приказы, которые не только покажутся вам противозаконными, но и будут противозаконными.

– И что я должен делать?

– Охраняй человека, которого они выдают за Арно. Он должен остаться в живых.

– Да, сэр.

– Хорошо. Говори уверенно, держи себя так, будто знаешь, что делаешь. И прислушивайся к тому, что подсказывает тебе твое сердце.

Молодой человек расправил плечи.

– Как тебя зовут?

– Коэн, сэр. Адам Коэн.

– Ну, месье Коэн, этот день для всех нас будет богат неожиданными событиями. Почему тебя исключили из полицейской академии? Что произошло?

– Я завалил экзамен по естественным наукам. – Он помолчал. – Два раза.

Гамаш ободряюще улыбнулся:

– К счастью, научных знаний от тебя сегодня не потребуется. Полагайся на собственное здравомыслие. Невзирая ни на какие приказы, делай только то, что сам считаешь правильным. Ты меня понял?

Парень кивнул, глядя на Гамаша широко раскрытыми глазами.

– Когда все закончится, я вернусь поговорить с тобой о работе в полиции и о дальнейшей учебе в академии.

– Да, сэр.

– Все у тебя будет хорошо, – пообещал Гамаш.

– Да, сэр.

Но ни тот ни другой не верили в это до конца.

У дверей старший инспектор пережил несколько неприятных моментов, когда он протянул расписку и стал ждать возврата своего пистолета. Но наконец «глок» ему вернули, и Гамаш быстро пошел к своей машине. Больше здесь искать было нечего.

Пьера Арно почти наверняка убили. Убили шесть месяцев назад, чтобы посадить на его место другого человека. Арно не мог заговорить, потому что лежал в земле. Тот, кого посадили вместо него, ничего не мог сказать, потому что ничего не знал. А всех надзирателей, которые знали Арно в лицо, перевели в другие места.

Исчезновение Арно о многом сказало Гамашу. Оно сказало, что когда-то Пьер Арно находился в центре событий, но сейчас необходимость в нем отпала.

Кто-то другой взял бразды правления в свои руки. И Гамаш знал кто.

Он сел в машину и проверил почту. Пришло одно сообщение из зоопарка.

Жорж Ренар, нынешний премьер Квебека, в 1970-е годы учился на строителя в Политехническом институте. Его первым местом работы была компания «Ле сервис акведук» на самом севере Квебека.

Вот она, связь между «Акведуком» и Ренаром. Но при чем здесь Арно?

Гамаш продолжил читать сообщение. Ренар начинал работать в Ла-Гранде, на крупнейшем строительном проекте того времени – сооружении громадной плотины для электростанции.

И вот она, связь между Пьером Арно и Жоржем Ренаром. В молодости они работали в одном районе. Один служил полицейским в резервации кри, а другой строил плотину, которая должна была уничтожить резервацию.

Там ли они встретились в первый раз? Не в те ли времена родился их план? Неужели он зрел сорок лет? Год назад заговор, имевший целью подрыв плотины, почти удался. Гамаш остановил его в последний момент. Именно поэтому Бовуар и многие другие оказались на той фабрике.

И теперь начали складываться воедино отдельные части того пазла. Откуда террористы точно знали уязвимое место огромной плотины? Старший инспектор до сего дня не понимал, как эти молодые люди на грузовиках, заполненных взрывчаткой, смогли зайти так далеко и найти единственное слабое место в монолитной структуре.

Вот, оказывается, как.

Жорж Ренар. Нынешний премьер Квебека, а в те времена молодой инженер. Если Ренар знал, как построить плотину, то он знал и как ее взорвать.

Пьер Арно, полицейский в резервации кри, делавший первые шаги на пути к званию старшего суперинтенданта Квебекской полиции, создал обстановку ненависти и отчаяния, которая довела двух молодых индейцев до такого состояния, что они согласились совершить акт чудовищного терроризма. А Ренар предоставил им необходимую информацию.

И они почти преуспели.

Но ради какой цели? Зачем избранному главе провинции не только уничтожать плотину, которая обеспечивала энергией громадный регион, но и стирать с лица земли городки и деревни, убивать тысячи людей?

Ради какой цели?

Гамаш надеялся, что Арно расскажет ему об этом. Но еще важнее для Гамаша было знать, каков будет следующий шаг. В чем состоит их запасной план? Гамаш знал две вещи: это произойдет скоро и это будет чем-то огромным.

У него засосало под ложечкой.

Контракты на ремонт туннелей, мостов, эстакад не выполнялись многие и многие годы. Миллиарды долларов за контракты попадали в карманы коррупционеров, а дорожная система тем временем приходила в упадок.

Старший инспектор Гамаш почти не сомневался: план состоит в том, чтобы ускорить грядущий коллапс. Обрушить туннель. Мост. Большую развязку.

Но с какой целью?

И опять Гамаш напомнил себе, что причина сейчас гораздо менее важна, чем мишень. Он знал, что атака неминуема. Она почти наверняка произойдет в ближайшие несколько часов. Гамаш предполагал, что объект атаки находится в Монреале, но он может находиться и в Квебек-Сити. В столице. Впрочем, он может находиться в любой точке провинции Квебек.

Ему пришло еще одно сообщение из зоопарка, на этот раз от Жерома Брюнеля: «Одри Вильнёв работала в министерстве транспорта в Монреале. Клерком».

Гамаш задумался на секунду, прежде чем написать ответ. Всего два слова. Нажал клавишу «отправить», завел машину и покинул тюремную парковку.

– Зоопарк Гранби? – спросила Ламбер. – Они входят в систему через архив зоопарка. Мы их поймали.

Через громкую связь телефона Сильвен Франкёр в своем кабинете слышал, как старший инспектор Ламбер молотит по клавиатуре.

Стремительная поступь охотника за шпионом.

В его кабинет вошел Тесье, и Франкёр выключил громкую связь.

– Я уже ехал в ту деревню, когда мы отследили телефон и машину Гамаша.

– Он уехал из деревни?

Тесье кивнул:

– Направился в ЗООП. Мы появились там несколько минут назад, но он уже уехал.

Франкёр вскочил с кресла:

– Он заходил внутрь?

Он выкрикнул это так громко, что ему показалось, будто рвется кожа в горле. Он не удивился бы, если бы частицы его плоти залепили лицо этого недоумка.

– Мы не предполагали, что он покинет деревню, – стал оправдываться Тесье. – Мы вообще думали, что он отдал машину и свой сотовый кому-то другому, чтобы отвлечь нас, но потом поняли, что его машина стоит возле ЗООПа. Мы подключились к камерам наблюдения и убедились, что это Гамаш.

– Ты долбаный кретин. – Франкёр перегнулся через стол. – Он знает?

Старший суперинтендант испепелял подчиненного взглядом, и Тесье показалось, что у него на миг остановилось сердце.

Тесье кивнул:

– Он знает, что человек в ЗООПе – не Арно. Но это ничего ему не дает.

Тесье сам ликвидировал Арно, как Арно должен был ликвидировать себя много лет назад. Пулей в висок.

– А где Гамаш теперь? – спросил Франкёр.

– Едет в Монреаль, сэр. Направляется к мосту Жака Картье. Мы за ним следим. Больше не упустим.

– Ну конечно не упустите, идиоты! – рявкнул Франкёр. – Он и не хочет, чтобы его упустили. Он хочет, чтобы мы за ним следили.

«Он направляется к мосту Жака Картье, на восток Монреаля, – подумал Франкёр, собирая мечущиеся мысли. – Не исключено, что он едет сюда. Арман, ты что, такой смелый? Или такой глупый?»

– Есть еще кое-что, сэр, – сказал Тесье, глядя в свой ноутбук (посмотреть в убийственные глаза Франкёра он не осмеливался). – Брюнелей в Ванкувере нет.

– Конечно нет. – Франкёр снова включил громкую связь телефона. – Ламбер? Говорит Франкёр. Наш шпион – доктор Жером Брюнель.

Из динамика донесся жесткий голос Ламбер:

– Нет, сэр. Не Брюнель. Ведь это он был замечен нами несколько дней назад, верно?

– Верно, – кивнул Франкёр.

– Нынешний шпион гораздо искуснее. Возможно, Брюнель – один из взломщиков, но я, кажется, знаю, кто второй.

– Кто?

– Агент Иветт Николь.

– Кто?!

– Она некоторое время работала у Гамаша, но он ее выгнал. Посадил в подвал.

– Постойте, я ее знаю, – сказал Тесье. – Сидит в мониторинговой. Жуткая такая уродка.

– Это она, – подтвердила Ламбер. Во время разговора они слышали, как ее пальцы стучат по клавиатуре. Прижимают агента Николь к земле. – Я привлекала ее в наш отдел, но она не сработалась с людьми. Ущербная какая-то. Я отправила ее назад.

– Это она? – переспросил Франкёр.

– Думаю, да.

– Встречаемся в подвале.

– Слушаюсь, сэр.

– Выясни, куда едет Гамаш, – приказал он Тесье и пошел к двери.

Возможно ли, чтобы люди Гамаша работали за пределами управления Квебекской полиции? Или они все время находились здесь, прямо у них под носом? В подвале? Это могло бы объяснить их сверхвысокую скорость.

А Гамаш прятался в той деревне в качестве ложной цели.

Да, думал Франкёр, спускаясь в подвал, этот смелый ход вполне в духе Гамаша.

Инспектор Ламбер уже стояла перед запертой дверью, когда появился старший суперинтендант Франкёр с двумя плечистыми агентами.

Франкёр отвел Ламбер на несколько шагов в сторону и прошептал:

– Они могут находиться там?

– Это возможно, – ответила Ламбер.

– Вышибайте дверь, – приказал Франкёр агентам.

Один вытащил оружие, а другой ударил по двери ногой. Дверь с громким хлопком распахнулась, за ней обнаружилась крохотная комнатка с рядами мониторов, клавиатурами, терминалами, горами оберток от конфет, плесневелых апельсиновых корок и банок из-под лимонада, но людей там не оказалось.

Ламбер села за стол, нажала несколько клавиш.

– Ничего. Она работала не отсюда. Но дайте-ка я проверю кое-что.

Она быстро прошла по коридору к другой двери, отперла ее и позвала Франкёра.

– Что я тут должен увидеть? – спросил Франкёр.

– Старую аппаратуру, конфискованную у хакеров. Кладовая должна быть набита битком.

Кладовая не была набита битком.

– Чего не хватает?

– Спутниковых тарелок, кабелей, терминалов, мониторов, – перечислила Ламбер, разглядывая опустевшую кладовку. – Умная сучка.

– То есть она может быть где угодно – вы это хотите сказать? – спросил Франкёр.

– Где угодно, но, скорее всего, в таком месте, где для подключения к Интернету необходима спутниковая тарелка. Одну она взяла, – сказала Ламбер.

Франкёр знал, где эта тарелка.

Доктор Брюнель и агент Николь скопировали файлы на флешку и собрали все документы.

– Идемте, агент Николь, – позвала суперинтендант Брюнель, стоя у открытой двери.

– Секундочку.

– Немедленно! – рявкнула Тереза Брюнель.

Николь сидела на краешке стула, готовая броситься к выходу. Но ей оставалось сделать последнее. Она знала: они придут и будут проверять компьютер. Так пусть найдут маленький подарочек от нее. Несколькими последними ударами по клавишам она подложила им логическую бомбу.

– Жрите, говнюки, – сказала она и разлогинилась.

Гончих это не удержит, но неприятный сюрприз их ждет.

– Скорее, – поторопила ее суперинтендант Брюнель.

В ее голосе не слышалось паники – только требовательность.

Доктор Брюнель и Жиль уже ушли, и в старой школе оставалась одна Николь. Она выключила компьютеры, в последний раз посмотрела на них. За последние дни они стали для нее настоящей семьей. Отец гордился ею, но не понимал ее. Родственники считали ее чокнутой, чурались ее.

И если уж честно, она о них тоже была невысокого мнения. Обо всех них.

Зато в компьютерах она разбиралась. И они ее понимали. Жить рядом с ними было легко. Ни рассуждений, ни споров. Они слушались ее и делали

то, что она просила.

А эти старенькие, брошенные другими, считавшиеся бесполезными, вызывали у нее чувство гордости. Но пришло время уходить и оставлять их. Суперинтендант Брюнель придержала дверь, и Николь выбежала на улицу. Тереза заперла замок. Нелепо было предполагать, что старый навесной замок удержит тех, кто придет, но этот самообман утешал ее сердце.

Они спустились по склону в дом Эмили Лонгпре. Как того требовало краткое сообщение Гамаша.

«Привет Эмили». И они поняли, что оно означает.

Надо уходить. Убираться из школы. Безопасного места для них не осталось, но было где пересидеть с удобством и подождать.

Они уже едут сюда. Тереза Брюнель знала это. Все знали.

Они уже едут.

Раздался электронный писк оповещения, и Ламбер проверила сообщение на телефоне.

«Шарпантье ее потерял».

Ламбер предполагала, что старший суперинтендант взорвется, и удивилась, когда он просто кивнул:

– Не имеет значения.

Франкёр быстро прошел по коридору к лифту.

«Где Гамаш?» – отправил он вопрос Тесье.

«На мосту Жака Картье. Продолжать наблюдение?»

«Нет. Ему только этого и надо. Он хочет нас отвлечь. Это приманка».

Он дал Тесье инструкции, потом на короткое время вернулся в свой кабинет. Если Гамаш едет в управление, то он их здесь не найдет. Франкёр почти не сомневался в намерениях Гамаша. Гамаш знает, что за ним следят, и хочет, чтобы за ним следили. И не поворачивает на юг. В ту деревеньку. Так хорошо спрятанную.

Но теперь найденную.

– Я думаю, лучше этого не делать, Жером, – сказала Тереза, когда ее муж собрался растопить камин.

Он кивнул, сел рядом с ней на диван, и они вместе уставились на дверь. Занавески были задернуты, свет выключен. Николь сидела в кресле, тоже устремив взгляд на дверь.

– Что вы там делали в конце? – спросила Тереза у Николь.

– Что?

– На компьютере, когда я вас торопила. Что вы делали?

– Да ничего.

Жером тоже посмотрел на молодую женщину:

– Вы что-то делали на компьютере?

– Закладывала туда бомбу, – дерзко ответила она.

– Бомбу? – вскрикнула Тереза, но тут заметила, что Жером улыбается, внимательно глядя на агента Николь.

– Она имеет в виду логическую бомбу, я правильно понимаю?

Николь кивнула.

– Это нечто среднее между вирусом и бомбой замедленного действия, – объяснил Жером жене. – И на что вы ее запрограммировали? – спросил он у Николь.

– Ни на что хорошее, – вызывающе ответила она, набиваясь на выволочку.

Но Жером Брюнель только улыбнулся и покачал головой:

– Жаль, я сам до этого не додумался.

Они снова погрузились в молчание, поглядывая то на занавешенные окна, то на закрытую дверь.

Но Жиль не смотрел на дверь. Он смотрел в заднее окошко. Занавески там не были задернуты, и Жиль видел засыпанный снегом сад и лес. И высокие деревья, которые шепотком разговаривали с ним. Возражали ему. Прощали его.

Он продолжал смотреть на лес, даже когда на веранде раздались первые шаги. Когда снег заскрипел под ботинками.

Они увидели тень, прошедшую за занавесками.

Потом шаги остановились у двери.

И кто-то постучал.

Глава тридцать седьмая

Арман Гамаш заехал на подъездную дорожку маленького домика. С карниза свисали гирлянды, на передней двери красовался венок. Все рождественские украшения были на месте. Кроме уюта и радости. Заметно ли это тем, кто не знает, какая скорбь пришла в этот дом?

Он нажал кнопку звонка.

Подождал.

Суперинтендант Тереза Брюнель подошла к двери. Подошла с прямой спиной и решительным взглядом. Держа за спиной пистолет, открыла дверь.

На веранде стояла Мирна Ландерс.

– Вы должны перейти ко мне, – проговорила она, переводя взгляд с Терезы на стоящих за ней людей. – Быстро. Мы не знаем, когда они появятся.

– Кто? – спросил Жером. Он стоял пригнувшись, держа Анри за ошейник.

– Те, от кого вы прячетесь. Здесь они вас найдут. А ко мне, скорее всего, и не заглянут.

– С чего вы решили, что мы прячемся? – спросила Николь.

– А зачем еще вы сюда приехали? – ответила вопросом Мирна, проявляя все большее нетерпение. – На отпускников вы не похожи. И на любителей делать покупки в сельских магазинах – тоже. Когда мы увидели, что всю прошлую ночь вы работали в школе, а потом перенесли сюда коробки с документами, мы предположили, что что-то пошло не так.

Она обвела их внимательным взглядом.

– Мы ведь правы, верно? Они вычислили, где вы.

– Вы знаете, что предлагаете? – спросила Тереза.

– Безопасное место, – ответила Мирна. – Кому такое не требуется хотя бы раз в жизни?

– Люди, которые нас ищут, делают это не для того, чтобы поговорить, – сказала Тереза, глядя в глаза Мирне. – Им не нужны переговоры. Они даже угрожать нам не собираются. Они хотят нас убить. И вас они тоже убьют, если найдут нас в вашем доме. Боюсь, что безопасного места для нас нет.

Она хотела, чтобы Мирна поняла ее. Та стояла перед ней, явно

испуганная, но исполненная решимости. «Как одна из фигур „Граждан Кале“[66], – подумала Тереза. – Или как те мальчики на витражном окне».

Мирна решительно кивнула:

– Арман не привез бы вас сюда, если бы не надеялся, что мы вас защитим. Где он? – Она заглянула в комнату.

– Он пытается их отвлечь, – сказала Николь, поняв наконец, почему шеф взял машину и телефон, которые явно сразу же окажутся под наблюдением.

– У него получится? – спросила Мирна.

– На какое-то время, – сказала Тереза. – Но они все равно придут за нами.

– Мы так и думали.

– Мы?

Мирна повернула голову к дороге, и Тереза посмотрела в ту же сторону. На заснеженной тропинке стояли Клара, Габри, Оливье, Рут и Роза.

Конец пути.

– Идемте, – сказала Мирна.

И они пошли.

– Bonjour. Меня зовут Арман Гамаш. Я служу в Квебекской полиции.

Он говорил тихо. Не шепотом, но достаточно тихо, чтобы девочки, которые стояли поодаль в коридоре, выглядывая из-за спины отца, не слышали его слов.

Вид у Гаэтана Вильнёва был разбитый. Он держался прямо только потому, что боялся свалиться и придавить своих детей. Девочкам не исполнилось еще и десяти, и они смотрели на Гамаша широко раскрытыми глазами. Гамаш не знал, утешит ли их та новость, которую он привез, или причинит еще больший вред. Или же от нее не пойдет и ряби по их океану скорби.

– Что вы хотите? – вяло спросил месье Вильнёв.

В нем не осталось сил для сопротивления. Но и за порог он Гамаша пока не пустил.

Гамаш продвинулся вперед на несколько дюймов:

– Я глава отдела по расследованию убийств.

Усталые глаза Вильнёва расширились. Он посмотрел на Гамаша и отошел в сторону, пропуская его.

– Это наши дочери – Меган и Кристиана.

Гамаш обратил внимание, что в местоимениях Вильнёв еще не

перешел на единственное число.

– Bonjour, – сказал Гамаш девочкам и улыбнулся. Не лучезарной улыбкой, а просто теплой. И снова повернулся к их отцу. – Не могли бы мы поговорить с глазу на глаз?

– Девочки, идите поиграйте во дворе, – сказал месье Вильнёв.

Его слова прозвучали не как строгий приказ, а как добрая просьба. И девочки подчинились. Он закрыл дверь и провел Гамаша на маленькую, но милую кухню в задней части дома.

Здесь было прибрано, вся посуда вымыта, и Гамашу стало любопытно, сделал ли это Вильнёв, чтобы поддержать порядок в доме ради девочек, или сами девочки, чтобы поддержать порядок ради скорбящего и растерянного отца.

– Кофе? – предложил месье Вильнёв.

Гамаш принял предложение и, пока хозяин наливал ему кофе, оглядел кухню.

Одри Вильнёв присутствовала повсюду. В запахе корицы и мускатного ореха для праздничной выпечки, которую она, вероятно, приготовила. В фотографиях на холодильнике – счастливая семья улыбалась в объектив то на природе, то на дне рождения, то в Диснейуорлде.

В рисунках цветными карандашами, забранных в рамочки. В рисунках, которые только родителям кажутся произведениями искусства.

Несколько дней назад, до того как Одри Вильнёв уехала на работу и не вернулась, здесь был счастливый дом.

Вильнёв поставил кружки с кофе на стол, и двое мужчин сели друг против друга.

– У меня есть для вас кое-какая информация и вопросы, – начал Гамаш.

– Одри не покончила с собой.

Гамаш кивнул:

– Это пока неофициально, и я могу ошибаться…

– Но вы так считаете, да? Вы думаете, что Одри убили. Кто-то разделался с ней. И я тоже так думаю.

– У вас есть предположения о том, кто мог это сделать?

Жизнь и энергия вернулись в глаза Вильнёва. Он ненадолго задумался, потом отрицательно покачал головой.

– Не заметили никаких перемен? Посетителей, телефонных звонков?

И опять Вильнёв покачал головой:

– Ничего такого. Она в последние недели нервничала. Обычно она другая. Что-то ее беспокоило, но в последнее утро она выглядела лучше.

– Вы не знаете, что ее расстраивало? – спросил Гамаш.

– Я боялся спрашивать… – Он помолчал, посмотрел в свой кофе. – Вдруг я сам и расстраивал.

– У нее было дома рабочее место?

– Вон там. – Вильнёв кивнул на маленький письменный стол в кухне. – Но другие полицейские забрали все бумаги.

– Все? – спросил Гамаш. Он встал и подошел к письменному столу. – Вы не нашли ничего, что она могла прятать? Вы мне позволите?

Он показал на стол, и Вильнёв кивнул:

– Я проверил после их ухода. Они обыскали весь дом.

Он наблюдал за Гамашем, который умело и быстро обшарил стол, но ничего не нашел.

– Компьютер? – спросил Гамаш.

– Они его забрали. Сказали, что привезут, но так и не вернули. Разве следователи изымают компьютер в случае… – он перевел дыхание, – самоубийства?

– Обычно не изымают, – ответил Гамаш, возвращаясь за кухонный стол. – Она работала в министерстве транспорта? Чем она занималась?

– Заносила отчеты в компьютер. Говорила, что у нее интересная работа. Одри любит, чтобы все было в порядке. Организованно. Если мы отправляемся путешествовать, то она составляет план «А» и на всякий случай план «Б». Мы всегда подшучивали над ней.

– В каком отделе она работала?

– В отделе контрактов.

Гамаш произнес безмолвную молитву, прежде чем задать следующий вопрос:

– Какого рода контрактов?

– Они вели техническую документацию. Когда компания выигрывает контракт, она должна докладывать о ходе его выполнения. Одри вводила получаемые данные в компьютер.

– В ее ответственность входила какая-то определенная географическая зона?

Вильнёв кивнул:

– Одри была старшей, а потому вела наблюдение за ремонтными работами в Монреале. Здесь большая нагрузка на дороги. Меня это всегда смешило. И я над ней постоянно подтрунивал.

– По какому поводу?

– Ну, она работала в министерстве транспорта, но не любила ездить по автострадам. В особенности по туннелю.

Гамаш замер.

– По какому туннелю?

– Виль-Мари. А ей на работу как раз по туннелю и приходилось ездить.

Гамаш почувствовал, что его сердце забилось чаще. Вот оно. Одри Вильнёв боялась, потому что знала: туннель не ремонтировался. Виль-Мари проходил под большей частью Монреаля. Если он обрушится, это вызовет цепную реакцию обрушений в метро, во всей подземной структуре города. Ядро подземного города практически прекратит существование.

Он встал, но Гаэтан Вильнёв остановил его, придержав за руку:

– Постойте. Кто ее убил?

– Я пока не могу вам сказать.

– По крайней мере, за что?

Гамаш покачал головой:

– Возможно, вас вскоре посетят другие агенты, будут спрашивать обо мне.

– Я скажу им, что вас здесь не было.

– Нет, не надо. Они уже знают, что я у вас был. Если спросят, скажите им все. Какие вопросы я задавал. Что вы отвечали.

– Вы уверены?

– Да.

Они подошли к двери.

– Я могу сказать только, что ваша жена умерла, потому что пыталась предотвратить страшную катастрофу. Я хочу, чтобы вы и ваши девочки знали это. – Гамаш помолчал. – Оставайтесь сегодня дома. Вы и девочки. Не ездите в центр Монреаля.

– Почему? Что должно произойти? – Кровь отхлынула от лица Вильнёва.

– Не выезжайте из дома, – твердо сказал Гамаш.

Вильнёв посмотрел в глаза старшего инспектора:

– Боже мой, вы не уверены, что сможете это предотвратить, да?

– Извините, мне пора, месье Вильнёв.

Гамаш надел куртку, но тут вспомнил слова Вильнёва о жене.

– Вы сказали, что ваша жена в то последнее утро выглядела довольной. Вы не знаете почему?

– Я решил, она радуется предстоящей рождественской вечеринке у них на работе. Для такого случая она сшила себе новое платье.

– А вы собирались на вечеринку?

– Нет. У нас с ней была договоренность: она не ездит на

рождественские вечеринки ко мне на работу, а я – к ней. Мне показалось, она ждала своей с нетерпением.

Вильнёв был явно смущен.

– И что? – спросил Гамаш.

– Да нет, ничего. Это личное. Не имеет никакого отношения к тому, что произошло.

– И все-таки скажите.

Вильнёв вгляделся в лицо Гамаша и вроде бы понял, что терять ему нечего.

– Мне приходила в голову мысль, не завела ли она роман. Нет, никогда ничего подобного с ней не случалось, но тут с ее новым платьем и вообще… Она столько лет не шила себе платьев. И она казалась такой счастливой. Я ее давно такой не видел.

– Расскажите мне про рождественскую вечеринку. На ней должны были присутствовать только сотрудники?

– В основном. Всегда появлялся министр транспорта, но ненадолго. А в этом году ходили слухи, что будет особый гость.

– Кто?

– Премьер. Мне это казалось не ахти каким событием, но Одри просто дождаться не могла.

– Жорж Ренар?

– Oui. Может, она поэтому и платье сделала. Хотела произвести на него впечатление.

Вильнёв посмотрел на дочек, лепивших снеговика в маленьком переднем дворе. Арман пожал руку Гаэтану Вильнёву, помахал девочкам и сел в машину.

Он посидел несколько минут, обдумывая услышанное. Судя по всему, объектом атаки они избрали туннель Виль-Мари.

Одри Вильнёв, заполняя отчеты, явно понимала: что-то тут не так. Она много лет проработала с данными по ремонту и знала разницу между фактически выполненным объемом работ и плохо выполненными работами. Или вообще не выполненными.

Возможно, она даже закрывала на это глаза, как и многие ее коллеги. Но настал момент, и она поняла, что больше не может молчать. И как в такой ситуации могла поступить Одри Вильнёв? Она была человеком порядка, дисциплины. Прежде чем заявить о своих подозрениях, она собрала информацию.

И обнаружила то, чего ей знать не полагалось. Нечто похуже, чем сознательное небрежение, чем коррупция, чем катастрофическое состояние

объектов, ремонт которых не производился десятилетиями.

Она обнаружила план ускорения катастрофы.

А что потом? Мысли Гамаша метались, пытаясь соединить все части этого страшного пазла. Что стал бы делать специалист среднего уровня, обнаружив факты всепроникающей коррупции и заговора? Пошел бы к своему начальнику. А если бы начальник ему не поверил, то пошел бы к начальнику начальника.

Но никто из них не реагировал.

Вот в чем крылась причина ее угнетенного состояния. Ее нервозности.

А в чем причина радости в конце?

У Одри Вильнёв, умелого организатора, имелся запасной план. Она сделала себе новое платье на рождественскую вечеринку, нечто такое, что мог бы заметить престарелый политик. Она бы подошла к нему словно невзначай. Может быть, даже затеяла бы флирт, вероятно, попыталась бы подзадорить его.

А потом рассказала бы о своих находках.

Премьер Ренар поверил бы ей. Она не сомневалась.

«Да, – подумал Гамаш, – кому, как не Ренару, было знать, что она говорит правду». Он завел двигатель и двинулся в центр Монреаля.

Проехав несколько кварталов, он остановился у телефона-автомата.

– Дом Лакост, – раздался детский голосок. – Говорит Мелани.

– Твоя мама дома, детка?

«Пожалуйста, – взмолился Гамаш. – Пожалуйста».

– Минуточку, s’il vous plait. – Потом раздался крик: – Мама, мама, тебя к телефону!

Еще несколько секунд, и он услышал голос инспектора Лакост.

– Oui?

– Изабель, не могу говорить долго. Намеченный объект – туннель Виль-Мари.

– Боже мой, – вполголоса проговорила она.

– Мы должны его закрыть. Немедленно.

– Поняла.

– И, Изабель… Я подал заявление об отставке.

– Да, сэр. Извещу остальных. Они захотят знать.

– Удачи, – сказал он.

– А вы? Вы куда?

– Назад в Три Сосны. Я там оставил кое-что. – Он помолчал, потом сказал: – Ты можешь найти Жана Ги? Позаботься, чтобы с ним сегодня ничего не случилось.

– Я постараюсь убрать его как можно дальше от всех этих событий.

– Merci.

Он повесил трубку, позвонил Анни и предупредил, чтобы она держалась подальше от центра города, после чего вернулся в машину.

Сильвен Франкёр ехал на заднем сиденье черного внедорожника. Тесье сидел рядом с ним. За ними ехал фургон без номерных знаков еще с двумя агентами и необходимым оборудованием.

Франкёр был рад случаю убраться из города – он представлял, что там должно случиться. Подальше от потрясений, подальше от возможных обвинений. Ничего такого к нему не прилипнет, если он вовремя доберется до этой деревни.

Все быстро шло к финалу.

– Гамаш не стал заезжать в управление, – прошептал Тесье, глядя на свой прибор. – Он в восточной части Монреаля. В доме Вильнёв. Не заехать за ним?

– А чего нам беспокоиться? – сказал, улыбаясь, Франкёр. Все складывалось идеально. – Мы обыскали дом. Он там ничего не найдет. Он теряет те крупицы времени, что остались. Думает, что мы поедем за ним. Пусть так и считает.

Тесье не смог найти Три Сосны ни на одной карте, но это не имело значения. Они приблизительно знали, где расположена деревня – близ того места, где всегда исчезал сигнал Гамаша. Но «приблизительно» не устраивало осторожного Франкёра. Он не хотел никаких задержек, никаких неизвестностей. Поэтому он действовал наверняка. Нашел того, кто точно знал, где находится деревня.

Франкёр посмотрел на изможденного человека за рулем.

Жан Ги Бовуар крепко сжимал баранку, на его лице застыло бессмысленное выражение. Он вез их прямо в Три Сосны.

Оливье выглянул из окна. С чердака Мирны открывался панорамный вид на деревню – на три громадные сосны и на главную дорогу, ведущую из деревни.

– Ничего, – сказал он, вернулся и сел рядом с Габри.

Тот положил свою большую руку на изящное колено Оливье.

– Я отменил репетицию хора, – сказал Габри. – Наверно, не стоило этого делать. Пусть бы все шло как обычно. – Он посмотрел на Оливье. – Боялся, что напортачу.

Снова воцарилось молчание. Тяжесть ожидания.

– Давайте я расскажу вам историю, – сказала Мирна, подтаскивая свой стул ближе к печке.

– Мы тут не в детском саду, – огрызнулась Рут, но посадила Розу к себе на колени и повернулась к Мирне.

Оливье и Габри, Клара, Жиль и агент Николь – все сели потеснее вокруг теплой печки. Подошел Жером Брюнель, но Тереза осталась у окна – смотреть на дорогу. Анри лежал рядом с Рут и глядел на Розу.

– История будет о призраках? – спросил Габри.

– Вроде того, – сказала Мирна.

Она взяла с кофейного столика плотный конверт. На нем аккуратным почерком было написано: «Мирне».

На столе лежал такой же конверт с надписью: «Инспектору Изабель Лакост. Прошу передать лично».

Мирна нашла их у себя в почтовом ящике сегодня рано утром. За кофе она прочла письмо, адресованное ей. Но конверт для Изабель Лакост оставался запечатанным, хотя Мирна подозревала, что там написано почти то же самое.

– В давние-стародавние времена один бедный фермер и его жена молили Бога даровать им детей, – начала Мирна. – Их земля была бесплодной, и, судя по всему, бесплодием страдала и жена. Но она так хотела иметь детей, что поехала в Монреаль, в Ораторий к брату Андре. Она на коленях поднялась по длинной лестнице, читая молитву «Аве Мария»…

– Варварство, – пробормотала Рут.

Мирна замолчала и посмотрела на старую поэтессу.

– А теперь слушайте внимательно. Дальше важное.

То ли Рут, то ли Роза пробормотала:

– Фак-фак-фак.

Но обе слушали.

– И произошло чудо, – возобновила рассказ Мирна. – Восемь месяцев спустя, на следующий день после смерти брата Андре, на крохотной ферме в центре Квебека родились пять младенцев. Принимали их повивальная бабка и сам фермер. Поначалу они испытали страшное потрясение, но потом фермер взял дочерей на руки, подержал их и обнаружил в себе любовь, какой не знал никогда прежде. То же чувствовала и его жена. То был самый счастливый день в их жизни. И последний счастливый день.

– Ты рассказываешь о пятерняшках Уэлле, – сказала Клара.

– Ты так думаешь? – спросил Габри.

– Вызвали доктора, – мелодичным спокойным голосом продолжала

Мирна, – но он не поехал в метель на какую-то нищенскую ферму, где его ждала оплата репой. А может, и та не ждала. Поэтому он улегся спать, понадеявшись на повивальную бабку. Но на следующее утро, узнав, что родились пятерняшки и все они живые и здоровые, он отправился на ферму. Сфотографировался вместе с девочками.

Мирна снова замолчала и оглядела собравшихся, задерживая взгляд на каждом. Она говорила тихим голосом, словно приглашая их поучаствовать в заговоре.

– В тот день родилось нечто большее, чем пятерняшки. Родился миф. А с ним родилось и что-то еще. Что-то с длинным темным хвостом. – Голос ее зазвучал еще тише, и все подались к ней. – Родилось убийство.

Арман Гамаш ехал по туннелю Виль-Мари. Он хотел выбрать другой маршрут. Поехать в объезд. Но через туннель лежал самый короткий путь к мосту Шамплейна и из Монреаля в Три Сосны.

Он ехал по длинному темному туннелю, отмечая трещины, отвалившуюся плитку, обнажившуюся арматуру. Как же это он столько раз проезжал здесь и ничего не видел?

Гамаш снял ногу с педали газа, скорость его машины упала, и другие участники движения принялись давить на кнопки гудков. Жестикулировали, обгоняя его. Но он почти не замечал их. Его мысли возвращались к разговору с месье Вильнёвом.

Он свернул на следующий съезд и нашел телефон в кофейне.

– Bonjour, – раздался тихий, усталый голос.

– Месье Вильнёв, говорит Арман Гамаш.

Молчание на другом конце.

– Из полиции. Я только что был у вас.

– Да, конечно. Я забыл ваше имя.

– Полиция вернула машину вашей жены?

– Нет. Но они вернули то, что нашли в ней.

– Какие-нибудь бумаги? Портфель?

– У нее был портфель. Но его они не вернули.

Гамаш потер лицо и с удивлением почувствовал щетину. Неудивительно, что Вильнёв не торопился приглашать его в дом. Он, вероятно, похож на бродягу с этой серой щетиной и синяком на физиономии.

Он сосредоточился. Одри Вильнёв собиралась на рождественскую вечеринку. Она была возбуждена, радостна, может, даже испытывала облегчение. Наконец-то она сообщит о своих находках человеку, который

может предпринять какие-то меры.

Вероятно, она ожидала, что с ее плеч упадет огромный груз.

Но она не могла не понимать, что премьер Квебека не поверит ей на слово, какой бы привлекательной она ни казалась в новом платье.

Она собиралась представить ему доказательства. Доказательства, которые везла с собой на вечеринку.

– Алло? – сказал Вильнёв. – Вы еще на проводе?

– Одну минуточку, пожалуйста, – откликнулся Гамаш.

Он почти нашел. Почти нашел ответ.

Одри, вероятно, взяла с собой на вечеринку сумочку, но не портфель или папку. И не отдельные бумаги. Как же она собиралась передать премьеру доказательства?

То, что нашла и что не смогла найти Одри Вильнёв, и стало причиной ее смерти. Сделай она еще один шаг – и вышла бы на человека, который стоял за всем этим. На того самого человека, к которому она собиралась обратиться. На премьера Жоржа Ренара.

– Позвольте, я вернусь? – спросил Гамаш. – Мне нужно увидеть, что находилось у нее в машине.

– Почти ничего, – сказал Вильнёв.

– И все равно я должен посмотреть.

Гамаш повесил трубку, развернул машину и снова проехал по туннелю Виль-Мари. Он ехал, затаив дыхание, как ребенок, идущий по кладбищу. Несколько минут спустя он уже выходил из машины у дома Вильнёва.

Жером сидел на подлокотнике кресла Мирны. Все смотрели на Мирну и внимательно слушали ее историю. Историю чудес, мифа и убийства.

Все, кроме Терезы Брюнель. Она стояла у окна, слушала, но смотрела на улицу. На дорогу, ведущую в деревню.

Солнце ярко светило с безоблачного неба. Стоял прекрасный зимний день. А у нее за спиной рассказывали темную историю.

– Девочек забрали у матери и отца, когда они были еще совсем маленькими, – говорила Мирна. – В те времена правительству не требовались какие-то обоснования, но одно они таки представили: добрый доктор намекнул, что Уэлле хотя и хорошие ребята, но малость туповаты. Возможно, даже от рождения. Воспитывать телят и поросят – это они могут, но не пять маленьких ангелочков. Ангелочки – дар Божий, последнее земное чудо брата Андре, а значит они принадлежат всему Квебеку, а не какому-то фермеру, влачащему жалкое существование. Еще доктор Бернар намекнул, что правительство заплатило Уэлле за девочек. И

люди поверили.

Клара посмотрела на Габри, тот посмотрел на Оливье, а тот – на Рут. Они все были уверены, что корыстные родители продали пятерняшек. Продажа составляла существенную часть сказки. Пятерняшки не только родились, но и были спасены.

– Пятерняшки стали сенсацией, – сказала Мирна. – Люди по всему миру, угнетенные Великой депрессией, требовали новостей об этих детках, появившихся на свет благодаря чуду.

Мирна держала конверт с письмом, которое предыдущей ночью, преодолевая усталость, написал Арман Гамаш. В двух экземплярах. Один для коллеги. И один для Мирны. Он знал, что Мирна любила Констанс и заслуживала правды о том, что случилось с ее подругой. Рождественского подарка у него для Мирны не было, и он подарил ей конверт с письмом.

– Бернар и правительство понимали, что на девочках можно заработать состояние. С помощью фильмов, товаров, экскурсий, книг, журнальных статей, которые вели бы хронику их чудесной жизни.

Мирна подозревала, что Арман был бы не в восторге, узнав, что она рассказала всем содержание его письма. Он ведь даже написал «Конфиденциально» поперек первой страницы. А она теперь выбалтывала то, что он написал. Но, увидев тревогу на их лицах, почувствовав опасность ситуации, которая давила на всех, она поняла, что должна отвлечь их от страха.

А для этого нет ничего лучше, чем история корысти и любви, как исковерканной, так и настоящей. История тайн и ярости, ран, которых не залечить. И наконец, убийства. Убийств.

Мирна решила, что старший инспектор простит ее. Она надеялась, что у нее будет шанс попросить прощения.

– И у пяти девочек началась сказочная жизнь, – продолжила она, оглядывая этот круг широко раскрытых, внимательных глаз. – Правительство построило им идеальный маленький домик, как в книжке сказок. С садом, окруженным белой оградой. Чтобы зеваки не совались, а девочки оставались в своем мирке. У них была прекрасная одежда, частные учителя, уроки музыки. Игрушки и пирожные. У них было все. Кроме личного пространства и свободы. И это главная проблема золотой жизни. Внутри ее ничто не может цвести. Напротив, то, что когда-то цвело, начинает гнить.

– Гнить? – спросил Габри. – Они возненавидели друг друга?

Мирна посмотрела на него:

– Да, один ребенок ополчился на других.

– Кто? – тихо спросила Клара. – Что случилось?

Гамаш вырулил на подъездную дорожку, вышел из машины и чуть не упал, поскользнувшись на обледеневшем тротуаре. Дверь открылась еще до того, как он позвонил, и его пригласили внутрь.

– Девочки у соседей, – сказал Вильнёв, явно понимавший важность этого визита.

Он провел старшего инспектора в кухню, и тот увидел на столе две сумки: одну – для каждодневного пользования, а другую – вечернюю.

Гамаш без слов открыл вечернюю сумочку. Она была пуста. Он пощупал подкладку, потом повернул сумочку к свету. Подкладку недавно подшили. Кто это сделал – Одри или копы, которые ее обыскивали?

– Вы не возражаете, если я отпорю подкладку? – спросил он.

– Делайте, что считаете нужным.

Гамаш отпорол подкладку, обшарил сумочку изнутри, но ничего не нашел. Если там что-то и было, то исчезло. Он взял другую сумку, быстро ее обыскал, но она тоже оказалась пустой.

– В машине вашей жены было что-то еще?

– Больше ничего, – ответил Вильнёв.

– Ее одежду вам вернули?

– Ту, что была на ней? Они предложили, но я сказал, пусть выбросят. Не хотел ее видеть.

Гамаш, хотя и разочарованный его ответом, не удивился. Он бы чувствовал то же самое. И еще он подозревал: то, что Одри прятала, находилось не в ее рабочей одежде. А если и находилось, то его уже изъяли копы.

– А платье? – спросил он.

– Его я тоже не хотел брать, но его вернули вместе с другими вещами.

Гамаш огляделся:

– Где оно?

– В мусорном бачке. Наверно, нужно было отдать его на благотворительность, но я не мог себя заставить.

– Мусор еще не вывозили?

Вильнёв повел его к бачку у дома, и Гамаш, раскопав то, что лежало сверху, достал платье изумрудно-зеленого цвета. С биркой «Шанель» внутри.

– Это не оно. – Гамаш показал платье Вильнёву. – Тут бирка «Шанель». Вы, кажется, говорили, будто она сама сшила себе платье.

Вильнёв улыбнулся:

– Она и сшила. Одри не хотела, чтобы кто-то знал, что она сама шьет платья себе и одежду для девочек. Поэтому она вшивала внутрь дизайнерские бирки.

Вильнёв взял платье, посмотрел на бирку и покачал головой; его пальцы медленно сжались на материи, вцепились в нее, а из глаз потекли слезы.

Немного погодя Гамаш положил руку на плечо Вильнёва, и тот разжал пальцы. Гамаш понес платье в дом.

Он ощупал подол – ничего. Рукава – ничего. Воротничок – ничего. Пока… пока его пальцы не добрались до короткой линии внизу неглубокого декольте. Где оно переходило в горизонталь.

Вильнёв дал ему ножницы, и Гамаш осторожно распорол шов. Он был не машинный, как на остальном платье, а ручной, сделанный с большим тщанием.

Гамаш отогнул материю и увидел там флешку.

Глава тридцать восьмая

Жан Ги Бовуар свернул с шоссе на второстепенную дорогу. На заднем сиденье переговаривались старший суперинтендант Франкёр и инспектор Тесье. Бовуар не спросил, зачем им понадобилось в Три Сосны и почему за ними едет фургон без номерных знаков из гаража Квебекской полиции.

Его это не интересовало.

Его задача – вести машину. Делать то, что ему говорят. Больше никаких споров. Он уже знал, что, когда проявляешь рвение, тебе достается. А ему и без того хватало боли. Ее даже таблетки уже не притупляли.

И потому Жан Ги Бовуар сделал единственное, что ему оставалось. Он сдался.

– Но Констанс была последней из пятерняшек, – сказала Рут. – Как ее могла убить одна из сестер?

– А что мы знаем об их смерти? – спросила Мирна. – Ты сама подозревала, что первая умершая из сестер…

– Виржини, – подсказала Рут.

– …не просто упала с лестницы. Ты подозревала самоубийство.

– Ну, это было всего лишь предположение, – сказала старая поэтесса. – В молодости мне казалось, что отчаяние не лишено романтизма. – Она помолчала, гладя Розу по голове. – Возможно, я перепутала Виржини с собой.

– «Но кто тебя обидел так, / что ран не залечить», – процитировала Клара.

Рут открыла рот, и несколько мгновений все думали, что она все-таки ответит на этот вопрос. Но ее тонкие губы снова сомкнулись.

– Что, если ты ошибалась насчет Виржини? – спросила Мирна.

– Какое это теперь имеет значение? – проворчала Рут.

– Это имело бы значение, – вставил Габри, – если бы Виржини на самом деле не падала с лестницы. В этом и заключается их тайна? – спросил он у Мирны. – Она не умерла?

Тереза Брюнель снова повернулась к окну. Она позволила себе окинуть взглядом комнату, тесный кружок людей, поглощенных историей о призраках. Но ее внимание привлек звук с улицы. Звук приближающейся машины.

Его услышали все. Первым прореагировал Оливье, он быстро подошел к окну и встал рядом с Терезой.

– Это всего-навсего Билли Уильямс, – сообщил он. – Приехал на ланч.

Все расслабились, но не совсем. Напряжение, вытесненное историей, вернулось.

Габри подбросил еще два полена в печку. Им всем вдруг стало зябко, хотя в комнате было тепло.

– Констанс пыталась сказать мне что-то, – продолжила Мирна, снова подхватывая нить рассказа. – И сказала. Сказала, но мы не знали, как связать это воедино.

– А что такого она нам сказала? – спросила Рут.

– Ну, например, она сказала тебе и мне, что любила играть в хоккей, – напомнила Мирна. – Что брат Андре обожал хоккей. Что они одной командой играли против соседских детей.

– И что? – спросила Рут, и Роза на ее коленях слабо прокрякала «что-что-что», словно подражая своей матери.

Мирна посмотрела на Оливье, Габри и Клару:

– Она подарила вам варежки и шарф, которые связала сама. А на них – символы вашей жизни. Кисточки для Клары…

– Я ничего не хочу знать про ваш символ, – перебила ее Николь, обращаясь к Габри и Оливье.

– Она практически везде оставляла подсказки, – сказала Мирна. – Наверное, ее это ужасно расстраивало.

– Расстраивало? – переспросила Клара. – Это было не слишком очевидно, знаешь ли.

– Неочевидно для тебя, – возразила Мирна. – И для меня. И для любого из нас. Но женщине, которая не привыкла говорить о себе и о своей жизни, вероятно, казалось, что она просто обнажается перед нами. Вы же понимаете, как это бывает. Когда мы что-то знаем и отпускаем намеки, они кажутся нам такими очевидными. Она, вероятно, считала нас сборищем идиотов, оттого что мы не слышали ее.

– Но что такого она говорила? – спросил Оливье. – Что Виржини до сих пор жива?

– Последнюю подсказку она оставила у меня под елкой, когда думала, что не вернется, – сказала Мирна. – В открытке говорилось, что здесь ключ к ее дому. Который откроет все секреты.

– Ее альбатрос, – подхватила Рут.

– Она подарила вам альбатроса? – спросила Николь.

Ничто в Трех Соснах и в этих людях ее больше не удивляло.

Мирна рассмеялась:

– В некотором роде. Она подарила мне вязаную шапочку. Мы думали, она сама ее связала, но шапочка была слишком старая. И на ней метка. «МА».

– Ма, – сказал Габри. – Значит, шапочка принадлежала ее матери.

– Как ты называл свою мать?

– Ма, – ответил Габри. – Ма. Мама.

Наступило молчание. Мирна кивнула:

– Вот именно. Не «ма», а «мама». Там стояли инициалы, как и на всех других шапочках. Мадам Уэлле связала эту шапочку не для себя.

– Тогда для кого? – спросила Рут.

– Шапочка принадлежала убийце Констанс.

Вильнёв нажал кнопку звонка, и соседка открыла дверь.

– Гаэтан, вы за девочками? – спросила она. – Они играют в подвале.

– Non, merci, Селеста. У меня к вам просьба: позвольте воспользоваться вашим компьютером. Мой забрала полиция.

Селеста перевела взгляд с Вильнёва на крупного небритого человека с синяком и порезом на щеке. В ее глазах промелькнуло сомнение.

– Прошу вас, – сказал Вильнёв. – Это важно.

Селеста согласилась, но продолжала внимательно следить за Гамашем, когда они с Вильнёвом быстро прошли по дому в столовую, где на маленьком письменном столе стоял ноутбук. Гамаш, не медля ни секунды, вставил флешку в порт. Раскрылся проводник.

Гамаш кликнул по первому файлу. Потом по следующему. Записал несколько слов.

«Проницаемый. Нестандартный. Обрушение».

Но одно слово заставило его задуматься. Он уставился на экран.

«Мостовая опора».

Он стал быстро возвращаться назад, еще назад, потом вскочил со стула так быстро, что Селеста и Гаэтан отпрыгнули.

– Позвольте воспользоваться вашим телефоном.

Не дожидаясь разрешения, он схватил трубку и набрал номер:

– Изабель, речь идет не о туннеле. О мосте. О мосте Шамплейна. Я думаю, взрывчатка закреплена на мостовых опорах.

– Я пыталась связаться с вами, сэр. Они не хотят закрывать туннель. Они мне не верят. И вам тоже. Если они не хотели закрывать туннель, то уж мост точно не закроют.

– Я отправляю тебе отчет, – сказал он, снова садясь за компьютер. – У

тебя будут доказательства. Закрой мост, Изабель. Даже если для этого придется лечь поперек проезжей части. И вызывай группу разминирования.

– Да, сэр. Есть еще кое-что.

Он понял по тону ее голоса:

– Жан Ги?

– Я не могу его найти. В управлении его нет, дома тоже. Звонила на сотовый – он отключен.

– Спасибо, – сказал Гамаш. – Закрой мост.

Он поблагодарил Селесту и Гаэтана Вильнёва и направился к двери.

– Так это мост? – спросил Вильнёв.

– Ваша жена узнала об их планах, – ответил Гамаш, торопливо шагая к машине. – Попыталась их остановить.

– И они ее убили, – сказал Вильнёв, следуя за Гамашем.

Гамаш остановился и повернулся к Вильнёву:

– Oui. Она поехала на мост, чтобы окончательно убедиться. Чтобы увидеть все своими глазами. Она собиралась привезти это доказательство, – он поднял руку с зажатой в ней флешкой, – на рождественскую вечеринку и передать человеку, которому можно доверять.

– Они ее убили, – повторил Вильнёв, пытаясь осознать то, что стоит за этими словами.

– Она не упала с моста, – сказал Гамаш. – Ее убили под мостом, когда она пошла проверить опоры.

Он сел в машину.

– Заберите ваших дочерей. Уезжайте из дома в отель. И возьмите с собой соседку и ее семью. Не пользуйтесь кредитками. Платите наличными. Сотовый оставьте дома. Оставайтесь в отеле, пока все не закончится.

– Почему?

– Потому что я отправил файлы из дома вашей соседки и воспользовался ее телефоном. Они поймут, что мне все известно. И что вам тоже известно. Они скоро будут здесь. Уезжайте. Поспешите.

Вильнёв побледнел и отшатнулся от его машины, потом, спотыкаясь, побежал по снегу и льду к своим девочкам.

– Сэр, – сказал Тесье, просматривая сообщения, – я должен показать вам это.

Он передал смартфон старшему суперинтенданту Франкёру.

Гамаш возвращался в дом Вильнёва. И что-то отправил по электронной почте инспектору Лакост с компьютера в соседнем доме.

Когда Франкёр увидел, что именно отправил Гамаш, его лицо окаменело.

– Устранить Вильнёва и соседа, – вполголоса приказал он Тесье. – И Гамаша с Лакост устранить. Нужно все зачистить.

– Да, сэр.

Тесье знал, что означает «зачистить». Он своими руками зачистил Одри Вильнёв.

Пока Тесье отдавал распоряжения, Франкёр смотрел, как плоские поля за окном переходят в холмы, леса и горы.

Гамаш подобрался вплотную, но и они были уже совсем рядом.

Старший инспектор Гамаш вытянул шею, пытаясь увидеть, почему застопорилось движение. Они почти не двигались по узкой улице внутри квартала. На перекрестке он увидел городского копа и ограждение. Гамаш подъехал к копу.

– Проезжайте, – скомандовал тот, даже не взглянув на водителя.

– Отчего пробка? – спросил Гамаш.

Коп посмотрел на Гамаша как на сумасшедшего:

– Вы что, не знаете? Парад Санта-Клауса. Проезжайте, вы задерживаете других.

Тереза Брюнель стояла сбоку от окна и смотрела на дорогу.

Она знала, что уже скоро.

Но продолжала слушать историю Мирны. У этой истории был длинный хвост. Он тянулся назад на десятилетия. Простирался почти за память живущих поколений.

До святого, до чуда и рождественской шапочки.

– «МА», – сказала Мирна. – Вот в чем ключ. На каждой шапочке мать вывязала инициалы. «МК» – для Мари-Констанс и так далее.

– И кто же скрывается за «МА»? – спросила Клара.

Она перебрала в уме имена девочек. Виржини, Элен, Жозефин, Маргерит, Констанс. Никого, чье имя начиналось бы с «А».

И тут ее глаза широко распахнулись и засияли. Она посмотрела на Мирну:

– Почему все считают, что их было всего пять? Конечно, их было больше.

– Больше чего? – спросил Габри.

Но Оливье уже понял.

– Больше детей, – ответил он. – Когда девочек забрали у родителей,

Уэлле наделали еще.

Мирна медленно кивала, наблюдая, как до них доходит правда. Теперь-то ей казалось таким очевидным, включая намеки Констанс. Но очевидным это стало лишь после того, как она прочла письмо Армана.

Когда у Мари-Ариетт и Исидора забрали любимых дочерей, что им оставалось, кроме как родить еще детей?

В своем письме старший инспектор Гамаш сообщал, что отдавал шапочку на анализ ДНК. На ней обнаружилось его ДНК и ДНК Мирны – они оба недавно держали шапочку в руках. Еще нашли ДНК Констанс и одну неизвестную. Похожую на ДНК Констанс.

Гамаш признался, что сначала он подумал, будто это ДНК отца или матери, но криминалист сказал, что это ДНК сестры или брата.

– Еще одной сестры, – сказала Клара. – Мари-А.

– Но почему никто не знал о младшей сестре? – спросил Габри.

– Бог ты мой, – рявкнула Рут, с отвращением глядя на Габри. – Я-то думала, что тот, кто сам практически художественный вымысел, должен лучше разбираться в мифах.

– Ну, когда я вижу горгону, то сразу ее узнаю.

Габри сверлил взглядом Рут, а она смотрела на него так, будто хотела превратить в камень.

– Слушайте, – сказала наконец Рут. – Пятерняшки считались чудом, верно? Бесплодная земля дала богатый урожай. Прощальный дар брата Андре. И как бы выглядело, если бы мамочка стала еще плодить детишек? О чуде пришлось бы забыть.

– Доктор Бернар и правительство сообразили, что мамочка снесла золотые яйца, а теперь должна остановиться, – сказала Мирна.

– Скажи такое я, меня бы кастрировали, – пробормотал Габри на ухо Оливье.

– Но неужели это так волновало людей? – спросил Оливье. – По-моему, пятерняшки оставались бы удивительным явлением независимо от того, сколько братьев и сестер у них было бы.

– Однако как акт Божьего благоволения они были особенно удивительным явлением, – сказала Мирна. – Как раз этим и торговали доктор Бернар и правительство. Не цирковой трюк, а деяние Божье. Во время Великой депрессии и войны люди ходили к ним не просто посмотреть на одинаковых девочек, а увидеть надежду. Доказательство существования Бога. Щедрого и доброго Бога, принесшего дар бесплодной женщине. Но если мадам Уэлле вовсе не была бесплодна? Если у нее рождались и другие дети?

– Если бы Христос не воскрес? – подхватил Габри. – Если бы вода не превратилась в вино?

– В их истории бесплодие мадам Уэлле играло важную роль. Без бесплодия не было бы чуда, – сказала Мирна. – Без него пятерняшки превращались бы в диковинку, и ничего более.

– А нет чуда, нет и денег, – добавила Клара.

– Поэтому новый ребенок грозил уничтожить все, что они создали, – сказала Рут.

– Их доходы в миллионы долларов, – сказала Мирна. – Ребенка нужно было спрятать. По мнению Армана, именно это мы и видели, когда во время киносъемки Мари-Ариетт закрыла дверь перед дочерьми.

Они вспомнили картинку, запечатлевшуюся в их памяти. Маленькая Виржини плачет, пытается вернуться в дом. Но дверь закрыта. Собственная мать захлопнула ее. Вовсе не для того, чтобы не впустить дочерей, а чтобы не выпустить младшего ребенка. Чтобы ребенок по имени МА не попал в кадр.

– Констанс сообщила нам только одну вещь о себе, – сказал Габри. – Что она и ее сестры любили играть в хоккей. Но в команде должно быть шесть игроков, а не пять.

– Точно, – кивнула Мирна. – Когда Констанс говорила мне о хоккейной команде, для нее это было важным, но я решила, что это просто старые воспоминания. Что она испытывает новообретенную свободу рассказывать о своей частной жизни и захотела начать с чего-то тривиального. Мне и в голову не пришло, какой смысл она вкладывает в свои слова. Ключ. Шесть детей, а не пять.

– Мне это тоже не пришло в голову, – сказала Рут. – А я ведь тренирую команду.

– Ты ее не тренируешь, а мучаешь, – заметил Габри. – Это не одно и то же.

– Но считать-то я умею, – сказала Рут. – На поле шесть игроков, а не пять. – Она задумалась на секунду, рассеянно гладя Розу по голове и шее. – Только представьте себя таким ребенком. Исключенным из общей жизни. Спрятанным. Наблюдающим, как твои сестры купаются в лучах славы, тогда как тебя держат в тени, словно нечто постыдное.

Они несколько секунд сидели в тишине, пытаясь вообразить жизнь такого ребенка. Иметь не одну сестру, которую родители любят больше, а целых пять. И не только родители, но и весь мир. Им достаются красивые платья, игрушки, конфеты, они живут в сказочном домике. Они в центре внимания.

А МА остается в стороне. Ребенка намеренно отталкивают в тень. Держат взаперти.

– Так что же случилось? – спросила Рут. – Ты хочешь сказать, что Констанс убила ее собственная сестра?

Мирна подняла руку с конвертом, подписанным четким почерком Гамаша.

– Старший инспектор Гамаш считает, что эта история восходит к первой смерти. Виржини. – Мирна посмотрела на Рут. – Констанс видела, что случилось. И Элен тоже видела. Они сказали другим сестрам, но больше никому. То происшествие стало тайной, связавшей их.

– И они унесли ее в могилу, – подхватила Рут. – И постарались похоронить. Виржини была убита.

– И убила ее одна из них, – добавил Габри.

– Констанс приехала сюда, чтобы сказать тебе об этом, – проговорила Клара.

– После смерти Маргерит она больше не чувствовала, что связана тайной, – сказала Мирна.

– Евангелие от Матфея, глава десятая, стих тридцать шестой. – Голос Рут прозвучал не громче шепота. – «И враги человеку – домашние его».

Жан Ги Бовуар ехал знакомой дорогой. Теперь ее покрывал снег, но, когда он увидел ее впервые несколько лет назад, это была обычная грунтовая дорога. И деревья он помнил не голыми, а в полной осенней красе. Янтарные, красные, желтоватые. Как витражное окно.

Тогда он не обратил внимания на красоту природы. Был слишком занят своими мыслями и скептически настроен, чтобы открыто восхищаться прекрасной, мирной деревней, раскинувшейся внизу.

Но и тогда он почувствовал это. И красоту, и покой.

А сегодня не чувствовал ничего.

– Сколько еще осталось? – спросил Франкёр.

– Почти приехали, – ответил Бовуар. – Еще несколько минут.

– Остановись, – велел старший суперинтендант, и Бовуар остановился.

– Если бы старший инспектор Гамаш оборудовал здесь пост, где бы он это сделал? – спросил Франкёр.

– Гамаш? – переспросил Бовуар. Он и не подозревал, что они едут сюда из-за Гамаша. – Он что, здесь?

– Отвечайте на вопрос, инспектор, – приказал Тесье с заднего сиденья.

Фургон с двумя агентами и оборудованием остановился сзади.

Франкёр знал, что наступил момент истины. Не заартачится ли Бовуар,

не откажется ли выдавать информацию о Гамаше? Франкёр в первый раз попросил Бовуара пойти на прямое предательство бывшего начальника, тогда как прежде ограничивался лишь приказом не помогать ему.

Но теперь им требовалось от Бовуара нечто большее.

– В старом здании вокзала, – без возражений или колебаний ответил Бовуар.

– Вези нас туда, – приказал Франкёр.

Мирна все еще держала в руке конверт с письмом Армана Гамаша. Оно подробно рассказало обо всем, что знал Гамаш и что подозревал касательно убийства Констанс Уэлле и убийства ее сестры Виржини почти пятьдесят лет назад.

Констанс и Элен стали свидетелями убийства. Виржини не оступилась. Не бросилась вниз с лестницы. Ее столкнули. А этому толчку предшествовали годы и годы боли. Годы пренебрежения, проведенные за закрытыми дверями, годы отчуждения, отвержения. Годы и годы, когда все внимание доставалось пятерняшкам. Внимание мира, да. Но что еще хуже, внимание мамы и папы.

Когда девочки приезжали с редкими визитами, то к ним относились как к принцессам.

И это калечило душу. Меняло ребенка, пока не исчезло все хорошее, что в нем было прежде. Пятерняшки тоже менялись не в лучшую сторону. Жизнь, вероятно, избаловала девочек, но младшего ребенка в семье она практически уничтожила.

Маленькое сердце полнилось ненавистью. И выросло в большое сердце, наполненное большой ненавистью.

И когда Виржини пошатнулась на верхней ступеньке длинной лестницы, высунулась рука, которая могла ее спасти. Но не спасла. Наоборот, подтолкнула.

Констанс и Элен видели, что случилось, но предпочли молчать. Возможно, из чувства вины, возможно, из почти маниакальной склонности к приватности, тайне. Их жизнь и их смерть принадлежала только им. Даже их убийства были их частным делом.

Обо всем этом Гамаш поведал в своем письме к Мирне, и теперь Мирна пересказывала содержание его письма тем, кто собрался в ее доме. Прятался в ее доме.

– Старший инспектор знал два признака, по которым нужно искать убийцу, – сказала Мирна. – Это человек с инициалами МА и в возрасте около семидесяти пяти лет.

– А разве записи о рождении нет? – спросил Жером.

– Гамаш искал ее, – сказала Мирна. – Но ничего не обнаружил ни в официальных бумагах, ни в приходских книгах.

– Действие тех сил, которые создать человека не могут, а уничтожить – легко, – пробормотал Жером.

Он слушал рассказ, не сводя глаз с силуэта жены, застывшей в ожидании на фоне окна.

– Анализируя имеющиеся у него данные, Гамаш понял, что есть четыре человека, отвечающие этому описанию, – продолжила Мирна. – Первый – Антуан, приходской священник. Он сказал, что появился в приходе гораздо позже отъезда девочек. Так оно и есть. Но он не признался, что вырос неподалеку. Дядюшка пятерняшек сказал, что ребенком играл с Антуаном. Может быть, отец Антуан не солгал, но и полной правды не сказал. Почему?

– А священник имел возможность подделать записи, – заметила Клара.

– Такая же мысль посетила и Гамаша, – сказала Мирна. – Потом, сам дядюшка, Андре Пино, на несколько лет младше девочек. Он говорил, что играл с ними в хоккей, а потом переехал жить к их отцу и присматривал за ним до самой его смерти. Как сын. И месье Уэлле оставил ему ферму.

– Но МА должна быть женщиной, – сказала Клара. – Мари такая-то.

– Мари-Аннетт, – кивнула Мирна. – Аннетт – имя соседки Констанс. Это единственный человек, с которым общались сестры. Единственный человек, который поднимался к ним на веранду. Это может показаться мелочью, почти ничем, но для пятерняшек, так травмированных вниманием общества, впустить кого-то к себе в дом – дело не пустячное. Не могла ли Аннетт быть Виржини или тем потерянным ребенком?

– Но если Констанс и Элен видели, как она убила Виржини, разве они стали бы и дальше общаться с ней?

– Может, они ее простили, – сказала Рут. – Может, они поняли, что если жизнь исковеркала их, то могла исковеркать и их сестру.

– А может, они хотели, чтобы она была рядом, – сказала Клара. – Лучше уж черт известный, чем неизвестный.

Мирна кивнула:

– Аннетт и ее муж Альбер уже жили там, когда сестры поселились в соседнем доме. Если Аннетт приходилась им сестрой, то это наводит на мысль либо о прощении, – Мирна посмотрела на Рут, – либо о желании держать ее под присмотром.

– Или его.

Все повернулись к Терезе. Она смотрела в окно, но явно слушала

рассказ.

– Его? – переспросил Оливье.

– Альбера. Соседа, – ответила Тереза. От ее дыхания оконное стекло затуманилось. – Может быть, не Аннетт была их сестрой, а он – их братом.

– Вы правы, – сказала Мирна, аккуратно кладя письмо Гамаша на стол. – Эксперт Квебекской полиции уверенно заявил, что третья ДНК – мужская. Шапочку с ангелами Мари-Ариетт связала для своего сына.

– Альбера, – сказала Рут.

Мирна не ответила, и все взгляды устремились на нее.

– Если у Исидора и Мари-Ариетт родился сын, то как они могли назвать его? – спросила она.

В комнате повисла тишина. Даже Роза перестала покрякивать.

– У старых грехов длинные тени. – Все посмотрели на агента Николь, которая произнесла эти слова. – Где все началось? Кто сотворил чудо?

– Брат Андре, – ответила Клара.

– Андре, – повторила Рут в тишине. – Они назвали бы его Андре.

Мирна кивнула:

– И Гамаш так считает. Он думает, именно это и хотела сообщить мне Констанс, оставив шапочку. Мари-Ариетт связала ее для своего сына, названного в честь их ангела-хранителя. Нужно еще дождаться результатов теста ДНК, однако Гамаш почти уверен, что Андре Пино – их брат.

– Но МА… – сказал Габри. – Что тут означает М?

– Марк. Все девочки в семье носили первое имя Мари, а мальчики – Марк. Гамаш видел надписи на их надгробиях, когда побывал на кладбище. Его должны были записать как Марк-Андре, а в жизни звали Андре.

– Брат Андре, – добавил Габри. – В буквальном смысле брат.

– Это и пыталась донести до нас Констанс, – сказала Мирна. – Именно это она практически и сказала нам. Мне. Что хоккей был любимым видом спорта брата Андре. Не брата в монашестве, а кровного брата. Шестого ребенка в семье. Названного в честь святого, который совершил чудо.

– Он убил Констанс, чтобы она не смогла сказать тебе, что он убил Виржини, – догадалась Клара. – Сестры хранили тайну много лет, и она сделала их пленницами, когда они уже перестали представлять интерес для публики.

– Но как Гамаш узнал о том, что она собирается рассказать? – спросил Оливье.

– Он ничего не знал, – сказала Мирна. – Но он считает, что они поддерживали связь. Андре Пино заявил, что не знает, где жили девочки, а потом сказал, что сам сообщил им о смерти отца. Он знал их адрес. А

значит, они поддерживали связь. Странно, что Пино солгал об этом. Гамаш предположил, что Констанс рассказала брату о своих планах на Рождество – посетить приятельницу и бывшего психотерапевта. И Пино испугался. Он, вероятно, подозревал, что после смерти Маргерит у Констанс может возникнуть желание успеть перед смертью сказать кому-нибудь правду. Она хотела, чтобы правда о смерти Виржини стала известна. Она много лет хранила тайну, но ради себя самой и ради Виржини хотела освободиться от нее.

– И поэтому он ее убил, – подытожила Рут.

Жером увидел, как напряглась спина Терезы, потом услышал звук. Он встал и быстро подошел к жене.

По холму очень медленно спускался черный внедорожник, следом за ним ехал фургон.

– Они здесь, – сказала Тереза Брюнель.

Глава тридцать девятая

Арман Гамаш въехал на мост Шамплейна. Он не заметил никаких признаков того, что кто-то пытается перекрыть мост, но он знал: если кто и сможет это сделать, то только Изабель Лакост.

Машин было много, и снег на дороге оставался неубранным. Гамаш обогнал одну машину и заглянул внутрь. На переднем сиденье находились мужчина и женщина, на заднем – младенец в детском кресле. Через полосу от Гамаша молодая женщина, одна в своей машине, постукивала по баранке и трясла головой в такт музыке.

Впереди загорелись стоп-сигналы. Движение замедлялось. Теперь они уже ползли бампер к бамперу.

А впереди вырисовывался огромный стальной пролет моста.

Гамаш мало что понимал в строительстве, в испытаниях на нагрузку, в бетоне. Но он знал, что по мосту Шамплейна ежедневно проезжают около ста шестидесяти тысяч машин. Здесь находилась самая загруженная переправа в Канаде, и ее собирались взорвать – утопить в реке Святого Лаврентия. И не какие-то иностранные террористы, а два человека, пользующиеся наибольшим доверием в Квебеке.

Премьер и глава полицейской службы.

Гамашу понадобилось немало времени, чтобы понять, зачем они это делают.

Чем мост Шамплейна отличается от других мостов, туннелей, неремонтированных развязок? Почему они выбрали именно его?

Должна быть какая-то причина, цель. Возможно, деньги. Если мост обрушится, его придется ремонтировать. Это даст возможность людям по всему Квебеку рассовать по карманам сотни миллионов долларов. Но Гамаш понимал, что дело тут не только в деньгах. Он знал Франкёра, знал, что движет этим человеком. А им всегда двигало одно.

Жажда власти.

Каким образом обрушение моста Шамплейна может дать ему больше власти, чем он уже имеет?

В машине на соседней полосе из окна высунулся мальчишка. Он посмотрел прямо на старшего инспектора. И улыбнулся.

Гамаш улыбнулся ему в ответ. Он стоял в ряду других машин на середине моста. Правая рука Гамаша чуть подрагивала, и он покрепче ухватил рулевое колесо.

Начал все это Пьер Арно в отдаленной резервации несколько десятилетий назад.

Там он познакомился с молодым человеком, начинающим карьеру. С Жоржем Ренаром.

Арно работал в отделении Квебекской полиции, а Ренар – инженером в «Акведуке», проектировал плотину.

Оба были умные, энергичные, амбициозные, и они инициировали друг в друге изменения. Со временем ум превратился в коварство. Энергичность – в одержимость. Амбициозность стала безжалостной.

Можно было подумать, что знакомство внесло какие-то изменения в структуру их ДНК, тогда как прежде оба они, невзирая на все свои претензии, не выходили за рамки. Существовали какие-то границы, которые они не готовы были перешагнуть. Но когда Арно познакомился с Ренаром, а Ренар – с Арно, эти границы исчезли.

Гамаш знал Пьера Арно, даже восхищался какими-то его качествами. И теперь, медленно продвигаясь по мосту к его высшей точке, Гамаш спрашивал себя, что могло бы получиться из Арно, не встреться он с Ренаром.

И что могло бы получиться из Ренара, не встреться он с Арно.

Он видел такие изменения и в других людях – последствия неблагоразумных сближений. Один слегка безнравственный человек являл собой проблему. Двое становились катастрофой. И для этого понадобилась лишь одна роковая встреча. С человеком, который сказал тебе, что самые твои низменные желания, самые подлые мысли не так уж и плохи. Что он даже разделяет их.

А потом они замыслили немыслимое. Спланировали его. И привели план в действие.

Жорж Ренар построил огромную плотину для гидроэлектростанции в Ле-Гранде. И он мог ее взорвать. С помощью Пьера Арно.

Участие Арно сводилось к простым и удивительно нетрудоемким действиям. Вербовщики в террористические ячейки, полицию и армию полагаются на одну простую истину: если ты сумеешь завербовать человека достаточно молодым, то потом сможешь из него хоть веревки вить.

Именно этим и занимался Арно. Он уже много лет как оставил резервацию кри и дослужился до старшего суперинтенданта Квебекской полиции. Но он сохранил влияние на севере. Его там уважали. Ему внимали, его голос слышали.

Арно расставил своих офицеров на ключевые посты в резервации. Их

задача состояла в том, чтобы выявлять, а при необходимости поощрять самых недовольных, самых бесправных индейских детей. Лелеять их ненависть. Усиливать ее. Вознаграждать.

С ребятами, которые не шли на это или грозили рассказать о полученных предложениях, происходили «несчастные случаи». Или они совершали «самоубийства». Или исчезали в лесах навсегда.

Отобрали двух самых затюканных и отчаявшихся подростков, посадили их на иглу, воспитали в них жестокость. Они были самыми злобными. Абсолютно опустошенными.

Их посадили на два грузовика со взрывчаткой и направили туда, где самое слабое место на плотине. Им сказали, что они умрут, но умрут героями. Знаменитостями. О них будут слагать песни. Об их отваге будут рассказывать истории. Они станут легендой. Мифом.

Ренар объяснил, где на плотине нужно произвести взрыв. Где самое уязвимое место. Это мог знать только конструктор плотины.

Таков был их первый план, но Гамаш предотвратил его реализацию. В последний момент. Многие из его молодых полицейских погибли. Он чуть не потерял Жана Ги.

Возможно, он все-таки потерял его.

Сейчас Гамаш находился на самой верхней точке моста. По обе стороны от него устремлялись вверх массивные стальные фермы. Мальчик в соседней машине заснул, прислонившись белокурой головой к окну. Его отец сидел за рулем, а рядом с ним сидела мать и держала на коленях большой подарок в красивой обертке.

Да, Гамашу удалось предотвратить взрыв плотины, но он не смог нащупать порчу. Болезнь осталась и продолжила распространяться. Оправившись от удара, она стала темнее и сильнее.

Арно отправился в тюрьму, а высший пост в полиции занял его заместитель. И Жорж Ренар нашел в Сильвене Франкёре свое второе «я». Они были как две половинки одного целого. И когда соединились, это привело к катастрофическому результату.

Объект изменился, но цель осталась прежней.

Причина, по которой мост Шамплейна стал для них идеальной целью, в конечном счете была очень проста.

Мост был федеральным объектом.

И когда он обрушится, погребая под собой тысячи жизней, вина падет на правительство Канады, которое будет обвинено в долгих годах плохого администрирования, небрежения, несоответствия стандартам, коррупции.

Все это найдет отражение в документах министерства транспорта

провинции.

Департамента, в котором работала Одри Вильнёв.

Съемки катастрофы денно и нощно будут показывать по телевизору во всем мире. Фотографии родителей, детей, семейств, погибших во время несчастья, заполнят газеты и журналы.

Гамаш обвел взглядом ближайшие к нему машины и снова остановился на мальчике в соседнем автомобиле. Тот уже не спал. Смотрел в окно, и его глаза были подернуты скукой. Потом мальчик обратил внимание на стекло, запотевшее от его дыхания, и начал писать пальцем.

«иннэД», – прочел Гамаш.

Мальчика звали Дэнни.

Так же, как и сына Гамаша – Даниеля.

Если смерть догонит их сейчас, будет ли она мгновенной? Поймет ли Дэнни, что случилось?

Да, их фотографии будут бесконечно показывать в новостях. Их имена будут высечены в камне. Мученики великого дела.

А людей, отвечавших за мост, и само канадское правительство будут поливать грязью, демонизировать.

«Je me souviens», – прочел Гамаш на регистрационном номере идущей впереди машины, который был наполовину залеплен грязью. Девиз Квебека. «Я помню». День обрушения моста Шамплейна не забудет никто и никогда.

Целью преступного плана никогда не были деньги. Разве что как средство коррупции. Чтобы покупать молчание и соучастников.

Изначально речь шла о власти. Политической власти. Жоржа Ренара не удовлетворяла роль премьера провинции. Он хотел стать отцом новой страны. Он предпочитал править в аду, нежели прислуживать на небесах.

И для этого ему требовалось только вызвать волну ненависти и направить ее на федеральное правительство. Он убедил бы население, что правительство Канады заведомо использовало при строительстве моста непригодные материалы. Что федеральному правительству наплевать на жителей Квебека.

И его слова имели бы немалый вес. Не потому, что он сам был квебекским сепаратистом, а потому, что таковым не был. Жорж Ренар всю жизнь оставался федералистом. Он сделал карьеру как сторонник нахождения Квебека в составе Канады. Насколько же более мощным будет аргумент об отделении из уст человека, который никогда не поддерживал идею сепаратизма, пока не произошла катастрофа с мостом!

К Новому году Квебек объявил бы о независимости. День обрушения

моста Шамплейна стал бы их Днем взятия Бастилии. А жертвы ушли бы в легенду.

– Куда они едут? – прошептал Жером.

Они с Терезой и агентом Николь наблюдали из окна на чердаке Мирны, как внедорожник без номерных знаков медленно проехал вокруг деревенского луга, а потом – через каменный мост.

– В старое здание вокзала, – ответила Николь. – Там инспектор Гамаш прежде размещал оперативный штаб.

– Но откуда им это известно? – удивился Жером.

– Они не могли захватить старшего инспектора? – спросила Николь.

– Он бы никогда не показал им этого места.

– Кому-нибудь нужно спуститься, – решила Клара.

Они посмотрели друг на друга.

– Я пойду, – вызвалась Николь.

– Нет, пойти должен кто-то из нас, – возразила Клара. – Из деревенских. Они ничего не найдут в старом вокзале и тогда вернутся и станут задавать вопросы. Кто-то должен им ответить. Иначе они учинят тут разгром.

– Я думаю, мы должны проголосовать, – сказал Габри.

Все медленно повернулись в сторону Рут.

– Ой, только не смотрите на меня. Вы меня с корабля не ссадите, – рыкнула она, потом принялась гладить Розу по голове. – Говнюки они все, верно? Да-да, говнюки.

– Я знаю, за кого я проголосую, – сказал Габри.

– Я пойду, – сказал Оливье и решительно направился к лестнице.

– Постой, – бросился за ним Габри. – Пусть идет Рут.

– Должны пойти вы.

Голос суперинтенданта Терезы Брюнель прозвучал четко, решительно. Она взяла командование на себя, и все на чердаке повернулись к ней. Она обращалась к Оливье:

– Спускайтесь в бистро и, если они войдут, ведите себя так, будто вы не знаете, кто они такие. Они просто туристы – ничего больше. Если они представятся как полицейские, спросите, не старшего ли инспектора они ищут…

Ее прервали протестующие голоса, но Тереза подняла руку.

– Они и без того знают, что он был здесь – расследовал дело Уэлле. Отрицать это бессмысленно. Напротив, вы должны делать вид, что готовы им помочь. Три Сосны должны выглядеть так, будто деревне нечего

скрывать. Вы меня поняли?

– Позвольте, я тоже пойду, – сказал Габри, посмотрев на Терезу широко раскрытыми глазами.

– Да, мы голосуем за то, чтобы он пошел, – проскрежетала Рут, подняв руку.

– Ты мой лучший друг, – сказал Оливье своему партнеру. – Моя самая большая любовь. Но ты не умеешь лгать, даже если от этого зависит твоя жизнь. К счастью, я могу. И лгал. – Он посмотрел на своих друзей. – Вы все знаете.

Послышались слабые голоса протеста, но все понимали, что он прав.

– Я, конечно, тогда только набивал руку, чтобы быть готовым к сегодняшнему, – сказал Оливье.

– Этот тупица врет, – сказала Рут почти с сожалением и направилась следом за Оливье. – Тебе в бистро понадобятся клиенты. И потом, я для прикрытия могу воспользоваться виски.

Тереза Брюнель обратилась к Мирне чуть ли не извиняющимся тоном:

– Вам бы лучше тоже спуститься.

Мирна кивнула:

– Я открою магазин.

Клара хотела присоединиться к ним, но суперинтендант Брюнель остановила ее:

– Извините, Клара, но я видела ваши картины. Не думаю, что из вас получится хороший лжец. Мы не можем рисковать.

Клара посмотрела на Терезу и решительно подошла к подруге, остановившейся на верхней ступени:

– Мирне в магазине тоже нужны клиенты. Я иду с ней.

– Только называй это библиотекой, дорогая, – сказала Рут. – Иначе они сразу поймут, что ты придуриваешься.

Рут посмотрела на Жерома, покрутила пальцем у виска и закатила глаза.

– Выпускайте Кракена![67] – провозгласил Габри, провожая взглядом уходящих.

– Наверное, вы хотите сказать: «Выпускайте хакера», – сказал Жером, потом повернулся к Терезе: – Мы обречены.

– Взламывайте.

Старший суперинтендант Франкёр кивнул на дверь старого вокзала.

Бовуар подошел, повернул ручку и открыл дверь:

– Здесь никто не запирает двери.

– Им стоит внимательнее слушать новости, – заметил Франкёр.

Двое плечистых агентов последовали за Тесье в здание.

Жан Ги Бовуар отошел в сторону. Отстраненно. Как будто смотрел фильм, не имеющий к нему ни малейшего отношения.

– Тут только пожарная машина и какое-то оборудование, – сказал Тесье, выйдя минуту спустя. – Никакого намека на что-либо иное.

Франкёр внимательно взглянул на Бовуара. Не морочит ли он им голову?

– Где еще они могут быть?

– В бистро, наверно.

Они снова проехали по каменному мосту и остановились у бистро.

– Ты знаешь этих людей, – сказал Франкёр Бовуару. – Идем со мной.

В бистро почти никого не было. У окна сидел Билли Уильямс, потягивал пиво и ел пирог. В углу сидела Рут с Розой, читала.

В каминах потрескивали поленья.

Жан Ги Бовуар оглядел знакомый зал и ничего не почувствовал.

Он встретил взгляд расширившихся от удивления глаз Оливье.

Оливье и в самом деле удивился. Он был потрясен, увидев Бовуара в такой компании и в таком состоянии. Тот выглядел совершенно обессилевшим. Казалось, чтобы сбить его с ног, достаточно дуновения ветра или злого слова.

Оливье улыбнулся, хотя его сердце билось как сумасшедшее.

– Инспектор Бовуар, – сказал он, выходя из-за полированной стойки. – Старший инспектор не предупреждал о вашем приезде.

Голос его звучал слишком уж сердечно, и Оливье остерег себя от излишеств.

– Старший инспектор Гамаш? – спросил другой, и Оливье невольно почувствовал притягательность этого человека, громадную силу харизмы, появляющейся вместе с уверенностью в себе и своей власти. – Вы его видели?

Этот седоволосый человек атлетического сложения, лет шестидесяти с небольшим, привык командовать. У него был испытующий, острый взгляд, и он двигался с естественной грацией, как хищник.

Рядом с этим самоуверенным человеком Бовуар казался еще более жалким. Он превратился в мертвеца. В труп, еще не сожранный, но уже окруженный падальщиками.

– Конечно, – ответил Оливье. – Старший инспектор здесь… – он задумался, – около недели, пожалуй. Мирна вызвала его, когда пропала ее подружка Констанс.

Оливье огляделся, потом наклонился к Бовуару и, понизив голос, сказал:

– Не знаю, слышали ли вы, но Констанс оказалась одной из пятерняшек Уэлле. Последней из них. И ее убили.

Вид у Оливье был такой, словно ничто не могло доставить ему большего удовольствия.

– Гамаш задавал вопросы. Показал нам фильм – старый киножурнал про пятерняшек. Вы не…

– Где он сейчас? – прервал болтовню Оливье другой человек.

– Старший инспектор? Не знаю. Машины его здесь нет? – Оливье посмотрел в окно. – Завтракал он в гостинице. Мой партнер Габри приготовил…

– Он приехал один?

– Да. – Оливье перевел взгляд с властного человека, который задал вопрос, на Бовуара. – Он ведь обычно приезжал с вами, но он сказал, что вы расследуете другое дело.

– И с ним больше никого не было? – снова спросил старший из двух.

Оливье отрицательно покачал головой. Он был ловким лжецом, но понимал, что смотрит в глаза еще более ловкого.

– Старший инспектор оборудовал здесь оперативный штаб? – спросил человек.

Оливье снова покачал головой, не осмеливаясь произнести ни слова.

– Где он работал?

– Либо здесь, либо в гостинице, – ответил Оливье.

Человек оглядел бистро, скользнул взглядом по старухе с уткой, и его глаза остановились на Билли Уильямсе, к которому он и подошел.

Оливье почувствовал беспокойство. «Билли Уильямс наверняка им все расскажет», – подумал он.

– Bonjour, – сказал Франкёр.

Билли Уильямс поднял стакан с пивом. Перед ним лежал громадный кусок пирога с лимонным безе.

– Вы знаете старшего инспектора Гамаша?

Билли кивнул и взял вилку.

– Вы можете мне сказать, где он?

– Из Норфолка налево.

– Pardon?

– Из Норфолка налево, – отчетливо произнес Билли.

– Я пытаюсь найти старшего инспектора Гамаша. – Франкёр перешел с французского на английский и заговорил с этим недоумком очень, очень

медленно. – Я его друг.

Билли помолчал и ответил так же медленно:

– Вэйлойлбифхукт[68].

Франкёр несколько секунд разглядывал Билли, потом отвернулся от него.

– Он говорит по-французски или по-английски? – спросил Франкёр.

Оливье посмотрел на Билли, который как раз положил себе в рот огромный кусок пирога, и безмолвно благословил его.

– Мы не уверены.

– Ты знаешь, где гостиница? – спросил Франкёр у Бовуара, и тот кивнул в ответ. – Проводи меня туда.

– Позвольте предложить вам кофе? Может быть, ланч?

Но Оливье говорил с их спинами. Он обошел стойку бара, продолжая оставаться начеку. Не осмеливаясь показать, насколько он потрясен.

Оливье Брюле знал: он сейчас смотрел в глаза человека, который легко убил бы его, возникни такая необходимость. А может быть, и без всякой необходимости. Просто так.

– Вэйлойлбифхукт, – прошептал он.

Дорожное происшествие сразу за мостом вызвало затор. Маленькое столкновение стало причиной громадной пробки.

Но Гамаш вырвался из затора и увидел, как Дэнни и его родители съехали с автострады в сторону Броссара. Невредимые.

Однако другие Дэнни еще только приближались к мосту. Другие родители, бабушки, дедушки и счастливые дети в предвкушении праздников. Он надеялся, что скоро здесь появится Изабель Лакост.

Старший инспектор Гамаш надавил педаль газа. Не меньше часа езды отделяло его от Трех Сосен даже при сухом асфальте. Он гнал машину с максимальной скоростью, какую позволяла дорога. И даже чуть быстрее.

Франкёр и Тесье обыскали гостиницу. Обнаружили там следы присутствия только одного гостя – старшего инспектора Гамаша. Нашли туалетные принадлежности в ванной. Стенки душевой кабины и мыло были еще влажными, одежда висела в стенном шкафу и лежала в ящике комода. В номере слабо пахло сандаловым деревом.

Франкёр посмотрел в окно на деревенский луг и дорогу вокруг него. Там стояло несколько машин, но «вольво» старшего инспектора он не увидел. Правда, они и без того знали об этом. Машину Гамаша засекли на стоянке у тюрьмы, а потом у дома Вильнёва в Монреале. А позже

поступило сообщение, что он переслал большой файл инспектору Лакост из дома по соседству с домом Вильнёва.

В дома Лакост, Вильнёва и его соседей уже направились агенты. Продолжались и поиски Гамаша. Они следили за его сотовым и за его машиной с помощью устройства сопровождения. Его захват мог произойти в любую минуту.

Франкёр посмотрел на Бовуара, который стоял посреди номера, словно манекен.

– Владелец бистро лгал? – спросил Франкёр.

Обращенный к нему вопрос пробудил Бовуара.

– Может быть. Он часто лжет.

Они услышали брань и повернулись. Тесье тыкал пальцем в свое следящее устройство.

– Долбаная деревня, тут у них мертвая зона, – сказал он и схватил трубку стационарного телефона.

Пока Тесье звонил в управление полиции, Франкёр спросил у Бовуара:

– Гамаш был здесь, но где остальные?

Бовуар недоуменно посмотрел на него:

– Какие остальные?

– Мы ищем суперинтенданта Брюнель и ее мужа. Я думаю, человек в бистро лгал. – Голос Франкёра звучал приятно, рассудительно. – Гамаш, может, и уехал, но остальные здесь. Мы должны убедить его сказать нам правду.

– Группы захвата уже на подходе, – шепнул Тесье Франкёру, когда они спускались по лестнице к входной двери. – Они получают сигнал машины Гамаша. Возьмут его через несколько минут.

– Они знают, что делать?

Тесье кивнул.

– Последнее сообщение, которое отправил Гамаш в ответ на текст из зоопарка Гранби, – сказал Франкёр, когда они оказались на крыльце. – Что там было, повтори-ка еще раз.

– «Привет Эмили».

– Точно. – Франкёр обернулся к Бовуару: – Кто такая Эмили?

– Не знаю.

– Тогда что имел в виду Гамаш, когда просил Брюнелей передать привет Эмили? – рявкнул Франкёр. – В деревне есть какая-нибудь Эмили?

Брови Бовуара сошлись у переносицы.

– Была когда-то, но она уже несколько лет как мертва.

– Где она жила?

Бовуар показал направо. Там, по другую сторону Старой почтовой дороги, стоял дом Эмили Лонгпре с широкой верандой, деревянной облицовкой, окнами, разделенными средниками, и кирпичной трубой.

И расчищенной тропинкой перед крыльцом.

Когда Бовуар в прошлый раз приезжал в Три Сосны, дом Эмили Лонгпре пустовал. Теперь – нет.

– Господи боже, – сказал Жером, осторожно выглядывая на улицу из окна на чердаке Мирны. – Он ведет их прямо в дом Эмили.

– Кто? – спросил Габри.

Он сидел у печки с агентом Николь, а Брюнели стояли у окна и сообщали об обстановке.

– Инспектор Бовуар, – ответила Тереза. – Он с Франкёром.

– Невероятно!

Габри подошел к окну, чтобы увидеть собственными глазами.

Кинув взгляд через прихваченное инеем стекло, Габри увидел широкоплечих людей, входящих в дом Эмили. Жан Ги Бовуар остался на улице. Он стоял на присыпанных снегом ступенях и оглядывал деревню. Габри отшатнулся от окна за миг до того, как взгляд Бовуара обратился в его сторону.

– Не верю своим глазам, – прошептал Габри.

– Инспектор Бовуар – наркоман, – сказала Тереза с другой стороны окна. – Вот уже некоторое время.

– После фабрики, – тихо проговорил Габри. – Я знаю. Но я думал…

– Да, мы все думали, – сказала Тереза. – Надеялись. Наркомания – страшная вещь. Она крадет у человека здоровье, друзей, семью, карьеру. Рассудок. Похищает душу. А когда больше ничего не остается, то забирает жизнь.

Габри решился посмотреть в окно. Бовуар по-прежнему стоял на крыльце, глядя перед собой. Судя по его виду, похищать у него было больше нечего.

– Он бы никогда не стал врагом Гамаша.

– Вы правы, Жан Ги Бовуар не стал бы, – сказал Жером. – Но у наркоманов нет друзей, нет привязанностей. Они готовы на все.

– Инспектор Бовуар, вероятно, самый опасный человек среди приехавших, – заметила суперинтендант Брюнель.

– Они были здесь, – сказал Франкёр, выходя из дома Эмили. – Но исчезли. Мы должны вытянуть правду у владельца бистро.

– Я знаю, где они.
Бовуар сошел с крыльца и показал рукой.

Глава сороковая

Чтобы сбить навесной замок, потребовались считаные секунды, после чего они вошли в здание старой школы.

Первым шагнул внутрь Тесье, за ним – два широкоплечих агента. Сильвен Франкёр вошел последним, оглядел помещение. Мониторы, кабели, провода, металлические коробки одна на другой. Пять пустых стульев у все еще теплой печки.

Франкёр снял перчатки и стал греть руки над чугунной печкой.

Да. Они были здесь, причем недавно. Спешно бежали, оставив всю аппаратуру, которой пользовались. Гамаш, Брюнели и агент Николь прекратили работу и пустились в бега. Больше они не способны причинить вред. Теперь обнаружить их – вопрос нескольких минут.

– Как ты узнал? – спросил Франкёр у Бовуара.

– Школа была закрыта, но тропинка к ней расчищена, – объяснил Бовуар. – Как и перед домом Лонгпре.

– У Гамаша входит в привычку бросать насиженные места, – сказал старший суперинтендант. – И людей.

Он повернулся спиной к Бовуару и присоединился к остальным у компьютеров.

Жан Ги смотрел на них несколько секунд, потом вышел.

Снег скрипел под его ботинками, пока он шел по деревенскому лугу, на котором царила очень подозрительная тишина. Обычно дети играли тут в хоккей, а родители либо наблюдали за ними, либо катались на лыжах. Целыми семьями съезжали на санках с холма, теряя на буграх пассажиров.

Но сегодня, несмотря на солнечный день, в Трех Соснах стояла тишина. Однако Бовуар чувствовал, что деревня не брошена. Не превратилась в деревню-призрак. Три Сосны замерли в ожидании. Они наблюдали.

Жан Ги подошел к скамье и сел.

Он не знал, что на уме у Франкёра и Тесье. Он не знал, зачем они здесь. Он не знал, при чем тут Гамаш. И ничего не спрашивал.

Он вытащил из кармана пузырек с таблетками оксикодона, вытряхнул две и проглотил. Посмотрел на пузырек. У него в квартире оставалось еще два таких и почти целый пузырек с успокоительными таблетками.

Хватит, чтобы выполнять работу.

– Привет, тупица, – сказала Рут, садясь на скамейку рядом с

Жаном Ги. – Кто твои новые друзья? – Она показала тростью на здание школы.

Бовуар ничего не ответил. Он просто смотрел перед собой.

– Что там такого интересного? – спросила у него Рут.

Оливье пытался остановить ее, но, когда Рут увидела Бовуара, сидящего в одиночестве на скамье, она надела пальто, взяла утку и вышла со словами:

– Ты не думаешь, что ему покажется странным, если деревня так и будет полностью вымершей? Я ему ничего не скажу. Ты что, считаешь меня сумасшедшей?

– Вообще-то говоря…

Но он не успел закончить фразу – старая поэтесса уже вышла. Оливье следил за ней с замиранием сердца. Мирна и Клара смотрели из окна магазина. Габри, Николь и Брюнели наблюдали с чердака, как Рут пересекла дорогу и села на холодную скамью рядом с Бовуаром.

– Это не станет проблемой? – спросила Тереза у Габри.

– Нет-нет. Все будет хорошо, – сказал Габри и поморщился.

– Здесь удобная позиция для стрельбы, – сказала Николь с надеждой в голосе.

– По-моему, Николь и сумасшедшая поэтесса состоят в родстве, – сказал Жером Терезе.

Внизу Рут, Роза и Жан Ги сидели бок о бок, наблюдая за суетой вокруг школы.

– «Но кто тебя обидел так, что ран не залечить?» – прошептала Рут полицейскому.

Жан Ги встрепенулся, словно только сейчас заметил, что он не один. И посмотрел на нее.

– Я так выгляжу, Рут? – спросил он, впервые называя ее по имени. – Так, что ран не залечить?

– А ты как думаешь? – Она гладила Розу, но смотрела на него.

– Может быть, и не залечить, – тихо ответил он.

Бовуар уставился на здание старой школы. Из нее не выносили компьютеры, наоборот, внутрь затаскивали какое-то новое оборудование из фургона. Коробки, провода, кабели. Бовуару они показались знакомыми, но ему было лень копаться в памяти.

Рут некоторое время сидела неподвижно, потом подняла Розу с колен, согретых теплом утки, и осторожно посадила ее на колени Бовуару.

Он вроде бы ничего не заметил, но немного погодя поднял руку и погладил Розу. Легонько-легонько.

– Я ведь мог бы свернуть ей шею, – сказал он.

– Я знаю, – кивнула Рут. – Пожалуйста, не делай этого.

Она посмотрела на Розу, задержала взгляд на темных утиных глазах. Роза тоже смотрела на Рут, а рука Жана Ги, поглаживавшая перышки на спине, перемещалась все ближе к длинной утиной шее.

Рут не отрывала глаз от Розы.

Наконец рука Жана Ги остановилась и успокоилась.

– Роза вернулась, – сказал он.

Рут кивнула.

– Я рад, – сказал Бовуар.

– Она возвращалась домой долгим путем, – сказала Рут. – Так случается с некоторыми. Они вроде бы и потерялись уже. Иногда они даже сворачивают на тупиковую дорогу. Многие сдаются, считают себя потерянными навсегда, но я в это не верю. Некоторые в конце концов возвращаются домой.

Жан Ги поднял Розу с колен и попытался вернуть ее Рут. Но старуха подняла руку:

– Нет. Пусть она будет у тебя.

Жан Ги уставился на Рут непонимающим взглядом. Он еще раз попытался отдать ей Розу, и опять Рут спокойно, но твердо остановила его.

– С тобой она обретет хороший дом, – сказала она, больше не глядя на Розу.

– Но я не знаю, как ухаживать за утками, – растерялся Бовуар. – Что я с ней буду делать?

– А не правильнее ли спросить, что она будет делать с тобой? – спросила Рут. Она встала, порылась в кармане. – Вот ключи от моей машины. – Она дала ключи Бовуару и кивнула на старый, помятый «сивик». – Я думаю, Розе будет безопаснее в другом месте, ты так не считаешь?

Бовуар посмотрел на ключи в своей руке, потом на худое, сморщенное, несчастное старое лицо. И на слезящиеся глаза – на ярком солнце они, казалось, излучали свет.

– Уезжай, – сказала она. – Возьми Розу. Прошу тебя.

Она медленно наклонилась, словно каждый дюйм преодолевала с болью, и поцеловала Розу в макушку. Потом заглянула в яркие глаза утки и прошептала:

– Я тебя люблю.

Рут Зардо повернулась к ним спиной и похромала прочь. Она шла медленно, высоко держа голову. Шла к бистро и к тому, что должно

случиться.

– Это такая шутка? – спросил у Изабель Лакост толстый коп по другую сторону стойки. – Кто-то собирается его взорвать?

Он махнул рукой, показывая на свои мониторы и едва удерживаясь, чтобы не назвать Лакост малюткой.

У нее не было времени на любезности. Она вытащила из кармана свое удостоверение и сказала ему, что должно произойти. Неудивительно, что он не горел желанием закрывать мост.

Тогда она обошла стойку и приставила «глок» к его подбородку.

– Я не шучу, – сказала она и увидела, как его глаза расширились от ужаса.

– Постойте, – взмолился он.

– Взрывчатка закреплена на опорах и может взорваться в любую минуту. Группа разминирования будет здесь через несколько минут, но мне нужно, чтобы вы перекрыли мост немедленно. Если нет, то взорветесь вместе с ним.

Когда старший инспектор сообщил ей про объект атаки и приказал перекрыть мост, перед ней возникла проблема. Кому можно довериться?

И тут ее осенило: охранная служба. Они не знали о готовящемся теракте, иначе давно бы покинули пост. Всем, кто остается на мосту, можно доверять. Но теперь надо было придумать, как их убедить.

– Вызывайте машины вашей службы.

Изабель ждала, держа его под прицелом, а он по рации связался с патрульными машинами службы и приказал им вернуться.

– Загрузите это.

Она протянула охраннику флешку. Он вставил ее в компьютер, открыл файлы.

– Что тут? – спросил он, просматривая материалы.

Но Лакост не ответила, и по его лицу медленно разлилась бледность.

Изабель вернула пистолет в кобуру. Охранник больше не смотрел ни на пистолет, ни на нее. Его глаза, его внимание были прикованы к экрану. Двое его коллег вернулись на пост. Они взглянули на Лакост, потом на него:

– Что тут у нас стоит?

Но выражение его лица не располагало к шуткам.

– Что происходит? – спросил один из них.

– Вызывайте суперинтенданта, группу разминирования, перекрывайте мост…

Дальше Лакост не слушала. Она вернулась к своей машине и поехала

по мосту на другой берег. В сторону деревни.

Гамаш мчался по знакомой заснеженной проселочной дороге. Его машину занесло на ледяной проплешине, и он снял ногу с педали газа. Не хватало только опрокинуться. Все дальнейшее должно быть продуманным и взвешенным.

Он увидел магазин на заправочной станции и остановился.

– Можно воспользоваться вашим телефоном? – Он показал свое удостоверение.

– Вы должны купить что-нибудь.

– Дайте мне ваш телефон.

– Купите что-нибудь.

– Хорошо. – Гамаш взял первое, что попалось ему под руку. – Вот.

– В самом деле? – Продавец посмотрел на пачку презервативов.

– Просто дай мне телефон, сынок, – сказал Гамаш, подавляя в себе желание придушить этого весельчака.

Он достал бумажник, вытащил двадцатку и положил ее на прилавок.

– Если захотите воспользоваться туалетом, то придется купить еще что-нибудь, – сказал парень, пробив чек и вручая Гамашу телефон.

Гамаш набрал номер. Один гудок, второй, четвертый, шестой…

«Пожалуйста, ну пожалуйста…»

– Франкёр. – Голос резкий, напряженный.

– Bonjour, старший суперинтендант.

Наступила тишина.

– Это вы, Арман? А я вас ищу.

Сигнал проходил плохо, но голос Сильвена Франкёра зазвучал радостно, приветливо. Могло показаться, что он действительно счастлив услышать Гамаша. Словно они с ним лучшие друзья.

Это был один из многих талантов старшего суперинтенданта – способность выдавать ложь за правду. Насквозь фальшивый человек. Любой, кто их прослушивает, – а таких могло быть немало, – не станет сомневаться в искренности Франкёра.

– Прошу прощения, я был недосягаем некоторое время, – сказал Гамаш. – Подчищал кое-какие хвосты.

– Да и я как раз сейчас занимаюсь этим. Чем могу служить?

В здании старой школы Франкёр наблюдал за тем, как работают его агенты. Он прижал трубку к уху и встал у окна, стараясь поймать сигнал.

– Вам придется говорить громче. Я тут в одной деревне – здесь очень плохой прием.

Гамашу показалось, будто он глотнул кислоты.

Значит, Сильвен уже в Трех Соснах. Гамаш ошибся, полагая, что старшему суперинтенданту понадобится больше времени, чтобы найти деревню. Но тут еще одна порция кислоты обожгла его внутренности. Вероятно, Франкёр нашел кого-то, знающего дорогу.

Жана Ги.

Гамаш сделал глубокий вдох и постарался говорить небрежным, вежливым, чуть скучающим тоном:

– Я еду в вашу сторону, сэр. Подумал, что мы могли бы встретиться.

Франкёр поднял брови. Он предполагал, что за Гамашем придется поохотиться. Ему и в голову не приходило, что гордыня Гамаша пожрала его здравый смысл.

Но видимо, так и случилось.

– Я не против, – весело ответил Франкёр. – Встретимся прямо здесь? Инспектор Тесье говорит мне, что нашел в лесу занятную спутниковую тарелку. Я ее пока не видел. Он думает, что ее там поставили ацтеки. Вы про нее знаете?

Последовала пауза.

– Знаю.

– Отлично. Там и встретимся.

Франкёр отключился. Он знал, что Гамаш никогда не доберется до места встречи. Его агентов отделяли от Гамаша считаные секунды, и они вот-вот должны были схватить старшего инспектора.

Он повернулся к своему заместителю.

– Они знают, что делать? – Он указал на двух агентов: один работал под столом, второй у дверей школы протягивал провода.

Тесье кивнул. Те же агенты сопровождали его, когда он ликвидировал Пьера Арно, Одри Вильнёв и других. Они делали то, что им приказывали.

– Идем со мной.

У дверей Тесье повернулся к агентам:

– Не забудьте про Бовуара. Он нам нужен здесь.

– Да, сэр.

Бовуара на скамье уже не было, но Тесье это не обеспокоило. Скорее всего, он заснул во внедорожнике.

– И что это значит, по-вашему? – прошептал Жером, глядя, как Франкёр и Тесье идут из деревни вверх по холму. – Они что, уходят?

– Пешком? – скептически спросила Николь.

– Вероятно, нет, – согласился доктор Брюнель. – Но Бовуар, по

крайней мере, уехал.

Они посмотрели на пустое место в снегу, где недавно стояла машина Мирны.

Внизу Мирна напустилась на Рут:

– Ты отдала ему мою машину?

– Ну, свою-то я не могла ему дать. У меня машины нет.

– А где ты взяла ключи?

– Они лежали на столе – ты их всегда там держишь.

Мирна покачала головой, но сердиться на Рут она не могла. Пусть Бовуар и взял машину Мирны, но у Рут он взял нечто гораздо более драгоценное.

Они услышали, как закрылась дверь магазина, и посмотрели на нее, а потом выглянули в окно. По дороге быстрым шагом шел Габри без куртки, шапки и ботинок. Он поскользнулся, но удержал равновесие.

– Черт, – выругалась Николь, бросаясь вниз по лестнице. – Куда это он?

Брюнели пустились за ней, и Тереза успела остановить молодого агента, прежде чем та вышла на улицу.

– Он идет в церковь, – сказала Клара.

Она накинула на себя куртку и уже подошла к двери, когда Николь ухватила ее за руку:

– Никуда вы не пойдете!

Клара стряхнула ее руку неожиданно резким движением, застав Николь врасплох.

– Габри – мой друг, и я не оставлю его одного.

– Да он убегает, – сказала Николь. – Вы посмотрите на него – он усрался от страха.

– Сомневаюсь, – заметила Рут. – Габри не может усраться – у него неиссякаемый запас говна.

– Это Габри?

Из двери, соединяющей магазин с бистро, появился Оливье.

– Он идет в церковь, – сказала Клара. – Я с ним.

– И я тоже.

– Нет, – возразила Тереза. – Вы должны присматривать за бистро.

– Присмотрите за ним сами.

Он швырнул ей полотенце и поспешил за Кларой.

Когда Франкёр и Тесье поднялись на холм в лесу, их телефоны начали трезвонить. Они словно перешли из одного мира в другой.

Франкёр остановился на тропинке и просмотрел новые сообщения.

Его приказания исполнялись быстро, эффективно. Расползание того хаоса, что учинил Гамаш, было остановлено, проводились зачистки.

– Merde, – сказал Тесье. – Мы считали, что Гамаш уже у нас в руках.

– Ты его потерял?

– Он выкинул свой сотовый и следящее устройство.

– И твоим агентам понадобилось столько времени, чтобы это сообразить?

– Нет, они сообразили полчаса назад, но в эту долбаную деревню не проходят сообщения. К тому же…

– Oui?

– Они думали, что преследуют его, но он сунул маячок на платформу в рождественском параде.

– Ты хочешь мне сказать, что элитные агенты Квебекской полиции гонялись по центру Монреаля за Санта-Клаусом?

– Не за Сантой. За Белоснежкой.

– Черт! – зашипел Франкёр. – Впрочем, это уже не имеет значения. Гамаш едет сюда.

Франкёр уже собирался сунуть телефон в карман, но тут увидел короткое сообщение, разосланное всем адресатам почти полчаса назад и извещающее об отставке Гамаша. «Это так похоже на Гамаша, – подумал Франкёр. – Да всему миру на него наплевать».

Тереза Брюнель увидела, как один из агентов вышел из здания старой школы. Обвел взглядом деревню, вошел в дом Эмили, потом в гостиницу. Минуту спустя он появился, подошел к внедорожнику и открыл пассажирскую дверь. Потом захлопнул ее и раздраженно огляделся.

«Он что-то потерял», – подумала Тереза Брюнель, и она догадывалась, что именно. А вернее, кого. Они искали Бовуара. Агент посмотрел в ее сторону, и его острый взгляд скользнул по ней, прежде чем она успела отпрянуть от окна.

– Что там? – спросил Жером.

– Он идет сюда, – сказала Тереза и вытащила пистолет.

Агент двинулся к ряду коммерческих зданий: бистро, книжный магазин, пекарня. Возможно, Бовуар отправился куда-то сюда – отдохнуть. Или уснул здесь где-нибудь.

Агент знал: он легко справится со своей задачей.

У него на поясе висел пистолет, но в кармане лежала вещь гораздо

более эффективная. Пакетик с таблетками, врученный ему Тесье: каждая таблетка – как маленькая пуля в голову.

Второй агент заканчивал приготовления в школе, и им теперь нужен был только Бовуар.

Однако агент заколебался. За несколько минут до этого он заметил, как крупная чернокожая женщина и старуха с тростью направились в церковь.

Та же старуха разговаривала с Бовуаром на скамейке.

Если Бовуар исчез, то, возможно, она знает, где его искать.

Агент развернулся и тоже пошел в церковь.

Арман Гамаш остановил машину у начала лесной тропинки, той самой, которую они с Жилем протоптали несколькими днями ранее. Он заметил на ней совсем свежие следы.

Гамаш зашагал по тропинке все глубже и глубже в лес. К скрадку.

Сначала он увидел Сильвена Франкёра, стоящего у сосны. Потом поднял голову и на старом деревянном скрадке рядом со спутниковой тарелкой увидел Мартена Тесье. Инспектор Тесье из отдела по расследованию тяжких преступлений собирался совершить одно из таких преступлений. Его пистолет был нацелен на старшего инспектора Гамаша.

Гамаш остановился на тропинке, и у него мелькнула мысль: неужели у оленя возникает такое же чувство, какое испытывал сейчас он сам? Он посмотрел на Тесье и чуть повернулся в его сторону. Встал к стрелку грудью, бросая ему вызов.

«Если этому чертову скрадку суждено когда-нибудь рухнуть, то сейчас самый подходящий момент», – подумал Гамаш.

Но скрадок оставался на месте, а Тесье держал Гамаша под прицелом.

Гамаш перевел глаза на Франкёра и развел руки в стороны.

Старший суперинтендант подал знак, и Тесье быстро и легко спустился по хилым ступенькам.

Агент вошел в церковь и огляделся. Она казалась пустой. Потом он увидел старуху – она сидела на задней скамье, не сняв ни серого пальто, ни шапочки. Крупная чернокожая женщина сидела на передней скамье.

Он осмотрел углы церкви, но больше никого не увидел.

– Эй, вы, – сказал он. – Кто еще здесь есть?

– Если вы спрашиваете Рут, то напрасно тратите время, – сказала чернокожая. Она встала и улыбнулась ему. – Она не говорит по-французски. – Сама она говорила на очень хорошем французском, хотя и с небольшим акцентом. – Чем могу вам помочь?

Агент подошел к ней по проходу:

– Я ищу инспектора Бовуара. Вы его знаете?

– Знаю, – ответила она. – Он бывал здесь. Со старшим инспектором Гамашем.

– А где он теперь?

– Бовуар? Я думала, он с вами, – удивилась Мирна.

– Зачем бы я стал…

Но он не закончил предложения. Ему в основание черепа уперся ствол «глока», а ловкая рука вытащила пистолет из его кобуры.

Он повернулся. Старуха в пальто и вязаной шапочке держала его под прицелом служебного пистолета.

И она вовсе не была старухой.

– Квебекская полиция, – сказала агент Николь. – Вы арестованы.

Жан Ги Бовуар ехал по шоссе в Монреаль. Роза сидела рядом, не издавая ни звука. И не сводя с него глаз.

Но Бовуар смотрел на дорогу. Он ехал все дальше и дальше от деревни. Он не знал о планах Франкёра, Тесье и остальных. И знать не хотел.

Когда он выехал из Трех Сосен, его телефон прогудел несколько раз. Все сообщения, что он получил, были от Лакост. Она интересовалась, где он.

Бовуар понимал, что это значит: Гамаш ищет его. Вероятно, для того, чтобы закончить то, что начал днем ранее. Но потом он прочел последнее сообщение, разосланное всем адресатам.

Гамаш подал в отставку. Он больше не работает в Квебекской полиции.

Все кончено.

Бовуар посмотрел на утку. Какого черта он согласился взять ее с собой? Впрочем, ответ он знал. Он не то чтобы согласился, просто у него не хватило силы воли отказаться.

Ему не давала покоя мысль: зачем Рут всучила ему утку? Он знал, как старуха любит Розу и как Роза любит старуху.

«Я тебя люблю», – прошептала Рут утке.

«Я тебя люблю». Но этот голос принадлежал не старой, выжившей из ума поэтессе, а Гамашу. На фабрике. Где пули рикошетили от бетонного пола, от стен. Бах-бах-бах. Облачка удушающей, ослепляющей пыли. Оглушительные звуки. Крики, выстрелы, вопли.

А Гамаш оттащил его в безопасное место и остановил кровотечение.

Хотя в это время вокруг свистели пули.

Старший инспектор заглянул ему в глаза, нагнулся, поцеловал в лоб и прошептал: «Я тебя люблю».

Как и день назад, когда думал, что Бовуар застрелит его. Он не боролся, не отбивался, хотя и мог бы; он просто сказал: «Я тебя люблю».

И Жан Ги Бовуар понял: они с Розой не брошены, они спасены.

Глава сорок первая

– И что теперь? – спросил Габри.

Они с Оливье и Кларой вышли из-за алтаря, откуда наблюдали за происходившим в церкви. Клара и Оливье держали в руках по канделябру, а Габри – распятие, готовые окоротить бандита, если он уйдет от Николь и Мирны.

Но этого не потребовалось. Бандит с кляпом во рту сидел, пристегнутый наручниками к длинной церковной скамье.

– Там еще один, – напомнила Мирна. – В школе.

– А двое других пошли в лес, – сказала Клара.

Она посмотрела на пистолет в руке Мирны, и еще на один – в руке Николь. Они были такие ужасные и отталкивающие. Клара тоже не отказалась бы от пистолета.

– Так что будем делать? – обратился Габри к Николь, которая умудрялась выглядеть одновременно и главнокомандующим, и растерянным солдатом.

Мартен Тесье стянул с Гамаша куртку и забрал у него оружие, оставив его в одной рубашке.

Тесье сунул пистолет Гамаша в протянутую руку Франкёра.

– Где Бовуар? – спросил Гамаш.

– Он в деревне с остальными, – ответил Тесье. – Работает.

– Оставьте его. Вам нужен я, а не он, – сказал Гамаш.

Франкёр улыбнулся:

– «Вам нужен я». Ха! Будто все начинается и кончается великим Арманом Гамашем. Ты даже не понял, что происходит, да? Разослал сообщение о своей отставке, будто это имеет какое-то значение. Будто нас волнует твоя отставка.

– А вас не волнует? – спросил Гамаш. – Вы уверены?

– Абсолютно, – сказал Тесье, направляя свой пистолет в грудь Гамаша.

Старший инспектор продолжал смотреть на Франкёра, словно и не замечая Тесье.

Телефон снова зажужжал, и Франкёр стал читать поступившие сообщения:

– Мы взяли Изабель Лакост и ее семью. А также Вильнёва и его соседей. Ты настоящая чума, Арман. Все, с кем ты соприкасаешься, либо

уже мертвы, либо будут мертвы в скором времени. Включая и Бовуара. Его тело найдут в руинах школы – он погибнет, пытаясь обезвредить бомбу, которую вы подсоединили ко всем вашим компьютерам.

Гамаш перевел взгляд с Франкёра на Тесье, потом обратно.

– Пытаешься решить, стоит ли мне верить? – ухмыльнулся Франкёр.

– Да бога ради, – сказал Тесье, – давайте уже покончим с этим.

Франкёр посмотрел на своего заместителя:

– Ты прав. Сбрось оттуда спутниковую тарелку. А я закончу здесь. Идем со мной, Арман. Один раз я пропущу тебя вперед.

Франкёр показал на тропинку, и Гамаш пошел, чуть поскальзываясь в снегу. Они протоптали эту тропинку с Николь, когда тащили кабель из леса в Три Сосны. Тропинка была самым коротким путем от скрадка к зданию старой школы.

– Они еще живы? – спросил Гамаш.

– Честно говоря, не знаю, – ответил Франкёр.

– Бовуар… он жив?

– Ну, взрыва я еще не слышал, так что да, жив. Пока.

Гамаш сделал еще несколько шагов.

– А мост? Разве сведения о мосте еще не поступили? – спросил Гамаш, тяжело дыша и хватаясь за ветку, чтобы не упасть. – Что-то пошло не так, Сильвен. Вы же чувствуете.

– Стой, – велел Франкёр.

Гамаш замер, повернулся и увидел, как Франкёр достал сотовый и прикоснулся к экрану. На лице старшего суперинтенданта появилась широкая улыбка.

– Дело сделано.

– Что сделано?

– Мост взорван.

Празднование победы в церкви Святого Томаса было недолгим.

– Гляди, – сказала Мирна.

Они с Кларой посмотрели сквозь витражное стекло.

Второй бандит вышел из дверей старой школы. Он стоял к ним спиной и вроде бы что-то делал с ручкой.

«Запирает?» – подумала Клара.

Потом он встал на крыльце и огляделся, как и его товарищ несколько минут назад.

– Он ищет этого. – Оливье показал на закованного в наручники пленника, который сидел с кляпом во рту под присмотром Николь.

Бандит прошел к фургону. Он швырнул внутрь большой холщовый мешок и захлопнул дверь. Потом снова оглядел деревню. Явно озадаченный.

В этот момент Тереза Брюнель вышла из книжного магазина.

На ней была тяжелая куртка и большая вязаная шапочка, натянутая на самый лоб. В руках она держала стопку книг и медленно, как-то неуверенно шла к агенту полиции.

– Что она делает? – спросила Клара.

– «Хор птиц на зиму улетел под солнце теплых стран», – громко запел Габри, и все посмотрели на него.

Бандит повернулся на звук пения из церкви.

Его пугала эта треклятая деревня. Она казалась такой милой, но в то же время заброшенной. От нее исходила какая-то угроза. Чем скорее он найдет Бовуара и своего напарника и уберется отсюда, тем лучше.

Он зашагал в сторону церкви. Там явно были люди, он надеялся, что сумеет их убедить и они скажут ему, куда делся Бовуар. И его коллега. И вообще все.

К нему шла пожилая женщина со стопкой книг, но он, не обращая на нее внимания, продолжал идти к обитой досками церкви на холме.

Бандит поднялся по ступеням на звук пения, не заметив, что женщина с книгами, изменив направление, пошла за ним.

Он открыл дверь и заглянул внутрь. В передней части церкви полукругом стояли несколько человек и пели.

В нескольких рядах от них на скамье сидела старуха в пальто. Пение прекратилось, и крупный мужчина, который, похоже, руководил хором, махнул вошедшему.

– Закройте дверь, – громко сказал он. – Заморозите нас.

Но головорез не шелохнулся. Он стоял на пороге, оценивая обстановку. Что-то здесь было не так. Они как-то странно смотрели на него. Все, кроме старухи, которая сидела сгорбившись в своей вязаной шапочке.

Он потянулся к пистолету.

– Полиция.

Он услышал это слово. Услышал металлический щелчок. Почувствовал ствол пистолета, уткнувшийся в основание его черепа. Услышал, как упали книги, и увидел, как они рассыпались у его ног.

– Подними руки, чтобы я их видела.

Он сделал, как ему было велено.

Потом повернулся и увидел пожилую женщину, которая минуту назад

шла в его сторону по улице. Теперь вместо книг у нее в руке был служебный пистолет. Бандит узнал суперинтенданта Терезу Брюнель.

Она держала его под прицелом и не намерена была шутить.

– Мост взорван? – с недоумением переспросил Гамаш.

– Точно по расписанию, – ответил старший суперинтендант.

Из деревни до них донесся голос, напевавший старую квебекскую рождественскую песню. Она напоминала скорбный плач.

– Не верю, – сказал Гамаш. – Вы лжете.

– Хочешь доказательств?

– Позвоните Ренару. Позвоните премьеру. Пусть он подтвердит, – попросил Гамаш.

– С удовольствием. Он наверняка тоже захочет сказать тебе пару теплых слов.

Франкёр нажал кнопку вызова на телефоне. Гамаш слышал гудки, гудки.

Но никто не ответил.

– Он, вероятно, занят, – сказал Гамаш.

Франкёр внимательно посмотрел на него и позвонил по другому номеру: Ламбер в отдел по борьбе с киберпреступностью.

Гудки, гудки.

– Ничего? – спросил Гамаш.

Франкёр опустил телефон:

– Что ты сделал, Арман?

– «Мы взяли Изабель Лакост и ее семью», – процитировал Гамаш. – А пару минут спустя пришло еще одно сообщение: «Вильнёв пытался оказать сопротивление, вопрос закрыт».

У Франкёра застыло лицо.

– Вы и в самом деле решили, что я позволю вам уничтожить мой отдел? – гневно спросил Гамаш, пронизывая Франкёра взглядом. – Все те агенты, что ушли. Все те агенты, которых вы перевели. Разбросали по всему управлению.

Он говорил медленно, и каждое его слово достигало цели.

– В отдел управления движением. В отдел по расследованию тяжких преступлений. Общественной безопасности. Чрезвычайных ситуаций. Киберпреступности.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, что Франкёр понимает его, и нанес coup-de-grâce[69]:

– В отдел безопасности общественных деятелей. В группу охраны

премьера. Вы своими руками расформировали мой отдел и внедрили моих агентов во все подразделения Квебекской полиции. Моих агентов, Сильвен. Моих. Они никогда не были вашими. Я не сопротивлялся, потому что это служило моим целям. Вы продвигали свой план, а я – свой.

Франкёр побелел как смерть.

– Мои люди захватили все эти отделы и арестовали лояльных вам агентов. Премьер вместе со своей администрацией задержан. Если бы дело происходило на корабле, это можно было бы назвать бунтом. Сообщение о моей отставке стало сигналом для моих людей переходить к действиям. Мне пришлось ждать, пока я не выясню ваши планы, пока у меня не будет доказательств. На ваши телефонные звонки никто не отвечал, потому что отвечать некому. А те сообщения, что вы получали, – об устранении опасных вам людей, – их отправляла инспектор Лакост. Что же касается моста, то он уже разминирован.

– Это невозможно!

Франкёр снова посмотрел на свой телефон. Всего лишь быстрый взгляд, но и его было достаточно.

Гамаш сделал свой ход.

Жан Ги Бовуар остановился позади «вольво» Гамаша. Он чуть приоткрыл окно, чтобы дать Розе свежего воздуха, и вышел из машины.

Он остановился на дороге, не зная, куда идти. Он думал, что поедет прямо в Три Сосны. До него вдруг дошло, что за аппаратура лежала в фургоне. Вероятно, он знал об этом с самого начала. Они везли взрывчатку. И детонаторы. И провода.

Они закрепили провода на дверях школы. Теперь, если дверь открыть, произойдет взрыв.

Бовуар собирался приехать в деревню и остановить агентов, но, увидев знакомую машину, засомневался.

Он посмотрел на свежие следы в снегу и пошел по ним.

Гамаш кинулся на Франкёра, пытаясь выхватить у него пистолет, но тот выпал из руки Франкёра и провалился в снег.

Столкновение получилось жесткое. Гамаш обхватил Франкёра рукой за шею и сдавил, стараясь свалить его на землю. Франкёр лягался, брыкался, отбивался. Он потянулся за пистолетом в снег, нащупал что-то твердое и, размахнувшись изо всех сил, ударил Гамаша сбоку по голове.

Старший инспектор, оглушенный ударом камня, рухнул на бок. Франкёр поднялся на колени и вцепился в куртку, пытаясь ее расстегнуть.

Чтобы добраться до «глока» в поясной кобуре.

– Тесье?

Голос Бовуара застал врасплох Мартена Тесье, спускавшегося по лестнице с сосны. Спутниковая тарелка лежала на снегу, сброшенная со скрадка, а рядом с ней стоял Жан Ги Бовуар.

– Бовуар, – протянул Тесье, приходя в себя и спрыгивая с последней ступеньки. Встав спиной к Бовуару, он потянулся к пистолету. – Мы тебя искали.

Но достать оружие ему не удалось. Ствол Бовуара уткнулся ему в затылок.

– Где Гамаш? – прошептал Бовуар в ухо Тесье.

Гамаш увидел, что Франкёр вытащил пистолет из кобуры. Прежде чем тот прицелился, он бросился на Франкёра и сбил его с ног. Но пистолет остался в руке старшего суперинтенданта.

Они стали бороться за оружие, нанося друг другу удары, изворачиваясь, лягаясь.

Франкёр держал пистолет, а Гамаш держал Франкёра, вцепившись обеими руками в его руку, но она стала влажной от снега, и Гамаш чувствовал, что ему не удержать ее.

Бовуар с силой ткнул Тесье лицом в ствол дерева.

– Где Гамаш? – повторил он. – Он знает о вашем плане взорвать школу?

Тесье кивнул, чувствуя, как кора обдирает кожу с его лица:

– Он считает, что ты в школе.

– Почему?

– Потому что мы так задумали.

– Вы собирались меня убить?

– Тебя и большинство жителей деревни, когда бомба взорвется.

– Что вы сказали Гамашу?

– Что школа заминирована, а ты находишься внутри.

Бовуар развернул Тесье к себе лицом и посмотрел ему в глаза, пытаясь понять, правда ли это.

– Он знает, что вы установили растяжку на двери? – спросил Бовуар.

Тесье покачал головой:

– Это не имеет значения. Он не дойдет до школы. Франкёр прикончит его в лесу.

Гамаш чувствовал, что рука Франкёра выскальзывает из его хватки. Он отпустил ее и обрушил оба своих кулака на нос Франкёра. Услышал хруст, почувствовал влагу – хлынувшую из носа кровь. Франкёр взвыл и дернулся всем телом, сбрасывая Гамаша в снег.

Тот перекатился через спину и увидел, что Франкёр поднимается на колени.

Из снега торчало что-то темное. То ли камень, то ли палка. То ли рукоять пистолета. Гамаш перекатился в ту сторону, перекатился еще раз и поднял голову в тот самый момент, когда Франкёр поднял свое оружие и начал прицеливаться.

И тогда Арман Гамаш выстрелил. И еще раз. И еще.

Наконец старший суперинтендант Сильвен Франкёр с обмякшим лицом свалился на бок.

Мертвый.

Гамаш вскочил на ноги и, не тратя больше времени на Франкёра, побежал.

Бовуар услышал серию быстрых выстрелов из «глока».

– Это Гамаш, – сказал Тесье. – Убит.

Бовуар повернул голову на звук, и Тесье отпрянул, судорожно выхватывая пистолет.

Бовуар нажал на спусковой крючок. И увидел, как упал Тесье.

А потом побежал со всех ног. В лес. В ту сторону, где стало вдруг очень тихо.

Арман Гамаш бежал так, словно за ним гнались фурии. Словно он спасался от лесного пожара. Словно его преследовал сам Сатана.

Он бежал по лесу, между деревьями, спотыкаясь об упавшие стволы, падая и снова поднимаясь. Бежал к зданию старой школы. К бомбе. К Жану Ги.

Жан Ги увидел лежащее лицом вниз тело, подбежал к нему и упал на колени.

«О нет, нет, нет!»

Перевернул его.

Франкёр. Мертвый.

Бовуар поднялся на ноги и лихорадочно огляделся. Потом заставил себя успокоиться. Прислушался. И в лесу, объятом тишиной, услышал.

Впереди. Кто-то бежал. От него. К Трем Соснам.

К школе.

И Жан Ги Бовуар бросился следом. Он бежал и кричал. Кричал и бежал.

– Стой! Стой! – кричал он.

Но человек, бегущий впереди, не слышал. Не останавливался.

Бовуар мчался во всю мочь, но расстояние между ними было слишком велико. Гамаш стремился к школе. Он думал, что Бовуар внутри. Что ему грозит опасность.

Вот сейчас Гамаш взбежит по ступенькам, рванет на себя дверь, и…

– Стой! Стой! – закричал Бовуар.

А потом он завизжал. Слов не осталось, только звук. В этот звериный вой он вложил весь свой страх, всю ярость – все, что чувствовал.

Но старший инспектор продолжал бежать так, будто за ним гнались демоны.

Бовуар остановился и зарыдал.

– Нет! Стой!

Ему не догнать Гамаша. Не остановить его. Разве что…

Изабель Лакост опустилась на колени рядом с Тесье, но тут же вскочила на ноги, услышав этот жуткий звук. Она в жизни не слышала ничего подобного. Словно что-то ломалось, разрывалось на части. Она побежала на крик вглубь леса.

Арман Гамаш услышал выстрел. Увидел отлетевший от ствола кусок коры. Но не остановился. Он бежал. Безостановочно бежал вперед.

Прямо к зданию школы.

Он уже видел это красное здание сквозь бело-серые краски леса.

Еще одна пуля вздыбила снег рядом с ним. Вероятно, Тесье нашел Франкёра и теперь пытается отомстить за него. Но остановить Гамаша было невозможно.

Рука Жана Ги тряслась, пистолет дрожал, и пули не достигали цели. Он целился в ноги Гамашу. Надеялся, молился, чтобы чуть-чуть задеть его. Чтобы он упал. Но ничего не получалось.

– Стой, господи, стой!

В глазах у него помутилось. Он провел рукавом по лицу, потом откинул назад голову и посмотрел сквозь голые ветки вверх. В синее небо.

– Ну пожалуйста!

Гамаш почти выбежал из леса. Он почти добрался до школы.

Бовуар на миг закрыл глаза.

– Пожалуйста! – взмолился он.

И снова поднял пистолет. Его рука больше не дрожала. Он твердо держал цель. Но уже не ноги Гамаша.

– Стой! – закричала Лакост, целясь в спину Бовуара.

Она видела впереди старшего инспектора, бегущего к деревне. И видела Жана Ги, собирающегося стрелять в Гамаша.

– Бросай пистолет! – приказала она.

– Нет, Изабель, – отозвался Бовуар. – Я должен.

Лакост изготовилась к выстрелу. Промахнуться с такого расстояния было невозможно. И все же она медлила.

Она услышала что-то в его голосе. Не мольбу, не просьбу, не безумие.

Голос Бовуара звучал сильно и уверенно. Его прежний голос.

У нее не оставалось сомнений относительно того, что он хочет сделать. Жан Ги Бовуар собирался выстрелить в старшего инспектора Гамаша.

– Прошу тебя, Изабель, – проговорил Бовуар.

Он по-прежнему стоял спиной к ней, подняв пистолет.

Изабель Лакост встала устойчивее, взяла пистолет двумя руками. Прижала палец к спусковому крючку.

Арман Гамаш был точно в прорези прицела на «глоке» Жана Ги Бовуара.

Старший инспектор достиг края леса, до школы ему оставались считаные шаги.

Бовуар сделал глубокий вдох. Потом выдохнул.

И нажал на спусковой крючок.

Арман Гамаш почти добежал до школы. Стрельба прекратилась.

Он знал, что успел. Теперь он сможет освободить Жана Ги.

Он уже выходил из леса, когда ударила пуля. Сила удара приподняла его и развернула. За миг до того, как он упал на землю, за долю секунды до того, как мир погрузился во тьму, он встретился взглядом с человеком, который стрелял в него.

Жан Ги Бовуар.

И Арман Гамаш упал, раскинув руки, словно изображая ангела на ослепительно-белом снегу.

Глава сорок вторая

В церкви Святого Томаса в Трех Соснах стояла тишина, лишь шуршала бумага в руках гостей, которые читали порядок богослужения. Склонив голову, вошли четыре монаха и встали в полукруг перед алтарем.

После небольшой паузы они начали петь. Их голоса смешивались, соединялись. Расходились. Потом превращались в один. Это было все равно что слушать одну из картин Клары. С ее цветами, вихрями и игрой света и тени. Все крутилось вокруг неподвижного центра.

Скромное песнопение в скромном храме.

Единственным украшением в церкви Святого Томаса было витражное стекло с изображением вечно молодых солдат. Окно располагалось так, чтобы улавливать лучи утреннего солнца, самого молодого света.

Жан Ги Бовуар склонил голову, отягощенную торжественностью момента. У него за спиной открылась дверь, и все поднялись на ноги.

Песнопение стихло, и наступил миг тишины, а потом раздался другой голос. Бовуару не нужно было смотреть туда, чтобы знать, кто это.

В передней части церкви, глядя вдоль прохода, стоял Габри и пел своим чистым тенором:

> Звони в колокола, что еще не мертвы,
> Забудь свою идеальную жертву.

Прихожане вокруг Бовуара присоединились к пению. Он услышал голоса Клары, Оливье и Мирны. И даже тонкий, пронзительный, монотонный голос Рут. Голос рядового солдата. Неуверенный, но несгибаемый.

Однако у Жана Ги не было голоса. Губы его двигались, но беззвучно. Он смотрел вдоль прохода и ждал.

> Нет таких мест, где трещины нет,
> Через нее и проникает свет.

Сначала он увидел мадам Гамаш, идущую медленным шагом. И рядом с ней – Анни.

Ослепительную в свадебном платье. Шествующую по проходу рука об руку с матерью.

И Жан Ги Бовуар заплакал. От радости, от облегчения. От сожаления о том, что случилось, и о том, что причинил столько боли. Он стоял в утреннем свете, что принадлежал мальчикам, которые не вернулись домой, и по его щекам текли слезы.

Кто-то ткнул его в руку и протянул ему льняной платок. Бовуар взял его и взглянул в темно-карие глаза своего шафера.

– Вам он и самому понадобится, – сказал Жан Ги, возвращая платок.

– У меня есть другой.

Арман Гамаш вытащил платок из нагрудного кармана и вытер глаза.

Двое мужчин стояли плечом к плечу в переполненной церкви, плакали и смотрели, как Анни с матерью идут по проходу. Анни Гамаш собиралась выйти замуж за свою первую и последнюю любовь.

– Теперь больше не будет одиночества, – сказал священник, давая последнее благословение паре. – Ступайте теперь в свой дом, войдите в дни вашей общей жизни. И пусть ваши дни будут добрыми и долгими на этой земле[70].

Празднование на залитом солнцем деревенском лугу началось около десяти часов утра в один из первых дней июля и продолжалось до самого вечера. На лугу разожгли костер, пускали фейерверки, готовили барбекю. Всем гостям подавали салаты и десерты, паштеты и сыры. Хлеб свежей выпечки. Пиво, вино и розовый лимонад.

Когда запели первую песню, Арман, облаченный в визитку, отдал свою трость Кларе и, прихрамывая, медленно двинулся в центр собравшихся гостей, центр деревенского луга, центр деревни, остановился и протянул руку.

Она была твердой и не дрожала, когда Анни вложила в нее свою ладонь. Отец наклонился и поцеловал ее, потом притянул дочь к себе, и они начали танцевать. Медленно. Под сенью трех огромных деревьев.

– Ты уверена, что тебе это надо? – спросил он.

– А мама была уверена? – рассмеявшись, ответила его дочь.

– Ну, ей повезло. Я оказался идеальным, – сказал Гамаш.

– Жаль. Я слышала, прочнее всего то, что было сломано, – откликнулась она, медленно двигаясь вместе с отцом по деревенскому лугу и положив голову на его сильное плечо.

Гамаш всегда вовремя подставлял его тем, кого любил.

Они протанцевали мимо Габри и Оливье, мимо Мирны и Клары, мимо

хозяев магазинов и деревенских жителей. Мимо Изабель Лакост и ее семейства, мимо Брюнелей, стоявших рядом с агентом Николь. Иветт Николь.

Все улыбались и махали Арману и его дочери. На другой стороне луга Жан Ги и Рейн-Мари прошли в танце мимо Даниеля и Розлин, мимо внуков Гамаша, гладивших Анри.

– Ты знаешь, как мы счастливы, Жан Ги, – сказала Рейн-Мари.

– Правда?

Ему все еще не верилось.

– Никто из нас не идеален, – прошептала она.

– Я чуть не убил вашего мужа, – сказал Жан Ги.

– Нет, ты пытался его спасти, остановить. И тебе удалось. Я всю жизнь буду в долгу перед тобой.

Они продолжали танцевать в молчании, размышляя о том мгновении, когда перед Жаном Ги встал выбор.

Продолжать стрелять по ногам Гамаша и промахиваться. Или выстрелить ему в спину, рискуя убить того самого человека, которого он пытался спасти. Но если бы он не выстрелил, то старшего инспектора ждала бы верная смерть. Гибель от взрыва, как только он открыл бы дверь школы, думая, что спасает Жана Ги.

Это был ужасный, ужасный выбор.

Как и у Изабель Лакост.

Она доверилась своим чувствам и опустила пистолет. И с ужасом смотрела, как выстрелил Бовуар и как упал Гамаш.

Гамаша спасло только присутствие Жерома Брюнеля, бывшего врача скорой помощи. Он опрометью бросился из церкви к упавшему Гамашу, пока остальные набирали 911.

Пока новый зять Рейн-Мари вел ее в танце по залитому солнцем деревенскому лугу, она спрашивала себя, как бы она поступила на его месте. Рискнула бы выстрелить, зная, что это почти наверняка убьет любимого человека?

Но она ни в чем не могла его винить.

Смогла бы она жить, если бы сделала другой выбор?

Когда она выслушала всю историю, то поняла: если Жан Ги пройдет курс реабилитации и ее дочь все еще будет любить его, она сочтет за счастье принять этого мужчину в свою семью. И вот теперь она танцевала с ним.

Анни будет с ним в безопасности. Рейн-Мари знала это, как дано знать немногим матерям.

– Поменяемся? – спросил Жан Ги, показывая на другую пару и двигаясь в том направлении.

– Oui, – сказала Рейн-Мари и отпустила Бовуара.

Мгновение спустя Гамаш почувствовал, как кто-то похлопывает его по плечу.

– Вы позволите? – спросил Жан Ги, и Гамаш, слегка поклонившись, отступил в сторону.

Бовуар посмотрел на Анни с такой нежностью, что Гамаш почувствовал, как дрогнуло от радости его сердце.

И тогда Бовуар повернулся и обнял Гамаша, а Рейн-Мари пустилась танцевать с Анни.

Гости разразились смехом и аплодисментами. Первыми к ним присоединились Габри и Оливье, а за ними и вся деревня. Даже Рут с Розой на руках танцевала в паре с Билли Уильямсом, нашептывая нежные слова на ухо то одной, то другому.

– Вы хотите мне что-то сказать, молодой человек? – спросил Гамаш, чувствуя сильную руку Жана Ги у себя на спине.

Бовуар рассмеялся и, немного помолчав, произнес:

– Я хотел сказать, что мне жаль.

– Жаль, что пристрелил меня? – спросил Гамаш. – Я тебя прощаю. Только больше так не делай.

– Ну, это тоже. Но я хотел сказать, мне жаль, что вы подали в отставку.

– Когда старшие офицеры начинают стрелять друг в друга, пора подавать в отставку, – сказал Гамаш. – Об этом наверняка говорится где-то в правилах полицейской службы.

Бовуар рассмеялся. Он чувствовал, что Гамаш опирается на него. Шеф все еще быстро уставал и не надеялся на собственные силы, когда в руках у него не было трости. Значит, он позволяет Жану Ги быть ему опорой. Верит, что тот не даст ему упасть.

– Странное это было чувство – увидеть мадам Гамаш с Анни под руку в церкви, правда? – спросил Бовуар.

– Ты должен называть ее Рейн-Мари, – сказал Гамаш. – Мы уже просили тебя.

– Я буду стараться.

Было очень трудно переломить многолетнюю привычку, и точно так же казалось почти невозможным называть старшего инспектора Арманом. Но со временем, когда появятся дети, Бовуар, вероятно, сможет называть его папой.

– Я вел Анни к алтарю на ее первой свадьбе, – сказал Арман. – По

справедливости, теперь была очередь Рейн-Мари. А на следующей свадьбе ее снова поведу я.

– Не дождетесь, – прошептал Бовуар.

Он обнимал шефа и вспоминал то мгновение, когда нажал на спусковой крючок и увидел, как Гамаша силой пули выбросило из леса. Он отшвырнул пистолет и побежал, побежал, побежал. К упавшему человеку и алому пятну, расползающемуся по снегу, как крылья.

– У меня сердце разорвалось, когда я выстрелил в вас, – прошептал Бовуар, борясь с желанием опустить голову на плечо Гамаша.

– Я знаю, – тихо сказал Арман. – А у меня сердце разорвалось, когда я оставил тебя там, на фабрике. – На несколько шагов воцарилось молчание, потом Гамаш заговорил снова: – И правда, нет таких мест, где трещины нет.

– Да.

Около полуночи Арман и Рейн-Мари сидели на широкой веранде дома Эмили. Они видели силуэты Анни и Жана Ги на фоне костра, горевшего на деревенском лугу. Молодые покачивались под тихую музыку, обнимая друг друга.

Клара и Мирна присоединились к Арману и Рейн-Мари на крыльце. Даниель, Розлин и внуки спали наверху, Анри свернулся у ног Рейн-Мари.

Все молчали.

Гамаш несколько месяцев лежал в больнице, выздоравливая после ранения. Жан Ги тем временем проходил курс реабилитации.

Было проведено публичное расследование заговора, имевшего целью подрыв моста. Для установления фактов коррупции была создана королевская комиссия.

Арно, Франкёр и Тесье были мертвы. Жорж Ренар содержался в ЗООПе вместе с другими участниками преступного заговора. По крайней мере, с теми, кого удалось арестовать.

Изабель Лакост стала исполняющим обязанности старшего инспектора отдела по расследованию убийств, и вскоре ожидалось ее официальное утверждение в должности. Жан Ги остался на службе с неполной нагрузкой, его исцеление от наркозависимости продолжалось, и этому процессу суждено было длиться всю жизнь.

Тереза Брюнель исполняла обязанности старшего суперинтенданта. Эту должность предложили Гамашу, но он отказался. Он надеялся восстановиться физически, но сомневался, что сумеет оправиться в ином отношении. И знал, что это не по силам Рейн-Мари.

Наступила очередь поработать его смене.

Решение о том, что делать дальше, далось им просто. Они купили дом Эмили Лонгпре на деревенском лугу в Трех Соснах.

Арман и Рейн-Мари Гамаш обрели жилище.

И вот теперь он сидел на веранде, поглаживал большим пальцем ладонь жены, а скрипач наигрывал знакомую мелодию, и Арман Гамаш знал, что ему здесь хорошо.

Рейн-Мари держала мужа за руку, смотрела на дочь и зятя на деревенском лугу и вспоминала свой разговор с Жаном Ги во время танца. Он говорил ей, как ему будет не хватать Армана. Да и всей Квебекской полиции будет его не хватать.

– Но все понимают его желание уйти в отставку, – поспешно заверил ее Жан Ги. – Он заслужил отдых.

Рейн-Мари рассмеялась, и Жан Ги чуть отстранился, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Что такое? – спросил он.

– Арман родился для того, чтобы делать то, что он делал. Он может уйти в отставку, но не на покой.

– Правда? – спросил Жан Ги с сомнением. – Мне показалось, что шеф совершенно уверен.

– Он еще этого не знает.

– А вы? Вы не будете возражать, если однажды он надумает вернуться в полицию? Если вы скажете «нет», он вас послушается.

Выражение ее лица сказало Жану Ги, что не ему одному пришлось делать тяжкий выбор.

Рейн-Мари держала мужа за руку и смотрела на него, а он наблюдал, как танцуют Жан Ги и Анни.

– О чем ты думаешь, mon beau? – спросила она.

– Больше не будет одиночества, – сказал Гамаш, заглянув ей в глаза.

«Ступайте теперь в свой дом. Войдите в дни вашей общей жизни».

Возвращая Бовуара своей дочери в середине первого танца, Арман Гамаш увидел что-то в глазах Жана Ги. Помимо счастья, помимо острого ума, помимо страдания, Арман Гамаш увидел какое-то свечение. Блеск. Сияние.

«И пусть ваши дни будут добрыми и долгими на этой земле».

От автора

Я родилась и выросла в Канаде, а потому с детства помню рассказы о знаменитых пятерняшках Дион, родившихся в 1934 году в Калландере, провинция Онтарио. Они стали событием и сенсацией. Многие из вас узнали в них моих пятерняшек Уэлле, и, по правде говоря, вымышленные Уэлле появились на свет благодаря девочкам Дион. Но, работая над романом, я ни в коей мере не использовала факты из жизни пятерняшек Дион. Я исходила из того, что это стало бы вторжением в их личную жизнь, а кроме того, слишком ограничивало бы меня. Я откровенно не хотела знать, как на самом деле жили сестры Дион. Такой подход развязывал мне руки, и я могла сочинять для моих пятерняшек ту жизнь, которая отвечала целям романа.

Какое-то сходство, безусловно, существует, как же иначе? Но Уэлле – вымышленные персонажи, и их история выдуманная. Дион – настоящие. Сходство ограничивается тем фактом, что в обеих семьях родились пятерняшки. Я чувствовала, что обязана сказать об этом и моему читателю, и еще оставшимся в живых пятерняшкам Дион. Они подарили мне замечательное вдохновение.

Благодарности

Как и все мои предыдущие книги, роман «Время предательства» не появился бы без помощи и поддержки моего мужа Майкла. Без Майкла не увидели бы свет и другие мои книги. Такова простая истина, и я всегда буду благодарна Майклу как в нынешней жизни, так и в следующей.

В создании этой довольно трудной книги мне помогали многие.

Со своим другом Сьюзан Маккензи я провела два дня в Хоуви-мэнор на берегу озера в Квебеке, где мы участвовали в классической журналистской тусовке – обсуждали наши идеи, мысли, знакомства. Предлагали идеи – иногда безумные, иногда слишком здравые и безопасные. Мы рассматривали каждую, выбирали лучшее и на этот скелет наращивали тело. Если находится человек, хорошо умеющий делать такие вещи, процесс становится упоительным. Однако он требует креативности и конструктивности. Нужно обнаруживать не изъяны, а скрытую жемчужину, находить путь к идее, которая станет лучше прежней. Для этого надо быть активным и уважительным слушателем. Сьюзан обладает всеми этими качествами. Мы с ней – замечательная команда, и с ее помощью моя книга стала гораздо лучше.

Во многих технических вопросах помощь мне оказывали Кэсси Галант, Жанна-Мари Хадсон, Пол Хочман и Дени Дюфор. Merci, mille fois[71].

Неоценим вклад моей помощницы Лиз Пейдж. Она первая читает рукопись, постоянно меня подбадривает, неутомима в работе и зачастую подсказывает новые идеи. Именно благодаря Лиз мои книги и моя карьера стали такими, какие они есть, и без нее работа над ними не доставила бы мне столько удовольствия.

Мой брат Дуг тоже в числе первых читателей моих книг, он благосклонный критик и замечательная опора. Знаете, по прошествии некоторого периода успешной карьеры все труднее становится звонить друзьям, снова и снова сообщая им об успехах. Я не сомневаюсь, что они рады за меня, но опасаюсь, что это может показаться (а может и оказаться) хвастовством. И все же если успехи случаются, мне хочется о них говорить. Тогда я звоню Дугу. Он всегда радуется за меня (или просто по доброте душевной не говорит мне, чтобы я заткнулась и катилась куда подальше).

Линда Лайал создала и ведет мой сайт, рассылает новости и долгие часы отдает тому, чтобы публичное лицо серии соответствовало Гамашу и

остальным. Спасибо, Линда!

Мои агенты Тереза Крис и Патриция Музбрюггер сопровождали книги о Гамаше по нередко скалистой и абсолютно непредсказуемой территории издательского мира. Они были уверенны и мужественны, мудро выбирали поля для сражений… что позволяло мне сосредоточиваться на моей единственной настоящей работе – писать книги, которыми я могу гордиться.

Детей у меня нет. Книги о Гамаше для меня не пустяки. Не времяпрепровождение, не дойные коровы. Они – моя сбывшаяся мечта. Мое наследство. Мои отпрыски. Они для меня драгоценны, и я передаю их в руки замечательных людей из «Минотавр букс» и «Сен Мартинс пресс». Это мой давний редактор и подруга Хоуп Деллон, которой всегда удается сделать мое детище лучше. Это издатель Эндрю Мартин, который взял маленькую книжицу о событиях, происходящих в квебекской деревеньке, и включил ее в список «Нью-Йорк таймс». Это Сара Мельник, мой издатель в «Минотавре», которая знает книги, знает меня и всегда была энергичным и эффективным промоутером старшего инспектора Гамаша.

Спасибо им всем!

И спасибо вам, Джейми Бродхерст, Дэн Уэгстафф и другие сотрудники канадского издательства «Рейнкоуст букс», которые продвинули Гамаша в список бестселлеров в моей стране. Я восхищена.

И спасибо Дэвиду Шелли из «Литтл, Браун ЮК» за покупку серии. Я знаю: мои книги в хороших руках.

И наконец, я хочу поблагодарить Леонарда Коэна. В книге, которую вы держите в руках, использованы строки из его стихотворения-песни «Гимн».

Звони в колокола, что еще не мертвы,
Забудь свою идеальную жертву.
Нет таких мест, где трещины нет,
Через нее и проникает свет.

Впервые я использовала эти стихи в моей второй книге («Смертельный холод»). Когда я связалась с Леонардом, чтобы испросить разрешения на публикацию и выяснить, сколько это будет стоить, он ответил через своего агента, что дарит мне свое четверостишие.

Дарит.

За другие стихотворные цитаты я платила хорошие деньги, что, в общем, правильно. Я предполагала, что и за это придется платить, в

особенности еще и потому, что тогда, шесть лет назад, Коэн потерял почти все свои сбережения – их украл у него человек, которому он верил, член его команды.

Но он не попросил никаких денег – он подарил мне свои стихи.

Я даже не могу себе представить тот свет, что проливается на этого человека.

И теперь вы держите в руках мое далекое от совершенства подношение. Оно было написано с любовью, благодарностью и пониманием того, как мне повезло в жизни.

---

notes

Примечания

1

Мэй Уэст (1893–1980) – американская актриса, секс-символ и одна из самых скандальных звезд своего времени. *Этель Мерман* (1908–1984) – американская актриса и певица, вела бурную сексуальную жизнь.

2

Обыгрывается название известной рождественской песни «Двенадцать дней Рождества».

3

В этой рождественской песне верующих призывают встать на колени и ждать спасения.

4

До скорого! *(фр.)*

5

Прошу прощения, шеф *(фр.)*.

6

Книга пророка Даниила, 6: 7–8.

7

Хорошо *(фр.)*.

8

Да? *(фр.)*

9

Нежелательное лицо… несуществующее лицо *(лат.)*.

10

Добрый день! *(фр.)*

11

Пожалуйста *(фр.)*.

12

Специальное блюдо дня *(фр.)*.

13

Девичью фамилию *(фр.)*.

14

Безусловно *(фр.)*.

15

Счастливого Рождества *(фр.)*.

16

Мой друг *(фр.)*.

17

Муниципалитет в Квебеке.

18

Дерьмо *(фр.)*.

19

Ко мне *(фр.)*.

20

Моя красавица *(фр.)*.

21

Старичок *(фр.)*.

22

Имя героини из книги Ф. Баума «Волшебник страны Оз».

23

Да *(фр.)*.

24

Договорились *(фр.)*.

25

Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник.

26

Ким Тюи – канадская писательница вьетнамского происхождения. «Ru» (в переводе с французского «Ручеек») – ее дебютный роман.

27

Послушайте *(фр.)*.

28

Жак Картье (1491–1557) – французский мореплаватель, положивший начало французской колонизации Северной Америки. *Святая Маргерит д'Ювиль* (1701–1771) – канадка французского происхождения, основательница монашеского ордена. *Битва при Квебеке, или битва на Полях Авраама* (13 сентября 1759 г.) – одно из решающих сражений Франко-индейской войны.

29

Самюэль де Шамплейн (1567–1635) – французский путешественник, получивший в 1601 г. титул королевского географа, основатель и губернатор первых французских поселений в Канаде. Место захоронения Шамплейна неизвестно.

30

Имеется в виду премия имени знаменитого английского актера Лоуренса Оливье.

31

Ваше здоровье *(фр.)*.

32

Удивительно *(фр.)*.

33

Нет, спасибо. В этом нет необходимости *(фр.)*.

34

Битва на хребте Вими (апрель 1917 г.) – сражение между англоканадскими и немецкими войсками в районе хребта Вими во время Первой мировой войны.

35

Гудзоновское одеяло – шерстяное одеяло производства Компании Гудзонова залива, самой старой торговой корпорации в Северной Америке.

36

Тихая революция – ряд политических и социально-экономических событий в Канаде в 1960–1970-е гг. Важные трансформации затронули в первую очередь жизнь и быт франкоязычной канадской провинции Квебек, где началась модернизация.

37

Ораторий Святого Иосифа – католическая базилика на горе Мон-Руаяль в Монреале. Монах Андре Бессетт, прославившийся чудесными исцелениями, начал постройку храма в 1904 г.

38

Один из афоризмов французского писателя и журналиста Жан-Батиста Альфонса Карра (1808–1890). Полностью он звучит так: «Plus ça change, plus c’est même chose».

39

Лаврентиды – одна из областей Квебека.

40

Гиллиган и Шкипер – персонажи телевизионного шоу 1960-х гг. «Остров Гиллигана».

41

«Цирк солнца» («Cirque du Soleil») – название канадской цирковой компании.

42

Рейд на Дьеп, или операция «Раттер», – высадка англоканадского десанта на французское побережье Ла-Манша в августе 1942 г., закончившаяся сокрушительным разгромом сил союзников.

43

Здесь и далее аллюзия на знаменитую поэму Самюэля Кольриджа «Сказание о старом мореходе»: во время плавания мореход убил альбатроса, после чего корабль и самого морехода стали преследовать бедствия.

44

Альбакор – разновидность тунца.

45

Здесь: сразила *(фр.)*.

46

Так Рут зачастую называет Гамаша. *Жак Клузо* – старший инспектор полиции, главный герой серии кинокомедий о Розовой пантере.

47

Эллен Ли Дедженерес – американская актриса и телеведущая.

48

«Королева фей» – рыцарская поэма английского поэта Эдмунда Спенсера.

49

Фраза из стихотворения «Две любви» Альфреда Дугласа, цитировавшаяся на процессе по обвинению Оскара Уайльда в гомосексуализме. Обычно толкуется как эвфемизм гомосексуализма.

50

До завтра *(фр.)*.

51

Тинтин – герой серии комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже.

52

Беспорядок *(фр. – канад.)*. Национальное квебекское блюдо быстрого питания: картофель фри, посыпанный рассольным сыром и политый гарнирной подливкой.

53

Отцовское благословение *(фр.)*.

54

Флоатинг-камера, или камера сенсорной депривации, представляет из себя темный резервуар, заполненный водой, в которой содержится соль в высокой концентрации. В эту камеру не проникает ни звук, ни свет. Такая камера изолирует человека от всяких внешних ощущений.

55

Шанти – название песен английских моряков.

56

Мои друзья *(фр.)*.

57

Конечно *(фр.)*.

58

Благодарю, отец *(фр.)*.

59

Квебекское ругательство.

60

Жозеф Анри Морис Ришар (1921–2000) – знаменитый канадский хоккеист, имевший прозвище Ракета.

61

Квебекское ругательство.

62

Мой красавец *(фр.)*.

63

Гитчи Маниту – Великий Дух, божество, которому поклонялись алгонкины.

64

Название одной из поз йоги.

65

Лайнбекер – защитник в американском футболе.

66

«Граждане Кале» – скульптура Огюста Родена, посвященная одному из эпизодов Столетней войны.

67

Фраза Зевса из кинофильма «Битва титанов» (2010). Кракен – мифологическое морское чудовище, которое топило корабли в море.

68

Дословно: «Whale, oil, beef, hooked!» Строка из припева «Песни об Ирландском пабе», обычно не переводится.

69

Здесь: решительный удар *(фр.)*.

70

Слова из свадебной церемонии апачей.

71

Тысяча благодарностей *(фр.)*.